

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2014

№ 4 (133)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2014

№ 4 (133)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
- Т. В. Куш**,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
- Е. П. Алексеев**,
канд. искусствоведения, доц.
- Ю. В. Матвеева**,
докт. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
- Н. В. Мосеева**
- Ответственные за направления
- История
- Н. Н. Баранов**,
докт. ист. наук, доц.
- Е. М. Главацкая**,
докт. ист. наук, доц.
- Ю. А. Русина**,
канд. ист. наук, доц.
- А. В. Шаманаев**,
канд. ист. наук, доц.
- Филология
- О. В. Зырянов**,
докт. филол. наук, проф.
- А. В. Маркин**,
канд. филол. наук, доц.
- А. М. Плотникова**,
докт. филол. наук, доц.
- Д. В. Спиридонов**,
канд. филол. наук, доц.
- Искусствоведение и культурология
- Л. А. Будрина**, канд.
искусствоведения, доц.
- Г. В. Гольнец**, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
- М. В. Капкан**, канд.
культурологии, доц.
- Л. С. Лихачева**, докт.
социол. наук, проф.
- Перевод на английский язык
- Т. С. Кузнецова**,
канд. филол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	8	<i>Тимофеев Д. В.</i> «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в.	123
ЛЕРМОНТОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ			
<i>Зырянов О. В.</i> Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лер- монтова	10	ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Ермоленко С. И.</i> «Завещания» М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции	27	<i>Горемыкина М. В.</i> «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швед- ского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кю- хельбекера в контексте русской просветительской утопии	137
<i>Первалова О. А.</i> Жанровые разномуд- ности лермонтовских «молитв»	39	<i>Гуревич О. А.</i> Ценности политические и нравственные в творчестве писа- теля Джованнино Гуарески	146
<i>Савинков С. В., Соколова Е. В.</i> «Тамань» М. Ю. Лермонтова: конфликт интер- претаций	46	<i>Васильева М. А.</i> Между небом и землей: об одном рождественском стихотворении Бориса Поплав- ского	154
<i>Овчинников А. Г.</i> Опыт эстетического самопознания личности в произве- дениях С. Кьеркегора и М. Лермон- това («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени»)	50	<i>Разувалова А. И.</i> «Оттепель» в Сибири: трансформации террито- риального мифа в советской прозе конца 1950-х гг. (на материале про- изведений В. Осипова и А. Кузнецова)	165
<i>Медведев А. А.</i> Феномен Лермонтова в эссеистике В. В. Розанова	59	<i>Зиятдинова Д. Д.</i> «Иаковский код» как способ репрезентации культур- ной модели еврейской националь- ной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха»	178
<i>Алексеева М. А.</i> Размышления по пово- ду «предъюбилейных» биографий М. Ю. Лермонтова	68	<i>Леонтьева Т. В.</i> Нормативно- регулятивные мотивы в русских обозначениях обычая	187
ИСТОРИЯ			
<i>Ганиев Р. Т.</i> Танский император Тай- цзун и восточные тюрки в 627–649 гг.	76	<i>Березович Е. Л.</i> О семантико- мотивационной реконструкции лексики	199
<i>Лебедева Г. Е., Мехмадиев Е. А.</i> Диакон Агапит и <i>Dialogus de scientia politica</i> : два концепта власти византийского василевса в VI в. (часть 2)	86	<i>Спиридонов Д. В., Фофанова П. Ю.</i> Функционально-семантические особенности английского наречия <i>finally</i>	215
<i>Мохов А. С.</i> Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андро- ник Дука Лид и его сыновья	98		
<i>Высокова В. В.</i> «Спор о древних и новых» и становление историзма в британ- ской историографии XVIII в.	110		

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Южакова Е. В.* «В нем жили, себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин»: В. В. Владимиров в контексте русского искусства первой трети XX в. 225
- Гудова М. Ю.* Многообразие форм художественного общения в современном чтении 239

РЕЦЕНЗИИ

- Главацкая Е. М., Попова Н. Ю.* Под звуки Духовного интернационала 245
- Рюсс Х.* О женских монастырях России раннего Нового времени 248
- Киселев М. А.* Исследование по истории Азовской губернской канцелярии (1775–1784) 251

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Мухин М. Ю.* Базы данных лексикографической группы «Русский глагол»: статистические параметры и возможности их лингвистической интерпретации 256

- Казарин Ю. В.* Идеография — зеркало языка и мира. К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики 262
- Быков Л. П.* Полстолетия в творческом поиске. К юбилею кафедры русской литературы XX и XXI веков 270

Информация

- О работе диссертационных советов по филологическим наукам Д 212.285.15 и Д 212.285.22 в 2013 г. (*Е. Е. Приказчикова, Л. А. Назарова*) 274

MEMORIA

- Памяти Юрия Сергеевича Кирьякова — учителя, коллеги, друга (*Н. Н. Баранов, Д. О. Лабаури*) 286
- Список сокращений 290
- Сведения об авторах 291
- Summagу 295
- Указатель статей и материалов, опубликованных в 2014 г. 303

TABLE OF CONTENTS

<p>From the Editors.....8</p> <p style="text-align: center;">LERMONTOV OF OUR TIME. THE WRITER'S 200TH BIRTH ANNIVERSARY</p> <p><i>Zyryanov O. V.</i> On the Problem of Personality and the Nature of Subject and Dialogic Relationships in M. Yu. Lermontov's Creative Work... 10</p> <p><i>Yermolenko S. I. M. Yu.</i> Lermontov's Wills: on the Writer's Artistic Evolution ..... 27</p> <p><i>Perevalova O. A.</i> Genre Variations of Lermontov's <i>Prayers</i> ..... 39</p> <p><i>Savinkov S. V., Sokolova E. V.</i> M. Yu. Lermontov's <i>Taman'</i>: The Conflict of Interpretations..... 46</p> <p><i>Ovchinnikov A. G.</i> The Experience of Aesthetic Self-Knowledge in Works of S. Kierkegaard and M. Lermontov (<i>The Seducer's Diary</i> and <i>A Hero of Our Time</i>) ..... 50</p> <p><i>Medvedev A. A.</i> The Phenomenon of Lermontov in V. V. Rozanov's Essays..... 59</p> <p><i>Alexeyeva M. A.</i> On the Pre-Anniversary Biographies of M. Yu. Lermontov..... 68</p> <p style="text-align: center;">HISTORY</p> <p><i>Ganiyev R. T.</i> Emperor Taizong of Tang and Eastern Turks between 627 and 649..... 76</p> <p><i>Lebedeva G. E., Mekhamadiev E. A.</i> Deacon Agapetus and <i>Dialogus de Scientia Politica</i>: Two Concepts of the Byzantine Basileus in the 6th Century..... 86</p> <p><i>Mokhov A. S.</i> Aristocratic Clans of Asia Minor between 976 and 1025: Andro- nikos Doukas Lydos and His Sons..... 98</p> <p><i>Vysokova V. V.</i> <i>Quarrel of the Ancients and the Moderns</i> and the Development of Historicism in 18th Century British Historiography ..... 110</p>	<p><i>Timofeyev D. V.</i> The History of Concepts as a Theoretical and Methodological Framework of Studies on Russian Modernization History of the 1st Fourth of the 19th Century ..... 123</p> <p style="text-align: center;">PHILOLOGY</p> <p><i>Goremykina M. V. M. M.</i> Shcherbatov's <i>Journey to the Land of Ophyr</i> and Küchelbecker's <i>European Letters</i> in the Context of the Russian Enlightenment Utopia..... 137</p> <p><i>Gurevich O. A.</i> Political and Moral Values in Giovannino Guareschi's Creative Work ..... 146</p> <p><i>Vasilyeva M. A.</i> Between the Earth and the Sky: On a Christmas Poem of Boris Poplavsky ..... 154</p> <p><i>Razuvalova A. I.</i> The <i>Thaw</i> in Siberia: The Transformation of the Territorial Myth in the Soviet Prose of the Late 1950s (with Reference to V. Osipov's and A. Kuznetsov's works) ..... 165</p> <p><i>Ziyatdinova D. D.</i> The Jacobean Code as a Means of a Cultural Model Representation of Jewish National Identity in D. Rubina's Trilogy <i>People of the Air</i> ..... 178</p> <p><i>Leontyeva T. V.</i> The Normative and Regulatory Motifs in the Russian Denominations of Custom..... 187</p> <p><i>Berezovich E. L.</i> On the Semantic and Motivational Reconstruction of Lexis..... 199</p> <p><i>Spiridonov D. V., Fofanova P. Yu.</i> The Functional and Semantic Peculiarities of the English Adverb <i>Finally</i>..... 215</p> <p style="text-align: center;">ART AND CULTURE STUDIES</p> <p><i>Yuzhakova E. V. V. V.</i> Vladimirov in the Context of the Russian Art of the 1st Third of the 20th Century..... 225</p>
--	--

<i>Gudova M. Yu.</i> The Multitude of Artistic Communication Forms in Modern Reading.....	239
---	-----

REVIEWS

<i>Glavatskaya E. M., Popova N. Yu.</i> To the Sounds of the Spiritual Internationale	245
<i>Russ H.</i> On Russian Convents during the Early Modern Period	248
<i>Kiselyov M. A.</i> Studies in the History of the Azov Province Office (1775–1784)	251

ACADEMIC CURRICULUM

<i>Mukhin M. Yu.</i> Databases of the Russian Verb Lexicographic Group: Statistic Parameters and Ways of Their Linguistic Interpretation	256
<i>Kazarin Yu. V.</i> Ideography as a Mirror of Language and the World. For the 40 th Anniversary of the Chair of the Modern Russian Language and Applied Linguistics.....	262

<i>Bykov L. P.</i> Half a Century of Creative Search. For the Anniversary of the Chair of the Russian Literature of the 20 th –21 st centuries.....	270
---	-----

Information

On the Work of D 212.285.15 and D 212.285.22 Dissertation Councils in Philology in 2013 (<i>E. E. Prikazchikova, L. A. Nazarova</i>)...	274
---	-----

MEMORIA

On the Memory of Yuri Sergeyevich Kiryakov – a Teacher, a Colleague, a Friend (<i>N. N. Baranov, D. O. Labauri</i>)	286
---	-----

List of abbreviations	290
On the authors	291
Summary	295
Index of articles and materials published in 2014	303

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

«Ты — вечности заложник у времени в плену», — эти слова Б. Л. Пастернака, обращенные к художнику, очень точно выражают глубинные основания и внутренне противоречивую природу вообще всякого истинного творчества. Но, может быть, с особенной силой подлинный смысл этих слов раскрывается в отношении Михаила Юрьевича Лермонтова — великого русского поэта, знаменательный 200-летний юбилей которого мы отмечаем в уходящем 2014 г. Время и вечность — основные мотивы лермонтовского творчества, можно сказать, онтологические константы его художественного мира. Изначально главенствующая в творчестве поэта «генеалогическая лирика» с ее «духовной памятью» (Л. В. Пупянский) и платоновским анамнезом со временем вытесняется более конкретной социальнo-исторической темой (стихотворения «Смерть поэта», «Дума», «Родина», роман «Герой нашего времени»). А это только доказывает, что именно дышащая «почва и судьба», органическое вживание в конкретно-историческую эпоху (срок пребывания Лермонтова в литературе вообще достаточно краток — 1836–1841 гг.) позволили художнику пусть не до конца, но все-таки в значительной мере реализовать свой творческий потенциал, снискав славу достойного преемника Пушкина, продолжателя его великого дела в отечественной культуре.

Однако, в отличие от Пушкина, Лермонтов до сих пор остается во многом необъясненной, загадочной фигурой. Облик его как поэта и человека всякий раз удваивается при попытке разгадать его тайну, постоянно ускользает от однозначного определения. То он принимает вид врубелевского Демона, взирающего гордо и отчужденно со своих горных, заоблачных высот, то вдруг неизъяснимым образом представляется по-будничному просто, как на рисунке барона Д. П. Палена: усталый воин после Валерикского сражения, грустные глаза, небритое лицо, чуть вздернутый, по-русски курносый нос, фуражка помята, ворот сюртука расстегнут. Загадка такой аберрации заключается в том, что и отверженный герой-демонист, поражающий своей сверхчеловеческой иронией, и опрошенный тип «кавказца»,

удивительно напоминающий героев «Валерика» и «Завещания», и тот и другой — Лермонтов. Это две половинки сложного и внутренне противоречивого образа, которые только в своем взаимодействии, живом и органическом единстве могут приоткрыть тайну лермонтовского лица.

В серьезном исследовании нуждается еще один вопрос — о месте и роли Лермонтова в историко-литературном процессе, точнее, о м и с с и и х у д о ж н и к а в русской культуре. «С Пушкина все началось, а пошло — от Гоголя», — писал А. Ремизов. Но, как показывает опыт философской и литературно-критической рефлексии истекших двух веков, пожалуй, самое важное и знаменательное в русской культуре Нового времени пошло именно от Лермонтова, и прежде всего — проблема личности с ее пафосом духовно-религиозных исканий, а также формами «внутреннего», аналитического психологизма и напряженным, достигающим почти трагического накала чувством персонализма. Как художник «одинокий и социальный», Лермонтов соединил, казалось бы, противоположные пути поэзии Некрасова и Блока, одновременно отвечая принципам «диалектики души» Л. Толстого и «фантастического реализма» Достоевского. Об этом же свидетельствует поистине магическое влияние Лермонтова-художника на культуру Серебряного века, когда, по меткому выражению Мандельштама, «над нами волен Лермонтов — мучитель наш».

Нет никакого сомнения в том, что воздействие поэта продолжается и в наши дни, ибо в согласии со своей природой истинный художник, преодолевая плен времени, неизбежно выступает «заложником вечности».

ЛЕРМОНТОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

УДК 821.161.1 Лермонтов + 159.964.2 + 82-95

О. В. Зырянов

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ И ПРИРОДА СУБЪЕКТНО-ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

На материале творчества Лермонтова (лирическая поэзия, роман «Герой нашего времени») прослеживается логика субъектно-диалогических отношений, позволяющая объяснить важнейший в плане исторической поэтики феномен — обретение подлинного «измерения» бытия личности, или «конвергентного «Ты-сознания»» (В. И. Тюпа), идущего на смену «уединенному» сознанию ортодоксальных романтиков. С опорой на философскую концепцию С. Л. Франка выявляются диалогические интенции сознания «лермонтовского человека», актуализируемые в акте трансцендирования вовне (сфера отношений «я — ты») и вглубь (причастность к подлинной духовной реальности) как онтологической основе собственного «я».

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; проблема личности; эгоцентризм; «очеловечение» (В. Г. Белинский); диалог; трансцендирование; субъектная организация лирики; постромантизм; конвергентное «Ты-сознание» (В. И. Тюпа).

Историческая эпоха 1830-х гг., по сути, лермонтовская эпоха, отмечена в России явлением небывалого духовного порядка — рождением личности, или процессом «очеловечения», по меткому слову В. Г. Белинского, современника и тайного единомышленника Лермонтова. Вот что писал Белинский в письме В. П. Боткину от 13 июня 1840 г.: «Видишь ли: на нас обрушилось безалаберное состояние общества, в нас отразился один из самых тяжелых моментов общества, *силою отторгнутого от своей непосредственности* [курсив в цитатах здесь и далее наш. — О. З.] и принужденного тернистым путем идти к приобретению *разумной непосредственности, к очеловечению*. Положение истинно трагическое!» [Белинский, т. 9, с. 381]. Бывают, однако «странные сближения». И, по определению другого великого русского поэта, может быть, самого гениального продолжателя

Лермонтова в русской литературе — Александра Блока, — этот же самый процесс (только развернутый в новых исторических условиях, характерных для модернистского сознания) будет обозначен как «трилогия вочеловечения». Так в истории русского духа культурно-антропологический аспект «очеловечения» («человеческое, даже слишком человеческое») встречается с иным, уже превышающим сугубые человеческие мерки, моментом «вочеловечения» (отметим откровенно звучащие в блоковском высказывании христологические коннотации). И Лермонтов здесь опять же выступает как связующее все «начала и концы» символическое звено, поистине пророческое указание, «одна из глубочайших загадок нашей культуры» [Андреев, с. 368].

Непомерная трудность объявленной загадки заключается в том, что лермонтоведение (с учетом принципиальной незавершенности духовного пути художника) — одна из самых гипотетических областей современного научного знания. Разброс мнений о Лермонтове, его личности и творчестве, столь широк (это нашло отражение и в воспоминаниях современников, и в научно-критической литературе), что границы предложенных интерпретаций совпадают, по сути, с исключаящими друг друга «полюсами». Но и в этой своей феноменальной исключительности Лермонтов предстает своего рода эталоном национального пути развития, о котором очень точно высказался Г. Гачев: «Конечно, нет здесь той законченной целостности, которую обозначают как “цикл”... <...> Здесь можно проделать лишь ориентировку в пути. Но как человек идущий все свое носит с собой, так и народ в каждый момент собран вместе со своим наследственным скарбом. Погибни человек в пути — и мы завершим его и будем говорить о его деле. Оборвись история народа в силу какого-то мирового катаклизма, и мы будем говорить: то, что мог, он уже совершил. Так что в применении к народу-путнику можно говорить о целостности *sub specie mortis subitae* (в ракурсе внезапной смерти) — в смысле: что мы имеем на сегодняшний день?» [Гачев, с. 183]. Применительно к отдельной личности подобное рассуждение принимает следующий вид: «Конечно, человек-путник может быть понят как целое лишь вместе со своим путем, на который он вышел, готовился и который ему предстояло пройти: вся его организация, структура — на этот путь настроена, и связи частей там, в организме, не только между собой налажены — то был бы еще “непутевый” состав, — но координированы с возможным путем-дорогой» [Там же, с. 183–184]. Именно в таком виде, т. е. в аспекте «человека-путника» и «в ракурсе внезапной смерти», нам представляется правильной постановка вопроса о духовном пути Лермонтова — человека и художника, в том числе и вопроса о процессе «очеловечения» (или даже «вочеловечения») применительно к духовному содержанию его жизни и творчества.

Как свидетельствует опыт философско-религиозного осмысления лермонтовского наследия, основной «камень преткновения» в понимании данного художника и главный дискуссионный предмет научно-критической рецепции — проблематика лермонтовского *демонизма*. До сих пор основные aberrации читательского восприятия связаны с такой особенностью духовной организации Лермонтова, как эгоцентрическая сущность его лирического героя, так называемого «лермонтовского человека». Напомним, что под «эгоцентризмом»

Д. Н. Овсяннико-Куликовский понимал «такой уклад природы, при котором человек в своей душевной жизни, в своем самочувствии, в своих помыслах и отношениях к окружающему исходит преимущественно от себя, как от некоторого центра: это для него самый удобный пункт, откуда он хорошо и далеко видит» [Овсяннико-Куликовский, с. 378]¹. При этом необходимо сделать специальную оговорку: эгоцентризм ни в коем случае не следует смешивать с эгоизмом, отождествлять и, тем более, подменять эти понятия. Различие указанных явлений состоит в том, что первое из них психофизического порядка, а второе — морального; несмотря на то, что исходят они из человеческого «я», как из некоего центра, но расходятся все же по разным направлениям. Не случайно эгоцентрическая натура в противоположность эгоистической менее всего может жить замкнутой жизнью, своим внутренним миром — ей нужны чужая жизнь, чужие горести и радости. Эгоцентрический человек, хотя и обречен ощущать давление центрального я на всю психику, в то же время не теряет способности на подвиг самоотвержения, постоянно готов к внутренней перестройке и самосовершенствованию. При таком понимании эгоцентрической природы лермонтовского человека становится понятно, что «страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем “Я”, страшная сила личного чувства», обусловленная «демоническим хозяйством» поэта [Соловьев, с. 384, 395], лишь провоцирует обострение межличностных отношений, внутреннюю потребность во всей полноте реализации душевной (и духовной!) природы человека. При этом только актуализируется проблема *диалога*, когда фигура другого «я», в каком бы плане не проявлялась эта «инаковость» (экзистенциальном, социальном, гендерном, этническом, конфессиональном и т. д.), становится для поэта важнейшей основой его лирической интенции, существеннейшим стимулом поэтического самоопределения.

Однако и здесь, в вопросе понимания природы личности и субъектно-диалогических отношений мы не сможем уйти от сравнения Лермонтова с Пушкиным. И утвердившиеся представления о принципиальной разности духовных организаций обоих художников не отменяют существенных и проблемных точек сопряжения их художественных сознаний.

Заметим, что устремленность лирического «я» в мир других личностей, эта «энергия духовного соединения» [Грехнев, с. 232] носила у Пушкина по преимуществу органически-бессознательный характер и принимала форму эстетического «благоволения ко всем» (выражение П. А. Плетнева). О специфической способности Пушкина «воспринимать свое внутреннее как внешнее, свое “Я” как “не-Я”» писала М. Н. Виротайнен. Она отметила также характерное для художника «гипостазирование, объективирование собственного “Я”, его переход в “не-Я”, которое имеет отдельное, отчужденное, полнокровное самостоятельное существование», но при этом «все же не порывает близнецных связей с “Я” поэта».

---

¹ В связи с этим не лишним будет привести еще одну параллель — характерное признание Печорина (как известно, alter ego самого автора): «Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы» [Лермонтов, т. 6, с. 294]. Далее в тексте цитаты приводятся по этому изданию с указанием соответствующего тома и страницы.

На этом основании исследовательница делала вывод: «С того момента, когда такая способность культурой утрачивается, вместе с нею навсегда утрачиваются и некоторые фундаментальные свойства личности» [Виролайнен, с. 97, 100, 101]. По мнению Виролайнен, уникальность пушкинской личности порождена тем культурно-историческим временем, которое уже ушло безвозвратно и потому неповторимо для России. Совершенно в сходном плане очерчивая духовный строй личности Пушкина, В. И. Тюпа, напротив, особое положение поэта в русской культуре пытается объяснить его «первородством для России как субъекта развитого конвергентного сознания» [Тюпа, 1998, с. 9]. При этом специфический модус «конвергентного “Ты-сознания”» (в противоположность типичному для романтизма «уединенному “Я-сознанию”») исследователь связывает с более поздней стадией постромантизма, называя его по этой причине «исторически наиболее молодым» [Там же, с. 8]. Феноменальность Пушкина, таким образом, заключается в том, что он всецело принадлежит будущему России, становясь надежным ориентиром на пути достижения ею искомого идеала совершенной, гармонической личности. По мнению В. И. Тюпы, с именем Пушкина связывается магистральное направление творческих исканий русской литературной классики. «Пушкинская в своих истоках интенция духовных исканий» состоит в «открытии самоценной инаковости “другого”», иначе говоря, это «путь от *уединенного* (монологизированного) “Я-сознания” к *конвергентному* (диалогизированному) “Ты-сознанию”» [Тюпа, 2001, с. 186].

На фоне пушкинского диалогизма особенно напряженный характер приобретает ментально-психологический комплекс «лермонтовского человека», чаще всего сводимый к безвыходному трагизму уединенного типа сознания (традиция эта, как мы видели, идет еще от В. Соловьева). Именно в данной проекции становятся, может быть, наиболее объяснимы следующие аберрации восприятия: «Тот, кто подобно лирическому герою Лермонтова, “в уме своем создал мир иной”, казалось бы, не должен иметь потребности в коммуникации, тем более, что изнутри уединенного сознания она изначально мыслится обреченной на неудачу» [Тюпа, 2001, с. 177]. Но так ли это на самом деле?

Уединенный тип сознания, специфичный именно для романтического представления о человеке, особенно явственно проступает в отзыве Лермонтова о пушкинском романсе «Я вас любил...». Приведем лишь небольшой, отнесенный к 1830 г. и воспроизведенный в мемуарах Е. А. Сушковой фрагмент комментария к заключительным строчкам пушкинского шедевра («Я вас любил так искренно, так нежно, / Как дай вам бог любимой быть другим»): «Это совсем надо переменить; естественно ли желать счастья любимой женщине, да еще с другим? Нет, пусть она будет несчастлива; я так понимаю любовь, что предпочел бы ее любовь — ее счастью; несчастлива через меня, это бы связало ее навек со мною! <...> А все-таки жаль, что я не написал эти стихи, только я бы их немного изменил» [Сушкова, с. 106]. Казалось бы, весь приведенный пассаж свидетельствует в пользу исповедуемого поэтом «уединенного» типа сознания, в пользу обостренно эгоцентрической натуры «лермонтовского человека». Но при этом особо выделяются слова сожаления о том, что «я не написал эти стихи». Действительно, все лермонтовское творчество — это попытка в какой-то мере *переписать*

пушкинские строки, во всяком случае «их немного изменить». Но как и в каком направлении? — вот вопрос.

«Уединенное сознание» романтиков в самом общем виде — это сознание, представленное в ситуации отчуждения от мира и в силу этого не способное к диалогу с ним. В понятии «диалог», вслед за И. В. Нестеровым, мы различаем, как минимум, два значения: во-первых, «диалогическое начало как феномен сознания и межличностной коммуникации», или прямую противоположность монологизму, и, во-вторых, диалогизм как универсальное свойство (атрибут) человеческого бытия», противоположностью которому выступает «отчуждение в различных его проявлениях» [Нестеров, с. 12, 13]. В сущности, пытаясь очертить природу лермонтовского героя, с нашей точки зрения, следует говорить именно о *ситуации отчуждения*, в которой этот герой находится, и в то же время о владеющей им страстной *жажде диалога* и *установке на понимание*. Поэтому-то и жанровая форма лирического монолога-исповеди практически во всех случаях получает у Лермонтова поистине диалогическую напряженность.

Проблема диалога, не исключая эгоцентрической природы человека, более того, ею в высшей степени стимулируемая, — с нашей точки зрения, одна из центральных в творчестве Лермонтова. Правда, сошлемся на исследователя В. И. Тюпу, который жестко противопоставляет Лермонтова как поэта-романтика и постромантического романиста, утверждая, что только в прозе (роман «Герой нашего времени»), но никак не в лирической поэзии, художнику удалось обнаружить продуктивность «кризисного откровения “другого”» [Тюпа, 2001, с. 183, 190]. Наша задача, однако, заключается в прямо противоположном. Мы попытаемся доказать, что не только в прозе, но и в лирике (после 1836 г. в особенности) Лермонтов выходит к обретению диалогического потенциала личности. Обнаруживаемый вектор духовного развития «лермонтовского человека» согласуется с известным утверждением Блаженного Августина: «Не иди вовне, иди вовнутрь самого себя; и когда ты внутри обретишь себя ограниченным, перешагни через самого себя!» [цит. по: Франк, 1994, с. 543]. В приведенных словах — по сути, вся программа духовного пути Лермонтова-художника, его поистине драматического процесса «во-человечения», осуществленного им «идеального строительства жизни» [Замотин].

Как показывает опыт ранней лирики поэта, отчуждение от мира, углубленный интерес к сфере внутренних переживаний личности приводит к тому, что даже жанровые контуры стихотворного послания (как любовного, так и дружеского) получают по преимуществу исповедально-монологическое звучание. Но уже в лучших своих образцах интимная лирика Лермонтова (стихотворения «Не обвиняй меня, Всесильный...», «Нищий», «Я не унижусь пред тобою...» и др.) демонстрирует проблемность диалогической ситуации, самого акта межличностной коммуникации. Можно сказать, что Лермонтову в высшей степени удается выразить «муку демонизма» [Дашкевич, с. 502], в наиболее полном и последовательном виде воплотить «трагедию романтического персонализма» [Зеньковский, с. 41].

Парадокс духовного развития вообще любой личности (и лермонтовского человека в частности) заключается в том, что трансцендирование вовне, как выход за рамки чистой субъективности в область собственно диалогических отношений «я» — «ты», ни в коем случае не отменяет трансцендирования *во-внутрь*, или в глубину сокровенного центра духовной жизни. Более того, согласно логике аутентичного комментатора приведенной выше формулы Блаженного Августина, «самый естественный путь к трансцендированию *во-внутрь* или *вглубь* есть путь подлинного трансцендирования *во-вне* в лице любви» [Франк, 1990, с. 389]. В таком случае вполне уместно задаться вопросом: какую роль отводил Лермонтов в своем творчестве природе любовного чувства? Ответ на этот вопрос дает интимная лирика поэта, составляющая почти половину всего его творческого наследия.

Любовь, по Лермонтову, не просто абсолютная ценность, внеположная личности или растворяющая ее в идее «бесконечного», а настоятельная попытка самопостроения и морального самоопределения личности, иначе — стремление расширить сферу «симпатического воображения», являющегося единственным проводником от человека к человеку, на область интимных отношений двоих. В вопросе понимания роли любви намечается существенная переключка Лермонтова с его современником Н. В. Станкевичем, автором незаконченной наброска «Моя метафизика». В указанном проекте своей философской системы Станкевич большое внимание уделяет любви, провозглашая ее универсальным средством самовоспитания и самосовершенствования личности [см.: Станкевич, с. 198–199]. Однако нельзя не заметить, что его понимание любви еще достаточно абстрактно и находится под сильным влиянием философской системы Гегеля, хотя и обнаруживает целый ряд оригинальных черт: в первую очередь, антропологические тенденции, прикладной характер философствования и столь свойственные поколению 1830-х гг. приметы «умственного сентиментализма». Примечательно, что в этот же исторический период независимо от Станкевича к подобным воззрениям подходит и Лермонтов, в своей художественной практике значительно углубляя и конкретизируя идеи русского мыслителя. При этом лирический поэт до конца преодолевает «головную чувствительность» метафизики Станкевича и на место его абстрактно понятого сентиментализма поставляет психологически конкретную романтическую систему.

Основная коллизия интимной лирики Лермонтова — драматическая борьба двух сил — *любви* и *эгоизма* (или, как мы уточнили, *эгоцентризма*), что только подтверждает основные постулаты учения философа В. С. Соловьева. Если признать, что «эгоизм есть сила не только реальная, но основная, укоренившаяся в самом глубоком центре нашего бытия и отсюда проникающая и обнимающая всю нашу действительность», то, по существу, найдется только одна сила, которая могла бы сравниться по своей масштабности с эгоизмом и противостоять ему, — это сила любви, понимаемой даже «не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни» [Соловьев, с. 115, 119], иными словами, как *уничтожение*

эгоизма². Интимная лирика Лермонтова в этом отношении представляет настоятельную попытку «восстановления единства или целостности человеческой личности», «оправдания и спасения индивидуальности чрез жертву эгоизма» [Там же, с. 113, 128]. Оценивая в общих чертах «ивановский» и «сушковский» циклы 1830–1831 гг. и позднюю лирику поэта, рубежом между которыми проходит цикл, обращенный к В. А. Лопухиной, можно сделать следующий вывод: перед нами своеобразная *дилогия вочеловеченья*, трудный и противоречивый путь гуманистического обретения личности.

Однако с сожалением приходится констатировать, что именно диалогический модус лирики Лермонтова до сих пор не получил своего адекватного объяснения. Помимо классической работы [Бройтман, с. 134–150], нам известны лишь два литературоведческих исследования, в которых диалогическая природа лермонтовской поэзии получает свое наглядно-концептуальное обоснование [Эткинд; Вацуро]. В одной из них к поэтической личности Лермонтова применяется понятие «диалектика души» (впервые, как известно, разработанное на материале психологической прозы Л. Н. Толстого), суть которого сводится к «многоипостасности» лирического «я», или «совмещению в одном человеке нескольких личностей» [Эткинд, с. 28]. В работе другого автора проводится мысль о присущем зрелой лирике Лермонтова «процессе становления чужого “я”» как о «явлении, совершенно аналогичном тому, которое М. М. Бахтин рассматривал на материале романов Достоевского». Согласно точке зрения В. Э. Вацуро, свойственная лирическому субъекту Лермонтова постоянная смена «аксиологических планов своего поэтического рассуждения» приводит к драматизации структуры лирического монолога. Драматически напряженный и откровенно рефлектирующий характер лирической исповеди обнаруживает у Лермонтова зачатки «объективации лирического субъекта», той поистине «релятивной аксиологии», которая предполагает выход за рамки единого (по своей ценностной шкале) романтического сознания [Вацуро, с. 314, 315, 320, 324]. Рассмотренная в таком ракурсе, лирика поэта уже предвосхищает полифонизм его поздней романной прозы.

Наметим применительно к лирической поэзии Лермонтова некую общую модель субъектно-диалогических отношений, включающую, по крайней мере, четыре сюжета, или ситуационных сценария.

Во-первых, это метафизический сюжет отношений лирического субъекта, демонической ипостаси «я» поэта к Богу. Осуществление данного сюжета — *онтологического* в своей основе — разворачивается, как правило, в рамках молитвенного дискурса («Не обвиняй меня, Всесильный...», «Я, Мать Божия, ныне с молитвою...», «В минуту жизни трудную...», «Благодарность», «Когда волнуется желтеющая нива...»).

² Удивительна почти дословная перекличка С. Л. Франка, последовательного сторонника и продолжателя соловьевской философии всеединства, со своим духовным учителем в вопросе определения сущности любви: «...любовь есть положительная, творческая сила, расцвет души, радостное приятие другого, удовлетворение своего собственного бытия через служение другому, перенесение центра тяжести своего бытия на другого» [Франк, 1990, с. 599]. В работе «Непостижимое», в 5-м разделе главы шестой «Трансцендирование волне: отношения “я — ты”» религиозный философ понимает под любовью «*усмотрение “ты” как в себе и для себя сущей подлинной реальности*»; в конечном счете, по его утверждению, именно любовь «впервые делает нас доступными откровению *святых* личности» [Там же, с. 373, 375].

Во-вторых, любовный сюжет, в котором отношения героя с героиней уподобляются отношениям демона с ангелом (ср.: «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» [т. 2, с. 40]). Специально отметим, что именно в данном сюжете самое полное и наглядное воплощение получает собственно экзистенциальный смысл субъектно-диалогических отношений.

В-третьих, сюжет творчества, по-новому акцентирующий диалогический характер конфликта поэта и толпы, по сути, переводящий его в проблемную область *социальной коммуникации* («Не верь себе», «Журналист, читатель и писатель», «Пророк»). Именно для данного сюжета, как правило, типичны объективированные формы лирического сознания, проявления того «чувства социальности» (Б. О. Корман), которое напрямую свяжет Лермонтова с будущими открытиями некрасовской поэзии [см.: Пумпянский, с. 372].

Наконец, в-четвертых, национально-героический сюжет, в котором, по замечанию В. Г. Белинского, поэт запечатлел «кровное родство своего духа с духом народности своего отечества» [Белинский, т. 3, с. 250]. В последнем сюжете, составившем целый ряд «ролевых» стихотворений, имеем дело с воплощением «простого сознания» (термин Д. Е. Максимова) и ценностями сверхличного, соборного начала, что свидетельствует о расширении *этноконфессиональной природы* лирики Лермонтова [см. подробнее: Зырянов, 2011; 2014].

Кроме того, к намеченным выше четырем сценариям субъектно-диалогических отношений следует добавить еще один — на этот раз уже собственно *поэтический диалог*, который ведет Лермонтов со своими предшественниками и, прежде всего, с Пушкиным. При этом особый интерес вызывают молитвенный дискурс и семантический комплекс «памяти», «вины» и «оправдания» — все это в свете диалогических интенций авторского сознания Лермонтова-лирика.

По контрасту с эгоцентрической установкой ранней лирики поэта особенно выделяются его стихотворные послания последних лет, в которых обнаруживается принципиально иной семантический центр — равноправная с самим лирическим «я» ценностная сфера «другого». В «Молитве» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...») это обозначено очень емко и убедительно: «Не за себя молю, душу пустынную...». Подобная молитвенная установка (сродни пушкинскому альтруизму!) проявляется и в других стихотворениях Лермонтова. Проследим ряд подобных «диалогических» параллелей.

В стихотворении «Спеша на север издалека...» обращает на себя внимание целая серия молитвенных призывов, обращенных к гордому Казбеку.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

[т. 2, с. 103–104]

Обращение к Казбеку (олицетворение сил природы) вроде бы не стыкуется с характером канонической молитвы. Однако нужно учесть именно то обстоятельство, что «престол Аллы» выступает здесь как владение самого Казбека. Таким образом, Казбек — в том виде, в котором он рисуется в воображении Лермонтова, — является не просто посредником между странником и Богом, но и самым прямым и непосредственным представителем Божьего присутствия, некоей персонификацией сакрального пространства. Упоминание исламского имени Бога тоже не должно смущать, ибо в случае с лермонтовским стихотворением мы имеем дело с вариантом «ролевой лирики», стихотворением, написанным от лица героя-«кавказца». Подключение же автобиографических и автопсихологических мотивов в создании подобного лирического «характера» свидетельствует лишь о «всемирной отзывчивости» русского человека.

Еще более примечательно, что в стихотворении Лермонтова звучат отзвуки пушкинской молитвенной лирики, и прежде всего — послания «И. И. Пущину» (1826): «Молю святое провиденье: / Да голос мой душе твоей / Дарует то же утешенье, / Да озарит он заточенье / Лучом лицейских ясных дней!» [Пушкин, т. 2, с. 306]³. Как в образно-субъектном и интонационном строе стихотворения «Ветка Палестины» ощутимы отзвуки пушкинского «Цветка», так и в рассматриваемом тексте образы страдальца и его друзей и братьев поддерживаются именно пушкинским текстом-прецедентом. Хотя, как это и всегда бывает у Лермонтова, творческая рецепция приводит к инверсии самой исходной ситуации: не оставшийся на свободе друг молит за страдальца, а сам странник-страдалец со страшным трепетом души молит о своих друзьях и братьях, озабоченный к тому же угрозой забвения собственного имени. Мотив лишения памяти (даже как возможность) драматизирует лирическую ситуацию, что лишает ее однозначно оптимистического, гармонизирующего исхода.

Реминисценции из пушкинского послания «И. И. Пущину», может быть, еще более наглядно представлены в стихотворении «<А. Г. Хомутовой>». Именно за женщину, вдохнувшую надежду в поэта-слепца (имеется в виду ослепший поэт Иван Козлов), лирический автор направляет свой благодарственный молитвенный призыв:

³ Далее в тексте статьи все цитаты из Пушкина приводятся по этому изданию с указанием в скобках соответствующего тома и страницы.

Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

[т. 2, с. 115]

Как некогда Пушкин молил за своего друга, оказавшего ссыльному поэту неоценимую услугу своим приездом в Михайловское, так и Лермонтов обращается к Богу с охранительной молитвой за «другого» (или «другую»). Вот только степень лирической объективации оказывается различна: у Лермонтова она несравненно выше!

Продолжая тему творческой рецепции Лермонтовым пушкинских текстов-прецедентов (в том числе и в свете «онтологии имени»⁴), обратим внимание на стихотворение «Расстались мы, но твой портрет...»:

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

[т. 2, с. 94]

Пушкинской параллелью здесь выступает прецедентный текст «Что в имени тебе моем?», особенно его третья строфа: «Что в нем? Забытое давно / В волненьях новых и мятежных, / Твоей душе не даст оно / Воспоминаний чистых, нежных» [т. 3, с. 155]. Но у Лермонтова опять наблюдаем инверсию исходной ситуации (вместо переживаний лирической героини — фиксация на переживаниях самого лирического субъекта) и ее полемическое решение: «новые страсти», равно как и «новые волнения», не способны заглушить в душе поэта голос прошлой любви, приравненный к святыни. Сакрализация образа возлюбленной (даже персонифицированного в портрете) и самого любовного чувства (пусть и оставшегося в далеком прошлом) — чисто лермонтовская тема, которая в неоромантическом ключе протянется вплоть до лирики А. Блока («О доблестях, о подвиге, о славе...»).

Совершенно по-пушкински молитвенная интонация начинает звучать в стихотворении Лермонтова «Ребенка милого рожденье...». Критически оценивая пройденный путь, изначально отягощенный демоническими сомнениями, как бы отталкиваясь от него, «лермонтовский человек» пытается выстроить для новой народившейся души — входящего в мир ребенка — идеальную перспективу, оградить его, во что бы то ни стало, от своих прошлых ошибок и заблуждений:

⁴ См. новейшее исследование по этому вопросу: [Афанасьева].

Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

[т. 2, с. 120]

Еще более примечательно стихотворение «Ребенку» (1840), в котором ситуация интимного общения (в том числе и частной, домашней молитвы) вмещает в себя большую человеческую драму. Сложность межличностных отношений достигает здесь поистине трагической глубины. Структурно-семантический план лирического монолога определяется не только полисубъектностью: наряду с собственно лирическим «я» здесь можно выделить и позицию прямого обращения «ты» (образ ребенка), и объективированную позицию «она» (мать ребенка, возлюбленная поэта). Просматривается здесь (пусть и в виде беглого упоминания) также позиция «другие»: «Не правда ль, *говорят*, / Ты на нее похож?» [т. 2, с. 161]. Но не столько количеством участников поражает разворачивающаяся в лирическом сюжете драматическая ситуация. Удивляет здесь другое — постоянные смещения субъектных точек зрения, диалогические интенции лирического сознания. Именно они создают полифоническую картину некоего ментального пространства, в котором разворачивается экзистенциальная драма «лермонтовского человека».

Постараемся проследить сам процесс перманентных диалогических «смещений» авторского сознания. Глубинная мотивировка ситуации общения — воспоминание о прошлом, с присущим ему одновременно «отрадой тайною и тайным содроганьем». Образ ребенка призван совместить (= сохранить) в живом лице «верные мечты» прошлого: не случайно «быстрые глаза» ребенка оживляют в памяти лирического субъекта присущий возлюбленной поэта «взор, исполненный огня». Постоянные обращения лирического героя к ребенку («я на тебя смотрю», «как я тебя люблю!», «ты на нее похож?», «ты любишь ли меня?», «смотри ж, не говори... обо мне», «но мне ты все поверь», «не вспоминай его [имя]», «ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!») — не просто риторические фигуры, но надежные «скрепы» развертывающегося лирического сюжета.

Образы прошлого навечно запечатлены в груди лирического героя, в его сердечной памяти. Однако настоящее (семантический центр лирического монолога) задает конфликтный характер ситуации общения: «Увы! года летят; / Страдания ее до срока изменили...»; «К чему? Ее, быть может, / Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...». Для лирического «я» героя принципиально важной оказывается оглядка на «другое» сознание — причем не только ребенка, но и его матери. Именно желанием оградить свою былую возлюбленную от непосильной тревоги продиктован призыв лирического героя к молчанию: «Смотри ж, не говори ни про мою печаль, / Ни вовсе обо мне...». Умаление

собственного «я» в присутствии «другого» — именно в этом для позднего Лермонтова и открывается истинный смысл любви. Данное обстоятельство позволило И. Н. Розанову высказать следующее суждение: «Ни у Жуковского, ни у Пушкина мы нигде не найдем выражений такой нежности, как в приведенных стихах» [Розанов, с. 209]. Воистину, «внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» (В. Г. Белинский), но многократно удесятеренные психологическим комплексом собственной вины и способностью к диалогическому пониманию «другого»!

Еще один важный момент. Лирическое «я» получает объективацию в звучащем «имени», позабытом «названии». Поучительна сама история имени: по предположению лирического героя, оно могло быть неоднократно озвучено любимой женщиной в частной, домашней молитве:

Но мне ты все поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склоняясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!

[т. 2, с. 161–162]

В завершении лирического монолога звучит еще один молитвенный призыв, обращенный к ребенку со стороны самого лирического героя. На сей раз предметом его становится собственное имя героя как объективация его личностной экзистенции: «Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной. / Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно / Узнаешь ты его — ребяческие дни / Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!» Показательно, что в модусе сознания лермонтовского героя эта диалогическая ситуация наполняется предельно напряженным морально-этическим содержанием.

В конечном счете, поэт хотел бы оправдать свое существование, и потому мотивы памяти (страха возможного проклятия) призваны утвердить духовное бытие героя в его нравственно-свободном измерении. Тем самым поэт взывает ни к чему иному, как к *пониманию* и *оправданию* со стороны «другого», своего ближайшего интимного круга. В предисловии к журналу Печорина находим следующее признание: «Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменял все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: *мы почти всегда извиняем то, что понимаем*» [т. 6, с. 249].

Выделенная нами максима — надежный ключ к постижению еще одного стихотворения поэта — «Оправдание» (1841).

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоняя,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

[т. 2, с. 176]

Что же тут общего с приведенной максимой из предисловия к журналу Печорина? Во-первых, само отношение к герою (предельно объективированному субъекту), пусть и отягченному при жизни страстью и пороком, но к моменту самой авторской рефлексии уже не имеющему ничего общего со здешним миром. Во-вторых (и это самое главное), концепция оправдания героя, смыкающаяся с христианской идеей прощения и искупительной силы страдания. Специально отметим усложнение субъектно-диалогической организации данного стихотворения, совмещение различных точек зрения: «ты» героини (функция адресата), «твой друг» (объективированный лирический герой в прошлом) и позиция автора-повествователя — с кругозором всеведения и духовного прозрения. Достижение диалога согласия (как потенциальная и желанная возможность для лирического автора) осуществляется в ситуации молитвенного призыва — с оглядкой на иной, «высший суд», превышающий компетенцию земного суда «толпы лукавой».

Впервые и так разнообразно проявивший себя в лирике поэта диалогический потенциал «лермонтовского человека» получает свое дальнейшее развертывание в романе «Герой нашего времени». Здесь, уже на материале психологической прозы, разрабатывающей «историю души человеческой», наглядно проявляются идеи романного полифонизма, столь блестяще раскрытые М. М. Бахтиным в ментальной структуре произведений Ф. М. Достоевского⁵.

⁵ См. на эту тему: [Маркович, с. 491; Щенников; Журавлева].

Бахтин писал о трех открытиях Достоевского-художника: *личность — само-развивающаяся идея — диалог*. Симптоматично, что все отмеченные явления (в зачаточной или даже художественно-выразительной форме) можно наблюдать и у Лермонтова.

Начнем с первого пункта. Новое понимание личности в полифоническом романе Бахтин сводил к следующему: «Совершенно новая структура образа человека — полнокровное и полнозначное чужое сознание, не вставленное в *завершающую* оправу действительности, не завершимое ничем (даже смертью), ибо смысл его не может быть разрешен или отменен действительностью (убить — не значит опровергнуть). Это чужое сознание не вставляется в оправу авторского сознания, оно раскрывается изнутри как *вне* и *рядом* стоящее, с которым автор вступает в диалогические отношения. Автор, как Прометей, создает независимые от себя живые существа (точнее, воссоздает), с которыми он оказывается на равных правах. Он не может их завершить, ибо он открыл то, что отличает личность от всего, что не есть личность. Над нею не властно бытие. Таково первое открытие художника» [Бахтин, с. 326–327].

Сама романная форма (напомним, что роман, по Бахтину, — это «жанр жанров») выводит к полифонической концепции личности. Не случайно так важна для Лермонтова-романиста установка на *понимание* героя. Именно ориентацией на уже знакомую нам авторскую максиму: «Мы почти всегда извиняем то, что понимаем» — можно объяснить особенности нарративной структуры произведения. Совмещение различных точек зрения на героя (наивный и простодушный рассказчик Максим Максимыч; автор путевых очерков и издатель дневника Печорина — странствующий офицер; наконец, сам герой — автор исповедальных заметок) обуславливает полифонизм субъектно-повествовательной структуры романного целого.

Второе открытие, с точки зрения Бахтина, — «*изображение* (точнее, воссоздание) *саморазвивающейся идеи* (неотделимой от личности). Идея становится предметом художественного изображения, раскрывается не в плане системы (философской, научной), а в плане человеческого *события*» [Бахтин, с. 327].

В этой связи обратимся к «Дневнику Печорина» (глава «Княжна Мери»). Провозглашая, что «идеи — создания органические» (дневниковая запись от 3-го июня), Печорин тем самым подтверждает сознательный, идеологический характер собственной экзистенции. Вся жизнь Печорина и вся система его экспериментов в таком случае предстает как форма существования печоринских идей. В таком плане и пресловутый фатализм Печорина может быть рассмотрен не как застывшая идеологическая схема (типа «учения о предопределении в духе восточных народов»), а как непредсказуемо парадоксальный вариант личностно-экзистенциального *проживания* и *переживания* идеи свободы и необходимости.

Однако в иерархической системе собственной экзистенции Печорин отводит отдельное место «страстям», оговаривая, что «страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии» [т. 6, с. 294]. Именно к такой «зачаточной» идее печоринской экзистенции и следует отнести идею (а точнее, страсть) любви. В отличие от других страстей, которые можно рассматривать как «принадлежность юности сердца», эта страсть любви — другого порядка. Если бы данная

«страсть» получила в рамках печоринской рефлексии свое закономерное развитие и статус органической, или экзистенциальной, «идеи», то она вполне закономерно преобразовала бы всю эгоцентрическую натуру лермонтовского человека, поскольку именно любовь выступает как высшая форма диалогических отношений, пожалуй, единственное и вернейшее средство «создания абсолютной индивидуальности» (В. С. Соловьев).

Доказывает это следующий эпизод романа. После дуэли с Грушницким Печорин получает письмо от Веры, из которого узнает о ее неожиданном отъезде. Целая буря ощущений охватывает героя при этом известии: «Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья» [т. 6, с. 333–334]. Беспощадно погоня измученного коня, Печорин скачет по дороге в Пятигорск в надежде застать там Веру. И когда загнанный конь замертво грянулся о землю, Печорин «упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал» [Там же, с. 334]. Кратковременное состояние аффекта, когда «душа обессилела, рассудок замолк», сменяется привычной для героя рефлексией (совсем как в стихотворении «И скучно, и грустно...»): «Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами?» Но среди подобных вопросов, задаваемых в модусе демонического сознания, поражает одна, казалось бы, совсем неожиданная реакция героя: «Мне, однако, приятно, что я могу плакать!» [Там же]. Для Печорина эта реакция, скорее, случайная и загадочная. Но в кругозоре романного автора (самого Лермонтова) она вполне закономерна и оттого ее идейно-философский вес, как мы можем догадываться, неимоверно повышается.

Наконец, третье открытие «полифонического» художника, по М. Бахтину, — «диалогичность как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями» [Бахтин, с. 327]. В этом плане в лермонтоведении уже было обращено внимание на то обстоятельство, что «трудный вопрос о личности Печорина вручен простому сознанию Максима Максимыча» [Пумпянский, с. 366]. Не менее важным для уяснения представляется вопрос и о той роли, которую в повествовательной структуре «Княжны Мери» (фрагмента из журнала Печорина) играет письмо Веры.

Положение этого вставного документа (авторство его принадлежит принципиально отличному от Печорина сознанию и, соответственно, выражает точку зрения и голос *другого*) тем более странно, если принять во внимание жанровую специфику дневниковых заметок. Но в смысловой структуре романного целого (по М. Бахтину, именно *полифонического* целого) ничего странного в такой вставной конструкции нет, скорее, даже наоборот. Так же, как и в самом имени *Вера* (прототипом героини, как известно, выступила Варвара Лопухина), которое повлекло за собой актуализацию устойчивой евангельской парадигмы *Вера — Надежда — Любовь*. Не случайно в письме Веры акцентирован мотив «жертвы»: «Но ты был несчастлив, и я *пожертвовала* собою, надеясь, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий... <...> Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? — Послушай, ты должен мне принести эту *жертву*: я для тебя потеряла все на свете...» [т. 6,

с. 332–333]. Ореол мученичества, осязаемо окружающий жертвенную натуру героини призван, с одной стороны, оттенить эгоцентризм Печорина, присутствующий ему комплекс рефлексивной «отстраненности» в любви и неспособности к истинному самоотвержению, а с другой — стимулировать эмоционально-инстинктивный взрыв его душевной энергии, потенциально заключающий в себе источники возможного преображения «лермонтовского человека». Отсюда, между прочим, и объяснение следующего парадокса: «Человек — как поле незаконченной борьбы — вот где приоритет Печорина и передовое его перед нами значение. Печорин — страдающее существо, потому что через него совершается движение человеческого типа: совершенствуется человек: он то же в антропологии, что великий писатель — реформатор — политический деятель — правитель — в соответствующих областях; он антропологически гениален, здесь он реформатор, правитель, создатель нового» [Пумпянский, с. 640].

Такова, в общем виде, провиденциальная логика субъектно-диалогических отношений в творчестве Лермонтова — поэта и романиста. Именно она способствовала достижению важнейшей в плане исторической поэтики задачи — обретению подлинного «измерения» бытия личности, или «конвергентного “Ты-сознания”» (выражение В. И. Тюпы), идущего на смену «уединенному» сознанию ортодоксальных романтиков. Как демонстрирует творческий опыт Лермонтова-художника, обретение эпохально нового типа сознания достигается исключительно в диалогическом модусе, т. е. в актуализированном и завершенном акте трансцендирования к «ты», что гарантирует «онтологическую опорную точку» и для собственного «я» [Франк, 1990, с. 375]. Так в столкновении противоборствующих тенденций (вспомним направленные векторы движения «лермонтовского человека» одновременно *вовне* и *вглубь*), в величайших духовных муках приоткрывается непостижимая тайна рождения личности — в ее причастности подлинной реальности, в акте «очеловеченья» натурально-душевного «я» самого автора-творца.

Андреев Д. Л. Роза Мира. М., 1992. [Andreev D. L. Roza Mira. M., 1992.]

Афанасьева Э. М. Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: Литературное общество «Арзамас», А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. М., 2013. [Afanas'eva E. M. Ontologija imeni v tvorcestve russkikh pisatelej nachala XIX veka: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas», A. S. Pushkin, M. Ju. Lermontov. M., 2013.]

Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 326–346. [Bahtin M. M. K pererabotke knigi o Dostoevskom // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. 2-e izd. M., 1986. S. 326–346.]

Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. М., 1976–1982. [Belinskij V. G. Sobr. soch. : v 9 t. M., 1976–1982.]

Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М., 1997. [Brojtmann S. N. Russkaja lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Subjektно-obraznaja struktura). M., 1997.]

Вацуро В. Э. Чужое «я» в лермонтовском творчестве // Вацуро В. Э. О Лермонтове : работы разных лет. М., 2008. С. 312–325. [Vacuro V. E. Chuzhoe «ja» v lermontovskom tvorcestve // Vacuro V. E. O Lermontove : raboty raznyh let. M., 2008. S. 312–325.]

Виrolайнен М. Н. «Я» и «не-Я» в поэтике Пушкина // Пушкин : исследования и материалы. Т. 16–17. СПб., 2003. С. 94–101. [Virolajnen M. N. «Ja» i «ne-Ja» v poetike Pushkina // Pushkin : issledovanija i materialy. T. 16–17. SPb., 2003. S. 94–101.]

Гачев Г. Национальные образы мира: общие вопросы. М., 1988. [Gachev G. Nacional'nye obrazy mira: obshhie voprosy. M., 1988.]

Грехнев В. А. Лирика Пушкина: о поэтике жанров. Горький, 1985. [Grehnev V. A. Lirika Pushkina: o pojetike zhanrov. Gor'kij, 1985.]

Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе. Пг., 1914. [Dashkevich N. P. Stat'i po novoj russkoj literature. Pg., 1914.]

Журавлева А. И. Лермонтов и Достоевский // Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002. С. 227–238. [Zhuravleva A. I. Lermontov i Dostoevskij // Zhuravleva A. I. Lermontov v russkoj literature. Problemy pojetiki. M., 2002. S. 227–238.]

Замотин И. И. М. Ю. Лермонтов Мотивы идеального строительства жизни. Варшава, 1914. [Zamotin I. I. M. Ju. Lermontov Motivy ideal'nogo stroitel'stva zhizni. Varshava, 1914.]

Зеньковский В., прот. Философские мотивы в русской поэзии. М. Ю. Лермонтов // Вестн. РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1960. № 2 (57). С. 32–41. [Zen'kovskij V., prot. Filosofskie motivy v russkoj poezii. M. Ju. Lermontov // Vestn. RSHD. Parizh; N'ju-Jork, 1960. № 2 (57). S. 32–41.]

Зырянов О. В. Освоение образа человека Востока в русской поэтической традиции (от Г. Р. Державина к М. Ю. Лермонтову) // Поэтика и риторика диалога: сб. ст. (к 60-летию проф. Т. Е. Автухович). Гродно, 2011. С. 166–177. [Zyrjanov O. V. Osvoenie obraza cheloveka Vostoka v russkoj pojeticheskoj tradicii (ot G. R. Derzhavina k M. Ju. Lermontovu) // Pojetika i ritorika dialoga: sb. st. (k 60-letiju prof. T. E. Avtuhovich). Grodno, 2011. S. 166–177.]

Зырянов О. В. Поэт и история: к вопросу о диалогической основе лермонтовского «Пророка» // Лермонтов и история. Великий Новгород; Тверь, 2014. С. 11–19. [Zyrjanov O. V. Pojet i istorija: k voprosu o dialogicheskoj osnove lermontovskogo «Proroka» // Lermontov i istorija. Velikij Novgorod; Tver', 2014. S. 11–19.]

Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М.; Л. : АН СССР, 1954–1957. [Lermontov M. Ju. Soch. : v 6 t. M.; L. : AN SSSR, 1954–1957.]

Маркович В. М. Лермонтов и русская проза XIX в. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 485–492. [Markovich V. M. Lermontov i russkaja proza XIX v. // Lermontovskaja jenciklopedija. M., 1981. S. 485–492.]

Нестеров И. В. Диалог и монолог как литературоведческие понятия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. [Nesterov I. V. Dialog i monolog kak literaturovedcheskie ponjatija : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1998.]

Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы : в 2 т. Т. 1. М., 1989. [Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty : v 2 t. T. 1. M., 1989.]

Пумпянский Л. В. Классическая традиция : собр. тр. по истории русской литературы. М., 2000. [Pumpjanskij L. V. Klassicheskaja tradicija : sobr. tr. po istorii russkoj literature. M., 2000.]

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979. [Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. L., 1977–1979.]

Розанов И. Н. Лермонтов — мастер стиха // Розанов И. Н. Литературные репутации. М., 1990. С. 110–280. [Rozanov I. N. Lermontov — master stiha // Rozanov I. N. Literaturnye reputacii. M., 1990. S. 110–280.]

Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. [Solov'ev V. S. Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. M., 1991.]

Станкевич Н. В. Моя метафизика // Русская философия первой половины XIX в. : хрестоматия. Свердловск, 1987. С. 198–199. [Stankevich N. V. Moja metafizika // Russkaja filosofija pervoj poloviny XIX v. : hrestomatija. Sverdlovsk, 1987. S. 198–199.]

Сушкова Е. А. Из «Записок» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 86–130. [Sushkova E. A. Iz «Zapisok» // M. Ju. Lermontov v vospominanijah sovremennikov. M., 1989. S. 86–130.]

Тюпа В. И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998. [Tjupa V. I. Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoj poezii XX veka. Samara, 1998.]

Тюпа В. И. Парадоксы уединенного сознания — ключ к русской классической литературе // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001. С. 174–192. [Tjupa V. I. Paradoksy uedinennogo soznanija — kljuch k russkoj klassicheskoi literature // Paradoksy russkoj literature. SPb., 2001. S. 174–192.]

Франк С. Л. Соч. М., 1990. [Frank S. L. Soch. M., 1990.]

Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни : антология. М., 1994. С. 489–583. [Frank S. L. Smysl zhizni // Smysl zhizni : antologija. M., 1994. S. 489–583.]

Шенников Г. К. «Журнал Печорина» и «Исповедь Ставрогина»: анализ деструкции личности // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2000. № 17. С. 154–162. [Shhennikov G. K. «Zhurnal Pechorina» i «Ispoved' Stavrogina»: analiz destrukcii lichnosti // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2000. № 17. S. 154–162.]

Эткинд Е. Г. Поэтическая личность Лермонтова: «Диалектика души» в лирике // Михаил Лермонтов, 1814–1989. Вермонт, 1992. С. 28–38. [Jetkind E. G. Pojeticheskaja lichnost' Lermontova: «Dialektika dushi» v lirike // Mihail Lermontov, 1814–1989. Vermont, 1992. S. 28–38.]

Статья поступила в редакцию 03.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов-14 + 7.071

С. И. Ермоленко

«ЗАВЕЩАНИЯ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Рассматриваются стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дереву», «Завещание» («Есть место: близ тропы глухой...»), «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), а также заметка «Мое завещание», имеющие отношение к жанровой традиции завещания. Устанавливается воздействие на Лермонтова народнопоэтической традиции «отдавания наказов» (ямщицкие и солдатские песни), что позволяет углубить представление об особенностях фольклоризма поэта и направлении его творческой эволюции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. Ю. Лермонтов; лирика; жанровая традиция; завещание; фольклоризм; творческая эволюция.

Напряженно-личное переживание смерти не только как неизбежной конечности собственного земного бытия, но и как философской категории, сопряженной с размышлениями о вечности и бессмертии, свойственно М. Ю. Лермонтову как никакому другому русскому поэту. Это переживание получило многогранное воплощение в лирике поэта, что актуализирует постановку проблемы о значимости в его творчестве жанровой традиции, идущей из глубин Средневековья, — стихотворного завещания [см. об этом: Арьес; Книга завещаний]. Средневековые поэты избирали этот жанр, чтобы «выразить свои чувства перед лицом краткости бытия и неотвратимости смерти», превращая «завещание» в исповедь человека («наполовину спонтанную, наполовину условную») «перед лицом его смерти и перед лицом того образа представления о прожитой жизни, которое рождает в его сознании близкая смерть. Волнующий и тревожащий душу образ, составленный из желаний и ностальгии, сожалений и надежд» [Арьес].

Было бы, конечно, большой натяжкой утверждать, что Лермонтов сознательно имел в виду именно эту (западноевропейскую ли, отечественную ли) литературную традицию, для которой характерна отчетливо выраженная ориентация на деловую письменность, документ (юридическое завещание) [см. об этом,

например: Литературная энциклопедия, т. 4; Морковина]. Скорее всего, хотя и с определенной долей осторожности, в данном случае можно говорить о другой — фольклорной — традиции предсмертного слова, свойственной, например, так называемой «протяжной» («голосовой») ямщицкой песне с характерным для нее образом умирающего на чужбине извозчика, отдающего «наказ» «товарищу». Одним из образцов такой песни является «Степь Моздокская» [Степь Моздокская], проникнутая тоской по оставленному где-то в глубине России дому, семье, послужившая основой стихотворения И. З. Сурикова «В степи» (1865), широко известного, в свою очередь, по фольклорной его переработке («И набравшись сил, / Чуя смертный час, / Он товарищу / Отдавал наказ...»).

Рискнем высказать предположение, что Лермонтову, живо интересовавшемуся фольклором, прежде всего песенным (этот интерес был совершенно в духе его времени, отмеченного активной собирательской деятельностью) [см. об этом подробнее: Азадовский, с. 244–245; Вацуро, 1976, с. 212–213 и др.]¹, могла быть известна «Степь Моздокская», впервые опубликованная в 1833 г. среди других наиболее популярных фольклорных песен в сборнике «Русские народные песни, собранные и изданные для пения с фортепиано Даниилом Кашиным» (в 3 кн. М., 1833. Кн. 1 Песни протяжные. № 4)². Возможно, что, если не в родных Тарханах, то в своих странствиях «по казенной надобности» по Кавказу (напомним, Моздок — центр Кавказской оборонительной линии, отсюда начиналась Военно-Грузинская дорога) Лермонтов мог слышать под «фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика» [т. 6, с. 387] «Степь Моздокскую» или какую-то другую старинную песню про умирающего ямщика, обращающегося с последними словами к своим «товарищам»³.

У Лермонтова нет ни одной поэтической вариации на «ямщицкую» тему. Но речь в данном случае идет не о прямом, непосредственном воздействии именно

¹ См., например, запись 1830 г.: «...если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях» [т. 6, с. 387]. Здесь и далее цит. по: [Лермонтов, 1954–1957 (с указанием тома и страницы); курсив в цитатах наш. — С. Е.]. Подтверждением интереса Лермонтова к песенному фольклору являются относящиеся к раннему периоду творчества его собственные поэтические опыты в жанре «русской песни» («Русская песня», 1830; «Воля», «Песня» — «Желтый лист о стебель бьется...» — 1831; «Песня» — «Колокол стонет...» — 1830–1831; близкий к этим стихотворениям «Атаман», 1831), а также сделанная, по всей вероятности, самим поэтом запись русской народной песни «Что в поле за пыль пылит», датированная 1830 г. [см. об этом подробнее: Ермоленко, с. 228–249].

² Благодарим доктора филологических наук Т. А. Ложкову, обратившую наше внимание на это издание.

³ Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей:
Ах вы, братцы вы мои, вы, друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А снесите вы, братцы, батюшке низкой поклон,
Низкой поклон,
Родной матушке челобитнице,
Да челобитнице,
Малым детушкам мое благословеньце,
Благословеньце,
Молодой моей жене полну волюшку,
Всё свободушку.

[Степь Моздокская]

этой фольклорной традиции на поэта. Лермонтов использует традиционный в фольклоре сюжетный ход, который, что называется, был «на слуху». А именно — сюжетную кульминацию предсмертного «наказа», отдаваемого «товарищу», типичную не только для той жанровой разновидности народной песни, о чем говорилось выше, но и для тех «протяжных» песен, в которых центральной была ситуация «человек перед лицом смерти».

Вспомним, например, широко известную и любимую ныне «старинную казачью песню» «Черный ворон» [Черный ворон]⁴, которая, по всей вероятности, не была известна Лермонтову, поскольку она представляет собой более позднюю народную переработку стихотворения-песни Н. Ф. Веревкина, унтер-офицера Невского пехотного полка, «Под ракитою зеленой», впервые опубликованного в 1837 г. в «Библиотеке для чтения» (т. XX). Стихотворение, ориентированное на фольклорную песенную традицию, «ушло в народ» и бытовало в качестве песни в различных вариантах (известны записи, сделанные в XX в. — во времена Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн [см.: Под ракитою зеленой]). Во всех вариантах песни «Под ракитою зеленой» в роли «товарища», к которому обращается умирающий воин, выступает «черный ворон», являясь здесь одновременно и символом смерти⁵.

То, что стихотворению Веревкина суждена была столь долгая жизнь, свидетельствует о популярности такого рода песен в военной среде. И, возможно, поручик Лермонтов, участник многих военных экспедиций на Кавказе, в том числе Валерикского боя (см.: «Валерик», 1840), слышал эти песни от солдат своего Тенгинского пехотного полка или казаков «летучей сотни», которой он командовал. Поэт, будучи боевым офицером, не понаслышке знал, что чувствует человек перед лицом смерти. А значит, понимал, какой «аурой сакральности» обладает последнее слово человека, покидающего этот мир и возлагающего на другого человека долг исполнения «наказа», который в этой связи приобретает некую «мистическую силу» [см. об этом: Лейдерман, с. 361].

У Лермонтова есть два стихотворения с одинаковым заглавием — «Завещание» («Есть место: близ тропы глухой...», 1831) и «Наедине с тобою, брат...»

⁴ Будучи убежденным в том, что «Черный ворон» родился в казачьей среде, П. Н. Краснов, русский генерал, атаман Всевеликого Войска Донского, в своей книге «Картины бывшего Тихого Дона» (1909) сопровождает текст песни следующим комментарием: «Во время тяжелой борьбы с кавказскими горами [речь идет о Кавказской войне 1801–1864 гг. — С. Е.] много было совершено подвигов донскими казаками. <...> Много казаков полегло в горах и долинах Кавказа, и над их никому не известными могилами нет ни креста, ни памятника. Погибшие в одиночку, без свидетелей, донцы умирали в горах, окруженные воронами да хищными орлами» [Краснов].

⁵ Отнеси-ка, черный ворон,
Отцу, матери поклон,
Отцу, матери поклон
И жененке молодой,
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
На пулечке свинцовой.
Наша свашка — была шашка,
Штык булатный — был дружкой,
А венчался я на поле
Под ракитовым кустом.
[Под ракитою зеленой]

(1840). Правда, какая-либо связь с фольклорной традицией первого произведения не только не очевидна, но и, как кажется на первый взгляд, отсутствует совсем. Однако оба стихотворения развивают одну и ту же тему предсмертного наказа, по-разному раскрывая ее.

Такого рода «разноудаленные по времени» стихотворения — «поэтические дубли» (Б. Т. Удодов), связанные отношениями «парной соотнесенности», — отличительная черта лирики Лермонтова, в которой получила отражение его «феноменальная творческая сосредоточенность», свойственная только ему особенность художественного мышления. Лермонтов как будто бы набрасывал сначала «эскиз», и если он не удовлетворял его, то поэт «не дорабатывал, не изменял и не шлифовал отдельные стороны этого варианта, а оставлял его. А через больший или меньший промежуток времени он приступал к созданию нового целостного варианта того же замысла. И этот новый вариант часто весьма существенно отличался от предшествовавшего ему глубиной и совершенством в разработке замысла» [Удодов, с. 141].

Строго говоря, в литературном наследии М. Ю. Лермонтова не два, а три «завещания». Одно из первых, озаглавленное «Мое завещание (*про дерево, где я сидел с А. С.*)», в академическом собрании сочинений Лермонтова публикуется в разделе «Автобиографические заметки»:

Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: «люблю», которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца: в то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шепотом молвило: «безумец, что ты делаешь?» — Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды; — но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: «Похороните мои кости под этой сухою яблоней; положите камень; — и — пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!» [т. 6, с. 387]

«Заметку» датируют 1830 г., традиционно относя ее к стихотворению «Дереву» (автографы стихотворения и «заметки» находятся на смежных страницах тетради № 6) [см.: Там же]. Запись, таким образом, рассматривается как своего рода комментарий («пояснительная заметка») к стихотворению. Расшифровка инициалов «А. С.» как Анна Григорьевна или, реже, Агафья Александровна Столыпина (двоюродные сестры матери поэта), казалось бы, подчеркивает документальный, автобиографический характер записи. Не отрицая автобиографического характера «заметки», Л. М. Аринштейн обратил внимание на ее книжно-условный характер: приближаясь «по фразеологии, стилю и ритмиконтонационной структуре» к стихотворению в прозе, «завещание» («*положите камень; — и — пускай на нем ничего не будет написано...*») является ничем иным, как «вольным прозаическим переводом заключительной строфы стихотворения Байрона “A Fragment” (1803)» [см.: Лермонтовская энциклопедия, с. 25]⁶.

⁶ Со стихотворением английского поэта Лермонтов мог познакомиться, читая книгу Т. Мура «Letters and Journals of Lord Byron with Notices of His Life» (London, 1830. V. 1. P. 52), с которой он, как известно, был «неразлучен» летом 1830 г. [см.: Лермонтовская энциклопедия, с. 43].

Соглашаясь с наблюдением Аринштейна относительно книжно-условного характера лермонтовской записи, заметим вместе с тем, что мотив могильного «камня», важный в прозаическом «завещании», отсутствует в стихотворении «Дереву». В нем главным становится другой мотив — погибшей любви, раскрывающийся с помощью характерного для лермонтовской лирики приема — развернутого сравнения («*И дерево с моей любовью / Погибло, чтобы вновь не цвести...*»), переходящий в заключительной строфе в размышление лирического героя о бессмертии творческого «духа», преодолевающего смерть:

Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
 Мой гений веки пролетит;
 И эти ветви над могилой
 Певца-страдальца освятят.

[т. 1, с. 135]

Это-то размышление и перекликается с финальной частью «Моего завещания» («положите камень; — и — пускай на нем ничего не будет написано, *если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!*»), где тема бессмертия, не получая своего развития, лишь горделиво заявлена юным поэтом. «Могильная» тематика возникает только в финале стихотворения «Дереву», сюжета же «завещания» здесь нет вообще.

Зато, с нашей точки зрения, можно проследить явную связь «автобиографической заметки» с другим стихотворением, написанным годом позже, — «Завещанием» («Есть место: близ тропы глухой...»):

Есть место: близ тропы глухой,
 В лесу пустынном, средь поляны,
 Где вьются вечером туманы,
 Осеребрённые луной...
 Мой друг! ты знаешь ту поляну;
 Там труп мой хладный ты зарой,
 Когда дышать я перестану!

«Глухое», «пустынное» место уединения, располагающее к раздумьям, вечерний час, «вьющиеся» «туманы», «осеребрённый луной», — все это знаки, отсылающие к устойчивой жанровой традиции. Прямо обозначенная ситуация «человек перед лицом смерти», акцентированная соответствующей эмблематикой («могила», «крест из клену», «дикий камень»), позволяет видеть в «Завещании» образец лермонтовской «кладбищенской» элегии. Однако здесь объектом лирического переживания является не кладбище, где мирно покоится прах людей, отныне равных перед Богом, — культовое, священное место для живущих (как в традиционной «кладбищенской» элегии), а воображаемая лирическим героем собственная одинокая могила «в лесу пустынном», всеми забытая, никем не оплакиваемая.

Могиле той не откажи
 Ни в чем, последуя закону;
 Поставь над нею крест из клену
 И дикий камень положи;

Когда гроза тот лес встревожит,
 Мой крест пришельца привлечет;
 И добрый человек, быть может,
 На диком камне отдохнет.

[т. 1, с. 188]

Вообще «прохожий», «странник», «путник», который, «опершись на камень гробовой, вкушает сладкое мечтанье» (К. Н. Батюшков «На развалинах замка в Швеции», 1814), или склоняется «на миг, усталый, в задумчивый и сладкий сон» (Н. И. Гнедич «Скоротечность юности», 1806), или просто «вздыхает» над «прахом» «праотцов» (В. А. Жуковский «Сельское кладбище», 1802), — довольно устойчивый мотив в традиционной «кладбищенской» элегии. Как правило, при этом «путник» — не случайный «прошлец иноплеменный», равнодушный к «отеческим гробам», но «сын печали» (Н. И. Гнедич), «почивших друг» (В. А. Жуковский), даже «брат» («О братья, вместе течь и вместе кончить путь!» — М. В. Милонов «Уныние», 1811) — человек сострадающий, символизирующий собою связь поколений, выступающий полномочным представителем рода людского, носителем его памяти.

У Лермонтова же важен момент именно случайности появления «пришельца», застигнутого непогодой, в «пустынном» месте. Кстати, тот же сюжетный ход Лермонтов использовал в стихотворении, написанном чуть раньше, но в том же году, — «1831-го июня 11 дня»:

Лишь чужестранец молодой,
 Невольным сожаленьем и молвой,
 И любопытством приведен сюда,
 Сидеть на камне станет иногда.

[т. 1, с. 185]

Здесь образ «чужестранца молодого» в достаточной степени условен не только потому, что его появление у «могилы без молитв и без креста» сопровождается типично романтическим антуражем («кровавая могила», «дикий берег ревущих вод», «туманное небо», «пустота кругом»), но и вследствие того, что эта картина рождается лишь в воображении лирического субъекта («Кровавая меня могила ждет...»).

Столь же литературно-условен и образ «пришельца» «Завещания», «отдыхающего» (в «грозу») на могильном камне в «глухом» лесу. Но если лирический герой «1831-го июня 11 дня» верит в способность «чужестранца молодого» испытывать «невольное сожаление» и «печаль» («...отчего не понял свет / Велико, и как он не нашел / Себе друзей, и как любви привет / К нему надежду снова не привел?»), что хоть в какой-то степени смягчает трагизм переживания смерти, то «добрый человек» «Завещания» такой способностью не наделен. Условен образ и самого лирического героя «Завещания», предчувствующего, непонятно почему и отчего, скорую смерть и «отдающего» своему, также условному, «другу» странный «наказ» «зарыть» его «хладный» труп в столь «диком» «месте».

На литературность стихотворения указывает и имеющийся в копии подзаголовок («Из Гёте»). Р. Ю. Данилевским высказано предположение, что

«Завещание» представляет собой вольное стихотворное переложение предсмертного письма героя романа Гёте “Страдания молодого Вертера” (1774), которым Лермонтов интересовался как раз в это время...». Правда, при этом оговаривается, что «сходство стихотворения Лермонтова с письмом Вертера самое общее — тема предчувствия близкой смерти, просьба похоронить в пустынном месте, надежда на то, что могила привлечет внимание путников» [Лермонтовская энциклопедия, с. 172]⁷.

Кроме того, следует учитывать, что в «кладбищенской» элегии очень сильна власть традиции: здесь на первом плане не лирический герой, а чувство, переживание, жанрово заданное и ничем, кроме этой заданности, как правило, не мотивированное (отсюда и заданность самого лирического субъекта)⁸.

Очевидная литературная условность лишает «завещание» лирического героя стихотворения «Есть место: близ тропы глухой...» «ауры сакральности», которая единственно и только могла бы сообщить «последнему» слову того, кто покидает этот мир, особую, «мистическую» значимость. Необходимо было придать образу лирического героя, возлагающего долг выполнения «наказа» на другого человека, жизненную убедительность и достоверность, чтобы его предсмертное слово и стоящее за ним переживание стали психологически мотивированными.

Это смог сделать Лермонтов позднее, создав свое последнее «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), которое можно рассматривать как один из лучших образцов «ролевой» лирики поэта. Стихотворение стало закономерным результатом предшествующих опытов поэтического перевоплощения в творчестве Лермонтова — воссоздания лирического образа «другого» человека. Споры о том, кто же изображен в стихотворении: простой ли солдат (Г. П. Макогоненко) или армейский офицер (Д. Е. Максимов), — не имеют принципиального значения. Важно то, что поэт создает здесь образ лирического субъекта как «*другого*» человека с демократическим сознанием, отличный от образа лирического героя, за которым, так или иначе, всегда «просвечивает» личность поэта.

Лермонтов предоставляет герою стихотворения право самому рассказать о себе, облекая его безыскусное повествование в традиционную для народно-песенной лирики форму завещания-«наказа», «отдаваемого» товарищу. В «наказе» героя лермонтовского стихотворения в соответствии с фольклорной традицией «перечисления» посылаются «поклоны» «родному краю», затем — «отцу и матери», сопровождающиеся просьбой не «опечалить» родителей («...если кто из них и жив...») вестью о смерти сына, и, наконец, завершающая часть «завещания» (а это, как правило, сильная позиция текста, важная для его понимания) посвящена «соседке».

В предсмертном слове, обращенном к «брату»-армейцу, раскрывается душевная драма человека, которому суждено умереть на чужбине, вдали от «родного

⁷ Ср.: «На дальнем краю кладбища... растут две липы. Под ними хочу я покоиться. <...> Ах, мне хотелось, чтобы вы похоронили меня у дороги или в уединенной долине, чтобы священник и левит, благословясь, прошли мимо могильного камня, а самаритянин пролил над ним слезу» [Гете, с. 120].

⁸ Лирический субъект в «кладбищенской» элегии «вынесен за пределы текста, точнее, предстает в тексте как готовая данность; он опосредуется темой и лишь в ходе медитации может факультативно становиться предметом самоанализа» [Вацууро, 1993, с. 64; см. также: Фризман, с. 37].

края». Главным источником переживаний героя становится его одиночество, социально и психологически мотивированное, особенно остро ощущаемое им перед лицом смерти.

... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

[т. 2, с. 174]

Герой, привыкший стойко переносить тяготы военного быта, по-мужски сдержан, даже суров в проявлении чувств. Это интонационно подчеркивается излюбленным лермонтовским «мужественным» размером — четырехстопным ямбом с мужскими окончаниями (размер «Мцыри», о котором В. Г. Белинский сказал: «...падает, как удар меча, поражающего свою жертву» [Белинский, т. 4, с. 543]), чередующимся во второй и четвертой строках с трехстопным. Лишь в последних двух строках каждого восьмистишия мужские клаузулы сменяются женскими. Вследствие этого интонация в конце каждой строфы «спадает», «ослабевает» (как «выдох» человека, которому каждая фраза дается с видимым усилием воли).

Долгие годы военной службы приучили героя «Завещания» жить коллективным сознанием, подавляя в себе все личное, индивидуальное. Скрывая свои переживания, почти стыдясь своих чувств, он прячет их за расхожими, «готовыми» формулами солдатского письма («*навылет в грудь / Я пулей ранен был*»; «*умер честно за царя*»; «*плохи наши лекаря*»; «*родному краю / Поклон я посылаю*»; «*писать ленив*»; «*полк в поход послали*»; «*чтоб меня не ждали*»), как-то даже, кажется, заученно повторяя их. Общие, почти банальные фразы указывают на типичность судьбы героя «Завещания»⁹.

И в то же время за этой обобщенностью угадывается неповторимая человеческая индивидуальность, по-своему переживающая и осмысляющая уготованную ей судьбой участь. Многочисленные паузы внутри и в конце строки, разрывающие и без того короткие фразы, прерывающие («*Смотри ж... Да что?..*») или замедляющие («*А если спросит кто-нибудь... / Ну, кто бы ни спросил...*») течение стиха, способствуют созданию интонационного рисунка, который точно передает состояние героя. Не только физическое (ему тяжело дышать и трудно говорить от раны «навылет в грудь»), но и душевное. Какая-то глухая предсмертная тоска, глубоко запрятанная, ноющая боль чувствуются в «холодно спокойном» «голосе» героя: «это похоронная песнь жизни» [Белинский, т. 4, с. 533]. Ему все-таки не удается скрыть свое волнение, оно прорывается наружу сквозь внешне спокойные, сдержанные разговорные интонации монолога.

⁹ Чуть позже, в очерке «Кавказец» (1841), обобщая свои впечатления и наблюдения, Лермонтов создаст собирательный образ простого армейца («если он не штабс-капитан, то уж верно майор») — «настоящего кавказца», «достойного всякого уважения и участия», опытного, храброго, хотя и не очень удачливого воина («грудь его увешана крестами, а чины нейдут»), уже немолодого («Ему... от 30 до 45 лет»), свыкшегося с «неудобствами военной жизни» и все же мечтающего об «отставке с пенсионом» и родном доме, «но, увы, большую частью» слагающего «свои косточки в земле басурманской» [т. 6, с. 348–351]. В этом образе «отразятся» предшествующие лермонтовские герои: и персонаж «Завещания» («Наедине с тобою, брат...»), и «добрый штабс-капитан» Максим Максимыч.

Волнение героя достигает кульминации в последней строфе:

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

[т. 2, с. 175]

Происходит мгновенное переключение с одного речевого «регистра» на другой: «*Ты расскажи всю правду ей...*». Оказывается, отстоявшиеся формулы-штампы из солдатского лексикона, составляющие основное содержание «наказа» героя, не раскрывают «*всей правды*» о нем. Значит, есть в человеке нечто такое — сугубо личное, интимное, «самое-самое», что не может быть выражено «чужим», пусть и проверенным коллективным жизненным опытом, словом. Коснувшись, наконец, самого сокровенного, герой «Завещания» отбрасывает спасительные общие фразы, годные «для всех», находит «свои» слова и говорит о главном своем, страдая и волнуясь.

Эти изменения сразу же обнаруживаются на интонационно-мелодическом уровне стиха. На каждую из предыдущих строф приходилось по одной паузе. В последней строфе их четыре, из них особенно интонационно заметны те, которые возникают в середине строки. Внутрострочные паузы подготовлены и тем самым подчеркнуты предшествующими резкими переносами (enjambement), когда несовпадение синтаксической и ритмической пауз в стихе (по типу «сброса») становится средством, усиливающим напряженное звучание стиха («*Как вспомнишь, как **давно** / **Расстались!**.. Обо мне **она** / **Не спросит...** всё равно...*»). Восклицания (и особенно последнее, вырывающееся из самой глубины расстроенного сердца: «*Ей ничего не значит!*») делают речь героя еще более взволнованной.

Интонация выдает героя «Завещания»: она свидетельствует о том, что давняя любовь по-прежнему живет в его душе. С какой-то почти стыдливостью говорит герой о женщине, чувство к которой пронес он через все эти долгие-долгие годы разлуки, даже не решаясь назвать ее имя («*Соседка есть у них одна...*»). Умом он понимает, может быть, что не стоит помнить и любить «пустое сердце», но ничего не может поделать с собой. Прощаясь с жизнью, герой всё продолжает думать о далекой «соседке», давно, наверное, забывшей его. Монолог обрывается на горестно-высокой ноте.

Драма героя «Завещания» — в его жизненной неукорененности, в вынужденном разрыве связей со всем, что дорого и мило ему: «родным краем», «отцом и матерью», любимой женщиной. Умирая, он, в отличие от лирического героя юношеского «Завещания» («*Есть место: близ тропы глухой...*»), думает не о том, что ожидает его после смерти, не о некоем условно-романтическом «пришельце», который набредет, «быть может», «в лесу пустынном» на его могилу, а о родине,

родительском доме, реальных, близких и дорогих людях, которых оставляет он на земле. А еще — оказывается, все-таки нужно этому суровому воину, чтобы кто-то «пролил слезу» над его могилой, чтобы кто-то оплакал его смерть. Хотя бы таким образом, посмертно, восстановилась бы его утраченная связь с «родным краем».

За общеармейской «наружностью» Лермонтов разглядел живую человеческую душу, страдающую и тоскующую, дал ей возможность раскрыться в свободном акте самовыражения. Поэт создал образ «ролевого» героя как другого полноценного «я», «достойного всякого уважения и участия». Для Лермонтова обращение к подобному персонажу — не «ряженье», как это было в его ранней лирике, и «не контрастная проверка “сложного” сознания “простым”» (И. Б. Роднянская). Здесь индивидуальное выделяется из общенародного и соотносится с ним как мериллом подлинности и значимости всякого духовного опыта, всякого переживания.

Лермонтов — в высшей степени субъективный поэт, чье дарование в полной мере раскрылось именно в художественном воссоздании внутренней жизни личности, — с трудом вырывался за пределы магического круга собственного «я», постепенно обретая способность видеть и переживать окружающий мир в многообразных его проявлениях. Лермонтову, по справедливому мнению Л. Я. Гинзбург, принадлежит честь *«открытия лирической личности»* [курсив наш. — С. Е.] в единстве ее сознания и внутреннего мира [Гинзбург, с. 162]. Поэт создал единый для всей своей лирики и вместе с тем отмеченный динамикой внутренней жизни образ лирического героя как важнейшей субъектной формы выражения авторского сознания. Но другим не менее значимым открытием Лермонтова станет создание *лирического образа «другого» человека*, наделенного своей собственной судьбой, своим (не заимствованным у лирического героя — alter ego автора) духовным опытом и мироощущением, обусловленными обстоятельствами его собственной жизни.

От первых ранних опытов объективации лирического «я» посредством взгляда на «себя» «со стороны» («Портреты. I», 1829; «Ночь. III», «Отрывок» — «Приметив юной девы грудь...» — 1830; «Блистая, пробегают облака», 1831; «Раскаянье», 1830–1831) — к первым попыткам выхода за границы этого «я» («К...» — «Простите мне, что я решился к вам...» — 1830; «Склонись ко мне, красавец молодой», «Романс» — «Ты идешь на поле битвы...» — 1832; «Поле Бородина», 1830–1831) и, наконец, — к созданию образа «другого» человека в стихотворениях, относящихся к «ролевой» лирике («Бородино», «Узник», «Сосед» — 1837; «Казачья колыбельная песня», «Соседка», «Завещание» — 1840), — таково направление эволюции Лермонтова-лирика, свидетельствующее о серьезных сдвигах в его художественном мышлении. Эта творческая эволюция была бы невозможна без усвоения Лермонтовым народнопоэтического опыта, без органического «слияния» с «духом» народности, в «царство» которой поэт, по известному выражению В. Г. Белинского, вошел «как ее полный властелин» [Белинский, т. 4, с. 517].

Изучая лермонтовскую лирику последних лет, исследователи нередко говорят о ее новеллизации, которую видят то в изображении «трагических коллизий»

и драматизированной «картины человеческих отношений» (Т. Г. Динесман), то в фабульности и сюжетности (Л. М. Щемелева, И. С. Чистова), то в «психологической и бытовой конкретности» (И. Б. Роднянская) [см.: Лермонтовская энциклопедия, с. 464, 521, 523, 589]. При этом обычно среди других стихотворений («Узник», «Сосед», «Соседка», «Свиданье») называют и «Завещание». С большей или меньшей долей определенности данные произведения относят к лирической новелле. По мнению Л. Я. Гинзбург, этот жанр — «стихотворную повесть о современном человеке» — как «нечто для русской поэзии новое» создал именно Лермонтов, обогатив тем самым ее жанровые возможности. «Завещание» 1840 г. — «сгусток повести, возможной в стихах», — один из самых ярких образцов этого жанра у поэта [Гинзбург, с. 236, 237, 238].

Герою «ролевой» лирики (а именно к ней относятся большинство лермонтовских стихотворений, в которых обнаруживаются новеллистические тенденции), в отличие от лирического героя, не нужно спускаться с заоблачных высот духа на грешную землю. «Ролевой» герой изначально на ней и находится, он укоренен в реальном бытии, плотно окружен вещественным, предметным миром, вмещен в него и вовлечен в многообразные отношения с ним. Отсюда потенциальная возможность «фабульности», «новеллистичности», почти не свойственная ранней лирике поэта. Однако в «ролевой» лирике жизненные коллизии и перипетии, различного рода события и ситуации присутствуют в «снятом» виде, уже пропущенные через сознание лирического субъекта как им осмысленные и пережитые. А значит, лермонтовская «ролевая» лирика сохраняет свою родовую специфику, оставаясь «царством субъективности» (В. Г. Белинский).

Нетрудно заметить, что так называемая новеллизация, которая станет примечательным явлением в русской поэзии к середине века [см. об этом подробнее: Зырянов, с. 286–370], у Лермонтова возникает как результат процесса объективации лирического сознания, когда преодолевается его замкнутость и открывается самоценность другого, «чужого» сознания, а мир предстает как сложная система взаимосвязей и взаимоотношений между различными «я».

Лирика, таким образом, благодаря гению Лермонтова, осваивает для себя все новые и новые «территории», расширяя сферу лирического переживания и совершенствуя художественные способы познания человека в его связях с миром.

Азадовский М. Фольклоризм Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. I. М., 1941. С. 227–262. [Azadovskij M. Fol'klorizm Lermontova // Literaturnoe nasledstvo. T. 43–44. M. Ju. Lermontov. I. M., 1941. S. 227–262.]

Ар'ес Ф. Человек перед лицом смерти [Электронный ресурс] / пер. с фр.; общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. М., 1992. URL: http://www.pedlib.ru/Books/6/0233/6_0233-192.shtml (дата обращения: 03.07.2014). [Ar'es F. Chelovek pered licom smerti [Electronic resource] / per. s fr.; obshh. red. S. V. Obolenskoj; predisl. A. Ja. Gurevicha. M., 1992. URL: http://www.pedlib.ru/Books/6/0233/6_0233-192.shtml (mode of access: 03.07.2014).]

Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 4. М., 1954. С. 479–547. [Belinskij V. G. Stihotvorenija M. Lermontova // Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. : v 13 t. T. 4. M., 1954. S. 479–547.]

Вацуро В. Э. Лермонтов // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 210–248. [Vacuro V. Je. Lermontov // Russkaja literatura i fol'klor (pervaja polovina XIX v.). L., 1976. S. 210–248.]

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». Л., 1993. 240 с. [Vacuro V. Je. Lirika pushkinskoj poru: «Jelegičeskaja shkola». L., 1993. 240 s.]

Гете И. В. Страдания юного Вертера // Гете И. В. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с нем. Т. 2. М., 1985. С. 13–122. [Gete I. V. Stradanija junogo Vertera // Gete I. V. Izbrannye proizvedenija: v 2 t. / per. s nem. T. 2. M., 1985. S. 13–122.]

Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. 408 с. [Ginzburg L. O lirike. 2-e izd., dop. L., 1974. 408 s.]

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996. 422 с. [Ermolenko S. I. Lirika M. Ju. Lermontova: zhanrovye processy. Ekaterinburg, 1996. 422 s.]

Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. 548 с. [Zyrjanov O. V. Jevoljucija zhanrovogo soznanija russkoj liriki: fenomenologičeskij aspekt. Ekaterinburg, 2003. 548 s.]

Книга завещаний: Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков [Электронный ресурс] / пер. с франц. Я. Старцева и Г. Зельдовича. М., 2012. URL: <http://www.vodoleybooks.ru/home/item/9785917631196.html> (дата обращения: 01.08.2014). [Kniga zaveshhanij: Francuzskie pojeticheskie proshhanija i zaveshhanija XIII–XV vekov [Electronic resource] / per. s franc. Ja. Starceva i G. Zel'doviča. M., 2012. URL: <http://www.vodoleybooks.ru/home/item/9785917631196.html> (mode of access: 01.08.2014).]

Краснов П. Н. Картины былого Тихого Дона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regiment.ru/Lib/A/13/5.htm> (дата обращения: 01.08.2014). [Krasnov P. N. Kartiny bylogo Tihogo Dona [Electronic resource]. URL: <http://www.regiment.ru/Lib/A/13/5.htm> (mode of access: 01.08.2014).]

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с. [Lejderman N. L. Teorija zhanra. Issledovanija i razbory / In-t filol. issledovanij i obrazovat. strategij «Slovesnik» UrO RAO; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2010. 904 s.]

Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. М.; Л., 1954–1957. Т. 1. 1954. 452 с. Т. 2. 1954. 388 с. Т. 6. 1957. 903 с. [Lermontov M. Ju. Soch.: v 6 t. M.; L., 1954–1957. T. 1. 1954. 452 s. T. 2. 1954. 388 s. T. 6. 1957. 903 s.]

Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. 784 с. [Lermontovskaja jenciklopedija. M., 1981. 784 s.]

Литературная энциклопедия: в 11 т. [Электронный ресурс] / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. Т. 4. М., 1930. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1889/Zaveshhanie (дата обращения: 01.08.2014). [Literaturnaja jenciklopedija: v 11 t. [Electronic resource] / pod red. V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo. T. 4. M., 1930. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1889/Zaveshhanie (mode of access: 01.08.2014).]

Морковина О. В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/problema-vzaimootnoshenija-literatury-i-delovoj-pismennosti-v-tradicii.html> (дата обращения: 03.07.2014). [Morkovina O. V. Problema vzaimootnoshenija literatury i delovoj pis'mennosti v tradicii drevnerusskogo zaveshhanija: dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2005 [Electronic resource]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/problema-vzaimootnoshenija-literatury-i-delovoj-pismennosti-v-tradicii.html> (mode of access: 03.07.2014).]

Под ракитой зеленой [Электронный ресурс]. URL: <http://a-pesni.org/popular20/podrakit.htm>; URL: <http://nevsky-polk.narod.ru/pesni.html> (дата обращения: 03.07.2014). [Pod rakitoju zelenoj [Electronic resource]. URL: <http://a-pesni.org/popular20/podrakit.htm>; URL: <http://nevsky-polk.narod.ru/pesni.html> (mode of access: 03.07.2014).]

Степь Моздокская [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lovelegends.ru/folklore/song49.php> (дата обращения: 03.07.2014). [Step' Mozdokskaja [Electronic resource]. URL: <http://www.lovelegends.ru/folklore/song49.php> (mode of access: 03.07.2014).]

Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. 702 с. [Udodov B. T. M. Ju. Lermontov: hudozhestvennaja individual'nost' i tvorčeskie processy. Voronezh, 1973. 702 s.]

Фризман Л. Г. Два века русской элегии // Русская элегия XVIII — начала XX века. Л., 1991. С. 5–48. [Frizman L. G. Dva veka russkoj jelegii // Russkaja jelegija XVIII — nachala XX veka. L., 1991. S. 5–48.]

Черный ворон [Электронный ресурс]. URL: <http://miglocal.ru/showthread.php?page=1&t=160473> (дата обращения: 01.08.2014). [Chernyj voron [Electronic resource]. URL: <http://miglocal.ru/showthread.php?page=1&t=160473> (mode of access: 01.08.2014).]

Статья поступила в редакцию 14.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов + 821-141

О. А. Перевалова

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЛЕРМОНТОВСКИХ «МОЛИТВ»

Рассматриваются примеры стихотворных молитв Лермонтова, подробно описываются признаки таких оригинальных жанровых разновидностей, как «моя молитва» и «метамолитва». Особое внимание уделяется категории рефлексивности в творчестве поэта. Отмечается взаимообусловленность путей жанровой эволюции молитвенной лирики Лермонтова и основных направлений его духовно-творческого развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. Ю. Лермонтов; стихотворная молитва; жанровая разновидность; молитвенный дискурс; «моя молитва»; «метамолитва»; жанровая рефлексия.

Под молитвами понимаются стихотворения специфической жанровой природы, возникшие в русской поэзии XVIII в. на стыке сфер светского и сакрального и изначально существовавшие в парадигме лирических жанров в виде переложений прецедентных текстов в русле новозаветной молитвенной традиции. Содержательные основы данного жанра сформировались благодаря ориентации на молитвенный канон, а именно на тексты, входящие в церковную практику, что и предопределило наличие дифференцирующих жанровых признаков: инвариантной архитектоники, имманентной диалогичности, устойчивого мотивно-тематического комплекса.

Молитва как лирический жанр обладает некоторой степенью вторичности по отношению к молитве как церковному жанру, из которого она выросла. Эволюция жанра молитвы заключается во все большем отдалении от канонического общепринятого текста в сторону личного молитвословия. Речевая форма молитвы для лирики перестает быть первостепенно значимой, главной интенцией поэтов при обращении к жанру молитвы становится передача молитвенного чувства, не последнюю роль в которой играет категория медитативности.

Трансформация жанра молитвы приводит к тому, что молитва начинает восприниматься, прежде всего, как жанр лирический и, соответственно, существующий по законам лирики. «Молитва, сформулированная стихами, и лирическое произведение, написанное в форме молитвы, — далеко не одно и то же; это тексты разных дискурсов» [Тюпа, с. 141], — с ним нельзя не согласиться. Стремление к выражению личностного переживания в диалоге с трансцендентной сущностью

или желание раскрыть преобразующее воздействие молитвы позволяет достаточно вольно относиться к вербальным показателям молитвы, важным для религиозного дискурса. Но лирическое начало в молитве все же не заглушает собственно молитвенного. И «лирическое произведение, написанное в форме молитвы», — все равно остается молитвой и так или иначе основано на диалоге с Богом, принадлежит в равной степени православному, молитвенному и лирическому дискурсам¹.

Расцветом жанра молитвы в русской поэзии можно считать творчество поэтов-романтиков, именно их новаторские интенции, совокупно с профетической концепцией, идеей об исключительной личности и первостепенной значимости личностного начала в искусстве, стали почвой для возникновения разнообразных индивидуально-авторских разновидностей внутри жанра молитвы.

Представление о бинарности бытия, склонность к саморефлексии и бесконечный поиск гармонического единства обусловили обращение М. Ю. Лермонтова к жанру молитвы на протяжении всего творческого пути. Стремление высказать в поэтическом слове прежде всего самого себя («я») и посредством этого высказывания понять (и одновременно утвердить) свое место в системе мироздания предопределило новаторский характер лермонтовского диалога с Богом. Создавая «молитвы», поэт не опирается на готовые жанровые образцы, но тем не менее не выходит за рамки жанровой традиции стихотворной молитвы, оставаясь в пределах молитвенного дискурса.

Так, юношеское стихотворение Лермонтова «Не обвиняй меня, Всесильный...», написанное им в 1829 г. и названное «Молитвой», на первый взгляд, мало напоминает традиционные молитвы. Оно не только не вписывается в перелогательную традицию, но и, казалось бы, подрывает сущностные основы уже оформившегося в литературной традиции жанра. Лирический субъект стихотворения обращается к «Всесильному» не с просьбой, а с исповедью, в которой указывает на собственную неспособность к истинной христианской молитве, бросает вызов Богу. Молитва оказывается самоутверждением лирического субъекта, его самооправданием и признанием исключительной ценности земного мира «с его страстями». Молитвенный диалог приобретает характер соперничества: лирический субъект осознает свое собственное «я» если и не равным Божественному, то не далеко отстоящим от него: Творцом своего мира, отмеченным «чудным пламенем» и «жаждой песнопенья». Наряду с мотивом покаяния возникает богоборчество: «струя» Божественных «живых речей» проигрывает (в восприятии лирического субъекта) «лаве вдохновенья». Он осознает невозможность отказа от своего дара, даже ради «спасения». «Путь спасенья» оказывается так же «тесен» ему, как и «мир земной», ибо вступление на него неизбежно приведет к утрате самоидентификации личности: освободит от «страшной жажды песнопенья»,

¹ По нашему мнению, жанр лирический не претендует на соперничество с духовно-психологической ценностью молитвы, а, наоборот, органично вбирает в себя ее сущностные черты, и существованию лирического жанра не противоречит указание В. И. Тюпы на невозможность словесного выражения «молитвенной трансцендентности»: «Молитва — трансцендентная коммуникация, состоящая в выходе за пределы человеческого сознания», преобразующая самого молящегося, не доступная «нарративному изложению» и «расходящаяся с лирикой ветвь эволюции магических заклинаний» [Тюпа, с. 39, 141].

преобратит «сердце в камень», т. е. уничтожит «я» лирического субъекта, что немислимо для него. Трагизм усиливается в финале стихотворения: выбора пути не происходит, противоречие не снимается, вопрос о том, какой удел лучше: «страшная жажда песнопенья» во «мраке земли могильном с ее страстями» или же «тесный путь спасенья» — остается открытым.

Но это стихотворение не лишено молитвенной медитативности. Исповедуя свою душу, лирический субъект словно стремится дать характеристику своей собственной природы (поэта), а заодно и разобраться в своих противоречивых с Божественным миром отношениях. Иронически, а вместе с тем и трагически, звучит словно бы «спонтанное» признание: «К тебе ж проникнуть я боюсь, / И часто звуком грешных песен / Я, Боже, не тебе молюсь» [Лермонтов, т. 1, с. 73].

Не похожее на типичные стихотворения жанра молитвы произведение Лермонтова открывает новую жанровую традицию для возникшей в творчестве русских поэтов в 20-е гг. XIX в. разновидности, которую мы с определенной долей условности именуем «моя молитва». Именование «моя молитва» в качестве номинации целой жанровой разновидности производится нами путем метонимического переноса названия наиболее показательных стихотворений, появившихся в творчестве поэтов-романтиков (в частности, Д. В. Веневитинова, И. И. Козлова, П. А. Вяземского, Н. П. Огарева, А. Е. Измайлова, И. С. Тургенева).

«Моя молитва» — особая жанровая разновидность стихотворной молитвы, характеризующаяся редукцией составляющих молитвенного дискурса и не вписывающаяся в жанровый канон; своего рода лирическая медитация, носящая глубоко личностный исповедальный характер: импровизированный диалог с Богом ведется с позиции лирического «я», которое становится для героя именем собственным. Помимо усиления субъективности (подмены соборного христианского «мы» уникальным «я»), данная разновидность имеет несколько жанрообразующих черт: 1) индивидуальные метафорические именованья Божественного начала; 2) вербализованная рефлексия исповедального характера над поводом обращения к молитве; 3) неканонический характер просьб (в том числе прошения о страданиях, о смерти); 4) замена финальной закрепительной формулы «последней просьбой» или словесными показателями обреченности или неверия.

Примыкает к жанровой разновидности «моя молитва» и перекликающееся с первой «Молитвой» Лермонтова его стихотворение «Благодарность» (1840). В небольшом по объему стихотворении, будто не обращенном ни к кому, звучит совершенно не свойственная молитве просьба о смерти, метафорическая, скрытая за горькой иронией: «Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я еще благодарил» [Лермонтов, т. 2, с. 159]. И эта просьба уже не выглядит «спонтанной», она — итог жизненного разочарования, расплата за «самость»: всё, с чем не готов был расстаться лирический субъект ради «пути спасения», утратило ценность, обернулось ложной истиной, опустошило душу. Лирический субъект предстает уже не пылким юношей, легко, играючи бросающим «вызов» «Всесильному», а уставшим от «мучения страстей» человеком. «Благодарность» — не обвинение, а горькое осознание: все «за то, что» лирический субъект молил его не «обвинять», трансформировались в «за всё благодарю» — дерзкие слова молитвы

услышаны и исполнены, но осознание самообмана влечет непреодолимое разочарование, подчеркнутое в стихотворении кольцевой композицией, усиливающей его трагическое звучание: нет выхода из замкнутого круга «страстей» и «обмана» и не вернуть «жар души, растраченный в пустыне»; безысходность, обреченность не дают молить о спасении. Диалог разомкнут, результатом беспощадной трагической самоиронии становится «последняя просьба», демонстрирующая тщетную попытку найти «путь спасения».

Стихотворения «Не обвиняй меня, Всесильный...» и «Благодарность» иллюстрируют жанровую разновидность «моя молитва» и представляют собой, во-первых, диалог лирического субъекта зрелого поэта с самим собою юным, во-вторых, один из сюжетов лермонтовской молитвенной лирики, которая им, безусловно, не исчерпывается.

Стихотворения-молитвы 1837 и особенно 1839 гг., также названные Лермонтовым «Молитвами», открывают не только новый вектор творческой эволюции поэта, но и становятся образцами зарождающейся в то время жанровой разновидности стихотворной молитвы, связанной с поэтической интенцией выражения глубинного лирического чувства от молитвенного события и со-бытия.

Стихотворение Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» (1837) впоследствии станет прецедентным текстом русской поэзии. Взяв за основу каноническую просительную молитву к Божией Матери, поэт создал разновидность лирической ходатайственной молитвы за «деву невинную», любимую или родную женщину. Такая молитва получит широкое распространение в творчестве русских поэтов (например, «Владычица Сиона, пред тобою...» и «Ave Maria» А. А. Фета).

На первый взгляд, стихотворение является вариацией на тему, заданную сакральным текстом, и, действительно, ориентировано на комплекс церковных молитв, обращенных к Божией Матери, особенно читаем в нем пасхальный тропарь Богородице. Но непосредственно молитвенному слову предшествует своеобразное лирическое вступление, в котором раскрывается предыстория обращения к молитве и сила воздействия ее на лирического субъекта:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

[Лермонтов, т. 2, с. 93]

В сущности, первая часть стихотворения есть уже «метамолитва». М. Ю. Лермонтов использует тот же прием, что и А. С. Пушкин в стихотворении «Отцы-пустынники»: привносит в текст молитвы новый структурный элемент, который будет значим для дальнейшего развития лирического жанра.

Композиционная структура «Молитвы» содержит две равные части:

— вступление, в котором устанавливается с помощью обращения молитвенный дискурс, описывается цель и тип молитвы: «не о спасении», «не перед битвою», «не за свою... душу», но о «вручении девы невинной Теплой заступнице мира», характеризуется душевно-психологическое состояние лирического субъекта — «странника в свете безродного» с «душой пустынной»;

— собственно мольба, в которой звучат просьбы о даровании «счастья» «душе достойной», противопоставленной лирическому субъекту, и раскрывается понятие счастья. Высокий лиризм достигается при помощи умиротворенных просительных интонаций, использования поэтических приемов, а также воспроизведения традиционных элементов церковного языка — именовании и тропов, принятых в акафистах («Теплой Заступнице», «хладные сердца наша»). Молитвенный диалог завершается не закрепительным словом, а «последней просьбой» о даровании Божиего Царства «прекрасной душе».

Субъектную организацию «Молитвы» Лермонтова можно представить следующим образом:

— субъект (молящийся, герой-«странник»), который наделен чувством «христианского лиризма», способностью к «православному мироощущению» [Котельников, с. 23];

- «наадресат» («Мать Божия», «Теплая Заступница мира холодного»);
- объект охранного воздействия («дева невинная»).

Мольба лирического субъекта бескорыстна и искренна, подобна самой «настоящей молитве», проникнута христианским лиризмом². Выражению душевного состояния лирического субъекта способствует интонационный строй стихотворения, вообще звуковая оболочка стихотворной молитвы, приемы звукописи. Вступление, предваряющее собственно молитву и раскрывающее не только повод обращения лирического героя к Божией Матери, но и характер его взаимоотношений с миром (странничество, одиночество), звучит «как страстный, горячий шепот». Лирический субъект «словно торопится поскорее перейти от горестных мыслей о себе» [Ермоленко, с. 25] к сути своей молитвы, словно подбирая нужный ее вариант. Притом важность такого выбора подчеркивается синтаксическим параллелизмом — четырехкратным повторением частицы *не*. Для выражения молитвенного чувства лирического субъекта оказываются неподходящими молитвы «о спасении», «перед битвою», благодарственные или покаянные, не подходит и «моя молитва»: «Не за *свою* молю душу пустынную...». Но, едва определившись с нужным способом молитвы, лирический субъект как бы успокаивается: интонация страстного торопливого шепота сменяется умиротворенной интонацией моления. Антитеза, проявляющаяся уже на уровне фонической организации стихотворения, разворачивается и в метафорической характеристике Божией Матери: «*теплой* Заступнице мира *холодного*», выражающей свойственный

² Ср.: «Бескорыстная мольба лирического героя выражена с такой неподдельной искренностью, что возникает ощущение ее полной безыскусственности. Будто она неожиданно и вдохновенно исторглась вдруг из души, как “настоящая молитва”, которая, по выражению А. Ф. Лосева, “приходит сама собой, неизвестно откуда... иногда вопреки всему”» [Ермоленко, с. 25].

лирическому субъекту Лермонтова драматизм восприятия действительности с ее контрастами. Одновременно она подчеркивает и значимость молитвенных слов.

Это лирическое вступление, предваряющее ходатайственную молитву, могло бы быть воспринято как самостоятельный текст, имеющий в основе своей задачу — дать характеристику молитвы. Действительно, здесь часть, заключающая в себе собственно мольбу, практически равноценна вступительной части; чувство, испытываемое лирическим субъектом едва ли не важнее самой мольбы, диалога; на первый план выходит рефлексия по поводу молитвы. Рефлексивность вообще свойственна поэзии Нового времени, особую роль играет это типологическое свойство лирической поэзии для жанра стихотворной молитвы. Рассматриваемое нами стихотворение Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» соединяет в себе черты двух разновидностей: оно и вариация на тему, заданную сакральным текстом, и рефлексия по поводу молитвенного события.

В стихотворении 1839 г. указания на какой-либо канонический текст нет, как нет и слов мольбы, но тем не менее сам поэт именует свое стихотворение «Молитвой». Оно и есть молитва. Но не слова, а чувство молитвы выражено в нем. Оно — рефлексия по поводу молитвы. Стихотворение «В минуту жизни трудную» раскрывает преображающее воздействие «одной молитвы чудной» на душу лирического субъекта при отсутствии собственно молитвенных слов, обращений, просьб, каких-либо указаний на вербально-смысловую оболочку «созвучья слов живых». Композиция стихотворения отражает динамику душевного состояния лирического субъекта: «грусть», теснящаяся в сердце «в минуту жизни трудную», благодаря «благодатной силе» и «непонятной святой прелести» «живых» слов «одной чудной молитвы», сменяется душевной «легкостью» и светом: «С души как бремя скатится, / Сомненье далеко...» [Лермонтов, т. 2, с. 127]. Лермонтов задает тон новой жанровой разновидности: мотивы слез, умиления, легкости станут первостепенно значимыми в мотивной структуре «метамолитвы», а установка на создание атмосферы «душевной просветленности» после диалога с «наадресатом» с помощью невербальных средств выразительности стиха — одним из ведущих конструктивных принципов³. Лермонтов первым дает «метамолитву» в чистом виде.

Под «метамолитвами» понимаются стихотворные молитвы, утратившие связь с парафрастической традицией и не ориентированные на непосредственное переложение сакрального текста, представляющие собой рефлексия по поводу молитвенного события: молитвенный диалог в них вынесен за рамки стихотворения, вербально не выражен, на первом плане — глубоко личностные переживания лирического субъекта [см.: Перевалова]. «Молитву» Лермонтова 1839 г. («В минуту жизни трудную...») можно считать образцом «метамолитвы».

Примыкает к лермонтовским стихотворным молитвам стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» (1836), которое не принято рассматривать в русле

³ Ср. высказывание современного исследователя об этом стихотворении: «Слезы здесь не знак несправедливой судьбы, а проявление смирения и любви. Кроме того, освобождение героя “от страшной жажды песнопенья” происходит только через молитву, и прежний ропот героя исчезает в молитве» [Мосалева, с. 43].

молитвенной лирики, но тема молитвенного преображения звучит и в нем. Здесь, по нашему мнению, через описание состояния природы и связанного с ним обновления души лирического субъекта реализуется рефлексия по поводу молитвенного состояния. Стихотворение строится на основе контраста: покой мира природы противопоставлен тревогам и сомнениям человеческой души. Созерцая образы «мирного края», прислушиваясь к игре «студеного ключа» и шуму «свежего леса» «при звуке ветерка», лирический субъект открывает свою душу навстречу Богу, достигает состояния внутренней гармонии, подобного состоянию молитвенного преображения: «Тогда смирятся души моей тревога, / Тогда расходятся морщины на челе, — / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу бога» [Лермонтов, т. 2, с. 92]. Завершающее стихотворение слово «Бог» указывает на важность Его обретения для духовного преображения лирического субъекта: земное счастье невозможно без ощущения Божественного присутствия; образы природы — одновременно и фон, и условие поиска этого ощущения, а результат поиска — гармония, достижение органичного духовного состояния со-природности и со-бытийности: человек, природа, Бог неразрывно связаны. Прием параллелизма, явленного в лексических, синтаксических и звуковых анафорах, с помощью которого построено стихотворение, и особая ритмическая организация произведения (в строфах чередуются строки, написанные шести-, пяти- и четырехстопным ямбом) создают интонацию медитативности, свойственную «метамолитвам».

Среди молитв Лермонтова неслучайно нет ни одного переложения, т. к. данная жанровая разновидность противоречит творческим интенциям поэта. Непрерывающийся на протяжении всего творческого пути поиск способа для выражения диалога с Богом, «соучастником личной судьбы» [Лермонтовская энциклопедия, с. 464], явленный в многообразии представленных в лирике Лермонтова экспериментальных разновидностей жанра молитвы, отражает прежде всего духовный поиск гармонии, неразрывно связанный не только с самопознанием и миропознанием, но и с Богопознанием. Путь духовного развития поэта можно проследить по эволюции жанровых разновидностей молитвы в лирике М. Ю. Лермонтова⁴: от «моей молитвы», не лишенной горделивого самолюбования и дерзости, свойственных юности, к признанию ложности когда-то обозначенных идеалов («Не обвиняй меня, Всесильный...» — «Благодарность»); от откровенного признания наравне с Божественным и Демонического начала, а вместе с тем и замены «живых речей» «звуком грешных песен» [Лермонтов, т. 1, с. 73] — к представлению о постижении «счастья на земле» чрез «бога в небесах» [Лермонтов, т. 2, с. 92] и о «благодатной силе созвучья слов живых» [Лермонтов, т. 2, с. 127]; от исключительной сосредоточенности на своем собственном «я» — к чистой молитве за другого («Не обвиняй меня, Всесильный...» — «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»).

⁴ Прослеживая путь духовной эволюции М. Ю. Лермонтова, мы исключаем из рассмотрения так называемые «пародийные молитвы» («Моя мольба», 1830; «Юнкерская молитва», 1833), считая их явлениями другого порядка. «Пародийная молитва» переводит «высокое» слово молитвы в сниженный регистр, подменяет «сакральное» «профанным», молитвенный дискурс — игровым, а следовательно, не может быть знаком духовного развития.

Ермоленко С. И. Религиозное чувство М. Ю. Лермонтова в лирическом выражении // Лермонтовские чтения — III. Екатеринбург, 2010. С. 6–30. [Ermolenko S. I. Religioznoe chuvstvo M. Ju. Lermontova v liricheskom vyrazhenii // Lermontovskie chtenija — III. Ekaterinburg, 2010. S. 6–30.]

Котельников В. А. Язык церкви и язык литературы // Русская литература. 1995. № 1. С. 5–26. [Kotel'nikov V. A. Jazyk cerkvi i jazyk literatury // Russkaja literatura. 1995. № 1. S. 5–26.]

Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1954–1957. [Lermontov M. Ju. Soch. : v 6 t. M. ; L., 1954–1957.]

Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. Lermontovskaja jenciklopedija. M., 1981.

Мосалева Г. В. Молитвенный Лермонтов // Кормановские чтения : материалы Межвуз. конф. (Ижевск, апрель 2004) / сост. Е. А. Подшивалова, Д. И. Черашняя. Ижевск, 2005. Вып. 5. С. 33–44. [Mosaleva G. V. Molitvennyj Lermontov // Kormanovskie chtenija : materialy Mezhvuz. konf. (Izhevsk, april' 2004) / sost. E. A. Podshivalova, D. I. Cherashnjaja. Izhevsk, 2005. Vyp. 5. S. 33–44.]

Перевалова О. А. Жанровая разновидность метамолитвы в творчестве русских поэтов XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 163–170. [Perevalova O. A. Zhanrovaja raznovidnost' metamolitvy v tvorchestve russkih pojetov XIX v. // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2013. № 3 (117). S. 163–170.]

Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М., 2013. [Tjupa V. I. Diskurs / Zhanr. M., 2013.]

Статья поступила в редакцию 17.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов-31 + 028.02

С. В. Савинков
Е. В. Соколова

«ТАМАНЬ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В статье рассматриваются три интерпретации лермонтовской «Тамани». В этих интерпретациях на первый план выносятся мотив «неверного чтения», при этом, однако, понимание его роли и значения оказывается в прямой зависимости от берущихся во внимание контекстов. Романтический контекст заставляет расставлять акценты одним образом, мифологический — другим, собственно лермонтовский — третьим. Проблема состоит в том, можно ли считать эти интерпретации конфликтными, если в своих системах координат каждая из них отвечает принципу достоверности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: контекст; романтические стереотипы; провал коммуникации; мифологическая модель; мотив чтения; книга; слепой мальчик; тайна бытия.

С точки зрения А. К. Жолковского, «Тамань» должна прочитываться как «очередное звено в русской (анти)романтической традиции, которая по-новому разрабатывает знакомую тему столкновения героя с «иной» жизнью, персонифицированной в виде экзотической героини» [Жолковский, с. 683]. И это «по-новому» направлено прежде всего на подрыв романтических стереотипов. «В повести, в сущности, ничего не происходит: герой оказывается в Тамани лишь по необходимости и лишь от скуки заинтересовывается героиней; они не влюбляются друг в друга; герою не удается соблазнить героиню, а ей — убить его; герой

не умеет плавать, а его пистолет, вместо того чтобы стрелять, идет на дно; вообще, герой не контролирует событий, но он и безразличен к их неудачному исходу» [Жолковский, с. 685]. Развязка повести являет тем самым картину полной дезинтеграции, венчающей серию несобытий. С семиотической точки зрения, такой финал базируется на неправильном «прочтении» героями друг друга: «Печорин воспринимает героиню в терминах донжуанского кода — как экзотический объект для любовной интриги, а она его в “контрабандистском” коде — как сыщика. Каждый в своих собственных интересах подыгрывает чужому прочтению: он — чтобы припугнуть и заинтересовать ее, она — чтобы завлечь и убить его» [Там же, с. 686]. По мнению Жолковского, именно «наводящая скуку “случайностная” бессобытийность описываемого и провал коммуникации, вызванный засильем культурных штампов и поз» [Там же, с. 688], и оказались близки в «Тамани» Чехову, уловившему в ней нечто глубоко себе родственное. И именно это, а не язык Чехов и имел в виду, когда говорил о «Тамани» как жемчужине русской прозы.

В статье Дж. Эндрю [Эндрю] предлагается последовательный анализ повести, которую он рассматривает в качестве автономного объекта, вне связей с другими частями романа. Его анализ (о чем Эндрю предупреждает читателя) осуществляется с опорой на идеи и термины сюжетной типологии и повествовательных структур, а также с использованием элементов психоанализа и гендерной технологии.

С точки зрения Эндрю, в «Тамани» отчетливо просматривается обозначенная Ю. М. Лотманом элементарная последовательность событий в мифе, которая сводится к цепочке: вхождение в закрытое пространство (которое может интерпретироваться как «пещера», как «могила», как «дом», как синонимичная им «женщина») — выходение из него. Такое движение всегда сопряжено с глубинными изменениями инициационного характера и на разных уровнях может интерпретироваться как «смерть», «зачатие», «возвращение домой» и т. д., причем все эти акты мыслятся как взаимно тождественные.

В соответствии с репрезентируемыми в повести сказочными и мифологическими моделями посещение Печориным Тамани должно, согласно Эндрю, представляться так: герой пересек границу другого мира, царства тьмы, где ему предстоит на время ослепнуть. В царстве тьмы он утрачивает способность адекватно воспринимать вещи и испытывает символическое ослепление, обнаруживая полную неспособность декодировать (в переводе на язык семиотики) достаточно очевидные знаки. На языке теории повествования такая неспособность вызвана напряжением в отношениях сюжета и фабулы, на языке психоанализа — напряжением между сознательным и бессознательным. В фабульно-сюжетном противостоянии центральная роль принадлежит девушке, функция которой состоит в том, чтобы устранить разрыв между сюжетом и фабулой. Встреча с девушкой для Печорина, в терминологии В. Я. Проппа, обретает статус испытания.

В рамках истории «честных контрабандистов» (фабула) события имеют чисто практический, прозаический характер. В рамках истории Печорина (сюжет) события носят другой — таинственно-экзотический — характер. Сюжет — это попытка Печорина разгадать тайну, с которой каким-то образом связаны мальчик («слепой чертенок»), старуха (ведьма), девушка (русалка) и Янко (человек моря).

И чертенок, и ведьма, и русалка, с точки зрения Эндрию, должны рассматриваться как проекции сознания повествователя.

С особенной наглядностью смещение того, что на деле предстает взору Печорина, и того, что ему видится субъективно, проявляется, как думает Эндрию, в наиболее разработанной из прочих фигур — восемнадцатилетней «ундине». «Если попытаться определить образ девушки, все больше создается впечатление, что противоречащие друг другу элементы просто не желают складываться воедино. Они, в самом деле, не складываются вместе — по той причине, что она никак не является реальной девушкой, она есть всего лишь проекция желания повествователя» [Эндрию, с. 709]. В реальности она никак не может быть всем тем, чем она является по его мнению, но тогда она ведь и не существует в реальности, а существует только на уровне проекции его желания, и в этом смысле она — *знак* в чистом виде. То же самое, как полагает Эндрию, можно сказать и по поводу Янко: «он тоже — амальгама из литературных стереотипов (пожалуй, более однородная) и проекция фантазий повествователя» [Там же, с. 713]. А в свете эдипального характера исканий повествователя Янко можно рассматривать как Отца, которого герой стремится вытеснить и заместить, что ему отчасти и удается.

В общем и целом Эндрию приходит к выводу, что Печорин, разрешая двусмысленности внутри своего собственного характера и гендерного определения, все-таки проходит испытание и становится Героем. «Это была долгая и тяжкая (хотя отчасти и смешная) борьба, но в последних абзацах он, как мне кажется, проснулся, он научился видеть, действовать как мужчина, а потому может теперь покинуть закрытое пространство, возродиться. Стало быть, в этом смысле — и к тому же учитывая, что “Тамань” является первой историей внутри романной хронологии, — я склонен полагать, что в этой повести показан не “крах” героя, а напротив: то, как он научился быть героем» [Там же, с. 723].

Как видно, между статьями А. К. Жолковского и Д. Эндрию есть точки пересечения. И тот, и другой выдвигают на первый план ситуацию *неверного чтения* и связывают ее прежде всего с образом девушки-ундины. Однако если выйти за пределы текста в более широкий контекст, то акценты могут быть расставлены несколько иначе [см.: Савинков, с. 231–243].

Прежде всего, следует сказать, что мотив *ч т е н и я* находится в тесном сопряжении с чрезвычайно важным и для лермонтовского романа, и для всего творчества поэта образом книги. Как известно, отношение Печорина к жизни как к *дурному подражанию давно ему известной книге* станет одной из важнейших его характеристик. Печорин смотрит на окружающие его фигуры как на персонажи давно ему известной книги и потому, легко их «прочитывая», испытывает непреодолимую скуку. Но есть место в романе, когда «прочитать» ему не удастся, и это место — «Тамань»: «Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?» [Лермонтов, с. 250].

Печорин не в состоянии «прочитать» слепого мальчика точно так же, как он не в состоянии прочитать (хотя как будто убежден в обратном) запечатанную книгу бытия. Библейский контекст заставляет уподобить слепого мальчика великой Книге, а бельмы на его глазах — печатям, которыми эта книга запечатана. Ключом к библейскому контексту является фраза, которую Печорин вспоминает,

наблюдая за поведением слепого мальчика: «В тот день немые возопиют и слепые прозрят...» [Лермонтов, с. 251]. Эта цитата (в несколько измененном виде) взята Лермонтовым из Книги пророка Исаии, из той ее части, которая повествует о запутанных «прозорливцами» «блуждающих духом», не отличающих сон от яви, не соразмеряющих свои немощные силы с силами Создателя и вследствие этого не слышащих гласа Господа. Для них «...всякое пророчество то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: “прочитай ее”; и тот отвечает: “не могу, потому что она запечатана”» (Ис. 29:11). Так что бельмы на глазах мальчика не делают его невидящим, а делают невидимым его внутреннее содержание, в определенном смысле аналогичное содержанию великой книги.

При таком раскладе центральной фигурой в «Тамани» станет не девушка (как считают А. К. Жолковский и Дж. Эндрю), а именно слепой с его странным всеведением (не зря в черновых набросках к роману Лермонтов назвал своего героя «всевидящим»). В этом контексте фигура не поддающегося «прочтению» слепого мальчика из «Тамани» получает явно символический смысл, требующий иного толкования. В конце концов разоблачая тайну слепого мальчика «самым прозаическим образом», Печорин одновременно лишает и мир в целом того ореола таинственности, без которого он сразу же превращается для него в нечто бессмысленное и безнадежное, отталкивающее и неприглядное, а между тем истинная тайна бытия так и остается для него запечатанной.

В продолжение этих разысканий следует отметить, что мир Тамани имеет мифопоэтическую структуру: он отчетливо делится на две наделенные противоположной семантикой части — сушу и море, за каждой из которых закреплены те или иные персонажи. В повести, условно говоря, есть «люди моря» и «люди суши». Для странствующего офицера, «человека суши», море — пространство, хотя и влекущее его к себе, но чужое (не случайно герой не умеет плавать!). Для девушки (ундины, русалки) и Янко, «людей моря», чужая, напротив, — угрожающая их свободе суша (ср. слова Янко: «...Мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит» [Лермонтов, с. 259]). Для слепого же мальчика, место которого на границе — между морем и сушей, на берегу, нет пространства своего и чужого. Его назначение связного нейтрализует в нем противопоставление *моря* и *суши*, *этого* и *того* (не зря он пользуется разными языками: «говорил со мной мало-российским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски»), а потому персонаж этот оказывается наделенным (для Печорина недостижимой) всевидящей полнотой внутреннего знания.

Жолковский А. К. Семиотика «Тамани» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / сост., коммент. С. В. Савинкова, К. Г. Исупова. СПб., 2014. С. 681–690. [Zholkovskii A. K. Semiotika «Tamani» // M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 2. SPb., 2014. S. 681–690.]

Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1954–1957. Т. 6. [Lermontov M. Yu. Soch. : v 6 t. M. ; L., 1954–1957. T. 6.]

Савинков С. В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004. [Savinkov S. V. Tvorcheskaya logika Lermontova. Voronezh, 2004.]

Эндриу Д. «Слепые прозрят»: нарратив и гендер в «Тамани» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / сост., коммент. С. В. Савинкова, К. Г. Исупова. СПб., 2014. С. 690–724. [Endryu D. «Slepye prozryat»: narrativ i gender v «Tamani» // M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 2. SPb., 2014. S. 690–724.]

Статья поступила в редакцию 10.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов-31 + 811.113.4 Кьеркегор

А. Г. Овчинников

ОПЫТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. КЬЕРКЕГОРА И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА («ДНЕВНИК ОБОЛЬСТИТЕЛЯ» И «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

В статье рассматривается общность героев-обольстителей Кьеркегора и Лермонтова, которая осмысливается в ключе их духовно-эстетического опыта самопознания. Выявляется романтический метасюжет Кьеркегора и Лермонтова, который постулирует общность данного типа героев; помимо построения фабулы интриги, анализируется стратегия создания героями собственного образа и модели поведения (маски), их рефлексия по поводу объектов соблазнения, а также осмысливается мотивация этих духовных экспериментов. Стратегия маски в статье объясняется и как своеобразная игра с литературными клише романтической эпохи, и как средство создания индивидуации героев в момент отрицания маски.

Ключевые слова: Лермонтов; Кьеркегор; герой-обольститель; самопознание; духовно-эстетический опыт; фабула интриги; маска; мотивация; романтический метасюжет.

Интерес к творчеству Кьеркегора в соотношении с различными контекстами русской литературы XIX в. появился достаточно давно — в связи с докладом Л. Шестова «Достоевский и Кьеркегор»; в начале 1990-х гг. и далее произошла своеобразная реанимация этого интереса. Появились статьи А. Фришмана, В. В. Бибикина, В. И. Мильдона, в которых рассматривались разнообразные параллели С. Кьеркегора с Ф. Достоевским, Н. Гоголем, М. Лермонтовым, концепцией М. Бахтина [см: Фришман, 1994; 1996; Бибихин; Мильдон]. Исследователей привлекает творчество философа именно в плане выявления широких культурологических связей, которые могут быть прослежены как на западноевропейском, так и на русском материале. Кьеркегоровское творчество отражает кризис европейского сознания, базировавшегося на гуманистических ценностях Просвещения, и предваряет различные иррационалистические, постклассические системы философствования (Ницше и частично Достоевский). В этом смысле не удивительны имена названных художников и мыслителей.

Исследователи уже подходили к выяснению общности Кьеркегора и Лермонтова, главным образом, показывая близость лермонтовского мироощущения экзистенциальному сознанию Кьеркегора. Так, В. Мильдон в статье «Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели»

с удивительной прозорливостью почувствовал эту общность в связи с феноменом сознания Печорина: печоринская «скука неумирания», отчаяние, чувство ничтожности жизни и одновременно жажда высшего развития, по мысли исследователя, как бы объяснены Кьеркегором самим статусом экзистенциального положения человека, который в своих порывах к высшему как возможному всегда находится в неустранимом конфликте с силами Ничто, с силами необходимого, «общего» или «всеобщего» [Мильдон, с. 183]. Однако возможен и другой подход — исследование общности образов в конкретных художественных проявлениях писателей. И здесь проблемно-тематическое и жанровое совпадение Кьеркегора и Лермонтова — в рамках эпохи 1840-х гг. — это два дневника, написанных от лица двух соблазнительей: «Дневник обольстителя» Кьеркегора, часть более обширного труда под названием «Или — или», и «Журнал Печорина», часть романа Лермонтова «Герой нашего времени». В более узком смысле совпадение касается не всего дневника, а только его части — «Княжны Мери», где и прослеживается мотив соблазнения. В таком случае оба дневника подчинены целому более обширных произведений, куда они включены; оба снабжены «негативными» предисловиями неких их издателей; оба созданы практически в одно и то же время: «Или — или» датируется 1843 г., роман Лермонтова (второе издание) — 1841 г.

И часть «Княжна Мери» из «Журнала Печорина», и «Дневник обольстителя» Кьеркегора, безусловно, похожи тем, что действие в них разворачивается вокруг тематического мотива соблазнения. Совпадает общая схема построения опытов соблазнения: вначале создавая вокруг себя некий ореол загадочности, оба героя постепенно влюбляют в себя героинь, все заканчивается для последних неминуемой катастрофой: оба героя так или иначе объявляют свою любовь вымышленной, обманной, ненастоящей.

Как показали Н. Тетенков и В. Лашов, фабула интриги обольщения героинь в обоих случаях совпадает практически до полной идентичности: оба соблазнитель пытаются собрать как можно больше информации об объектах, о семье и окружении, которая необходима для составления плана действия, оба знакомятся с героинями в удобной ситуации, где Печорин и Йоханнес предстают в роли благородного героя, производят благоприятное впечатление на домашних, одолевают соперника в борьбе за сердце девушек, стремятся укрепить свои пассии в чувстве любви к ним, самым верным способом чего является пробуждение в них способности к самопожертвованию во имя героев [см.: Тетенков, Лашов, с. 90–98].

Исследователи обращают внимание и на общность мировоззрения соблазнительей: как считают Тетенков и Лашов, это сходство позволяет сделать вывод, что «Печорин, как и Йоханнес, в терминологии кьеркегоровской философии, эстет по своему мировоззрению. Лермонтов ранее, Кьеркегор чуть позже представили в своих произведениях новый эстетический тип существования — тип рефлектирующего обольстителя, культурный тип, который появился в европейском обществе» [Там же, с. 99]. Однако структура эстетического опыта личности такого плана в статье рассматривается, практически полностью базируясь на разборе сходства фабулы интриги обольстителей.

Опыт соблазнительей-эстетов выстраивается в рамках категории «интересное», на это обращают внимание и Тетенков и Лашов, ссылаясь на Мильдона.

Действительно, как отмечал Мильдон, оба героя: и эстетик Кьеркегора, и Печорин — стремятся «находить интересное в жизни», что «сродни необыкновенным вещам»; «интересное и есть необыкновенное, из ряда вон, то есть из этой действительности» [Мильдон, с. 179]. Как показывают названные исследователи, категория в рамках фабулы интриги работает как способ поставить и решить трудную задачу репрезентации любви, интересного в личности для любви к ней вне матримониального либо вне какого-либо духовного основания. Вместе с тем, как нам представляется, фабула построена и таким образом, чтобы обойти практическую реализацию стратегии светского интригана и соблазнителя типа Ловеласа.

Ловелас, соблазнитель из романа Ричардсона «Кларисса», как и другие опасные кавалеры европейской литературы: Вальмон из «Опасных связей», Дон Жуан — в своих интриганских действиях стремились к физическому обладанию (что часто и реализовывалось), что совершенно не характерно для соблазнительей нового типа, о которых идет речь. Кроме того, никто из этих героев не входил в контакт с родителями жертвы, играя роль возможного жениха, практически все действовали со стороны. Например, соблазняя Сессиль, Вальмон действует параллельно ее готовящемуся замужеству. В «Опасных связях» Шодерло де Лакло соблазнение выступает то как жестокая светская инициация, то как способ сломить отдалившуюся от света благочестиво живущую героиню. К тому же коварные соблазнительи часто искренно влюблялись в своих жертв, что происходило, например, с Вальмоном. Стратегия соблазнителя в «Герое нашего времени» и «Дневнике обольстителя», по существу, действует вхолостую, выглядит литературной стратегией, перенесенной в жизнь, как бы в канву частного человека, в значительной степени заурядного, но вместе с тем в чем-то и необыкновенного, с интенциями архетипа художника, творца или героя. Эта стратегия в большей степени реализуется не как практика жизни, приводящая к катастрофе героя (как это было в литературных произведениях о знаменитых соблазнительях), а прежде всего, как *духовно-эстетический опыт самопознания*.

Возможно, именно поэтому авторы произведений не только реализуют фабулу интриги, но и разворачивают перед нами достаточно сложный план рефлексии своих героев. Их раздумья, размышления по поводу собственной стратегии, которые могут и не совпадать с тем, что реально происходит, приводят к сложной субъектно-объектной организации этого эстетического опыта личности в рамках стратегии героя-обольстителя.

Эстетический опыт обольстителей, таким образом, развернут в произведениях не только в фабуле интриги, но и в создании героями собственного образа и модели поведения. Также этот опыт разворачивается благодаря мотивации выбора объекта (у Кьеркегора это особо разъяснено), рефлексии по поводу объекта, а также благодаря мотивации этих художественных экспериментов «идеями», определяющими, для чего организуется подобный опыт.

Действительно, оба соблазнительи так же, как и характер их поступков, достаточно необычны и странны, и прежде всего тем, что их обоих мало волнуют конечные результаты их усилий, героев занимает не обладание, а определенный вид влияния на души их пассий. В этом смысле авторам необходимо было обеспечить героев какими-то идеями, объясняющими характер их поступков.

Приведем некоторые выписки из «Дневника оболыстителя», где Йоганнес пытается осознать мотивы своего любовного увлечения Корделией. «Что я делаю? Обольщаю ли я Корделию? — Совсем нет; это меньше всего входит в мои намерения. Хочу ли украсть ее сердце? — Напротив, предпочитаю, чтобы моя возлюбленная сберегла его. Так что ж я делаю? — Я придаю своему сердцу новую форму по образцу ее сердца... Художник рисует на полотне черты возлюбленной, скульптор лепит ее формы; моя работа тоже нечто вроде скульптуры, конечно, в духовном смысле» [Кьеркегор, с. 136]; «Как ни заинтересован я Корделией, но есть все-таки условия, при которых я не согласился бы принять ее “да”. Я совсем не гонюсь за тем, чтобы обладать ею в реальном смысле, моя главная мечта наслаждаться ею в художественно-эстетическом смысле» [Там же, с. 116]; «Остался ли я в своих отношениях к Корделии верен священным обязательствам моего союза? — размышляет Йоганнес. — Да, т. е. обязательствам союза с эстетикой. Моя сила в том и заключается, что я постоянно остаюсь верен идее. <...> Обольстить девушку попросту, добиться одного физического обладания ею — для такого дела у меня, пожалуй, не хватит энергии и силы характера; лишь мысль о том, что я служу идее, может придать мне силу быть строгим к самому себе, воздержаться от всякого запрещенного наслаждения и неуклонно идти к цели» [Там же, с. 191].

В известном слове о себе Печорина (запись от 3 июня) оболыщение также соединено с определенной «идеей», но если для кьеркегоровского героя эта идея состоит в преодолении, преобразении реального мира посредством эстетики, то для Печорина соблазнение связывается с идеей влияния, власти собственного «я» в мире, в отношении судеб других людей, и сама эта возможность влияния становится определенным способом самопознания героя, возможностей его природы, границ возможностей. «Я часто себя спрашиваю, — размышляет Печорин, — зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую оболыстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство? Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия... Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой... <...> Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка, он вовсе ее не заслуживает. <...> А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы» [Лермонтов, т. 6, с. 293–294].

В идеях и поступках героев прослеживается и стремление обоих героев не только жить, выйдя из-под власти обыденности, этического (что тождественно в данном случае матримониальным целям), но и навязать этот собственный мир другому. Оболыщение для обоих героев становится средством своеобразного возмущения гармонии «непосредственности», какими являются Мери и Корделия, героини этих двух дневников. Здесь, по существу, прослеживается

общий *романтический метасюжет* Кьеркегора и Лермонтова, выражающийся в конфронтации уникальной и потому одинокой личности с общежизненной практикой, которая видится в горизонтах навязанной обыденной судьбы, в силу чего ей предоставляется реализовать некий новый опыт, вместе с тем вовлекая в эту орбиту «другого». В метафизическом смысле это соблазнение возможными мирами, или, по Кьеркегору, эстетикой — «царством возможного», оборачивающееся конструированием «маски» соблазнителя, фабулы интриги, мотиваций эксперимента.

Стратегия эстетического реализуется в дневниках и в определенном видении объектов обольщения. Для обоих героев героини не более чем способ реализации своих собственных как бы художественных экспериментов, их мало интересует внутренний мир Корделии и Мери как некая достоверность, действительность. Оба обольстителя воспринимают девушек как объект, в связи с которым разворачиваются их собственные эстетические переживания. Поэтому субъективность героинь в дневниках отражается лишь частично, не объективно, а так, как это видится самими героями. Оба соблазнителя выбирают для своих экспериментов в чем-то сходные объекты: героини довольно привлекательны и вместе с тем обыкновенны, включены в консервативную жизнь своего общества, клана, обе наивны, неопытны, вместе с тем, с потенциалом внутреннего развития. По сути, они оказываются в ситуации выбора наиболее интересного жениха, что и использовано «новыми» соблазнителями. В этой ситуации оба героя разыгрывают романтизированную маску сложной личности, глубокой натуры.

Маска Печорина уже обсуждалась в литературоведении. Так, исследовательница игровых стратегий героев в романе «Герой нашего времени» М. А. Алексеева считает, что герои романа Лермонтова в целом «действуют в соответствии с моделями поведения, заимствованными из книг», «герой оценивается либо как “ангел-хранитель”, либо как “коварный искуситель”», соответственно, героини играют их жертв. «В истории с княжной... Печорин реализует стратегию романтического обаятельного злодея» [Алексеева, с. 239]. Другими словами, в этой маске совмещаются противоположные характеристики: и «добро», и «зло». Действительно, под маской «коварного искусителя» у Пушкина скрывается Ловелас, герой романа С. Ричардсона «Кларисса», а под маской добродетельного героя-спасителя — Грандисон, «который нам наводит сон», как иронизировал Пушкин в «Евгении Онегине». По сути, между этими двумя масками располагается двойственная маска Печорина, героя, в котором все путано и неясно, и потому в еще большей степени таинственно и притягательно, особенно если вспомнить самохарактеристику Печорина, данную им Мери. Судя по этой характеристике, невозможно определить, искренен ли Печорин, но сам набор черт говорит о сложной, глубокой натуре, страдающей от непризнанности своей глубины, чье добро оскорблено злом жизни.

Об игре в соответствии с определенными литературными клише размышляет и сам Печорин: «С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это

судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов — или в сотрудники поставщику повестей, например, для “Библиотеки для чтения”?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..» [Лермонтов, т. 6, с. 301]. По существу, здесь мы видим элементы мифа о самом себе: герой размышляет о том, что жизнь предоставляет ему жить по примитивным клише, отыгрывать жалкие, мелодраматические роли, но маска могла быть и подлинной ролью — неким судьбоносным, высшим предназначением, о чем также задумывается Печорин.

О конструировании мифа о самом себе, о выборе маски, необходимой в той или иной ситуации, герой Кьеркегора сообщает прямым текстом: «Я сам становлюсь мифом о самом себе... Да разве все происходящее теперь — не миф?» [Кьеркегор, с. 199]; «Я должен тщательно подготовить свою роль и выбрать нужную маску» [Там же, с. 115].

Маска кьеркегоровского героя тоже сложна: он предстает то в роли очарованного любовника и романтика, поэта и эстета, открывающего безграничный мир прекрасного, то в роли безжалостного и циничного интригана, раскидывающего свои сети. Он утверждает, что любовь откроет Корделии безграничный мир фантазии и поэзии, в результате чего она сумеет «оторвать свои мысли от всего земного, узкого и ограниченного» и «перенесется в высшие сферы». И одновременно он говорит о том, что, по сути, возбудит ее страсть, и в страстном вихре любви сделает из нее все, что захочет [Кьеркегор, с. 140].

С другой стороны, и сами героини в восприятии героев предстают масками, в категории «интересного» волнующими фактурами для чувственно-эстетического опыта. Не удивительно, что в фокусе наблюдения героев мы видим лишь внешние чувственные проявления героинь, милые жесты, детали одежды, поведенческие реакции. Достаточно вспомнить размышления Печорина о бархатных глазках Мери (которые также называются магнетическими) или о том, достаточно ли белы ее зубы [см.: Лермонтов, т. 6, с. 265–266, 274]. В дневнике кьеркегоровского обольстителя подобного материала также достаточно много: «Я воспользовался случаем занять место одного господина, игравшего с Корделией. Какую бездну женственности и грации проявила она в бессознательном увлечении игрой! Какая чудная гармония отражалась во всех ее движениях! Какая смелость, энергия, какой вызывающий взгляд! ...вскользь брошенный мною... намек на прекрасный обычай обмениваться кольцами поразил ее, как молния... энергия самой Корделии все разгоралась» [Кьеркегор, с. 187–188]. Собственно, кьеркегоровский герой и не скрывает, что его волнует реализация исключительно чувственно-эротического опыта Корделии: вначале он пытается духовно ее заинтересовать собою: «Я добиваюсь, чтобы она потеряла интерес ко всему остальному, постоянно видела перед своими духовными очами одного меня!» И в этом случае книги, письма, выбор между неинтересным соперником и самим героем предоставляют большие возможности. Затем он переходит к некоей, как он сам говорит, драме, действуя внутри которой героиня должна выбрать между любовью и помолвкой. «Есть некоторая разница, — признается Йоханнес, — между духовным и чувственным эротизмом.

До сих пор я старался развивать в Корделии первый, — теперь пора вызвать второй» [Кьеркегор, с. 168].

Невинность и непосредственность жертвы вообще очень важна для предпочтений кьеркегоровского соблазителя, его волнует именно чистая женственность как таковая. Женщина воспринимается в дневнике как не более чем объект для чувственно-эротических представлений и фантазий, поскольку сама природа женщины мыслится как «бытие для другого», т. е. бездуховной, предназначенной исключительно для любви, так же, как и сама органическая природа, подчеркивает кьеркегоровский герой, которая «существует для другого — для духа» [Там же, с. 183]. Таким образом, благодаря рефлексии кьеркегоровского героя, опыт обольстителя реализуется от стадии менее бездуховной к более бездуховной. Тогда возникает вопрос: как быть с состраданием, которое включено в фабулу интриги? Как нам представляется, в то время как обольститель своей интригой доказывает самому себе существование чистой женственности без всякой духовности, *de facto* оказывается все наоборот. Он считает, что Корделия жертвует помолвкой (этическими связями с действительностью) ради него, т. е. ради выстроенного им царства эстетики — «царства возможностей»: «И вот теперь... союз наш порвется — она сама его порвет, чтобы перейти границы обыденного и перенестись в высшие сферы. Так и должно быть: это обещает фазис интересного, и это-то привлекает ее сильнее всего» [Там же, с. 192]. Эта речь произносится в дневнике как раз после того, как девушка весело подбросила вверх кольца, разорвала помолвку. Вот как этот жест описывает герой: «Рассказывают об одном французском солдате, участвовавшем в походе на Россию, которому надо было ампутировать ногу вследствие гангрены: когда мучительная операция окончилась, он схватил ногу за ступню и... подбросил ее вверх с криком: "Vive l'Empereur!". Такой же вдохновенный порыв охватил и ее, когда, прекрасная и торжественная, бросив оба кольца вверх, она воскликнула про себя: Да здравствует любовь!» [Там же, с. 188]. Однако этот эпизод можно интерпретировать и иначе: героиня разорвала помолвку ради любви, и ее жертвенность в этом смысле нельзя считать только проявлением чувственного эротизма.

Модель развития отношений Печорина и Мери во многом представляется аналогичной. В то время как интрига Печорина поначалу разыгрывается по всем правилам флирта, в дальнейшем мы то и дело замечаем, как в героях прорываются подлинные чувства сострадания и сопереживания. Например, в одной из записей Печорин удивляется самому себе, уж не влюбился ли он [см.: Лермонтов, т. 6, с. 307]. Одним из явных проявлений готовности к самопожертвованию княжны Мери можно назвать ее реакцию на самохарактеристику Печорина, которую он дает в разговоре с ней (запись от 3 июня), предварительно приняв «глубоко тронутый вид»: «В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание — чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, — а это великий признак!» [Там же, с. 297]. Далее Печорин отмечает в своем дневнике: «Мы расстались. Она недовольна собой; она себя обвиняет в холодности... О, это

первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть — вот что скучно!» [Лермонтов, т. 6, с. 298].

Кульминацией становится встреча с княжной Мери у колодца, где она уже прямо объясняется ему в любви: «Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу *пожертвовать* для того, которого люблю... » [Там же, с. 313].

В философской литературе маска интерпретируется и как способ социальной унификации личности (выработки социального симулякра, по Бодрияру), и как способ выхода за пределы социальной стандартизации. Как показывает А. С. Костомаров, маска выступает как феномен, трансцендирующий человеческое бытие, конституирующий новый опыт бытия человека. Маска выводит субъекта из привычного и повседневного, открывая ему новую систему координат, делая его другим по отношению к прежнему опыту бытия, отличным от себя прежнего. С другой стороны, отрицание маски в апофатическом опыте отделения индивида от своих различных масок приводит к выявлению индивидуальности, но сформировавшаяся индивидуальность нуждается в особом, специфическом знаке самопредъявления в социальном, этим знаком становится особая маска — собственная маска индивидуальности [см.: Костомаров, с. 5–6].

Теория маски может быть вполне применена к тому исключительно подвижному миру смены ролей и масок и открытию лица, миру, который мы видим в дневниках соблазнитель. Сложная маска обольстителей, явившаяся результатом трансформации литературных масок-клише, стала способом утверждения нового опыта индивида, сформировав уникальный духовно-эстетический опыт в границах дегероического, в рамках обыкновенной жизни человека, без литературных катастроф с летальным исходом. Опыт соблазнитель, реализовавшийся в канве духовно-эстетических исканий, изначально базировался на противодействии общежизненной практике, обыденному, мещанской среде (применительно к Кьеркегору), ложному миру света (у Лермонтова). Поэзия игры и маски должна была подорвать ложные основы мира, выявить его истинную природу — бездуховные, по сути, натуралистические основания социальной практики, где социальные роли заранее предписаны, а люди управляемы манипулятивными схемами. Однако этот опыт, будучи неожиданно экстраполированным, как бы внедренным в общежизненную практику, реализовался не только в игре и интриге, манипулятивных схемах подчинения, но и выявил общечеловечески значимое во внутреннем мире героев: способность к любви, самопожертвованию и самоотдаче, выявил не только возможность проживать жизнь в суррогатных околотитулярных формах, действовать не от имени лица, а от имени маски, но, как это ни парадоксально, и стремление к реализации высших творческих интенций — художника, творца или героя, рвущихся навстречу новым приключениям и художественным открытиям, придающим становлению характер бытия.

И как раз финалы произведений в значительной степени свидетельствуют об этом, поскольку именно в финалах происходит своеобразное раскрытие, отрицание маски, она отделяется от лица, и мы видим героев, с одной стороны,

в карикатурно-комическом, несерьезном виде; с другой стороны, в узнавании их подлинного лица видится стремление к выходу за круг внешней ограниченности жизни, порыв к духовной свободе. Кьеркегоровский герой обрывает все отношения с Корделией в момент, когда его любовь для героини достигает вершины серьезности его намерений; он выстраивает поэтически продуманную обстановку их ночи любви, где все говорит о бесконечно длящемся мгновении прекрасного. Однако длящееся мгновение как раз не может длиться вечно, после этой ночи он вдруг, как Фауст, все это готовое развернуться великолепие останавливает: «Я любил ее — да, но теперь она не может занимать меня больше. Будь я божеством, я сделал бы для нее то, что Нептун для одной нимфы, — превратил бы ее в мужчину» [Кьеркегор, с. 200]. Этот неожиданный пассаж в финале выглядит довольно вульгарным уничтожением существа женщины, но одновременно он отражает и понимание того, к чему стремится душа поэта и эстета — к любви, страшщейся «узких границ», но жаждущей «бесконечного простора» [Там же, с. 197]. Дальнейшие же отношения видятся героем именно в рамках этих узких границ обыденности, где начинает господствовать «одна слабость и привычка» [Там же, с. 200].

Несколько по-другому, но в чем-то параллельно выстраивается финал в «Княжне Мери». После дуэли, которая в свете интерпретируется как способ защитить честь Мери (и в этом смысле для княгини Лиговской любовь Печорина, видимо, выглядит любовью вполне достойного человека), но которая вместе с тем предстает, скорее, способом защитить собственную честь от шайки во главе с драгунским капитаном и выглядит новым духовным экспериментом героя (Печорину приходится в жестоких условиях играть в благородство, чтобы осрамить духовный примитивизм своего соперника Грушницкого), Печорин теряет Веру, как он считает, свою подлинную любовь, и отвергает матримониальные претензии княгини Лиговской. Далее следует разговор с Мери, в котором он объявляет ей, что не любит ее. В этой сцене Печорин, как и кьеркегоровский герой, выглядит в карикатурно-комическом, несколько водевильном свете: как он говорит, ему приходится разыгрывать «самую жалкую и гадкую роль», унижая героиню, в то же время в какой-то момент, видимо, от слез Мери, он готов упасть к ее ногам. И затем финальный пассаж: «И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится...» [Лермонтов, т. 6, с. 338]. В результате дуэли, которая выступает в романе как своеобразная катастрофа, герой теряет друзей, хотя, возможно, и мнимых, он утрачивает свою истинную любовь, а также отвергает возможность женитьбы. И в череде этих потерь единственное обретение — это духовное обретение свободы в ожидании новых поисков, которые, по всей видимости, могут развернуться в новом круге становления героя.

С. 227–253. [Aleksееva M. A. Igrovye strategii geroev v romane M. Ju. Lermontova «Geroj nashego vremeni» // Lermontovskie chtenija — III : materialy Vseros. nauch. konf. Ekaterinburg, 2010. S. 227–253.]

Бибихин В. В. С. Кьеркегор и Н. Гоголь // Русские и датские интерпретации творчества С. Кьеркегора. М., 1994. С. 82–90. [Bibihin V. V. S. K'erkegor i N. Gogol' // Russkie i datskie interpretacii tvorcestva S. K'erkegora. M., 1994. S. 82–90.]

Костомаров А. С. Маска как способ объявления лица в социокультурном пространстве : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2006. 20 с. [Kostomarov A. S. Maska kak sposob ob'javlenija lica v sociokul'turnom prostranstve : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Samara, 2006. 20 s.]

Кьеркегор С. Дневник обольстителя // Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д, 1998. С. 33–200. [K'erkegor S. Dnevnik obol'stitelja // K'erkegor S. Naslazhdenie i dolg. Rostov n/D, 1998. S. 33–200.]

Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1954–1957. [Lermontov M. Ju. Soch. : v 6 t. M. ; L., 1954–1957.]

Мильдон В. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь. 2002. № 4. С. 177–186. [Mil'don V. Lermontov i Kirkegor: fenomen Pechorina. Ob odnoj russko-datskoj paralleli // Oktjabr'. 2002. № 4. S. 177–186.]

Тетенков Н. Б., Лашов В. В. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексующего соблазителя // Философия и общество. 2010. № 4. С. 90–100. [Tetenkov N. B., Lashov V. V. K'erkegor i Lermontov: obraz refleksiрующego soblaznitelja // Filosofija i obshhestvo. 2010. № 4. S. 90–100.]

Фришман А. О Кьеркегоре и М. Бахтине «с постоянной ссылкой на Сократа» // Русские и датские интерпретации творчества С. Кьеркегора. М., 1994. С. 102–122. [Frishman A. O K'erkegore i M. Bahtine «s postojannoj sсыlkoj na Sokrata» // Russkie i datskie interpretacii tvorcestva S. K'erkegora. M., 1994. S. 102–122.]

Фришман А. Достоевский и Кьеркегор: диалог и молчание // Достоевский в конце XX века : сб. ст. М., 1996. С. 575–591. [Frishman A. Dostoevskij i K'erkegor: dialog i molchanie // Dostoevskij v konce XX века : sb. st. M., 1996. S. 575–591.]

Статья поступила в редакцию 17.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов + 821.161.1 Розанов-4 + 141.43

А. А. Медведев

ФЕНОМЕН ЛЕРМОНТОВА В ЭССЕИСТИКЕ В. В. РОЗАНОВА

В статье рассматривается розановское восприятие Лермонтова, созданная Розановым модернистская концепция русской литературы «от Лермонтова» и ее принципы. Мистичность лермонтовской лирики Розанов раскрывает в контексте восточнохристианской традиции. Универсальная архетипичность и онтологичность лермонтовских образов выявляется Розановым в соотношении с культурами Древнего Египта и Израиля. Розановское прочтение лирики Лермонтова в русле христианского гуманизма («пантеизм») подтверждается реконструкцией религиозной полемики Лермонтова и В. Одоевского.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Лермонтов; Розанов; христианская традиция; христианские концепты; онтологичность; христианский гуманизм.

На розановском олимпе русской классики «звездный и царственный» Лермонтов занимает недостижимое место как образцовый поэт, «великий лирик»,

«подлинный порфиродный юноша, которому осталось немного лет до коронавания» [Розанов, т. 4, с. 70, 77].

В первой статье о Лермонтове «Вечно печальная дуэль» («Новое время», 1898, 24 марта), написанной в период сближения с кружком Мережковских, Розанов предлагает отказаться от «версии происхождения нашей литературы “от Пушкина”», доказывая, что ее родоначальником был Лермонтов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее — духовной жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. <...> в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки» [Розанов, т. 7, с. 289]. Розанов отходит от национального литературного канона с почвенническим культом Пушкина (созданным Ап. Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым) и, по сути, создает модернистский канон во главе с мистическим Лермонтовым¹.

«Мистагогов» русской литературы» в лице Гоголя, Достоевского, Толстого Розанов возводит не к Пушкину, а к Лермонтову: «“Есть миры иные”, — тревожно сказал Достоевский, устами старца Зосимы, в “Братьях Карамазовых”; “есть мир иной” — разве не говорит это нам, не предостерегает нас об этом в “Смерти Ивана Ильича” Толстой?» [Розанов, т. 7, с. 291]. Мотив бегства в стихотворении «Пророк» (1841) («Посыпал пеплом я главу, / Из городов бежал я...») предвосхищает духовные поиски Гоголя, Толстого, Достоевского: «разве это не Гоголь, с его “бегством” из России в Рим? не Толстой — с угрюмым отшельничеством в Ясной Поляне? и не Достоевский, с его душевным затворничеством, откуда он высылал миру листки “Дневника писателя”?» [Розанов, т. 7, с. 293]. Позже Розанов отметит движение как основной мотив лермонтовского мировосприятия и поэтики в эссе «Пушкин и Лермонтов» («Новое время», 1914, 9 октября), написанном к 100-летию юбилею поэта: «Лермонтов никуда не приходит, а только уходит... Вы его вечно увидите “со спины”. Какую бы вы ему гармонию не дали, какой бы вы ему “рай” не насадили, — вы видите, что он берется “за скобку двери”... “Прощайте! ухожу!” — сущность всей поэзии Лермонтова» [Розанов, т. 4, с. 603]. Этот розановский образ дороги (пути) возникает как развертывание хронотопа стихотворения «Выхожу один я на дорогу» (1841).

Розанов указывает на пантеистичность² Лермонтова, которую наследуют Достоевский и Толстой: «“Вечная жизнь” их, “веруемая” жизнь, и есть жизнь

¹ А. А. Голубкова видит в розановском противопоставлении «аполлонического Пушкина» и «дионисийского Лермонтова» влияние Мережковского и Ницше [Голубкова, с. 53], однако, на наш взгляд, антитеза Пушкина и Лермонтова не укладывается у Розанова в ницшеанскую схему и вряд ли является влиянием Мережковского, у которого эта оппозиция появляется много позже, в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908–1909) [см.: Мережковский, с. 383].

² «Пантеизм» — ключевое для Розанова понятие, противоположное христианскому аскетизму. Так, полемизируя с К. Н. Леонтьевым в 1903 г., Розанов писал об истинном монашестве первых веков как «синтезе Евангелия» и «природы»: «тут, во всяком случае, много лесов, лесного запаха, ландышей, звезд, далекого горизонта, вечного уединения и *углубления в себя* — словом, много *пантеизма древнего* <...>. Ландыши и запах лесов слились с человеческим образом (“Сын Человеческий”), и получилась религия вместе: и *в отношении к Богу, и глубочайшей человечности*» [Розанов, т. 13, с. 380]. Образец пантеистического «типа иночества» Розанов видел в старце Зосиме с его любовью к природе.

“изумрудно-зеленого листа”, “клейких весенних листочков”, как записал Достоевский в “Карамазовых”: они уловили “миры иные” и “Бога” в самом этом пульсе жизненного биения, выказывающем в лоне природы новые и новые “листки”» [Розанов, т. 7, с. 298]. В статье «М. Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)» («Новое время», 1901, 15 июля) религиозность поэта Розанов также раскрывает как пантеистическую, которую он выражает образом «ландыша серебристого», мотивами звезды, радуги: «“Бог”, “природа”, “я” (его лермонтовское) склублились в ком, и уж где вы этот ком ни троньте — получите и Бога, и природу вслед за “я”, или вслед за Богом является его “я” среди ландышей полевых (“Когда волнуется желтеющая нива”), около звезды, на сгибе радуги (многие места в “Демоне”). <...> Звездное и царственное — этого нельзя отнять у Лермонтова; подлинно стихийное, “лешее начало” — этого нельзя у него оспорить» [Розанов, т. 4, с. 77].

Кроме религиозности, Достоевский и Толстой продолжают героев Лермонтова в их глубинном психологизме, а не «простых» героев Пушкина: «Раскольников и Свидригайлов в их двойственности и вместе странной “близости”, кн. Андрей Болконский, Анна Каренина — все эти люди богатой рефлексии и сильных страстей все-таки кое-что имеют себе родственного в Печорине ли, в Арбенине, но более всего — лично в самом Лермонтове» [Розанов, т. 7, с. 294]. В XX в. розановскую концепцию о происхождении нашей литературы «от Лермонтова» продолжит А. А. Ахматова: «Не от Пушкина или Гоголя, а именно от него Толстой и Достоевский...» [Найман, с. 410].

Розанов мифологизирует образ Лермонтова, соединяя архетипические образы в его лирике с фактами его биографии. В этом смысле показательна известная история с розановской «Заметкой о Пушкине» («Мир искусства», 1899, № 13–14), которая вызвала резкую критику Вл. Соловьева. В этой заметке Розанов вспомнил историю (приведенную П. В. Анненковым) о Гоголе, который приехав к Пушкину днем и узнав, что он спит, думал, что поэт всю ночь писал, а оказалось, что он играл в карты. Розанов предположил, что именно в эту «звездную ночь» и об этой ночи Лермонтов написал в «Выхожу один я на дорогу». Вл. Соловьев был возмущен столь явным нарушением фактов: «Почему г. Розанов считает эту ночь звездною — совершенно неизвестно» [Соловьев, с. 304]. Розанов же, не считаясь с фактами, художественно выразил предельную метафизичность, мистичность Лермонтова, поднимающую его над Пушкиным:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Как хорошо. Почти — Вифлеемская ночь; да ведь почти и слышится «Слава в вышних Богу»:

В небесах торжественно и чудно
Спит земля в сияньи голубом...

<...>

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел,

— и еще лучше, если бы шумела целая «дуброва Мамврийская» (в еврейском подлиннике — не «дуб», а «дуброва Мамврийская») [Розанов, т. 7, с. 424–425].

Розанов возвращает тихую лермонтовскую ночь бытию и религиозной традиции, увидев в стихотворении созерцание Рождественской ночи, услышав Ангельское славословие рождественской стихиры среди полей Вифлеемских («Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14)), а в финальном образе дуба — Мамврийскую дубраву, у которой Аврааму явился Бог: «*Явился же ему Богъ у дуба Мамврийска* — И явился ему Господь у дубравы Мамре» (Быт. 18:1).

Это розановское соотнесение с Вифлеемской ночью не будет казаться произвольным, если вспомним, что в «Книге Премудрости Соломоновой» (18:14–15) пророчествуется о *тишине* «благодатной ночи Рождества Христова» как Богоприсутствия и Богоявления: «Ибо, когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с Небес от царственных Престолов на средину погибельной земли всемогущее Слово Твое» [Димитрий Ростовский, с. 688]. И в пустынной и звездной тишине лермонтовской ночи проступает эта исихастская мистика безмолвия и света³.

В начале 1900-х гг. (период открытия темы пола и в связи с этим погружения в онтологические культуры Древнего Египта, Израиля и Халдеи) Розанов прочитывает лермонтовскую лирику сквозь их призму, лирика становится «метафизическим ключом», открывающим онтологическую сущность этих культур [Розанов, т. 4, с. 75]. В статье «Концы и начала, “божественное” и “демоническое”, боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова)» («Мир искусства», 1902, т. 8, № 8) египетская живопись — иллюстрация к лирике Лермонтова, выражающей райскую гармонию:

«Золотой сон человечества» — его я увидел здесь воочию. <...> Весь Египет есть только необозримая и по широте, и по разнообразию, и по углубленности иллюстрация к стихотворению:

Когда волнуется желтеющая нива

или, *vice-versa* [лат. *наоборот*], это знаменитое стихотворение с заключительным:

И в небесах я вижу Бога

есть только странный атавизм, «заговорившие в пра-пра-правнучке предки», жившие еще на берегу горячего Нила. Все, как и у Лермонтова, — там: серебристые ландыши,

³ Исихазм — безмолвничество (от греч. ἡσυχία ‘безмолвие сердца’) — древняя мистическая практика и богословская традиция восточнохристианского монашества, в основе которой — творение молитвы Иисусовой. Свое богословское осмысление практика умного делания, исихастская мистика безмолвия и света получила в учении Св. Григория Паламы († 1359) о Фаворском свете и божественных, нетварных энергиях. Греческие значения ἡσυχία ‘покой’, ‘тишина, молчание’, ‘мир’, ‘уединение’ влились в цсл. *Тихий*, *Тихость*, *Тишина* (а через них и в рус. *тихий*, *тишина*), звукообраз которых благодаря фонетическому созвучию *ихи/их* оказывается ближе к *исихии*, чем «молчание» и «безмолвие». Именно поэтому цсл. и рус. «тихий», как и «теплый» (цсл. «*Теплая* (горячая, ревностная) *Предстательница*»), образует сам образ традиционного русского православия — «тихого и теплого» [Седакова, с. 17]. О тишине как ключевом концепте православной традиции см.: [Медведев].

тенистые сады, прячущийся в зелени листьев пунцовый плод и... бог, везде — Бог,
все — боги,

Сколько богов и богинь...

О! «боги сходили там на землю и роднились с людьми» [Розанов, т. 4, с. 82].

Еще в первой статье о Лермонтове Розанов отмечал «прототипичность», универсальность лермонтовских образов («Три пальмы» (1839), образ Египта в «Споре» (1841), первая строфа «Выхожу один я на дорогу»): «Вечные типы человека, природы, отношений, положений <...> — “зенитные”» [Розанов, т. 7, с. 297]. Теперь Розанов раскрывает универсальную архетипичность и онтологичность лермонтовских образов в контексте древних культур Египта и Израиля. В статье «Величайшая минута истории» («Новый журнал иностранной литературы», 1900, № 10) он проводит параллель между образом разговаривающих звезд («Выхожу один я на дорогу») и священным трепетом перед *живыми* звездами в Ветхом Завете («Кто сотворил семизвездие и Орион <...> — Господь имя Ему!» (Ам. 5:8)) и в древнеегипетской живописи [Розанов, т. 6, с. 346–347]. В этом поклонении «*святому чуду мира*» звезда — «икона Вечной Премудрости», «точка касания перстов Божиих»⁴, «*богоприсутствия*» [Розанов, т. 6, с. 347, 349]. В заметке «Первая колыбельная песня на земле» (1917) лермонтовские строки об «образке святом» («Казачья колыбельная песня», 1838) как выражение «универсального материнства, космической животной теплоты» [Там же, с. 381] соотносятся с древнеегипетским рисунком коровы с теленочком и «Мадоннами» Рафаэля [Там же, с. 423, 381].

В последнем эссе, посвященном поэту, — «О Лермонтове» («Новое время, 1916, 18 июля) — в розановском переживании лермонтовской лирики возникают ветхозаветные и новозаветные концепты. «Вещий томик» лирики Лермонтова Розанов называет «золотым нашим Евангелищем, — Евангелищем русской литературы, где выписаны лишь первые строки» [Розанов, т. 4, с. 641–642]. Лермонтов здесь напрямую соотносится с Христом. Такая важнейшая категория в восприятии Розановым литературы, как тон, также является у Лермонтова евангельской:

Ах, и «державный же это был поэт»! Какой *тон*... Как у Лермонтова — *такого тона еще не было ни у кого в русской литературе*.

Вышел — и владеет.

Сказал — и повинуются.

Пушкин «навал»... Но Лермонтов не «навал», а приказывал [Розанов, т. 4, с. 642].

В этой характеристике — прямая отсылка к интонации Христа: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк. 1:22; Мф. 7:28–29). Это «властное» восприятие Лермонтова продолжила А. А. Ахматова в заметке «Все было подвластно ему» (1964): «...он владеет тем, что актеры

⁴ Аллюзия на Псалмопевца: «Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил» (Пс. 8:4).

называют сотая интонация. Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы, а его строки не имеют себе равных ни в одной из поэзий мира» [Ахматова, с. 280].

Ключевым концептом в розановском понимании Лермонтова становится пустынноничество:

Мне как-то он представляется духовным вождем народа. Чем-то, чем Дамаскин на Востоке: чем были «пустынники Фиваиды». Да уж решусь сказать дерзость — он ушел бы «в путь Серафима Саровского». Не в *этом именно*, но в какой-то *около этого пути лежащий путь*.

Словом:

Звезда.

Пустыня.

Мечта.

Зов.

Вот, что слагало его «державу» [Розанов, т. 4, с. 642].

Лермонтовскую модель мира Розанов выражает образами звезды, пустыни («Выхожу один я на дорогу»), созерцания Бога в природе («Когда волнуется желтеющая нива»), вписывая его религиозную лирику в восточнохристианскую созерцательную традицию. Розанов соотносит поэта с преп. Иоанном Дамаскинским († до 753), который был не только Отцом Церкви, византийским богословом, монахом-отшельником, но и песнотворцом («Златоструйный»), прославившимся Пасхальной службой (Канон Пасхе), надгробными тропарями, песнопениями в честь Богородицы. В русской поэзии святой известен по знаменитому «псалму» в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1859), в котором он благословляет «И в поле каждую былинку, / И в небе каждую звезду!».

Розанов также называет Фиваиду — родину монашества, пустынножительскую область верхнего (южного) Египта, где среди суровой природы подвизались первые христианские подвижники, отличающиеся строгой аскезой, чудотворством и созерцательностью. Продолжением духовной традиции восточного монашества для Розанова было пустынножительство преп. Серафима как «изумительное воскресение тех тихих и созерцательных душ, какие во 2-м, 3-м, 4-м веках нашей эры жили в пустынях Ливии, Синая, Сирии» [Розанов, т. 3, с. 119].

Розанов воспринимает Лермонтова как чистую душу («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)), творившего в библейском ключе: «Лермонтов был чистая, ответственная душа. <...> Он дал бы канон любви и мудрости. Он дал бы “в русских тонах” что-то вроде “Песни песней”, и мудро “Экклезиаста”, ну и тронул бы “Книгу царств”... И все кончил бы дивным псалмом. По многим, многим “началам” он начал выводить “Священную книгу России”» [Розанов, т. 4, с. 643]. Слова о «дивном псалме» следует отнести к стихотворению «Выхожу один я на дорогу» — в этом одном из последних стихотворений поэта созерцание творения почти псалмическое: «В небесах торжественно и чудно / Спит земля в сиянье голубом». Свет божественной славы⁵ разлит здесь,

⁵ «Слава» означает не только «хвалу, величие, великолепие», но и сияние как свидетельство Присутствия Божия (паламизм).

как и в псалме творения, благоговейно созерцающем величие Божие в природе: красота творения свидетельствует о Творце: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. 18:2–3).

На первый взгляд, Розанов слишком христианизирует лирику Лермонтова. Однако вспомним евангельские цитаты из Посланий апостолов Иоанна и Павла в знаменитой Записной книжке кн. В. Ф. Одоевского (1841), выписанные последним для Лермонтова и имевшие «отношение к религиозным спорам» между ними [Захаров, с. 546–547]. Приведем эти цитаты в русском переводе, с поясняющими фразами в скобках и с указанием на евангельский первоисточник:

ИОАНН: И мир проходит и похоть его, но творящий волю Божию пребывает вовек [1Ин. 2:17];

А если осуждает нас сердце наше, тем более Бог, ибо Бог больше сердца нашего и знает всё.

Это — дерзновение, которое имеем к Сыну Божьему, ибо если чего просим по воле Его, услышит нас [1Ин. 3:20–22].

ПАВЕЛ: Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас? [1Кор. 3:16];

Держитесь любви, ревнуйте о дарах духовных, [особенно же о том], чтобы процветать [1Кор. 14:1];

Любовь же никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, хотя и языки умолкнут, хотя и знание упразднится [1Кор. 13:8];

Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное и тело духовное.

Так и написано: первый человек Адам стал душою живою, а последний Адам — дух животворящий [1Кор. 15:44–45];

Разве не слышите голоса говорящего: непрестанно молитесь! [1Сол. 5:17].

Важным контекстом для понимания позиции Одоевского в этой религиозной полемике с поэтом является его письмо к Е. П. Ростопчиной 1838 г., с которой Лермонтов был дружен. В этом письме Одоевский, критикуя неверующего Байрона, проповедует «узкий путь» (Мф. 7:13–14) как единственный путь спасения — христианскую Веру, под которой он понимает «любовь к Богу и любовь к ближнему», очищение от страстей (тщеславие, гордость, эгоизм), смирение, молитву. При этом Одоевский советует Ростопчиной читать только Новый Завет⁶ и Добротолюбие (особенно главу «О молитве молчания»), в свете которого для него исчезают «все ребяческие мнения английских и французских так называемых философов» [цит. по: Турьян, с. 7–9]. В этой назидательной проповеди Одоевский придерживается аскетического понимания христианства и переносит суровую монашескую практику (культ духа (спиритуализм), подавляющий душу и тело, борьба со страстями, нигилизм в отношении культуры) в сферу мирской жизни.

В этом же аскетическом духе выдержаны и выписанные для Лермонтова евангельские цитаты, в которых акцентированы такие идеи, как антитеза мира

⁶ Это подтверждает известное предположение о том, что в своей записке 1839 г. о привезенных Лермонтову книгах Одоевский под одной из них имел в виду Евангелие: «одно прекрасное и редкое издание мое любимое — читай Его» [Лермонтов, с. 471].

(страстей) и Бога; обличение Богом грешника; молитва; человек — храм, в котором живет Дух Божий; духовные дары человека; любовь; главенство в человеке духа над душой.

Можно предположить, что Лермонтов и полемизировал с таким аскетическим пониманием христианства и видением мира, т. к. для него в идеале «Бог», «мир» и «человек» воспринимаются в гармоническом слиянии: Бог присутствует не только в монашеской практике, но в природе и творчестве; в центре лермонтовского мира — человеческая личность в ее богоподобии, свойствами которого выступают свобода и творчество; душа не приносится в жертву духу, но восходит к нему; христианские ценности — не внеположны личности, а переживаются изнутри «я», как, например, в «Выхожу один я на дорогу...» и в «Пророке». Этот лермонтовский гуманизм может быть байронически противопоставлен Богу, но может существовать и внутри христианской традиции. Именно этот христианский гуманизм («пантеизм») лермонтовской лирики увидел и раскрыл Розанов, для творчества которого борьба с «темным ликом» аскетического христианства, выявление в религии человеческого, онтологического измерения — «чуда мира», «святости мира» [Розанов, т. 6, с. 347] — были ключевыми.

Таким образом, Розанов создает модернистскую концепцию русской литературы во главе с Лермонтовым, к которому он возводит Гоголя, Достоевского, Толстого (принципы этой концепции — религиозность, мистичность, духовный поиск, пантеистичность, глубинный психологизм). Мистичность лермонтовской лирики раскрывается Розановым в контексте восточнохристианской традиции (библейские образы Вифлеемской ночи, ангельского славословия, Мамврийской дубравы; исихастская мистика; евангельский тон, пустынночество, псалмическое созерцание творения (слава)). Универсальную архетипичность и онтологичность лермонтовских образов (звёзды, «образок святой») Розанов раскрывает в соотношении с культурами Древнего Египта и Израиля. Это розановское прочтение лирики Лермонтова в русле христианского гуманизма («пантеизм») оказывается близко вероятной позиции Лермонтова в его религиозной полемике с Одоевским.

Ахматова А. А. Собр. соч. : в 6 т. М., 2002. Т. 6. 672 с. [Ahmatova A. A. Sobr. soch. : v 6 t. M., 2002. T. 6. 672 s.]

Голубкова А. А. Литературная критика В. В. Розанова: опыт системного анализа. Кострома, 2013. 432 с. [Golubkova A. A. Literaturnaja kritika V. V. Rozanova: opyt sistemnogo analiza. Kostroma, 2013. 432 s.]

Дмитрий Ростовский, свят. Сказание о Рождестве Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа // Жития Святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского : в 12 кн. Репр. воспр. изд. (М., 1903–1911). Киев, 2004. Кн. 4. Декабрь. С. 672–690. [Dimitrij Rostovskij, svjat. Skazanie o Rozhdestve Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Hrista // Zhitija Svjatyh, na russkom jazyke izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej sv. Dimitrija Rostovskogo : v 12 kn. Repr. vospr. izd. (M., 1903–1911). Kiev, 2004. Kn. 4. Dekabr'. S. 672–690.]

Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 2003. 704 с. [Zaharov V. A. Letopis' zhizni i tvorchestva M. Ju. Lermontova. M., 2003. 704 s.]

Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1957. Т. 6. 900 с. [Lermontov M. Ju. Soch. : v 6 t. M. ; L., 1957. T. 6. 900 s.]

Медведев А. А. Тишина как духовный концепт в творчестве В. В. Розанова // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитар. науки. 2012. № 25. С. 28–45. [Medvedev A. A. Tishina kak duhovnyj koncept v tvorcestve V. V. Rozanova // Vestn. Kostrom. gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. Ser. Gumanitar. nauki. 2012. № 25. S. 28–45.]

Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. 494 с. [Merezhkovskij D. S. V tihom omute. Stat'i i issledovanija raznyh let. M., 1991. 494 s.]

Найман А. Рассказы об А. Ахматовой. М., 1999. 430 с. [Najman A. Rasskazy ob A. Ahmatovoj. M., 1999. 430 s.]

Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 3]. В темных религиозных лучах. М., 1994. 476 с. [Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 3]. V temnyh religioznyh luchah. M., 1994. 476 s.]

Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 4]. О писательстве и писателях. М., 1995. 734 с. [Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 4]. O pisatel'stve i pisatel'jah. M., 1995. 734 s.]

Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 6]. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М., 1995. 462 с. [Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 6]. V mire nejasnogo i nereshennogo. Iz vostochnyh motivov. M., 1995. 462 s.]

Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 7]. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. 702 с. [Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 7]. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatel'jah. M., 1996. 702 s.]

Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 13]. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. 477 с. [Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 13]. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strahov. K. N. Leont'ev. M., 2001. 477 s.]

Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. 432 с. [Sedakova O. A. Slovar' trudnyh slov iz bogoslužhenija: Cerkovnoslavjano-russkie paronimy. M., 2008. 432 s.]

Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. 701 с. [Solov'ev V. S. Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. M., 1991. 701 s.]

Турьян М. А. Владимир Одоевский и Лермонтов: К истокам религиозных споров [Электронный ресурс]. 13 с. URL: http://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf (дата обращения: 27.10.2014). [Tur'jan M. A. Vladimir Odoevskij i Lermontov: K istokam religioznyh sporov [Electronic resource]. 13 s. URL: http://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf (mode of access: 27.10.2014).]

Статья поступила в редакцию 28.10.2014 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов-94

М. А. Алексеева

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫХ» БИОГРАФИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье дан обзор жизнеописаний М. Ю. Лермонтова, изданных накануне юбилея поэта. В центре внимания — своеобразие интерпретаций ключевых событий творческого и жизненного пути классика. Охарактеризована манера письма и индивидуальный стиль биографов. Обозначена проблема отсутствия научной биографии М. Ю. Лермонтова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: биография; контекст; интерпретация; научность.

Биография поэта — жанр сложный. Биограф должен не только представить фактическую, событийную ткань жизни художника, но и обозначить «силовые линии» судьбы, уловить созвучие бытия поэта-классика и жизни современного читателя, преодолеть фрагментарность психологического, исторического, культурного контекста. В статье «Проблемы биографии А. С. Пушкина» И. Сурат определяет своеобразие жизнеописания поэта следующим образом: «Биография — не литературный или научный жанр. Это особая область гуманитарного знания, область исследования и творчества, предметом которой является “личная жизнь человека” во всей ее событийной полноте и внутренней глубине и сложности — жизнь как целое, как нерасторжимое многообразное единство» [Сурат, с. 44].

Задача биографа — удержаться на тонкой грани между мифом и фактом, представить «в словах данную чудесную личностную историю» (А. Ф. Лосев) и в то же время дать возможность современному читателю понять и прочувствовать другую эпоху. В изложении фактов, в сцеплении эпизодов биографии, в привлекаемом историческом, культурном, литературном контексте неизбежно проявляются как интересы биографа, так и запросы эпохи.

В юбилейные для поэта годы интерес к его личности обостряется, появляются новые варианты жизнеописаний. К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова было издано несколько биографий поэта. Возникло закономерное желание рассмотреть, какой образ поэта предлагают нам современные исследователи. Так определилась задача данной работы — понять, каков он, Лермонтов нашего времени?

Предметом исследования являются книга Аллы Марченко «Лермонтов: под гибельной звездой» (М. : АСТ, 2014), издание большой серии ЖЗЛ «Лермонтов: один меж небом и землей» Валерия Михайлова¹ (М. : Молодая гвардия, 2013) и вышедшая в малой серии ЖЗЛ биография «Лермонтов: мистический гений» Владимира Бондаренко (М. : Молодая гвардия, 2013).

Факты биографии поэта неизменны: родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 г. в Москве; 28 января 1837 г., узнав о дуэли А. С. Пушкина, написал первые 56 строк

¹ В 2011 г. этот вариант лермонтовской биографии был издан ЭКСМО и назывался «Лермонтов. Рокковое предчувствие».

«Смерти поэта»; 15 июля 1841 г. между 6 и 7 часами вечера был смертельно ранен на дуэли с Мартыновым у подножия горы Машук в Пятигорске...

Интерес представляют не столько факты, сколько их интерпретация. Биографию роднит с художественными произведениями активность авторской концепции, образность, метафоричность — у каждого свой Лермонтов. Обращаясь к размышлениям о поэте, авторы биографий единодушно признаются, что их притягивает *тайна поэта*, а ключевым мотивом работы является желание «разобраться» в ней.

Пафос исследования Валерия Михайлова определяется формулой «небо — родина, земля — изгнание». Главная тема размышлений биографа — история души, которая, осознавая свою небесную природу, вынуждена страдать в земных оковах и прикрываться масками, чтобы окружающим не раскрылась тайна ее страданий.

Сам будучи поэтом, биограф обрамляет повествование о жизни и смерти Михаила Юрьевича Лермонтова лирическими фрагментами, в которых, можно предположить, выражает себя душа исследователя, настраиваясь на разговор о небесной природе души гения: «И тогда сверкали огромные темные глаза мальчика: душа его сполна отдавалась стихии, жадно напитывалась и ее лаской и негой, и ее гневом и мощью...» [Михайлов, с. 7].

В этом варианте биографии очень часто и большими фрагментами цитируются тексты Лермонтова, достаточно подробно охарактеризовано творчество поэта. Автор выстраивает сквозную антитезу «жизнь — творчество»: бытовое поведение поэта может не соответствовать представлениям о морали, в то время как в творениях выражает себя наиболее полно душа.

Первая глава биографии «Песнь ангела» задает музыкальный лейтмотив всему повествованию: душа поэта будет на своем трудном и многострадальном пути вслушиваться в музыку небесных сфер, пытаясь восстановить детское ощущение чуда и гармонии.

Детское ощущение счастливой жизни биограф выражает в рассказе о младенческом восприятии будущим поэтом пения матери; мотив разочарования в том, что чудесное не живет на земле, звучит в размышлениях о попытках молодого Лермонтова обрести гармонию в любви; ключом к биографии поэта для исследователя становятся строки «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала...»; формулой открывшегося «космического» видения мира — стихотворение «Выхожу один я на дорогу...».

Пристальное внимание биографа обращено к детским годам Лермонтова и ранним его произведениям. С одной стороны, приводятся известные факты: визит с бабушкой на Кавказ, трагедия сына, разлученного с отцом, роман с Екатериной Сушковой. С другой стороны, подчеркивается символическое значение черного, золотого и красного цветов на гербе рода Лермонтовых, звучит мотив просыпающейся в борьбе с препятствиями, чинимыми судьбой, духовной и душевной мощи, жаждающей действия. Повествование о жизни поэта реализуется в романтико-героическом ключе.

Сквозной метафорой в размышлениях о жизни и судьбе поэта становится образ медленно возгорающегося, а затем ярко вспыхивающего пламени: «То, что искрилось, медленно занималось, как пламя, в отроке Лермонтове, в глубине его

души, не видимое никому и, может быть, ему самому непонятное, вдруг разом вспыхнуло и стало разгораться с невиданной силой» [Михайлов, с. 71]. «Его существо — огонь. Стихия огня уже захватила его душу, и этот внутренний пламень непомерной плотности и жара не только полет воображения, но и сила мысли» [Там же, с. 125]. «Большой огонь обновляет душу. Все сорное, суетное, случайное, лишнее — сметается им, выжигается напрочь. При всех фактических и художественных издержках “Смерть поэта” — по дыханию, по напору пламени — явление *большого огня*» [Там же, с. 340].

Эта огненная стихия, родственная истинной жизни души поэта и ее определяющая, по мнению биографа, была скрыта от окружающих под масками беспечного гуляки-гусара, мрачного демона, отчаянного воина.

Обманутые светскими ролями поэта, его современники не могли постичь работу скрытой от всех мысли и духовной работы «истинного рыцаря Богородицы».

М. Ю. Лермонтов, с точки зрения В. Михайлова, был вечным странником и героем, бросающим вызов судьбе. Этими же чертами были наделены и его любимые персонажи: Мцыри, Демон, Печорин. Как и автор, они обладали мощной духовной энергией, которая обращалась для окружающих в энергию разрушения, т. к. была несоизмерима с ними. Приведа отзыв великого князя Михаила Павловича о поэме «Демон» («Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов — духа зла или же дух зла — Лермонтова»), В. Михайлов рассуждает о том, что лермонтовский Демон загадочен и странен: это демон «не дьявольского происхождения», который хочет примириться с небом, обаятельный и загадочно притягательный. «Все — не столько поняли, сколько почували в “Демоне” *нечто*: непонятную власть, обаяние и влекущую силу. Это *нечто* не принадлежало ни небу, ни земле — но было *и небом, и землей*» [Там же, с. 388].

Энергия вызова судьбе проявлялась и в участии Лермонтова в двусмысленных интригах светской жизни, и в отчаянных схватках с горцами на Кавказе, и в создании стихотворения «Смерть поэта».

Историю дуэли Лермонтова, как и историю дуэли Печорина в романе «Герой нашего времени», В. Михайлов рассматривает как своеобразный спор с Богом: «Лермонтов не мог не понимать, что в своем вечном споре с Богом он испытывает Его терпение и рискует жизнью. Береженого Бог бережет — это знает каждый. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а бережет ли Бог того, кто не желает беречься? Он был готов принять то, что ему велено, поэтому и жил мгновением» [Там же, с. 517].

История жизни поэта предстает как путь «великой, космичной и неоглядной» [Там же, с. 461] души, в которой разворачиваются мощные силы. Обретая дар предвидения, Лермонтов мужественно принимает судьбу, осознавая свою великую миссию. Правда, говоря о миссии небесной души на земле, биограф ограничивается общими фразами о символе нации и сердце народа.

Заканчивается биография музыкальным аккордом лирических фрагментов «Черешневая ветка» и «Навстречу вечному свету». «Ударил ливень, и косые белесые полосы омывали запрокинутое лицо, и глаза, и руки. И раскрытую в вороте рубашки грудь. А навстречу струям дождя изнутри била его кровь, и, смешиваясь с небесной влагой, со слезами, скатывающимися по лицу, лилась

на траву, на землю. Кровь уже была ему не нужна, без нее становилось только легче, свободнее, невесомее...» [Михайлов, с. 612].

Если в жизнеописании М. Ю. Лермонтова, выполненном Валерием Михайловым, доминирует лирический пафос, то пафос биографии поэта в исполнении Владимира Бондаренко можно назвать публицистическим.

В повествование активно включаются комментарии по поводу сегодняшней социальной и политической жизни России. «Если уж наш президент Владимир Путин в напряженный для него момент со слезами на глазах читал строки Лермонтова, может, он и посоветует настойчиво своим олигархам щедро помочь в проведении лермонтовского двухсотлетия» [Бондаренко, с. 25]. Биограф то требует заняться восстановлением и развитием усадьбы поэта в Тарханах, то призывает провести генетическую экспертизу для установления точного отцовства поэта и развенчания неграмотных домыслов, то предлагает организовать новое судебное расследования обстоятельств гибели Лермонтова с привлечением последних открытий криминалистов.

Мы узнаем не только о фактах биографии великого поэта, но и о процессе работы биографа: В. Бондаренко подробно рассказывает о своих экспедициях в Шотландию и Чухлому, о посещении замков Дерси и Балькоми, возможно, связанных с историей рода Лермонтов, и о знакомстве с одним из потомков Лермонтова, тоже Михаилом Юрьевичем, у которого не хотели принимать документы в техникум. Интонационно эти фрагменты напоминают путеводитель для туристов и только далекими ассоциациями могут быть связаны с биографией русского поэта: «Уже в наши дни, в 1996 году развалины замка были куплены на Интернет-аукционе состоятельной семьей из Тайваня, шотландцем Кристофером Раффлом и его женой, по происхождению японкой. По старым чертежам они заново отстроили древний замок» [Там же, с. 43]. «Я пишу эти строки на греческом острове Родос — в окружении фигурок Гомера и Сократа в международном писательском центре. Думаю, тут явно не хватает скульптурного изображения Михаила Лермонтова, которого греческие писатели почти не знают. А разве в поэме “Корсар” он не воспевал свободу Греции?» [Там же, с. 135].

Основной тезис, предъявляемый В. Бондаренко, как ни странно, не касается мистических прозрений и непознаваемой тайны поэта, хотя именно это можно было бы ожидать («мистический гений»).

В подтверждение мистического характера судьбы русского гения исследователь дает развернутую биографию шотландского Томаса Рифмача, к которому восходит род Лермонтовых. Заодно читателю предлагаются путевые заметки о Шотландии Лермонтова, замке Балькоми и могиле Оссиана. Мистический характер лермонтовского творчества объясняется, в частности, тем, что поэт интуитивно ощущал свои древние корни, поэтому и любил Кавказ как напоминание о горах Шотландии («Мое сердце в горах»). Очень подробно пересказываются легенды о Томасе Рифмаче, который от королевы фей получил яблоко. Съев его, он был обречен предвидеть будущее и говорить правду, какой бы горькой она ни была. Упоминается пророчество Томаса о том, что он когда-нибудь вернется на землю молодым, и опять коснется арфы, и опять будет писать стихи. Михаил Лермонтов в этом случае воспринимается как реинкарнация духа великого шотландца.

С другой стороны, один из заключительных выводов В. Бондаренко звучит так: «М. Ю. Лермонтов — первый воистину русский поэт. Поэзия Александра Пушкина всегда носила более всемирный, всечеловеческий характер. В Михаиле Лермонтове, при всем его изначальном байронизме, более глубоко сидело русское начало» [Бондаренко, с. 554]. Поэтому вслед за размышлениями о шотландском «генетическом коде» Лермонтова следуют отчеты о результатах изысканий в обнаружении чухломских корней поэта по линии отца. В. Бондаренко создает вторую часть путевых заметок о посещении Чухломы в Костромской области и Покровского Авраамиева Городецкого мужского монастыря, где был захоронен один из предков Михаила Лермонтова Георг Лермонт.

Надо сказать, В. Бондаренко впервые предлагает самый полный очерк, посвященный родственникам М. Ю. Лермонтова по отцовской линии, и подчеркивает, насколько важными для поэта и его отца были родственные связи. Подчинившись диктату Елизаветы Арсеньевой, Юрий Лермонтов принес в жертву будущему своего сына возможность общаться с ним и передавать родовые традиции. В. Бондаренко полагает, что именно разрыв с отцом обрек поэта на гордыню и одиночество.

Прослеживая жизненный путь поэта, В. Бондаренко обращает особенно пристальное внимание на те тексты и эпизоды биографии, в которых проявилась «русскость» его души. Кстати, в одной из первых глав Лермонтов в связи с этим назван «светлым предвестником» С. Есенина. Стихотворения «Бородино», «Родина», поэма «Песня про купца... Калашникова» противопоставляются «Мцыри» и «Демону», т. к., по замыслу биографа, раскрывают «земной» план лермонтовского поэтического бытия, отражение в его творчестве процесса становления национального самосознания. В интерпретации биографа и юнкерские поэмы интересны и необходимы именно обращенностью к «земному началу».

Демон становится героем, позволившим показать «вершины» мира, масштаб русской души, «космическую энергию» творчества: «Разве с таким поэтом Россия не должна была первой повернуться к космосу, если весь космос внимал святой песне Михаила Лермонтова? У Лермонтова человек уже совершенен, он прошел уже свое прошлое, перед ним лишь настоящее и будущее, и он готов увидеть новый мир, готов познать его, полететь ввысь» [Там же, с. 329].

В этом ключе роман «Герой нашего времени» преподносится как «манифест победителя, сумевшего пройти все препятствия в своей запутанной жизни» [Там же, с. 379]. Печорин воспринимается как герой невероятной силы, которая не может найти в обществе должного применения: «Григорий Александрович Печорин завораживает читателей своей воистину богатырской силой, он покоряет всех, но дальше-то что ему делать с покоренными? Не знает... Таким же богатырем был и сам Михаил Юрьевич Лермонтов. Несостоявшимся народным богатырем» [Там же, с. 402].

В изображении истории дуэли и смерти Лермонтова В. Бондаренко следует за Э. Герштейн, выражая свое согласие с ней и воспроизводя логику ее рассуждений, несколько укрупняя фигуру Мартынова: «Стоял ли кто за Мартыновым? Так ли это важно? Он сам хотел убить на его глазах выросший русский талант.

Кто бы из каких кругов его ни науськивал на эту дуэль, Мартынов сам с большим желанием сделал свое черное дело» [Бондаренко, с. 544].

Завершает свое повествование биограф размышлениями о смерти и бессмертии поэта, сопоставляя его с Сергеем Есениным по музыкальности стиха и обладанию естественным песенным слогом: «Сам он слился с душой вселенной, и уже наше русское небо над головой доносит нам его вечные чарующие звуки» [Там же, с. 557].

Свою задачу биограф видит в том, чтобы напомнить современным читателям о забытом и несправедливо унижаемом, как он считает, русском поэте. Фактами, свидетельствующими о неуважении к памяти великого поэта, биограф считает, в частности, снос в годы перестройки дома, где поэт родился, и переименование станции метро. Поэтому возникает ощущение, что биограф защищает своего героя не только от не понимающих его величия современников, но и от потомков, не воздающих должных заслуг великому русскому поэту.

С размышлений о том, что М. Ю. Лермонтов — лишний поэт для сегодняшней России, начинается своя книга Алла Марченко. Она посвящает ее «тайному» (почти масонскому) ордену «лермонтистов», рассеявшемуся после смерти Великого Магистра — Ираклия Андроникова. Тексту предпослан своеобразный эпиграф — «Молитва» Лермонтова 1829 г. («Не обвиняй меня, всесильный...») как намек на некое тайное знание, раскрывающееся только посвященным.

Повествование о судьбе Лермонтова А. Марченко включает в объемный историко-культурный и литературный контекст. Очень развернуто представлено рассуждение о роде Столыпиных, Ростопчиных, подробно пересказаны «затеи» Михаила Васильевича Лермонтова — деда поэта (смерть в костюме могильщика из «Гамлета»), даны развернутая характеристика хозяек и посетителей салона Карамзиных, подробные комментарии к увлечениям поэта, в частности, переживания Марии Штерич-Щербатовой, рассказана история службы П. Х. Граббе, дана оценка деятельности генерала Ермолова, в лицах изображена история чтения произведения Лермонтова членами императорской семьи и т. д. В результате история жизни Лермонтова обогащается эмоциональными зарисовками эпохи, где часто скрытыми пружинами поступков человека становились стремление к власти, честолюбие, карьеризм. Основной «нерв» биографии Лермонтова строится на парадоксальном противопоставлении двух устремлений поэта: к постижению таинств духа и к ощущению полноты бытия. «Демон поэзии» властно выталкивал его из домашнего круга в действительную жизнь, чтобы там, в самой гуще «существенности», он нашел средства выполнить свою писательскую миссию: постигнуть «течение века»» [Марченко, с. 283].

Размышления о жизненном пути Лермонтова строятся ассоциативно. А. Марченко находит переклички и «рифмы» в произведениях поэта, его современников (Е. Боратынского, В. Одоевского, Ф. Тютчева) или поэтов других эпох (А. Блока, А. Ахматовой), комментирует эти аллюзии и реминисценции, предлагая оригинальные интерпретации, оспаривая традиционные толкования лермонтовских произведений.

Например, вспомнив, что В. Г. Белинский назвал стихотворение Лермонтова «Родина» «пушкинским», А. Марченко предлагает противоположную трактовку:

«“Родина” — вещь антипушкинская». «Пушкинская деревня словно бы выросла ногами в скудную землю, у Лермонтова ночующий в степи обоз вносит в образ отчизны мотив “вечного кочевья”; у Пушкина серенький день, у Лермонтова росистый вечер, у Пушкина будни, у Лермонтова праздник...» [Марченко, с. 214]. В. Г. Белинский в трактовке А. Марченко предстает резким, не понимающим сути произведений Лермонтова, поспешным в суждениях и выводах критиком. Прочитав предисловие к роману, появившееся во втором издании «Героя нашего времени», критик, с точки зрения А. Марченко, так обиделся, что «даже на смерть Лермонтова отозвался так, как будто где-то тут, неподалеку, за углом бездомники ненароком пришибли околоточного: “Вот тебе несколько известий. Лермонтов убит наповал на дуэли”» [Там же, с. 566].

Алла Марченко очень пристрастна. Она не оглядывается на существующую традицию интерпретаций и толкований лермонтовских произведений и фактов биографии. Марченко предлагает их прочитать как бы заново. При этом «новом» взгляде обнаруживается, что Кавказ во времена Лермонтова становился местом службы для тех, кто хотел быстро сделать карьеру, и поэтому Печорин был переведен на Кавказ не за дуэль, а за какую-то светскую историю. Основную причину дуэли Лермонтова и Мартынова она видит в том, что Лермонтову была известна слава Мартынова-шулера (шулером был и его дядя), и он грозил эти сведения предать огласке или сделать предметом насмешек. В целом следуя логике Э. Герштейн, современный биограф идет дальше.

Создавая у читателя эффект присутствия, А. Марченко часто прибегает к приему несобственно-прямой речи, передавая ощущения поэта, его бабушки, родственников, друзей, светских приятелей, сослуживцев. Приводя мнение современника о красоте Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, А. Марченко дает такой комментарий: «Кем была госпожа Арсеньева прежде? Женой нелюбимой при непутевом муже. Вдовой самоубийцы. На позор и осмеяние выставленной. Тюремщицей при больной и несчастной дочери. Сквалыгой при никудышном зяте. И вот дотерпелась до торжества: внук в бабке души не чает. И нужна, и любима» [Там же, с. 117].

Знакомаясь с биографией Лермонтова в исполнении А. Марченко, читатель нередко ловит себя на мысли о том, что автор не договаривает самого главного. Фигура Лермонтова постоянно исчезает из фокуса изображения. Ее оттесняют другие персонажи, события, ассоциации, комментарии. Тайное знание таким и остается. Вместо эпилога автор приводит шесть новелл, соединяющих современников поэта в некий тайный орден. Вот отнялись ноги у Елизаветы Арсеньевой. Вот молится Мария Щербатова. Вот Евдокия Петровна Ростопчина, превозмогая смертельный недуг, сочиняет письмо Александру Дюма, собирающемуся писать роман о Лермонтове...

Новые биографии М. Ю. Лермонтова не претендуют на открытие абсолютных истин о поэте. Авторы часто ссылаются на труды П. А. Висковатого, С. Н. Дурылина, Н. А. Котляревского, И. Л. Андроникова, Э. Г. Герштейн, статьи критиков и поэтов Серебряного века. Рассуждения о небесной природе души Лермонтова, его патриотизме и оригинальности, приводящей к непониманию, новаторскими назвать сложно. Но все работы объединены изначальной установкой, что имя

и творчество Лермонтова утратило былое значение. Задача, стоящая перед биографами, — вернуть Лермонтова читающей и думающей России, возобновить интерес к его биографии и творчеству.

Всеми авторами проделана грандиозная работа. И в то же время нельзя не заметить, что созданные биографии — научно-популярные, они не снабжены необходимыми ссылками и сносками, комментариями и примечаниями. Это «писательские» варианты жизнеописания Лермонтова, в которых иногда на первый план выходит личность самого биографа, взволнованно и пристрастно размышляющего о судьбе поэта в России.

В послесловии своего исследования «Судьба Лермонтова» Э. Г. Герштейн заметила, что неверное представление о биографии поэта оказывает влияние на понимание его творчества. Она пожелала новому поколению исследователей много находок и неожиданных открытий, но и сегодня можно отметить, что создание современной научной биографии М. Ю. Лермонтова — задача, которая по-прежнему ждет своего исполнителя.

Бондаренко В. Г. Лермонтов: Мистический гений. М., 2013. 574 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 50). [Bondarenko V. G. Lermontov: Misticheskij genij. M., 2013. 574 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: Malaja serija: ser. biogr.; vyp. 50).]

Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/ger/ger-001-.htm> (дата обращения: 01.10.2014). [Gershtejn Je. G. Sud'ba Lermontova [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/ger/ger-001-.htm> (mode of access: 01.10.2014).]

Марченко А. М. Лермонтов: под гибельной звездой. М., 2014. 600 с. [Marchenko A. M. Lermontov: pod gibel'noj zvezdoj. M., 2014. 600 s.]

Михайлов В. Ф. Лермонтов: один меж небом и землей. 2-е изд. М., 2013. 618 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1434). [Mihajlov V. F. Lermontov: odin mezh neбом i zemlej. 2-e izd. M., 2013. 618 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: ser. biogr.; vyp. 1434).]

Сурат И. Проблема биографии Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/sur/sur-038-.htm> (дата обращения 01.10.2014). [Surat I. Problema biografii Pushkina [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/sur/sur-038-.htm> (mode of access: 01.10.2014).]

Статья поступила в редакцию 03.10.2014 г.

УДК 94(58) + 929(510)

Р. Т. Ганиев

ТАНСКИЙ ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН И ВОСТОЧНЫЕ ТЮРКИ В 627–649 гг.*

В истории Восточно-тюркского каганата события 630–679 гг. имеют особое значение, т. к., по мнению многих исследователей, в данный период государство тюрков не существовало. Ученые прерывают его историю, разделяя на Первый (545–630) и Второй Восточно-тюркский (679–745) каганаты. Основной причиной поражения тюрков называют поход императора Тай-цзуна в 630 г. и его дальнейшую активную политику по усилению Китая в 630–649 гг., в результате которой тюрки уже не представляли собой грозную военно-политическую силу вплоть до их восстания в 679 г. В статье впервые предпринята попытка анализа политических процессов в 627–649 гг. в истории китайского государства и Восточно-тюркского каганата в свете новых климатических исследований и данных китайских письменных источников, позволяющая пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы в тюрко-китайских отношениях этого периода. Анализируются природно-климатические события 627–630 гг., способствовавшие ухудшению социально-экономического и военно-политического положения тюрков, а также политика императора Тай-цзуна, взявшего курс на создание единого китайско-тюркского государства при непосредственном участии восточных тюрков. Во многом именно благодаря тюрко-китайскому тандему, император Тай-цзун смог добиться внешнеполитических и внутренних успехов для своего объединенного государства и превратить его в великую империю Тан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сели каган; император Тай-цзун; династия Тан; восточные тюрки; Тюркский каганат; кочевники.

В 620 г., когда Сели каган возглавил тюрков, Восточно-тюркский каганат представлял собой мощное и боеспособное военно-политическое объединение, оказывающее влияние не только на Китай, но и на всю региональную политику.

---

* Исследование выполнено при поддержке Gerda Henkel Stiftung, AZ 02/V/14.

Однако в конце 20-х гг. VII в. ситуация в государстве тюрков кардинальным образом изменилась: кочевники находились на грани выживания. Причиной послужили глобальные природно-климатические катаклизмы, коснувшиеся Центральной Азии.

Масштабное похолодание на территории Евразии в 627–630 гг., отмеченное в древесных кольцах на Ямале, в Северной Америке, на севере Средней и Восточной Сибири, современные ученые связывают с крупным извержением вулкана. Из европейских летописей известно, что начиная с октября 626 г. сухой туман в течение 8–9 месяцев покрывал обширную территорию, по крайней мере, Ирландию и восточное Средиземноморье. В самом Китае (империи Тан) также отмечен заморозок в конце лета 627 г., уничтоживший урожай в нескольких провинциях. Такие же события в Китае отмечены и в 628–629 гг. [Хантемиров, Горланова, Сурков, Шиятов].

Именно климатические экстремумы этого периода явились главным фактором ослабления Восточно-тюркского каганата. Подобную точку зрения поддерживают и китайские исследователи, занимающиеся вопросами изучения последствий извержения вулкана 626 г. [Fei, Zhou, Hou]. По их мнению, похолодание коснулось всей территории Центральной Азии, в том числе и северных провинций Китая, но наиболее пострадавшей стороной явился Восточно-тюркский каганат, кочевая экономика которого не выдержала резких и продолжительных холодов [Ibid.].

Экономические трудности повлекли за собой дестабилизацию политической ситуации внутри каганата. В 627 г. севернее горы Иньшань против Сели взбунтовались Сеяньто, Хойхэ (уйгуры), Баегу и другие племена и сместили его сына Юйгу Шада.

В условиях экономической катастрофы, которая поставила тюрков на грань выживания, обнажились все противоречия внутри тюркского общества, а также внутри самого Восточно-тюркского каганата.

Источники сообщают, что «Сели доверил ху (согдийцам) управление государством, отдалил от себя родственников и не взял их на службу. Он каждый год мобилизовал солдат и вторгался в китайскую область, так что его люди не могли больше терпеть эти походы. Ху (согдийцы) были бесцеремонными и жадными; часто они были непостоянными, а также их предписания и приказы. Год за годом царил голод. Налоги и платежи были тяжелыми, и племена все больше и больше уходили от него» [Liu Mau-Tsai, S. 194].

Таким образом, в среде тюркского общества постепенно назревал внутренний конфликт, одновременно росло недовольство и недоверие к политике Сели кагана.

Ситуация в каганате усугублялась, и многие племена, по выражению китайских летописцев, стали самовольными и отказались подчиняться Сели кагану. Даже ближайшие сановники Сели (Тули каган, Юй-шэ Шад, Инь-най Тэлэ (= Тегин) и др.) перешли на сторону Тай-цзуна [Ibid.].

Обстановка в каганате усложнялась и тем, что Сели, в условиях резкого сокращения податного населения, увеличил налоги для оставшегося населения и собирал их, вероятно, с использованием репрессивных мер.

Официальной причиной начала военных действий императора Тай-цзуна против Сели явились его тесные отношения с Лян Ши-ду, сепаратистом, контролирующим территорию Ордоса¹ и выступающим против династии Тан. К тому времени Сели каган не представлял собой военной угрозы, т. к. основные силы его покинули и на начало сражения с китайскими войсками, по сведениям китайских источников, он имел армию в количестве 10 000 солдат [Liu Mau-Tsai, S. 194].

Таким образом, поражение армии Сели кагана от китайцев в начале 630 г. стало лишь закономерным событием, как результат его антинародной политики. Оно было выгодным как для Китая, так и для восточных тюрков, которые на протяжении последних трех лет были недовольны его действиями. Значение битвы 630 г. в установлении китайского доминирования над Восточно-тюркским каганатом преувеличено и не соответствует реальности. Ее итогом стало лишь оформление сложившейся ситуации. Интересы Китая и восточных тюрков совпали, и судьба Сели кагана была предрешена. В отличие от Сели кагана, Восточно-тюркский каганат представлял собой политическую силу, с которой необходимо было считаться. Доказательством этому служит эпизод из Тан шу, в котором император Тай-цзун через год после поражения Сели кагана отправляет посольство, чтобы выкупить «золотом и шелком» 80 000 китайцев, переселившихся к восточным тюркам в поздний период династии Суй [Ibid., S. 196].

После поражения Сели кагана император Тай-цзун встал перед выбором дальнейшей политики по отношению к тюркам. Восточно-тюркский каганат существовал, но был без правителя. Тай-цзун хотел, чтобы каганом стал бывший соратник Сели — Тули каган, который ранее перешел на его сторону, и этот вопрос обсуждался императором Тай-цзуном. Но Тай-цзун сказал Тули кагану: «Я не назначу тебя каганом, т. к. я раньше пережил это с Циминь (в качестве опасности). Я буду вести другую политику и хочу долгого мира для Китая и длительного порядка для твоих кланов, поэтому я назначу тебя Ду-ду (военным губернатором). Ты должен, по закону нашего государства, держать в порядке своих сторонников. Вы не должны противостоять друг другу. Если ты пойдешь против закона, ты заплатишься!» [Ibid., S. 147–148]. Таким образом, Тай-цзун выбрал путь постепенного сближения Китая и Восточно-тюркского каганата под своим руководством, путь интеграции в надежде на долгий мир и длительный порядок. Однако Тули каган не оправдал надежд Тай-цзуна из-за болезни и смерти в 631 г. [Ibid.].

Весной 630 г. главы восточных тюрков прибыли ко двору Тай-цзуна с просьбой принять титул Небесного кагана, который давал бы китайскому императору право на верховный сюзеренитет над ними. Сановники и варвары четырех сторон света — все провозгласили здравицу «Ваньсуй», после чего главам северо-западных племен были вручены грамоты с императорской печатью, и все называли государя Тай-цзуна Небесным каганом [Бичурин]. Достойной кандидатуры среди тюрков после Сели кагана не оказалось, и они выбрали Тай-цзуна своим каганом. Он их вполне устраивал, т. к. к весне 630 г. практически

---

¹ Ордос — пустынное плато в Центральной Азии. С севера, запада и востока пустыню окаймляет изгиб реки Хуанхэ. По южной границе проходит Великая Китайская стена.

все высшие сановники тюрков уже выступали на стороне Тай-цзуна, примкнув к нему еще во время правления Сели кагана, поэтому они могли ему доверять. Его тюркские корни придавали ему еще больший вес. Тай-цзун официально оставался Небесным каганом тюрков вплоть до июля 639 г., когда он передал свои полномочия Ашине Сымо.

Личность императора Тай-цзуна была ключевой фигурой в установлении диалога между Китаем и Восточно-тюркским каганатом. Он играл роль соединительного моста между двумя культурами. Из китайских источников известно, что мать Ли Ши-миня была дочерью суйского аристократа тюркского происхождения Шэнь-гуна Доу И, который относился к военной элите Северо-Западного Китая. В 613 г. четырнадцатилетнего Ли Ши-миня женили на представительнице клана Чансунь из Лояна (пров. Хэнань) [Попова, с. 14]. Семья, из которой происходила супруга Ли Ши-миня, также была очень известной и уважаемой среди восточных тюрков благодаря деятельности ее отца — Чансунь Шэна. Он служил династии Суй в должности генерала правого корпуса Доблестной гвардии и очень часто исполнял функции посланника китайского императора в ставке кагана, т. к. тюрки испытывали к нему симпатию и доверяли ему [Liu Mau-Tsai, S. 96–110]. Ли Ши-минь, несомненно, был талантливым полководцем и выдающимся политиком, но для тюрков он не был завоевателем их государства, тюрки его воспринимали как представителя тюркских кровей.

С 630 г. император Тай-цзун постоянно балансировал между интересами Китая и тюрков. Он понимал, что тюрки в любой момент могут выступить против него так же, как и против Сели кагана, и он может оказаться в подобной ситуации, но он нуждался в тюрках. Цзю Тан шу приводит слова Тай-цзуна: «Я очень доволен, что варвары ослаблены и пограничная область свободна от беспорядков, но когда я вижу его [Сели кагана. — Р. Г.] падение и стеснение, я не могу, не испытывая страха, не спросить себя, не имел ли я неосмотрительность, и должен ли я бояться, что неудача и беда мне тоже может угрожать? Теперь я не могу ни вдаль глядеть, ни далеко слышать издали» [Ibid., S. 147]. Вместо мощной военно-политической поддержки со стороны тюрков, Китай в одночасье мог получить сильного внешнего врага. До тех пор, пока Тай-цзун действовал в интересах тюрков, они готовы были его поддерживать. До конца своей жизни Тай-цзуну удавалось сохранять этот хрупкий мир между Китаем и Восточно-тюркским каганатом, позволивший ему добиться серьезных успехов во внешней и внутренней политике.

После провозглашения императора Тай-цзуна в 630 г. каганом тюрков активизируется его внутренняя политика, особенно в военной сфере. Известно, что армия в раннетанском Китае формировалась по территориально-милиционному принципу (система фубин), которая была унаследована от династии Суй [Попова, с. 177–182]. Основная цель системы фубин — объединить гражданскую и военную службу. Войска, мобилизованные по принципу фубин, составляли основу раннетанской армии и, по мнению исследователей, создание фубин стало важнейшим условием усиления Танской империи [Там же, с. 182]. Сегодня среди исследователей нет четкого определения системе фубин. Одним из спорных вопросов является природа ее происхождения в Китае. Однако если исходить

из цели ее создания, то прообразом системы фубин может служить военно-социальная организация общества восточных тюрков или, в целом, центральноазиатских кочевников. С точки зрения китайцев, кочевники Центральной Азии представляли собой идеал совмещения гражданской и военной службы, т. к. эти две стороны жизни, например у восточного тюрка, не разделялись. Чередование военных походов и мирного быта для него были обыденными вещами, привычным образом жизни. Военные успехи тюрка напрямую зависели от развития основной хозяйственной деятельности кочевников — скотоводства, т. к. конница была основной военной единицей тюрков. Уровень благосостояния тюрка также зависел от успешности военных кампаний. Таким образом, простота, взаимосвязь и универсальность образа жизни кочевника очевидна, главным его преимуществом была мобильность — в отличие от китайского образа жизни с четким функциональным разделением на военных и гражданских лиц. Подобную практику совмещения этих двух функций Китай решил внедрять на северных территориях по примеру кочевников еще с середины VI в., но реальных успехов сумел достичь лишь при династии Тан во время правления императора Тай-цзуна, что не может являться простым совпадением.

Важным инструментом для социализации восточных тюрков в китайской среде было использование иноплеменных групп в совместных тюрко-китайских военных походах. Восточные тюрки в военном мастерстве стояли на первом месте среди других кочевников, о чем сообщают китайские источники. Естественно, такое использование иноплеменных отрядов в императорской армии изображается китайскими источниками в ироническом тоне, подчеркивая тем самым превосходство китайской стратегии и несовершенство и глупость «варваров», что вполне укладывается в общую характеристику китайских исторических хроник. В то же время Китай успешно использовал военную мощь восточных тюрков и одерживал с их помощью победы в крупных сражениях, т. е. отряды тюрков представляли собой реальную военную угрозу для внешних врагов. Следовательно, восточные тюрки с такой же силой могли ее обрушить и на Китай, как это происходило ранее на протяжении многих веков. Для этого достаточно было лишь незначительного повода, но во время правления императора Тай-цзуна этого не происходило. Одной из причин этого может служить также общность интересов ханьцев и тюрков под руководством Тай-цзуна.

Создание административно-территориальных структур цзими на территории Восточно-тюркского каганата императором Тай-цзуном также может рассматриваться как часть его объединительной политики.

До сих пор не существует единого подхода в определении структур цзими, их функций и целей среди отечественных и зарубежных синологов [Малявкин, с. 107]. В своей работе А. Г. Малявкин отмечает, что институт цзими «был призван закамуфлировать действительное положение, другими словами, правители империи выдавали желаемое за реально существующее. Естественно, об этом назначении всех внешнеполитических институтов и принципов внешней политики нигде в источниках прямо не говорится» [Там же, с. 109].

Создание округов цзими даже на территориях, население которых вполне могло быть в зависимости от Танского государства, ничего не меняло на местах.

Обычно вождь племени назначался на должность правителя округа, а территория вновь «созданного» округа полностью совпадала с территорией расселения племени. Должность правителя такого округа передавалась по наследству. Не создавались какие-либо органы управления по образцу танских регулярных округов, не проводилось и переписи населения [Малявкин, с. 343].

Другой исследователь, И. Ф. Попова, считает, что «создание структур цзими имело прежде всего политико-стратегический характер, поскольку создавало плацдарм для дальнейшего территориального расширения» [Попова, с. 189]. Однако, очень часто в подобных структурах власть династии Тан была лишь номинальной, а следовательно, рассматривать их в качестве плацдарма для дальнейших захватов территории было бы не совсем правильным с точки зрения военной стратегии, в частности, в отношении восточных тюрков, которые, по словам самих китайцев, были «непостоянными».

Западные и японские исследователи квалифицируют округа цзими как территории, находящиеся в вассальной зависимости. Главный вопрос, по мнению А. Г. Малявкина, заключается в определении этой зависимости и ее характера [Малявкин, с. 342].

В Синь Тан шу в разделе «Географическое описание» о цзими сообщается: «С тех пор, как Тай-цзун усмирил тюрков-туцзюэ, северные и западные фани, а также южные мани и восточные постепенно были включены во внутреннюю административно-территориальную структуру китайского государства... Впоследствии племена инородцев то оставались вассалами, то изменяли; установления и порядки для них не были одинаковыми и потому не могут быть рассмотрены подробно» [Попова, с. 188].

Таким образом, в каждой структуре цзими создавались особые условия существования того или иного народа, племени, государства в зависимости от его состояния и его значения для Китая. Утверждать о вассальной зависимости тюрков от Китая после 630 г. мы не можем, т. к. факты из источников свидетельствуют об обратном. Принимая во внимание политику Тай-цзуна в отношении тюрков и взятый им курс на сближение двух государств, можно предположить, что создание структур цзими на территории Восточно-тюркского каганата после 630 г. и включение тюрков во внутреннюю структуру государства носило в большей степени декларативный характер. Его целью было создание видимости (ощущения) единого государства тюрков и китайцев. По замыслу императора Тай-цзуна, человек, живущий на территории Китая (структуры цзими) пусть даже формально, должен ощущать себя не инородцем, а частью единого государства.

Но в отношении восточных тюрков император Тай-цзун пошел дальше. Он вполне мог остановиться на создании цзими чжоу для тюрков на северных окраинных территориях, установить особые условия проживания для них внутри этих структур, т. е. держать на расстоянии своих «врагов». Однако император Тай-цзун расселяет тюрков внутри Китая, а около тысячи их семей живут непосредственно в столице Чанъань, в самом сердце своего государства, что является прямым свидетельством реализации политики объединения восточных тюрков и китайцев императором Тай-цзуном в рамках создаваемого им тюрко-китайского государства.

Интеграционная политика Тай-цзуна нашла свое отражение и в создании уголовного кодекса Тан — Тан Люй Шу И.

Начало оформлению танского права положили еще приказы основателя танской династии Гао-цзу, изданные в период окончательного утверждения его власти (618 г.) [Рыбаков].

За образец был взят свод законов, принятый в годы правления Кай-хуан (589–600) в суйском государстве — впоследствии кодекс Кай-хуан был заменен значительно более суровым кодексом годов правления Да-е (605–617). Кодекс был составлен, но модифицированными оказались лишь 53 статьи, что мало кого могло устроить в наступившую новую эпоху — эпоху стабилизации и процветания. С этого времени началась работа танских правоведов по созданию кодекса, которая была нацелена на максимально возможное смягчение наказаний и приведение предписаний кодекса в соответствие с практикой жизни, в том числе и с практикой управления. Работа эта проводилась поэтапно, над составлением текстов в разное время трудились различные группы наиболее влиятельных сановников того времени — пока, наконец, в 653 г., под руководством родственника императора Чжансунь У-цзи, был создан окончательный вариант [Там же].

В кодексе образца 653 г. В. М. Рыбаковым были отмечены разъяснения — шуи. По мнению В. М. Рыбакова, «группа Чжансунь У-цзи позаботилась не только о подсудимых, но и о судьях, насколько возможно облегчив их задачу пространными разъяснениями и даже введя в текст, насколько мне известно, уникальный для мировой правовой практики механизм вопросов и ответов. Наиболее частные и наиболее специфические ситуации применения законов, а также их применение в сложных, противоречивых ситуациях прямо разъяснялись в ответ на заданные, так сказать, от редакции вопросы, часто начинающиеся словами: “Еще не знаем, как...”» [Там же].

Появление разъяснений в новом уголовном кодексе Тан также является закономерным следствием и развитием политики императора Тай-цзуна уже при его преемниках. Разъяснения были сделаны не только для китайцев, но и, скорее всего, для инородцев, которых к середине VII в. на китайской службе и в качестве рядовых граждан было огромное количество, что позже стало причиной ограничения приема на службу не китайцев [Lewis, p. 155].

Личность Чжансунь У-цзи еще во время императора Тай-цзуна фигурирует в китайских источниках в связи с деятельностью, связанной с восточными тюрками. Его биография содержится в Тан шу и Цзю Тан шу [Liu Mau-Tsai, S. 330].

Таким образом, процесс объединения тюрков и китайцев, начатый императором Тай-цзуном в 630 г., реализовывался также в 653 г. с введением нового уголовного кодекса Тан, отразившего важные социальные изменения в Китае.

Успех политики Тай-цзуна не мог не вызвать раздражение как среди китайцев, так и среди тюрков. Среди них были люди, выступавшие за сохранение китайской и тюркской идентичности и восстановление статус-кво. Одним из них был младший брат Тули кагана по имени Цзэшэшуай, совершивший в 639 г. покушение на императора. Примечательно, что широкой поддержки Цзэшэшуай среди тюрков не нашел.

После покушения на императора при дворе все чаще стали раздаваться речи сторонников безопасности Китая. Под их давлением тюрков расселили в области к северу от Желтой реки (в Суй-юань). Кроме того, император приказал в дальнейшем Туцзюэ и Ху (варварам), которые поселились ранее в китайских префектурах, переправиться через (Великую) реку, идти на Север и возвратиться в свою старую родовую область. Император назначил Ашину Сымо каганом и присвоил ему фамилию Ли (императорского дома). Ашина Сымо повел своих родственников и учредил ставку на севере (Великой реки в Суй-юань) [Liu Mau-Tsai, S. 152].

Источники сообщают о количестве тюрков в 100 000 мужчин и 40 000 боевых способных солдат, перешедших под командование Сымо, но не известна судьба тех тюрков, которые к 639 г. уже целое десятилетие жили в столице Чаньань, а также нескольких тысяч семей, проживавших во внутренних землях Китая. На исконно тюркских землях к началу 40-х гг. VII в. укрепилось племя Сеяньто. Ашина Сымо боялся их и отказывался покидать китайскую территорию, несмотря на мощную дипломатическую и военную поддержку Китая.

Таким образом, император Тай-цзун после покушения на свою жизнь в 639 г. принимает ряд решений. Во-первых, он возвращает тюрков на их исконные земли, т. е. дает им свободу и право выбора места проживания, в Китае или на территории Восточно-тюркского каганата. Во-вторых, он официально провозглашает Ашину Сымо тюркским каганом с соблюдением церемониала. В-третьих, он выступает на стороне тюрков в споре за земли с племенами Сеяньто, которые хозяйничали на них последние несколько лет и в итоге в 646 г. Сеяньто окончательно подчиняются. После провала Ашины Сымо источники сообщают, что люди его орды снова изъявили желание переселиться на китайскую территорию, и им было позволено. Подобное благоволение императора тюркам отчасти может быть объяснено их совместными военными походами, например, против Кореи в 645 г., о чем также сообщают китайские источники. Однако Тай-цзун мог сделать ставку в военном отношении и на Сеяньто, но в данных условиях он выбирает тюрков, что свидетельствует об особом статусе восточных тюрков для императора Тай-цзуна.

После смерти Ашины Сымо среди тюрков встал вопрос о выборе кагана. Кандидатур у Тай-цзуна уже не было (Тули каган, Ашина Сымо скончались), у тюрков подходящей фигурой был только один человек — Цзюйби. Цзю Тан шу сообщает, что Цзюйби был отважным от природы и хорошим стратегом, и его люди были ему очень преданны и хотели выбрать его своим каганом, но он отказался в пользу предводителя Сеяньто. Впоследствии Цзюйби вступил в конфронтацию с Сеяньто и вынужден был бежать в свою старую родовую область, которая находилась в 10 000 ли от столицы (Чаньань). Он располагал более чем 30 000 закаленными в боях солдатами. Там он сам себя объявил Ичжуцзюйби каганом. На Западе были Гэлолу и на Севере Цзэгу; они все ему подчинились [Ibid., S. 148].

К 646 г. при помощи Китая была полностью решена проблема тюрков с Сеяньто и вновь на огромной территории от озера Байкал на севере и вплоть до столицы танского Китая Чаньань на юге повсюду проживали восточные тюрки.

Территория была огромной, влияние тюрков на ней велико, причем как на севере в степи, так и на юге в Китае. Во главе их стоял энергичный каган. Таким образом, были созданы все условия для очередного усиления Восточно-тюркского каганата, которое не мог не заметить император Тай-цзун. Угроза для политики Тай-цзуна со стороны Цзюйби кагана была лишь вопросом времени, и император не заставил себя ждать. Он срочно принял меры, организовал военный поход против Цзюйби, но довести его до конца вынужден был уже его преемник — император Гао-цзун. Тай-цзун умер в 649 г.

Примечательно, что одновременно со смертью Тай-цзуна в китайских источниках исчезают подробные сведения о тюрках при его преемниках. Косвенно это может свидетельствовать и об изменении отношения к тюркам сразу после его смерти.

Смерть Тай-цзуна ослабила связь ханьцев и тюрков, которая за время правления императора существенно укрепилась. Тай-цзун был связующим звеном между двумя культурами. После смерти его политика, словно по инерции, еще приносила свои плоды вплоть до 679 г., когда просчеты во внутренней и внешней политике императоров Тан свели на нет все предыдущие достижения периода Чжэнь-гуань (627–649), что привело к охлаждению в отношениях и развитию нового витка соперничества Восточно-тюркского каганата с Китаем после 679 г.

В конечном итоге тридцать лет мира, декларируемые в китайских источниках, привели к восстанию тюрков в 679 г. и полному провалу политики объединения тюрков и китайцев, начатой Тай-цзуном, т. е. противостояние между тюрками и китайцами медленно, но верно нарастало в этот период. Основной причиной являлась недальновидная политика преемников Тай-цзуна, требующая специального исследования. Главной причиной стало то, что при преемниках Тай-цзуна китайские императоры уже не проявляли заботу о тюрках в том объеме, в котором они ее получали в период Чжэнь-гуань. Император Тай-цзун в самом конце своего правления сказал своим сановникам: «С древних времен все дорожили Китаем и недооценивали варваров (ди), только я люблю (всех) одинаково, поэтому для разных племен я как отец и мать» [司馬光]. После Тай-цзуна так не мог сказать ни один из китайских императоров династии Тан. Поэтому тюрки все больше и больше отдалялись от Китая, они все меньше ощущали себя полноправными членами тюрко-китайского общества, а Китай все настойчивее выступал за сохранение своей идентичности в ущерб тюркским интересам, что, в итоге, и привело к росту напряженности.

Таким образом, 630–679 гг. были периодом уникального опыта по созданию объединенного государства и тюрко-китайской культуры под руководством Тай-цзуна при равноценном участии восточных тюрков. Первая цель достигнута не была, а вторая отчасти была реализована. В одной из последних книг американского синоведа М. Э. Льюиса о танском Китае автор называет империю Тан «космополитической» [Lewis], с чем можно согласиться, но с небольшой оговоркой. Среди окружающего этнического многообразия империи Тан восточные тюрки имели особый статус. Император Тай-цзун и его окружение знали восточно-тюркское общество изнутри и смогли уловить его настроение и ожидания, поэтому тюрки до самого конца находились на его стороне.

В период 630–679 гг. шел активный процесс равноценного инкорпорирования двух культур в политической, экономической и культурной сферах, который послужил толчком для развития как отдельно китайской, так и тюркской культур в будущем. На базе тюрко-китайской культуры родилось новое, более высокоразвитое общество — Восточно-тюркский каганат 679–745 гг., многое из которого в процессе эволюции перенял Уйгурский каганат и более поздние кочевые политические образования. Все они явились закономерным результатом складывания и существования в 630–679 гг. тюрко-китайской общности, которая дала импульс для их развития и явилась эталонным образцом политической жизни для будущих поколений тюрков и китайцев, но, к сожалению, не востребованной среди них.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую / пер. с кит. И. Бичурина. Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН. Т. 8. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. [Bichurin N. Ja. (Iakinf). Letopis' kitajskoj imperii, nazyvaemaja Juj-p'hi czy chzhi thun-czjan' gan-mu. Razdelennaja na tri chasti, letopis' drevnjuju, srednjuju i novejšuju / per. s kit. I. Bichurina. Arhiv vostokovedov Sankt-Peterburgskogo Instituta vostochnyh rukopisej RAN. T. 8. F. 7. Op. 1. Ed. hr. 8.]

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 432 с. [Maljavkin A. G. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii. Teksty i issledovanija. Novosibirsk, 1989. 432 s.]

Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999. 279 с. [Pорова И. Ф. Politicheskaja praktika i ideologija rannetanskogo Kitaja. M., 1999. 279 s.]

Рыбаков В. М. Танский кодекс и его основные положения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/oriental1.html#kodex> (дата обращения: 13.07.2014). [Rybakov V. M. Tanskij kodeks i ego osnovnye polozenija [Electronic resource]. URL: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/oriental1.html#kodex> (mode of access: 13.07.2014).]

Хантемиров Р. М., Горланова Л. А., Сурков А. Ю., Шиятов С. Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. географическая. 2011. № 2. С. 89–102. [Hantemirov R. M., Gorlanova L. A., Surkov A. Ju., Shijatov S. G. Jekstremal'nye klimaticheskie sobytija na Jamale za poslednie 4100 let po dendrochronologicheskim dannym // Izv. RAN. Ser. geograficheskaja. 2011. № 2. S. 89–102.]

Fei J., Zhou J., Hou Y.J. Circa A. D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // Climatic Change. Vol. 81. 2007. N. 3–4. P. 469–475.

Lewis M. E. China's cosmopolitan empire: the Tang dynasty. Cambridge ; London, 2009. 356 p.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 10. Wiesbaden, 1958. 831 S.

司馬光. 資治通鑑. (Сыма Гуан. Цзы чжи тун цзянь) [Electronic resource]. URL: <http://www.tianyabook.com/lishi/zizhitongjian> (mode of access: 15.07.2014).

Статья поступила в редакцию 29.07.2014 г.

УДК 94(100) + 34(100) + 32.001 + 1(09)

Г. Е. Лебедева
Е. А. Мехмадиев

**ДИАКОН АГАПИТ И *DIALOGUS DE SCIENTIA POLITICA*:
ДВА КОНЦЕПТА ВЛАСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВАСИЛЕВСА В VI в.
(часть 2)**

Идея богоизбранного василевса, который обладает неограниченной властью на земле, проходит лейтмотивом через всю историю византийской политической мысли, но возникает закономерный вопрос — когда именно эта идея оформилась в полноценную политическую теорию, учение о механизме и функциях самого государства. На основе сравнительного анализа трех трактатов («Поучение» диакона Агапита, «Диалог о политической науке» и «О стратегии»), созданных в VI — первой трети VII вв., авторы прослеживают изменения в содержании тезиса о василевсе-самодержце, который наделен властью свыше и в этом подобен Богу. Следуя четкому критерию — политическая теория как учение о сущности и формах государства — авторы приходят к выводу, что в эпоху Юстиниана, вопреки распространенному в историографии мнению, в виде полноценной политической теории существовала только идея об ограничении власти императора системой традиционных римских магистратур. Все призывы диакона Агапита о небесном подобии и самодержавной власти Юстиниана, наоборот, можно рассматривать как чистую риторическую компиляцию, набор литературных штампов, без претензий на научное исследование. И только на рубеже VI–VII вв. эти риторические призывы получили полноценное научное оформление, аргументацию, превратились в целостную и системную политическую теорию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая теория; риторика; диакон Агапит; «Диалог о политической науке»; богоизбранный василевс; Юстиниан; сенаторы; христианство; греческая философия.

В первой части статьи мы рассмотрели содержание трактата, известного в науке под названием «Поучение» — это произведение, принадлежащее авторству Агапита, диакона церкви Св. Софии в Константинополе, посвящено византийскому императору Юстиниану I (527–565). Трактат Агапита дает читателю идеальный образ правителя-василевса, перечисляя те качества личности и принципы (моральные нормы) поведения, которые в понимании автора наиболее соответствовали долгу и положению императора. В связи с этим мы особо подчеркнули, что, на наш взгляд, понятие «политическая наука» в строгом смысле слова обозначает учение о государстве, раскрывает и отвечает на вопрос о происхождении и формах существования государственной власти, и с этих позиций мы пришли к выводу, что «Поучение» Агапита — не политический трактат, а только литературный памятник (панегирик).

Центральная мысль Агапита — тезис о богоизбранной и неограниченной власти императора Юстиниана, но этот образ нельзя считать научной теорией, учением о государстве, поскольку сам текст Агапита — чистая компиляция, риторический призыв-увещевание, в котором автор дает свой идеальный образ правителя-василевса. «Поучение» Агапита не содержит какой-либо научной аргументации, разъяснений и пояснений к высказанным тезисам (положениям), это — не более чем декларации, позаимствованные из сочинений других авторов.

Соответственно, мы пришли к выводу, что идея богоизбранной власти византийского василевса в эпоху Юстиниана еще не оформилась в полноценную политическую теорию, направленную на изучение, детальное исследование основ государственной власти и механизма функционирования государства в целом. Во второй части нашей работы мы рассмотрим два новых политических трактата («Диалог о политической науке» и «О стратегии») и в связи с этим попытаемся ответить на вопрос, когда идея богоподобной царской власти, основанной на принципах самодержавности (автократии), перешла из области риторики в область политической науки, стала полноценной частью учения о государстве.

2. «Диалог о политической науке»: «политология» эпохи Юстиниана

В 1827 г. хранитель Амброзианской библиотеки в Милане А. Май, впоследствии — один из кардиналов Святого Престола, опубликовал обширный греческий палимпсест, хранящийся в фондах Ватиканской библиотеки (Vat. gr. 1298). В рамках этой рукописи итальянский священник и филолог обнаружил предельно интересный текст, впервые и введенный им в научный оборот, а именно — анонимный и фрагментарно сохранившийся политический трактат *Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης* («О политической науке»). До нашего времени дошли только 4-я и 5-я книги этого произведения, и вплоть до 1900 г. исследователи практически не обращали внимание на столь важный источник, способный пролить свет на многие спорные вопросы ранневизантийской политической мысли.

В 1982 г. вышло в свет первое полноценное критическое издание трактата, подготовленное итальянским филологом Дж. Мадзукки, который добавил к прежнему тексту в редакции А. Мая несколько новых фрагментов, обнаруженных ученым в ходе длительных изысканий в рукописных фондах Ватиканской библиотеки. В 2002 г., дополнив комментарий и предисловие к тексту новыми данными, исследователь отметил, что трактат принадлежит авторству анонимного писателя эпохи императора Юстиниана, более того, Дж. Мадзукки отнес время составления «Диалога» к периоду 532–533 гг., т. е. к эпохе, во многом совпадающей с датировкой «Поучения» Агапита [DSP, р. XIII–XV]. Тем не менее следует подчеркнуть, что в исследованиях более ранних лет прослеживается тенденция к несколько иному решению поставленного вопроса — в частности, еще в 1925 г. В. Е. Вальденберг вслед за А. Маем, первоиздателем трактата, отождествил личность автора трактата с Петром Патрикием, историком, дипломатом и мыслителем эпохи Юстиниана, занимавшим пост магистра оффикия (начальника императорской канцелярии) [Valdenberg, р. 55]¹. Эта мысль настойчиво проходит лейтмотивом

¹ Подчеркнем, что в 2008 г. вышло в свет долгожданное издание книги В. Е. Вальденберга «История византийской политической литературы», подготовленное И. П. Медведевым и В. И. Земсковой. Несмотря на то, что сам текст этого фундаментального и энциклопедического исследования был написан еще в 1920-е гг., вплоть до 2008 г. монография В. Е. Вальденберга существовала только в виде рукописи и хранилась в фонде Петербургского филиала РАН. Несомненно, публикация столь важной книги, не потерявшей своей актуальности до сих пор, дает возможность для постановки новых вопросов, открывает простор для новых горизонтов исследования и расширяет границы научного поиска. В этом смысле интересно, что параграф, в котором В. Е. Вальденберг разбирает содержание «Диалога», в тексте совершенно четко фигурирует под заглавием «Петр Патрикий», что демонстрирует нам крайне высокую степень уверенности В. Е. Вальденберга в вопросе об авторстве трактата [см.: Вальденберг, с. 3].

через всю статью В. Вальденберга, но вслед за Дж. Мадзукки у нас возникают серьезные сомнения в правильности подобной идентификации.

Строго говоря, необходимо отметить, что само слово «диалог» в названии нашего трактата, условно принятое в исследовательской литературе, выглядит далеко не случайным и вполне верно отражает содержание данного источника — перед нами действительно полноценный диалог, текст, оформленный в виде беседы-рассуждения двух персонажей, патрикия Мены и референдария Фомы. Оба придворных чиновника предельно четко упоминаются в выписках грандиозной «Библиотеки» («Мириобиблиона») византийского патриарха Фотия (858–867 и 877–886 гг.), который сообщает, что он ознакомился с текстом некоего диалога, в котором участвовали те же персонажи — Мена патрикий и Фома референдарий: 'Ανεγνώσθη περὶ πολιτικῆς ὡς ἐν διαλόγῳ Μητῶν πατρίκιον καὶ Θωμᾶν ῥεφερενδάριον τα διαλεγόμενα εἰσάγον πρόσωπα («Прочитано о политической [науке], что в диалоге Мена патрикий и Фома референдарий есть лица, а представлен [в нем] разговор») (Photius, Bibl. cod. 37). Если о личности Фомы-референдария, кроме приведенной выше цитаты Фотия, нам ничего более не известно, то Мена-патрикий упоминается сразу в нескольких источниках, при этом самого разного жанра, что в целом дает возможность более детально проследить не только карьерный путь этого персонажа, но и выявить его реальную должность.

Дж. Мадзукки во введении к последнему переизданию «Диалога» цитирует ранее неизвестную греческую стихотворную эпиграмму, опубликованную незадолго до этого, в 2000 г., в итальянском антиковедческом журнале *Elenchos*. Сама эпиграмма содержится в греческой рукописи, хранящейся в фондах Национальной библиотеки Франции, и представляет собой, судя по всему, эпиграф или пролог к одной из утраченных книг «Диалога» [DSP, р. XVI]. Текст стихотворения выглядит следующим образом:

Таблица 1

Эпиграмма Мены

Πλάτων νομοθετεῖ ῥητορεύειν
ἐμφρόνως ὀρθῶ κανόνι
φιλοσοφίας κεχηρμένοις
Μητῶς δε κρείττων ἐξέλαμψε τῷ
βίῳ Περικλέους τοσοῦτον, ὅσον, πάνυ
σφόδρα, Ἀναξαγόρου Πλάτων. ὄν
εὐμενεὶ τύχη μέτρον ποιεῖτε
ῥητορικῆς εὐγλωττίας

Платон предписывает тем, кто уже пользуется истинным правилом философии, произносить речи разумно... Мена же еще больше блистал в жизни, чем Перикл, настолько, насколько, во всем совершенно, Платон превосходил Анаксагора. Его [т. е. Мены. — Г. Е., Е. М.] меру благосклонной судьбой творите в ораторском красноречии.

Как видим, персонаж по имени Мена в прямом смысле представлен в тексте как блистательный оратор, превосходящий свои мастерством других прославленных риториков, а автор эпиграммы, несомненно, в равной мере демонстрирует прекрасное и обстоятельное знакомство с классиками греческой философии, но в этом смысле важно другое — одноименный чиновник фигурирует в двух законодательных источниках, уточняющих правовой статус и должностной ранг интересующего нас персонажа. В одной из вводных конституций императора

Юстиниана, разъясняющих цель и мотивы грандиозной кодификации римского права, законодатель прямо обращается к «Мене, знатному мужу, префекту претория во второй раз, ранее — префекту этого благого города, и патрицию» (*Menae viro illustri praefecto praetorio II ex praefecto huius almae urbis ac patricio* [CJ, C. Summa, p. 2]).

В данном случае следует сказать, что указанный закон был издан 7 апреля 529 г. в качестве своеобразной преамбулы к публикации «Кодекса Юстиниана», собравшего воедино разрозненное и противоречивое императорское законодательство III–VI вв., и в этом смысле мы видим, что текст документа называет Мена «патриkiem» и наделяет его должностью префекта претория, подчеркивая, что ранее этот персонаж выполнял функции константинопольского префекта. Очевидно, успешно справившись с полномочиями главы восточноримской столицы, Мена получил повышение по службе и занял пост префекта претория, т. е. вторую после императора должность в гражданской иерархии империи.

Безусловно, уже в качестве главы гражданской администрации Мена получил от императора новую инструкцию, направленную на имя константинопольского Сената 29 декабря 534 г. Фактически этот закон был адресован коллегии наиболее влиятельных юристов и чиновников, способных классифицировать и систематизировать огромный правовой материал, собранный в «Кодексе», в связи с чем конституция подробно перечисляет имена тех персонажей, которые входили в состав кодификационной комиссии: *necessarium nobis... Menam insuper et Constantinum et Iohannem viros eloquentissimos* [выделено нами. — Г. Е., Е. М.] *togatos fori amplissimae sedis easdem constitutiones nostras decerpere* («нам необходимо... чтобы сверх этого Мена, Константин и Иоанн, мужи, в совершенстве красноречивые, облаченные в тогу, на форуме взяли от самого возвышенного престола те же наши законы») [CJ, C. Cordi, p. 4]. Примечательно, что последний из цитированных законов ранее просто не попадал в поле зрения исследователей — как ни странно, ни Дж. Мадзукки, ни В. Вальденберг не обратили внимание на столь важный источник, полностью проигнорировав представленные выше пассажи, более того, патрикий и префект Мена совершенно не упоминается даже в таком монументальном справочнике, как “Prosopography of the Late Roman Empire” («Просопография поздней Римской империи»).

Наоборот, учет сведений конституции 534 г., несомненно, позволяет рассматривать вопрос об авторстве и датировке трактата в совершенно новом ключе, а именно — как нам кажется, нет никаких оснований отрицать, что именно патрикий Мена — абсолютно реальный персонаж, засвидетельствованный в правовых документах — *был подлинным и полноценным автором* «Диалога о политической науке», в тексте которого он действительно упоминается почти во всех пассажах. Заметим, что и в эпиграмме, и в конституции особо выделяются риторические таланты Мены, его способность грамотно, красиво и ясно излагать свою мысль, и подобное совпадение, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует в пользу предложенной выше идентификации.

Следовательно, можно предположить, что время написания трактата падает на период от 529 до 534 гг., когда Мена был занят активной законотворческой деятельностью и в связи с этим участвовал в комиссии по кодификации

права — очевидно, трактат Мены можно считать своеобразным теоретическим обобщением накопленного ранее эмпирического материала, суммой размышлений и рекомендаций относительно наиболее лучшего и справедливого государственного устройства. В этом смысле сложно сказать, насколько справедлив тезис, высказанный в свое время К. Прехтером, что текст «Диалога» был составлен автором-христианином, находившимся под сильным влиянием неоплатонизма [Praechter, S. 630–632]² — как известно, в течение всей первой половины VI в. неоплатоническая философия, во многом близкая положениям христианской религии, была очень популярна среди византийской интеллектуальной элиты, поэтому вполне возможно, что Мена, прекрасно знавший риторику и греческую философию, мог отразить в своем трактате некоторые положения и идеи неоплатонизма.

В любом случае для нас предельно важна проблема содержания «Диалога» — вокруг каких сюжетов разворачивалась мысль автора, как текст трактата в идейном плане отличался от «Поучения» Агапита, можно ли найти в «Диалоге» подобное с Агапитом переплетение и даже органический синтез христианской и античной философской терминологии? Отвечая на эти вопросы, следует подчеркнуть, что между двумя источниками в большей степени прослеживаются именно элементы различия, но не сходства, поскольку через все повествование автора «Диалога» лейтмотивом проходит мысль об ограничении власти василевса другими органами (ветвями) власти, о необходимости сохранения законности правления, подчинения царской власти закону, в конечном итоге — о сбалансированном и согласованном взаимодействии нескольких органов государственного управления. Ниже в виде таблицы мы представили основные положения и идеи, высказанные в тексте трактата — как нам кажется, подобный способ изложения материала в более удобной форме позволит показать динамику мысли автора и провести сравнительный анализ различных глав его текста.

Таблица 2

*«Диалог о политической науке»:
тематика содержания и метод рассуждений автора*

Οὐκοῦν καὶ ἡμεῖς ἐπισκοποῦντες περὶ θεοῦ μιμήσεως, βασιλεία δὲ αὐτῆ [DSP, 5, p. 20]	Итак, и мы обращаем свой взор к подобию божества, а именно — к царской власти
Οὐκοῦν καὶ ἡμεῖς τὴν βασιλικὴν ζητοῦντες ἐπιστήμην, ἃ μὲν δυνατὰ λόγῳ εὐρεῖν, οἰησόμεθα ἐπιστημονικῶς εὐρηκέναι, ἃ δὲ μή, δόξῃ γοῦν ὀρθῆ τε καὶ λόγῳ ἐχούσῃ ἐξ αὐτῆς [DSP, 8, p. 21]	Итак, и мы исследуем царскую науку, и что можно найти разумом, то намереемся обнаружить по-научному, а что нет — хотя бы правильным мнением, имеющим и разум из самого себя
Οὐκοῦν ἐπὶ τούτοις τῶν μὲν νόμων... πρῶτος θετέος αὐτῆ ὑπ' αὐτῆς τῆ βασιλείᾳ τῆς ἐνόμου χάριν ἀναρρήσεως... ὡς προερρήθη, παρὰ θεοῦ τε διδομένην καὶ τῶν πολιτῶν δέξοιτο προσφερομένην [DSP, 17, p. 23]	Итак, после этого из законов... первое, что царской власти следует принять — о ней самой ради законного провозглашения... как было сказано ранее, она дана от Бога и, предложенная, принята гражданами

² Этот тезис находит активную поддержку и в современной литературе, см.: [O'Meara, p. 49–50, 57, 59; MacCoull, p. 310].

<p>δεύτερος περὶ τῆς τῶν ἀρίστων) συγκλήτου βουλῆς, τροφῆς τε αὐτῶν ἕνεκα καὶ παιδείας, τιμῆς τε καὶ τάξεως [DSP, 18, p. 23]</p>	<p>...второе — о совете собрания самых достойных, вследствие их воспитания и образования, знатности и ранга</p>
<p>Νόμιμον μὲν οἱ μαι... τὸ μηδένα πολιτῶν αὐτονομία χρώμενον... ἀλλ' ὑπὸ τῶν πολιτῶν προσαγομένην τε καὶ οἱ οὐ ἐπιτιθεμένην δέχεσθαι τὴν βασιλείαν, ἄχθος μὲν οἱ αὐτῷ τοιοῦνδε κατ' αὐτὸ καὶ λειτουργίαν οὐκ ἀνεύθυνον παρὰ γε τῇ θείᾳ δίκῃ ἴσως δὲ καὶ ἐν ἀνθρώποις δεικνυμένην ἠγούμενον, σωτηρίας δὲ μᾶλλον ἕνεκα τῶν πολιτῶν ὅμως καταδεχόμενον [DSP, 46–47, p. 29]</p>	<p>Мне кажется, что... гражданам нельзя пользоваться никаким самоуправлением... но следует принять только предложенную и возложенную гражданами царскую власть, они же на него [т. е. на царя. — Г. Е., Е. М.] возлагают такое бремя и сообразно с этим службу не безотчетную, ведь в равной мере перед лицом наказания божьего и человеческого явлен он предводителем, но все же больше принят он ради блага [= спасения. — Г. Л., Е. М.] граждан</p>
<p>εἶ γὰρ τὴν βασιλείαν ὠρίσατο Πλάτων μὲν οὐ τῷ ἔχοντι, ἀλλὰ τοῖς ἀρχόμενοις εἶναι συμφέρον, Κικέρων δὲ τοῦ ἔχοντος ἴδιον μὲν πόνο(ν) ἀλλοτρίας δὲ φροντίδα σωτηρίας [DSP, 48, p. 29–30]</p>	<p>Платон хорошо определил, что царская власть есть польза не для того, кто ею обладает, но для подданных, а Цицерон — что собственная боль того, кто ею обладает, есть забота о чужом благе [= спасении. — Г. Л., Е. М.]</p>
<p>Τῶν τῆς πόλεως πάντων... ταγμάτων οἱ πρωτεύοντες τρεῖς ἀμέλει καθ' ἕκαστον ὀνομαζόντων οὓς ἐκ τῶν ἀρίστων ἕκαστοι τῆς βασιλείας ἀξίους ἂν οἰηθεῖεν... μεθ' οὓς κλήρων ἐπὶ τοῖς ὀνομασμένοις παρὰ τοῖς ἱερεῦσιν ἐν ἱεροῖς οἴκοις... γιγνομένων... ἐφ' ὃν ἂν ἔλθοι ὁ κλήρος, ὧς τε δῶν θεός, ἔστω βασιλεύς [DSP, 50–51, p. 30]</p>	<p>Непреренно, три главы всех сословий города, каждый поочередно, называют тех из самых достойных, кто, как им кажется, заслуживает царской власти... после этого священники в храмах на тех, кто назван... кидают жребий... и на кого падет жребий, тому и дает [власть] Бог, тот пусть и будет царем</p>
<p>οὕτω γὰρ καὶ τοῖς πολίταις μετεῖη τῶν κοινῶν τε καὶ δικαίων καὶ τῷ θεῷ νέμοιτο τὸ πρόσφορον, παρ' αὐτοῦ τε διδομένη ἢ βασιλεία δοθεῖη καὶ ἡ τοῦ βασιλέως ἀνάρρησις νομίμως γίγνοιτο [DSP, 52, p. 30]</p>	<p>Так ведь и среди граждан, обычных и справедливых, он [василевс. — Г. Л., Е. М.] пребывает, и Богом признан как подходящий, от него же [т. е. от Бога. — Г. Л., Е. М.] он получает царскую власть, [от него же] было бы дано и провозглашение царя, чтобы проводилось оно законно</p>
<p>ἡ γὰρ τοι βασιλικὴ προμήθεια μόνας τὰς συνεκτικὰς ἀρχὰς τε καὶ πρῶτας αἰτίας τῶν πολιτικῶν πραγμάτων ἐκ τῶν ἐνόντων αὐτῇ βασιλικῶν λόγων μορφουμένης, τῇ τοῦ δημιουργοῦ, ὡς οἶόν τε, μιμήσει ἔχοντος ἐν ἑαυτῷ τοὺς τοῦ παντὸς λόγους, εἶ τιθεῖσα καὶ κοσμοῦσα διατελείτω αἰεὶ [DSP, 58, p. 31]</p>	<p>В самом деле, действительно, царская предусмотрительность пусть всегда одни только основные власти и первые причины политических дел, создаваемые из содержащихся в ней самой царских рассуждений, хорошо обустроивая и украшая, выполняет, так как только в себе самой обладает она подражанием творцу во всех мыслях</p>
<p>Τὸν δὴ τρόπον τοῦτον... εὐρῶν ὁ κατὰ Πλάτωνα βασιλεύων φιλοσόφως (καὶ φιλοσοφῶν βασιλικῶς... ἦν δὲ μή, οὐκ ὄντως ἂν εἶη βασιλεύς, ὄνομα δὲ μόνον ἄλλως κενόν [DSP, 123, p. 45]</p>	<p>Этот образ... по Платону находит тот, кто царствует по-философски и философствует по-царски... если же нет, то он есть не царь, а только пустое имя</p>

Из представленных выше пассажей, как нам кажется, следует выделить несколько наиболее важных идей автора: 1) власть василевса не только ограничена законом, он должен делить ее с советом так называемых «самых достойных», которые принимают полноценные государственные решения наравне с императором; 2) с другой стороны, власть василевса есть подобие Богу, но само подобие заключается в благодеянии, в заботе об общем благе подданных, и смысл высшей власти состоит в процветании подданных, роль василевса рассматривается как общественная должность, повинность («литургия»), наделенная определенными *обязательствами* перед гражданами; 3) наконец, самое главное — автор мыслит граждан, по крайней мере, население Константинополя, как политически активную силу, имеющую право аккламации — торжественного одобрения вновь избранного императора.

При этом интересно, что трактат в лице одного из его персонажей, Мены, совершенно четко и продуманно предлагает провести радикальную реформу системы престолонаследия — главы всех городских «сословий» (судя по всему, профессий, социальных групп общества) должны были назначить кандидатов на царский престол, а уже священники путем жребия выбирали из предложенных кандидатур того, кто и будет облачен в царскую мантию. В целом следует согласиться с позицией ряда исследователей (Дж. Фьяккадори, Р. Досталова, А. Фотиу), отождествивших модель государственного устройства, представленную в трактате, с так называемой «смешанной конституцией» — политическим режимом, при котором в обществе на равных правах действуют и функционируют три вида власти — монархическая в лице василевса, аристократическая в форме собрания «самых достойных», т. е. сенаторов (соответственно, совет *ἄριστοι*, о которых неоднократно говорит автор, вполне верно рассматривается как константинопольский Сенат), и, наконец, демократическая в виде «народного» голосования и публичной аккламации (провозглашения) императора [Fotiou, p. 533, 535, 536–537; Fiaccadori, p. 135–136, 141; Dostálová, S. 36, 47].

В этой «смешанной конституции» все три вида власти органично переплетены и связаны друг с другом, что, по мысли автора трактата, действительно может обеспечить «систему сдержек и противовесов», равномерное распределение полномочий между каждым из органов управления — по сути, идея «баланса сил» преимущественно направлена против произвола царской власти, и, как видно из цитированных выше фрагментов «Диалога», ставит во главу угла именно Сенат как высший орган власти, именно те законы и решения, которые сенаторы (*ἄριστοι*) принимают большинством голосов.

Столь явная оценка Сената как представительного института, выполняющего функции законодательной власти и прямо противопоставленного своеволию императора, заставляет нас вслед за названными выше исследователями отнести трактат «Диалог о политической науке» к жанру полемических произведений антиимператорской критики, основанных на идее ограничения власти василевса системой традиционных римских магистратур, где сам венценосец — не более чем одна из этих магистратур (должностей), даже несмотря на пассажи о богоизбранном характере царской власти. Но важен и другой аспект — сама методика

рассуждений автора, логика развития его мысли предполагает более сложную «технологию» знания, чем в «Почуении» Агапита.

Если в лице Агапита мы имеем перед собой чистую компиляцию, набор риторических суждений, не содержащих какой-либо строгой политической основы, то материал, изложенный в «Диалоге», предстает перед нами как полноценное научное исследование, «политологический» трактат. Это самостоятельное и независимое произведение автора, который творчески перерабатывает и осмысляет наследие всей предшествующей политической мысли (Платон, Аристотель, Цицерон), при этом идеи «классиков» не заслоняют собой собственный, новаторский подход автора. Патрикий и префект претория Мена (как нам кажется, именно он, а не Петр Патрикий составил текст «Диалога») доказывал каждую свою мысль, прямо заявлял о необходимости научного рассмотрения, анализа всех составляющих политического процесса, и в этом смысле можно прийти к вполне логичному выводу, что в 529–534 гг., равно как и в последующую эпоху правления Юстиниана, в виде строгой политической науки была оформлена только мысль об *ограничении* власти императора, тогда как тезис о его абсолютной, произвольной и самодержавной власти еще продолжал высказываться в рамках литературно-риторических пассажей, без видимых претензий на научную *обоснованность* и *доказанность*.

3. Богоизбранность в научном контексте: трактат «О стратегии» и поворот конца VI в.

В 1855 г. немецкие филологи Г. Кехли и В. Рюстов опубликовали фрагментарный греческий текст, прочитанный ими по рукописи XV в. *Codex Parisinus graecus 2522* — этот текст представлял собой совокупность рассуждений неизвестного автора о тактике и стратегии, о лучших приемах ведения боя и построения войска. Поскольку начальный лист рукописи, содержащий подлинное название и имя автора, ко времени публикации памятника был утерян, издатели условно обозначили трактат как «Византийский Аноним» или *De Re Strategica*, датировав текст эпохой Юстиниана, с преимущественным вниманием в сторону более поздней фазы его правления, а именно — 534–565 гг.³

Предложенные аргументы сохраняли свою значимость вплоть до 1985 г., когда вышло в свет новое издание трактата, подготовленное Дж. Деннисом на основе сличения сразу нескольких рукописей, сохранивших в своем содержании текст источника, при этом одна из рукописей — так называемый *Codex Mediceo-Laurentianus graecus 55, 4* — по времени составления восходит к эпохе императора Константина Багрянородного (945–959) и тем самым непосредственно отражает аутентичную, самую древнюю рукописную традицию памятника [De Re Strat., p. 4–5].

Именно разнообразие рукописной традиции породило в относительно новой исследовательской литературе ряд противоречивых оценок относительно личности автора и времени написания трактата. Если К. Цукерман в своей

³ См. более подробно разбор позиции Г. Кехли и В. Рюстова в новом критическом издании Дж. Денниса [De Re Strat., p. 3].

магистерской диссертации отождествил личность «Византийского Анонима» с Сирианом Магистром — полководцем, написавшим труд об искусстве морского боя и неоднократно упоминаемым в «Эксерцптах» (грандиозной энциклопедии) Константина Багрянородного — и в конечном итоге отнес время составления памятника к рубежу VI–VII вв. [Zuckerman, p. 210, 216], то в работах последующих лет (главным образом, пространная статья Ф. Рэнса) настойчиво выдвигается тезис об «Анониме» как авторе рубежа IX–X вв., более точно — 895–908 гг. [Rance, p. 707; Baldwin, p. 292–293].

Аргументы, приведенные Ф. Рэнсом в пользу своей гипотезы:

1. Упоминание в трактате формы Ἰαραβες в качестве обозначения арабских племен, беспокоивших своими набегами византийские границы на Ближнем Востоке. По мнению исследователя, наименование Ἰαραβες решительно не встречается в произведениях греческих авторов вплоть до конца IX в., обремененного ожесточенным византийско-арабским противостоянием;

2. Текст «Анонима» проявляет большое внимание к проблемам морского сражения и правилам ведения морских кампаний, демонстрирует четкий интерес к использованию флота как мощной военной силы — подобные рассуждения, как полагает Ф. Рэнс, были крайне редки для литературы VI–VII вв., изображавшей византийско-персидские войны как исключительно сухопутные боевые операции [Rance, p. 713–714].

Мы намеренно ограничились только этими двумя аргументами, поскольку из всех остальных тезисов они, как нам кажется, заслуживают наибольшего внимания, но даже приведенные выше рассуждения Ф. Рэнса нуждаются в серьезной переоценке и корректировке. Прежде всего, совершенно неубедительно звучит тезис о наименовании Ἰαραβες в византийских источниках — в несколько иной форме этноним Ἀράβιοι упоминается в 5-м письме Синезия Киренского, епископа г. Птолемиада в римской провинции Киренаика (восточный берег современной Ливии), которое Д. Роке датировал 407 г.⁴: συμπλέουσι δὲ ἡμῖν Ἀράβιοι συχνοὶ («с нами плывут многочисленные арабы») (Ep. 5, lines 111–113).

Безотносительно к отдельным деталям и нюансам хронологии писем Синезия, можно совершенно точно утверждать, что корреспонденция епископа отражает период до 414 г., когда Синезий ушел в мир иной [см. PLRE, vol. 2, Synesius 1, p. 1049], соответственно, вопреки однозначной уверенности Ф. Рэнса в том, что до IX в. в греческих текстах для обозначения арабских племен использовалось слово Σαρακηνοί («Сарацины»), мы можем сделать вывод, что форма Ἀράβιοι и ее вариант Ἰαραβες встречаются в лексиконе восточноримских (византийских) авторов уже начиная с рубежа IV–V вв.

Значительные сомнения вызывает и тезис о соотношении морских и сухопутных кампаний в повествовании «Анонима» — рассказывая о различных приемах военного искусства, неизвестный автор подкрепляет значимость своих сведений небольшой ремаркой — τοῦτο δ' ἐποίησεν καὶ Βελισάριος («это делал и Велисарий») [De Re Strat. 33, line 35, p. 104]. Как известно, прославленный византийский полководец Велисарий, одержавший для императора Юстиниана блистательные

⁴ См. хронологическую таблицу, опубликованную в приложении к книге Д. Роке [Roques, p. 452].

победы над вандалами в Северной Африке (530–533), готами Витигиса в Италии и на Сицилии (540 г.) и, наконец, над персами царя Хосрова I в Сирии (544 г.), а также подавивший восстание «Ника» в Константинополе (532 г.), умер в 565 г., но активный период его полководческой деятельности завершился еще в 548/549 г., когда, потерпев ряд крупных поражений в Италии в ходе новой и неудачной кампании против готов, он был отправлен в отставку. Следовательно, мы можем рассматривать 548 г. в качестве условного *terminus post quem* для датировки трактата, поскольку и сам глагол ἐποίησεν употреблен в прошедшем времени, что предполагает время создания текста только после отстранения Велисария от военного командования.

Но к рубежу IX–X вв., когда, как полагает Ф. Рэнс, был написан «Византийский Аноним», византийская военно-теоретическая мысль могла привести в пример и деятельность других полководцев, которые своими решительными победами подтвердили славу империи Ромеев не меньше, чем Велисарий — в этом смысле достаточно упомянуть одного только императора Ираклия (610–641), успешно отбивавшего атаки персов, аваров и арабов в течение всего времени своего правления. Но автор «Анонима» по какой-то причине обратился именно к примеру Велисария, более того — в рамках текста источника это единственный персонаж позднеантичной эпохи, названный по имени, во всех остальных случаях «Аноним» говорит только о героях классического античного прошлого, в основном — эпохи греко-персидских войн. Более того, применительно к арабской кавалерии, в течение VII–IX вв. наносившей Ромеям сокрушительные удары, в тексте «Анонима» можно найти только одну небольшую фразу, резко контрастирующую с общей картиной византийско-арабского противостояния.

Как отмечает автор, Τὰς ἐνέδρας ποιοῦσι μὲν καὶ οἱ σήμερον Ῥωμαῖοί τε καὶ Ἄραβες καὶ πολλὰ τῶν ἔθνῶν οὐ μὴν, ὡς γέ μοι δοκεῖ, συμφερόντως αὐτοῖς («Набеги сегодня делают римляне, арабы и множество народов, но, как мне кажется, без пользы для них») [De Re Strat. 40, lines 3–4, p. 118]. Исходя из этой фразы, можно заключить, что, скорее всего, текст трактата отразил состояние до 632 г., когда войска Арабского халифата, прорвав сирийскую границу, начали свой разрушительный и безостановочный натиск на земли византийских провинций — в этом смысле ясно, что арабы, фигурирующие в цитированном пассаже, представляли собой не армию централизованного и объединенного государства, но только разрозненные и многочисленные отдельные племена, время от времени совершавшие грабительские рейды на всем протяжении ближневосточного лимеса. Именно поэтому, как нам кажется, датировка «Анонима» условно падает на конец VI — начало VII вв., в наиболее общем плане — период 548–632 гг.

Следовательно, если текст нашего источника отражает вторую половину VI — первую треть VII вв., важно, как нам кажется, обратить внимание на политические идеи, которые неизвестный автор высказал в начальных главах своего произведения. Мы полагаем, что эти идеи в полной мере демонстрируют изменения в политической философии Византии, произошедшие после смерти Юстиниана. Ниже мы вновь представили основные тезисы автора, касающиеся государственного устройства, в виде сравнительной таблицы.

Таблица 3

Трактат De Re Strategica и его политические идеалы

<p>Τὸ δὲ συμβουλευτικὸν διὰ τὸ συμφέρον. τὸ γὰρ ὑπὸ πλείονων ἀνερευνώμενον ἐτοιμότερον εἰς κατάληψιν [De Re Strat. 2. 14–15, p. 12]</p>	<p>Совещательная [часть думает] о пользе. Ведь то, что разобрано большим числом людей, более готово к восприятию</p>
<p>Τοὺς δὲ συμβούλους εἶ ναι χρῆ γοῖμους τοῖς ἐνθυμήμασι καὶ διακριτικοῖς τοῦ συμφέροντος [De Re Strat. 3. 18–19, p. 14]</p>	<p>Полезно, чтобы советники были способны к рассуждениям и различению пользы</p>
<p>μήτ' ἄλλαις φροντίσι συνεχομένους καταδαπανᾶν τῆν ἐν τοῖς λογισμοῖς δύναμιν [De Re Strat. 3. 24–25, p. 14]</p>	<p>...ничем иным себя не занимают, употре- бляя силу на рассуждения</p>

Из представленных пассажей, как нам кажется, ясно, что речь идет о такой части (μέρη, как выражается сам автор) государственного устройства (πολιτεία в терминологии нашего трактата, на деле — государственного механизма, системы организации и взаимодействия различных органов власти), как Сенат («совещательная часть» общества). Как видим, роль этого политического института в понимании автора наделена крайне незначительными функциями, совершенно отличными от тех, о которых говорил Мена в своем «Диалоге». Если Мена четко различает и отделяет чиновников (ἄρχοντες) от «самых достойных» (ἄριστοι), т. е. представителей сенаторской аристократии, последовательно разграничивая сферы их полномочий, то автор De Re Strategica прямо заносит «совещательную часть» (Сенат) и сенаторов в разряд тех же ἄρχοντες — об этом свидетельствует композиционная структура трактата, третья глава которого, озаглавленная как «О чиновниках» (Περὶ ἀρχόντων), включает в себя и рассуждения о значимости и роли «совещательной части» в жизни общества.

Более того, титул и содержание 3-й главы подсказывают и другой вывод — в отличие от «Диалога», «Византийский Аноним» ограничивает функции Сената исключительно законосовещательной, но не законодательной ролью, т. е. в картине, обрисованной «Анонимом», Сенат явно не делит с василевсом права управления государством на равных основах, высшая власть принадлежит только венценосцу. В мировоззрении нашего автора сенаторы прямо отнесены к одной из разновидностей чиновничества, имперской бюрократии, всегда послушной и беспрекословно выполнявшей волю василевса. Император, несомненно, может прислушаться к мнению почтенных patres conscripti (в этом смысле характерны следующие фразы, доказывающие именно сенаторский статус данных «советников» — εἶναι δὲ τὴν ἡλικίαν γηραιούς, “βουλὴ καὶ μῦθος τὸ γέρας ἐστὶ γερόντων”, ἢ καὶ πρὸς γῆρας ὀρώντας («[Должны они] быть преклонного возраста, “ведь совет и слово есть честь старых людей”, или обратившими взор к старости»)) [De Re Strat. 3, lines 25–27, p. 14]), но это зависит исключительно от его собственных предпочтений, желания или нежелания в каждый конкретный момент. Сенаторы же, по мысли «Анонима», не вправе вмешиваться в область активного управления, их прерогатива — только совет и наставление василевсу, но не более.

Все представленные выше соображения и аргументы подводят нас к итоговой оценке — поскольку в тексте «Анонима» все рассуждения автора носят детальный

политологический характер, ставят своей целью показать механизм функционирования государства, его внутреннюю структуру, рассматривают соотношение отдельных ветвей власти, мы можем отнести трактат *De Re Strategica* к разряду полноценных научных исследований, подобных тому, что представил в своем «Диалоге» Мена-патриций, только в совершенно противоположном ракурсе, с доказательством идеи неограниченности царской власти. Следовательно, как мы полагаем, образ и понятие богоизбранного императора, наделенного своей властью свыше и не обязанного считаться с каким-либо другим органом власти в силу своего сакрального положения, оформились в виде полноценной научной теории только на рубеже VI–VII вв., не раньше, тогда как в эпоху Юстиниана эта идея еще пребывала в области риторических рассуждений и декламаций, лишенных какой-либо строгой научной аргументации.

Val'denberg V. E. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / подгот. изд. В. И. Земсковой ; науч. консультант И. П. Медведев. СПб., 2008. 536 с. [Val'denberg V. E. Istorija vizantijskoj političeskoj literatury v svjazi s istoriej filosofskih tečenij i zakonodatel'stva / podgot. izd. V. I. Zemskovoj ; nauch. konsult'ant I. P. Medvedev. SPb., 2008. 536 s.]

Baldwin B. On the Date of the Anonymous ΠΕΡΙ ΣΤΡΑΤΗΓΙΚΗΣ // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 81. Hft. 2. 1988. P. 290–293.

CJ — *Corpus iuris civilis*. Vol. II : *Codex Iustinianus* / rec. P. Krueger. Berolini, 1906.

De Re Strat. [*De Re Strategica*] — Three Byzantine Military treatises / ed. by G. T. Dennis. Washington, D.C., 1985. 380 p.

Dostálová R. Soziale Spannungen des 5./6. Jh. in Byzanz im Spiegel des Anonymen Dialogus Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *Volk und Herrschaft im frühen Byzanz. Methodische und quellenkritische Probleme* / hrsg. von Fr. Winkelmann. Berlin, 1991. S. 33–48.

DSP — *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus* / ed. C. M. Mazzucchi. Milano, 2002. 161 p.

Fiaccadori G. Intorno all'anonimo Vaticano Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *La Parola del Passato*. Vol. 185. 1979. P. 127–147.

Fotiou A. S. Dicaearchus and the mixed constitution in sixth century Byzantium. New Evidence from a treatise «On Political Science» // *Byzantion*. Vol. 51. Fasc. 2. 1981. P. 533–547.

MacCoull L. S. B. Menas and Thomas: Notes on the *Dialogus de scientia politica* // *Greek, Roman and Byzantine studies*. Vol. 46. 2006. P. 301–313.

O'Meara D. The Justinianic Dialogue «On Political Science» and its Neoplatonic Sources // *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources* / ed. by K. Ierodiakonou. Oxford, 2004. P. 49–62.

Praechter K. Zum Maischen Anonymus περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 9. Hft. 2. 1900. S. 621–632.

PRLE — *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 : A. D. 395–527. Cambridge, 1980.

Rance Ph. The Date of the Military Compendium of Syrianus Magister (formerly the Sixth-Century Anonymus Byzantinus) // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 100. Hft. 2. 2007. P. 701–737.

Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris, 1987. 492 p.

Valdenberg V. Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice // *Byzantion*. Vol. 2. 1925. P. 55–76.

Zuckerman C. The Military Compendium of Syrianus Magister // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 40. 1990. P. 209–224.

Статья поступила в редакцию 29.03.2014 г.

УДК 929(56) + 94(100) + 355.484(100)

А. С. Мохов

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ КЛАНЫ МАЛОЙ АЗИИ В 976–1025 гг.: АНДРОНИК ДУКА ЛИД И ЕГО СЫНОВЬЯ

В статье восстанавливается *cursus honorum* византийского военачальника конца X — начала XI вв. Варды Дуки. Он принадлежал к семье провинциальной военной аристократии из фемы Фракисий. В 976 г. его отец, патрикий Андроник Дука Лид, присоединился к мятежу Варды Склира. После поражения восстания сыновья Андроника, Христофор и Варда, захватили во Фракисии крепость Платея Петра. В 980 г. Василий II помиловал их, и Варда Дука вернулся на службу в императорскую армию. Известны его печати: протоспафария и турмарха Веррии; анфипата и патрикия. Последнее упоминание о Варде Дуке относится к 1016/1017 г., когда он принимал участие в подавлении восстания архонта Хазарии Георгия Цулы. Из письменных источников Варда Дука упоминается только в «Синописе историй» Иоанна Скилицы. По мнению автора статьи, при составлении своей хроники Иоанн Скилица использовал не сохранившийся до нашего времени текст, происходивший из Фракисия (возможно, сочинение монаха Иоанна Лидийского).

Ключевые слова: Византия; семейство Дук; провинциальная военная аристократия; просопография; сигиллография.

Во второй половине X–XII в. семейство Дук входило в число наиболее могущественных и знатных фамилий Византии. К этой семье принадлежали императоры Константин X (1059–1067) и Михаил VII (1071–1078), жена Алексея I Комнина (1081–1118) Ирина Дукена, а также многие известные военачальники и государственные деятели. В исторических сочинениях данного времени неоднократно упоминается о древнем происхождении, знатности и богатстве Дук [Michele Psello, p. 296.6.1–5; Nicéphore Bryennios, p. 69.1–4].

Греческий византинист Д. Полемис, автор фундаментального исследования, посвященного просопографии Дук, писал: «Когномен *Doux / Doukas* впервые появляется около 855 г. и, несомненно, происходит от военной должности *dux*, предположительно принадлежавшей жившему в это время родоначальнику семьи» [Polemis, p. 4]. По его мнению, фамилия Дук происходила из восточных фем Византии, но непрерывно проследить их историю с середины IX в. до провозглашения Константина Дуки императором в 1059 г. невозможно. В связи с этим он предложил разделить семью на группы по хронологическому принципу [Ibid., p. 6–10].

Первая из этих групп («старшие» Дуки) играла значительную роль в военно-политической истории Византии в период с 855 по 917 гг. Наиболее известными ее представителями являются военачальники Андроник и Константин. Доместик схол патрикий Андроник Дука прославился успешными походами против арабов в начале X в., а также мятежом против Льва VI и бегством к арабам в 906/907 г. [Васильев, с. 153–155; Karlin-Hayter]. Его сын, доместик схол патрикий Константин Дука, также являлся известным полководцем. В начале правления Константина VII он оказался вовлеченным в противостояние столичных политических

группировок. Спровоцированный патриархом Николаем I Мистиком, обещавшим военачальнику императорский престол, Константин Дука поднял мятеж, но был убит в июне 913 г. во время вооруженных столкновений в Константинополе [Псамафийская хроника, с. 135–136; Polemis, p. 21–25, no. 3].

Продолжатель Феофана и другие византийские авторы упоминают, что во время мятежа погибли также сын Константина Дуки Григорий и его брат Михаил. Жена Константина была пострижена в монахини и отправлена в ссылку в Пафлагонию, а Стефана, еще одного сына мятежного военачальника, оскопили [Theophanes Continuatus, p. 383.10–11, 385.2–4; Ioannis Scylitzae, p. 198.69–70, 200.8–10]. Иоанн Зонара писал, что после страшной резни, которая последовала за восстанием, «исчезло целое семейство Дук» [Ioannis Zonarae, p. 675.20–676.8], но это утверждение не соответствует действительности. Уже в 917 г. в источниках упоминается «Николай, сын Дуки», который погиб в сражении с болгарами под Катасиртом [Theophanes Continuatus, p. 390.16–21; Ioannis Scylitzae, p. 205.45–67].

После 917 г. о Дуках ничего не известно до 976 г. Это не означает, что семья полностью исчезла. Фамилия Дук была многочисленной, ее представители жили в разных восточных фемах. В столице они считались неблагонадежными, и по этой причине не могли рассчитывать на высокие титулы и должности. Возвращение Дук на императорскую службу следует связывать с начавшейся в 60-е гг. X в. «военной реформой». После перехода вооруженных сил на регулярный способ комплектования значительно увеличилась потребность в командирах младшего и среднего ранга. Командный состав армии стал пополняться за счет «фемных архонтов», привлеченных на службу высоким жалованием и возможностью продвижения по службе [Мохов, 2004, с. 30–32]. Именно в это время в источниках вновь появляются упоминания о представителях семейства Дук.

Выше уже упоминалось, что Д. Полемис разделил фамилию Дук на группы. Вторая выделенная им группа — «младшие» Дуки — это императорская династия второй половины XI в. Однако между «старшими» и «младшими» Дуками греческий исследователь поместил еще одну группу, обозначив ее как «Дуки из Лидии, лидийские Дуки». Она состоит всего из трех человек, живших во второй половине X — первой четверти XI в.: Андроник Дука Лид и его сыновья Христофор и Варда [Polemis, p. 26–27, no. 8–10]. Отметим, что родственные связи между этими тремя группами прослеживаются только гипотетически. По сути, единственным аргументом, который позволяет предполагать непрерывное существование фамилии Дук с IX по XII вв., является постоянное повторение имен Андроник и Константин. Это соответствует византийской традиции называть внука именем деда, что было особенно характерно для аристократических семей.

Об Андронике Дуке Лиде и его сыновьях писал только Иоанн Скилица [Ioannis Scylitzae, p. 319.17–19; 328.45–52; 354.88–94; Georgius Cedrenus, t. 2, p. 423.24–425.2; 434.6–14; 464.5–10]. Следует отметить, что имя Андроника Дуки Лиды в хронике Скилицы пишется по-разному: Ἀνδρόνικος καὶ Δουῆ ὁ Λυδός, τοῦ Δουκός Ἀνδρονίκου τοῦ Λυδός, Ἀνδρονίκου Δουκός τοῦ Λυδοῦ [Ioannis Scylitzae, p. 319.18, 328.45, 354.91]. Д. Полемис объяснял различие в написании патронима следующим образом: «Δουῆ — это архаичная форма, которая использовалась в X в. Позже всеобщее распространение получила демотическая форма Δουκάς.

Императорская семья приняла ее официально. Однако есть очень редкие случаи, когда форма Δούξ использовалась и в более позднее время» [Polemis, p. 4, n. 1]. В качестве примера можно привести печать с метрической надписью: Ἰωάννης μάλιστα τος [...] τὴν χάριν / στρατηγέτης δούξ Δούξ τε πατρόςθεν Λόγε («Иоанн по отцу Дука, магистр, стратегет и дука, [просит] милости Логоса»). Моливдовул принадлежал Иоанну Дуке, младшему брату Константина X, и датируется 1057–1059 гг. Должность и патроним в стихотворной надписи образовали уникальное сочетание δούξ Δούξ [Sode, S. 252–253, nr. 423; Kouroucou, Vannier, p. 63, no. 26].

Когномен ὁ Λυδός указывает на происхождение Андроника из Лидии, исторической области на западе Малой Азии [Keil, S. 2161–2202]¹. Первое упоминание об Андронике Дуке Лиде и его сыновьях относится к весне 976 г., когда начался мятеж Варды Склира [Seibt, 1976a, S. 29–58]. Иоанн Скилица писал: «Первым на сторону Склира перешел Вурца, а следом за ним патрикий Андроник Дука Лид с сыновьями. Атталейцы арестовали императорского наварха, и со всем флотом подчинились Михаилу Куртикию, отправленному Склиром командовать силами Кивирреотов» [Ioannis Scylitzae, p. 319.17–320.21]. В этом отрывке говорится о крайне важных для Варды Склира событиях. Вместе с дукой Антиохии магистром Михаилом Вурцей на его сторону перешли значительные военные силы из Северной Сирии. Присоединение к мятежникам флота фемы Кивирреотов позволяло Склиру наладить снабжение своих войск, а в перспективе должно было способствовать переправе сил восставших через проливы к Константинополю.

Упоминание о переходе на сторону Склира «патрикия Андроника Дуки Лиды с сыновьями» должно означать, как минимум, равнозначное по значимости событие. К сожалению, Скилица упоминает только титул Андроника, но ничего не пишет о его должности. Поэтому важность союза Склира с Дуками можно определить только предположительно. По нашему мнению, лидийские Дуки могли обеспечить мятежникам поддержку со стороны фемных архонтов Фракисия. Учитывая план Склира, который собирался переправиться через Дарданеллы в районе Авидоса, подобная поддержка была необходима [Ibid., p. 322.90–92].

Планам мятежников не суждено было осуществиться. Паракимомен Василий Лакапин, управлявший империей за сыновей Романа II, сумел противопоставить Варде Склиру и его союзникам их давних политических противников — Варду Фоку и Евстафия Малеина. Весной 978 г. Фока был возвращен из ссылки и назначен домашним схол Востока [Ioannis Scylitzae, p. 324.35–38.44–45; Бурић, с. 253–255, 272–280]. Появление в Малой Азии императорских войск вынудило мятежников отступить на Восток. Военные действия на территории фем Анатолик и Харсианон продолжались до 24 марта 979 г., когда войско Варды Склира было разгромлено под Aquae Sarvenae. Потерпев поражение и лишившись армии, предводитель восстания бежал к арабам [Tarchnišvili, S. 120–122].

Многие участники мятежа погибли в сражениях или попали в плен. Некоторые последовали за Вардой Склиром в Багдад. Однако были отряды мятежников,

¹ Примечательно, что Иоанн Скилица использует данное топонимическое прозвище также по отношению к монаху Иоанну Лиду (ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Λυδός), одному из авторов, сочинения которых использовались им при создании «Синописа историй» [Ioannis Scylitzae, p. 4.31–32].

которые рассеялись по восточным фемам и продолжали создавать проблемы властям. Об одной такой группе писал Иоанн Скилица: «Лев Эхмалот и сыновья Андроника Дуки Лида, который уже умер к этому времени, Христофор Эпихт и Варда Монг, захватили Армакурион, Платею Петру и некоторые другие крепости в феме Фракисий. Они находились там до восьмого индикта [сентябрь 979 — август 980 г. — А. М.], совершая вылазки и нападая на императорские владения. Они не прекращали грабить эту область до тех пор, пока не получили помилование за свои злодеяния, которое передал им от василевса патрикий Никифор Парсакутин» [Ioannis Scylitzae, p. 328.45–52].

Следует отметить, что в той части хроники Скилицы, куда помещен приведенный выше отрывок, содержатся упоминания о разных событиях, никак не связанных между собой. Более того, эти события относятся не только к концу 70-х, но и к 80-м гг. X в. Сначала Скилица пишет о неудачной дипломатической миссии Никифора Урана в Багдад, целью которой было возвращение Варды Склира и его сторонников в Византию. Далее следует рассказ о сыновьях Андроника Дуки Лида. Потом Скилица кратко упоминает о рукоположении нового патриарха Николая Хрисоверга и о солнечном затмении. Последующий большой сюжет охватывает период до 987 г. и посвящен «болгарским делам» [Ibid., p. 327.30–44, 328.45–52, 328.53–57].

Вполне уместным является вопрос: почему среди столь важных событий (посольство к халифу, смена патриарха, восстание Комитопулов) нашлось место рассказу о небольшой группе мятежников во Фракисии? По нашему мнению, Иоанн Скилица (Ἰωάννου τοῦ Σκυλίτζη, Ἰωάννης ὁ Θρακῆσιος) включил данный эпизод в свое сочинение потому, что эти события происходили на родине хрониста [Seibt, 1976b, S. 81–82]. В «Синописе историй» есть и другие мало-значимые эпизоды, связанные с Фракисией. Приведем несколько примеров: землетрясение во Фракисии (927 г.); «великое чудо» у подножия горы Кузина, истолкованное как предзнаменование военного поражения в Северной Сирии (1030 г.); убийство женщиной из Фракисии варанга, посягнувшего на ее целомудрие (1034 г.); зловещее видение, предрекающее новые беды, которое было у слуги епископа Пергама (1034 г.); нашествие саранчи, погубившее во Фракисии весь урожай (1036 г.) [Ioannis Scylitzae, p. 221.93–95, 377.26–378.34, 394.70–77, 394.77–395.94, 399.5–6].

Можно предположить, что во время работы над своим сочинением Иоанн Скилица использовал источник, происходивший из Фракисии. Этим объясняется обилие фактов, касающихся «повседневной жизни» данной территории. Не исключено, что это была монастырская хроника. Известно, что в окрестностях Эфеса и Смирны находилось большое количество монастырей, включая знаменитый Галисийский монастырь, а также упоминаемый Скилицей монастырь Кузина на склоне одноименной горы [Janin, p. 241 et n. 4].

Эпизод, в котором упоминается о смерти Андроника Дуки Лида, также является вставкой из «фракисийской хроники». Отметим, что ни сам Скилица, ни его анонимный источник не сообщают подробностей этого события. Однако становятся известны имена сыновей Андроника: Христофор Эпихт и Варда Монг (Χριστόφορος ὁ Ἐπεῖκτης καὶ Βάρδας ὁ Μουγγός). Вместе с отцом они

принимали участие в восстании Варды Склира, а после поражения мятежников вернулись на родину, во Фракисию. Д. Полемис отмечал, что ἑπτείκτης и μουγγός — это не патронимы, а насмешливые прозвища, которые означают «сторож на конюшне» и «хриплый, охрипший» [Polemis, p. 27; Каждан, 1975, с. 125–126].

Английский исследователь М. Виттоу писал, что в IX–XI вв. потерпевшие поражение мятежники никогда не пытались укрыться в своих владениях (οἰκος, οἰκοί), т. к. экономический и военный потенциал ойкосов был невелик. Поэтому «политические изгои» старались закрепиться в мощных крепостях, но императорским войскам почти всегда удавалось отбить эти укрепления. Для подтверждения данного тезиса М. Виттоу приводит несколько примеров, в числе которых захват крепостей Армакурион и Платея Петра «двумя Дуками» [Whittow, p. 63–64]. Необходимо отметить, что этот пример скорее опровергает, чем подтверждает высказанное М. Виттоу положение, т. к. Христофор и Варда Дуки обосновались в хорошо известном им районе.

Крепость Πλατεῖα Πέτρα («плоский камень») неоднократно упоминается в источниках IX–XII вв. Вопрос о точном местоположении этого укрепленного пункта долгое время оставался дискуссионным, но в настоящее время Платея Петра уверенно отождествляется с крепостью на плато Шахан Кая (Şahan Kaya, «соколиная скала»). Остатки византийских оборонительных сооружений находятся на вершине гранитного останца высотой 960 м. По мнению К. Фосса, укрепления Платеи Петры следует датировать VII–VIII вв., а их строительство американский исследователь связывает с нападениями арабов на Пергамскую равнину в 660–670-е гг. [Foss, 1987, p. 81–91].

Стратегического значения крепость Платея Петра не имела. Поблизости от нее не проходили значимые транспортные пути, не располагались крупные населенные пункты или важные хозяйственные объекты. Напротив, Πλατεῖα Πέτρα находилась в малонаселенном северном районе Фракисия, на границе с фемой Опсикий. Из источников следует, что она никогда не подвергалась длительной осаде. О постоянном размещении здесь гарнизона сведений также не имеется. В итоге, труднодоступное горное укрепление превратилось в убежище для тех, кто имел основания скрываться от властей. В первой половине IX в. здесь находилась небольшая монашеская обитель, в которой иконопочитатели скрывались от преследований иконоборцев. Как надежное и безопасное укрытие Платея Петра упоминается в Житиях Свв. Петра из Атрои и Антония Нового [Мохов, 2012].

Достаточно важные для рассматриваемой нами темы события произошли в Платее Петре в 931/932 г. В источниках сообщается о некоем Василии из Македонии, который, выдавая себя за Константина Дуку, призывал жителей Опсикия к мятежу. Он был арестован и приговорен к отсечению руки. Вскоре Василий снова «начал повсюду расхаживать, обманывая простой народ, называя себя Константином Дукой». В итоге, на территории Опсикия и Фракисия начался «великий мятеж» против Романа I Лакапина. Василий и его сторонники превратили Платею Петру в опорный пункт для грабительских набегов на соседние районы. По всей видимости, силы мятежников были невелики, т. к. отправленные

из столицы войска справились с ними без особого труда. Сам Василий из Македонии был захвачен в плен и казнен в Константинополе [Symeonis magistri, p. 333.500–334.511; Theophanes Continuatus, p. 421.7–422.2; Ioannis Scylitzae, p. 228.63–76].

В историографии «великое восстание» 931/932 г. характеризовалось по-разному [Каждан, 1951, с. 75–79; ср.: Runciman, p. 72]. Однако между отечественными и зарубежными исследователями наблюдается единый подход к вопросу о том, почему Василий из Македонии выдавал себя за Константина Дуку. По их мнению, за 20 лет, прошедших с момента гибели Дуки, среди жителей восточных фем сформировался «образ доблестного воина, честного и справедливого человека <...> Народная традиция, своеобразно исказившая истинное лицо смелого узурпатора, создала светлый образ могучего защитника народа, народного вождя» [Каждан, 1951, с. 82; ср.: Polemis, p. 24]. По нашему мнению, данное утверждение представляется явным преувеличением. В начале 30-х гг. X в. Константина Дуку могли помнить в столице, где еще оставались участники событий 913 г. Возможно, память о нем сохранилась в пограничных фемах, в «акритской» среде, из которой происходил мятежный военачальник. Тем не менее, Василий из Македонии выдавал себя за Константина Дуку не в Константинополе или в Каппадокии, а во Фракисии и Опсикии. По неизвестной причине он избрал в качестве опорного пункта крепость Платея Петра. Последний факт тем более интересен, что через полвека именно в ней обосновались настоящие Дуки, Христофор и Варда.

Сыновья Андроника Лида действовали с большим размахом, чем Василий из Македонии. Известно, что они установили контроль над несколькими укрепленными пунктами в северной части Фракисия, а для этого необходимы были военные силы. Можно предположить, что вместе с ними в горной части Лидии обосновалась большая группа сторонников Варды Склира. Вернувшись на родину, Дуки начали совершать грабительские набеги на Пергамскую равнину, причем нападениям подвергались, в первую очередь, «императорские земли» [Ioannis Scylitzae, p. 328.49–50]. Во второй половине X в. вокруг Смирны, Пергама и в долине р. Меандр находилось большое количество «царских владений»: пахотные земли, виноградники и знаменитые конные заводы (митаты), поставлявшие лошадей для государственных нужд [Foss, 1977, p. 479–484].

Опустошение равнинной части Фракисия продолжалось несколько месяцев, но правительство не стало направлять против Дук военные силы. Василий Лакапин, проявляя нетипичное для него миролюбие, вместо отряда регулярных войск отправил к мятежникам патрикия Никифора Парсакутина, который сообщил Дукам о «прощении василевсом их злодеяний» и убедил прекратить сопротивление.

Парсакутины были родственниками и давними союзниками Фок, но выбор Никифора в качестве «миротворца» объясняется не только его принадлежностью к правящей политической группировке. Парсакутины, как и Дуки, были местными землевладельцами, в долине Меандра им принадлежал весьма доходный ойкос (ἡ Βάρης τοῦ Βαρσακουτινοῦ) [Whittow, p. 64, n. 35; Thonemann, p. 260–261 and n. 56–57]. В итоге, фракийский землевладелец патрикий Никифор сумел

договориться с сыновьями патрикия Андроника Дуки Лида, другого фракийского землевладельца.

Мятежники покинули горные районы Лидии летом 980 г. Лев Эхмалот и Христофор Дука в источниках больше не упоминаются. Напротив, *sigms honorim* Варды Дуки может быть восстановлен достаточно полно благодаря сфрагистическим источникам.

П. Шпеком была опубликована печать на лицевой стороне которой изображен патриарший крест на трех ступенях и помещена круговая надпись: «Господи, помоги твоему рабу». Обратная сторона печати сохранилась плохо, надпись на ней состоит из шести (?) строк: «Варде, протоспафарию и турмарху Веррии...» [Speck, S. 198, Nr. 146]. Известен второй экземпляр этой печати, лучшей сохранности. Легенда на оборотной стороне читается на ней полностью: Βάρδα πρωτοσπαθαρίω καὶ τουρμάρχη Βερροίας τῷ Δούξῃ («Варде Дуке, протоспафарию и турмарху Веррии») [Auktion, S. 174, Nr. 730].

Фема Веррия впервые упоминается в Эскуриальском тактиконе, но просуществовала она недолго, т. к. в 989 г. город был захвачен болгарскими войсками [Oikonomidès, p. 265.32, 356; Straässle, s. 176–177]. Василию II удалось вернуть эту крепость только в 1000/1001 г. После завершения войны с Болгарией патрикий Никифор Ксифий по приказу императора «разрушил и сравнял с землей все крепости в областях Сервии и Соска», включая Веррию [Ioannis Scylitzae, p. 344.90–93, 364.67–68]. Таким образом, печать Варды Дуки, турмарха Веррии, следует датировать периодом с 1001 по 1018 гг. В это время Веррия являлась центром административного района (турмы) в составе дуката Фессалоника, но после разрушения укреплений существование данной структуры стало нецелесообразным [Мохов, 2010, с. 25–26].

И. Йордановым были опубликованы еще три моливдовула, принадлежавших Варде Дуке. На лицевой стороне этих печатей, оттиснутых одним буллотирием, изображен патриарший крест на трех ступенях и помещена круговая надпись: «Господи, помоги твоему рабу». На оборотной стороне надпись из пяти строк: Βάρδα ἀνθυπάτω πατρικίω τῷ Δούξῃ («Варде Дуке, анфипату патрикию») [Йорданов, с. 161–162, № 324–326]. Следует обратить внимание на единый сфрагистический тип этих моливдовулов и печати турмарха Веррии Варды Дуки (патриарший крест на трех ступенях), а также использование архаичной формы написания патронима — Δούξ.

Наиболее важным свидетельством о карьере Варды Дуки после 980 г. является упоминание в хронике Иоанна Скилицы: «Император, возвратившись в Константинополь, в январе 6524 г. [1 сентября 1015 — 31 августа 1016 г. — А. М.] отправил флот в Хазарию, поставив экзархом Варду Монга, сына Андроника Дуки Лида, который вместе со Сфенгом, братом Владимира, что был зятем императора, подчинил страну, а ее архонт Георгий Цула был захвачен в первом сражении» [Ioannis Scylitzae, p. 354.88–94].

Данный фрагмент «Синописа историй» является вставкой, разделяющей про странное повествование Скилицы о войне против Болгарии. До него хронист пишет о подготовке Василием II похода в район Диррахия в 1015 г., который не состоялся из-за поражения византийских войск на равнине Пелагония [Ibid., p. 353.39–354.87].

После процитированного фрагмента Скилица возвращается к описанию военных действий против Ивана Владислава в 1016–1017 гг., завершая его рассказом о разгроме болгар у крепости Сетина [Ioannis Scylitzae, p. 355.11–356.53].

Фрагмент, в котором упоминается Варда Дука, состоит из двух не связанных друг с другом частей. Сначала речь идет об отправке флота в Хазарию. Затем Скилица пишет о передаче царем Васпуракана Сенекеримом Арцруни своей страны императору Василию II [Ioannis Scylitzae, p. 354.94–355.6]. Вопрос о включении Васпуракана в состав Византии является дискуссионным, основной историографической проблемой остается датировка данного события — 1016 или 1021/1022 гг. [Юзбашян, с. 150–156; Felix, S. 137–140].

Необходимо отметить, что в тексте «Синописа историй» подобные «вставки» встречаются неоднократно. Исторические факты для них заимствовались хронистом из нескольких не сохранившихся до нашего времени текстов. В исследовательской литературе основным источником, который Скилица использовал при описании правления Василия II, считается сочинение митрополита Севастии Феодора [Ioannis Scylitzae, p. 3.28–4.30; Prokić, S. 23–24]. Однако выявить, откуда хронистом брались «второстепенные» сюжеты, не представляется возможным. Выше нами высказывалось предположение о «фракийской монастырской хронике», из которой Иоанн Скилица заимствовал материалы, касающиеся истории юго-западных районов Малой Азии, включая рассказ о Христофоре и Варде Дуках. Очевидно, что фрагмент об отправке флота в Хазарию не может быть отнесен к их числу. Скилица лишь добавил к заимствованному тексту указание на то, что Варда был сыном Андроника Дуки Лида.

Следует также отметить, что Иоанн Скилица уделял большое внимание титулам и должностям персонажей своей хроники. В данном же случае он называет Варду Дуку экзархом, а Цулу — архонтом. По всей видимости, в источнике, который использовал автор «Синописа историй» никакая титулатура не упоминалась. В сочинении Скилицы термины ἄρχων и ἑξάρχος встречаются именно тогда, когда автору не был известен официальный статус того или иного персонажа. В этих случаях хронист называл архонтами любых высокопоставленных лиц, как византийских, так и иностранных. Военные экзархи у Скилицы — это командиры отдельных отрядов или гарнизонов крепостей [Ioannis Scylitzae, p. 204.16–17, 269.16, 318.62–63].

По нашему мнению, рассматриваемый фрагмент не позволяет определить должность, которую занимал Варда Дука. Учитывая его весьма почтенный возраст, он мог вообще не состоять на военной службе (если предположить, что в начале мятежа Склира Варде еще не было 20 лет, то в 1016 г. ему было около 60). По сфрагистическим данным известно, что Варда являлся обладателем достаточно высокого придворного титула (протоспафарий или анфипат, патрикий). В начале XI в. пожилые представители аристократических семей, как правило, находились при дворе, входили в состав синклита, но не занимали постоянных должностей. Василий II умело создавал у высшей титулованной знати иллюзию причастности к управлению империей, хотя реальное влияние синклита было невелико. Кроме того, правительству гораздо проще было контролировать этих людей, когда они находились в столице, а не в своих проаствиях [Guilland, p. 83–101].

Синклитики периодически выполняли различные поручения императора. Например, патрикий Константин Вурца должен был сообщать Василию II о случаях «неподобающего поведения» Константина VIII, младшего брата и соправителя василевса [Ioannis Scylitzae, p. 371.45–47]. Не исключено, что Варде Дуке было поручено командование флотом, отправленным в Хазарию, именно по этому принципу. Т. к. лучшие полководцы Василия II зимой 1016 г. находились на Балканах, то назначение пожилого, но опытного военачальника руководить одной военной операцией было вполне оправдано.

Г. Г. Литаврин писал, что на последнем этапе войны против Болгарии Василий II вел боевые действия даже зимой. «В январе 1016 г. он вернулся с театра военных действий в столицу, чтобы в начале весны снова лично возглавить армию. Ни на какие серьезные акции на других границах Василий II в эти годы не решался. Не участвовал в войне с болгарами лишь византийский флот, и я связываю краткое пребывание императора в столице с подготовкой экспедиции флота в Крым» [Литаврин, 2000, с. 217]. Вне всякого сомнения, императорский военный флот не вел против болгар боевых действий, т. к. у Комитопулов вообще не было военно-морских сил. Однако корабли использовались не только для сражений, они также перевозили продовольствие и другие материальные ресурсы, необходимые для сухопутной армии. Например, в черноморском регионе военные суда доставляли грузы для гарнизонов дунайских крепостей.

Г. Г. Литаврин считал, что морская экспедиция в Хазарию была отправлена уже в январе 1016 г.: «...сыновья патрикия Андроника Лида, Христофор Эпиктис и Варда Мунг, служили, как кажется, на флоте. Видимо, Мунг как флотоходец обладал большим опытом: он благополучно провел в Крым флот сквозь январские бури, а свою морскую службу нес скорее всего в феме Пафлагония, ибо именно ее флот был обязан блюсти интересы империи в Крыму» [Там же, с. 216, примеч. 2]. Аргументируя свое мнение, Г. Г. Литаврин ссылается на трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный, с. 274.512–529].

Следует отметить, что со времени написания трактата «Об управлении империей» военно-морские силы Византии подверглись серьезному реформированию. Во второй половине X — первой четверти XI в. было сформировано несколько новых морских фем [Ahrweiler, p. 120–122]. Одна из них, фема Понта Эвксинского (ὁ Εὐξεινίου Πόντου), специально создавалась для усиления византийского военного влияния на Черном море [Oikonomidès, p. 267.10, 358]. Однако нет никаких оснований считать Варду Дуку стратигом Пафлагонии или стратигом фемы Понта Эвксинского (равно как и любой другой морской фемы). Тем более, он не мог занимать должность командующего императорским флотом (δρουγγάριος τοῦ πλοῦμου), а поста экзарха в военно-морских силах Византии X–XI вв. не существовало [Ibid., p. 340].

Рассказ Скилицы об отправке флота в Хазарию вызвал оживленную дискуссию среди исследователей. Буквально каждое слово в данном фрагменте трактовалось в историографии по-разному, высказывалось множество теорий, предположений, гипотез [Литаврин, 1998; ср.: Степаненко, 2008]. До настоящего времени спорными остаются: локализация места событий [Науменко, с. 185–186],

личность Сфенга, «брата Владимира» [Литаврин, 2000, с. 216, примеч. 3; Franklin, Shepard, p. 200–201], причины конфликта между Константинополем и «архонтом Георгием Цулой» [Степаненко, 1992, с. 125–129; ср.: Литаврин, 1998, с. 929–930]. Следует констатировать, что при современном состоянии источников дальнейшее изучение данных вопросов выглядит бесперспективным. Возможно, обобщение сфрагистического материала (византийского и древнерусского) позволит изменить ситуацию.

Подводя итоги, отметим, что военная карьера Варды Дуки была достаточно типична для правления Василия II. Его отец, патрикий Андроник Дука Лид, входил в число влиятельных малоазийских аристократов из военно-политической группировки Варды Склира. Участие в мятеже 976–979 гг. дорого обошлось лидийским Дукам: глава семьи погиб, а его сыновьям в течение долгих лет пришлось доказывать свою лояльность императору. Во всяком случае, значительных должностей Василий II Дукам не доверял. По сфрагистическим данным известно, что протоспафарий Варда Дука был турмархом Веррии в начале XI в., но и эту невысокую должность он получил уже на завершающем этапе своей военной карьеры. Придворные титулы анфипата и патрикия он получил еще позже. Возможно, это было связано с событиями 1016 г., когда Варда командовал флотом, отправленным в Хазарию против архонта Георгия Цулы.

Очевидно, что продвижение Варды Дуки по служебной лестнице происходило крайне медленно. Император не доверял бывшим мятежникам, но одновременно нуждался в них. Армия и военные структуры провинциальной администрации испытывали недостаток опытных командиров среднего ранга (турмархи, топо-тириты, таксиархи, стратиги малых фем). Василий II сумел привлечь на службу многих бывших мятежников, сохранив за ними семейные ойкосы и проастии. Разгромив к 991 г. малоазийские военные кланы Склиров и Фок, император предоставил их бывшим сторонникам альтернативу — службу в императорской армии. Дуки, как и Парсакутины, Алиаты, Вриеннии, Дафномилы, Катакалоны, Иаситы и другие семьи, сделали выбор в пользу легитимной Македонской династии. Подобная кадровая политика позволила создать многочисленный и высокопрофессиональный средний офицерский корпус, который на несколько десятилетий стал основой византийских вооруженных сил. До середины XI в. военачальники, начавшие служить при Василии II, формировали высший командный состав армии и верхушку провинциальной администрации империи. Среди них были представители семейств Комнинов, Дук, Вотаниатов, Далассинов, Диогенов. По сути, почти вся будущая византийская элита была обязана своим возвышением Василию II.

Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. 540 с. [Vasil'ev A. A. Vizantija i araby. Politicheskie otnoshenija Vizantii i arabov za vremja Makedonskoj dinastii. SPb., 1902. 540 c.]

Ђурић И. Породица Фока // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1976. Књ. 17. С. 189–296. [Ђурић И. Porodica Foka // Zbornik radova Vizantoloshkog instituta. Beograd, 1976. Књ. 17. С. 189–296.]

Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993. 266 с. [Jordanov I. Pechatite ot strategijata v Preslav (971–1088). Sofija, 1993. 266 s.]

Каждан А. П. «Великое восстание» Василия Медной руки // Византийский временник. 1951. Т. 4. С. 73–83. [Kazhdan A. P. «Velikoe vosstanie» Vasilija Mednoj ruki // Vizantijskij vremennik. 1951. T. 4. S. 73–83.]

Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. 190 с. [Kazhdan A. P. Armjane v sostave gospodstvujushhego klassa Vizantijskoj imperii v XI–XII vv. Erevan, 1975. 190 s.]

Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. 496 с. [Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperie / tekst, per., komment. pod red. G. G. Litavrina i A. P. Novosel'ceva. M., 1991. 496 s.]

Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ПОЛУТРОПОН: к 70-летию В. Н. Топорова / отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1998. С. 923–931. [Litavrin G. G. Vosstanie v Hersonе protiv vizantijskoj vlasti v 1016 g. // ПОЛУТРОПОН: k 70-letiju V. N. Toporova / отв. red. T. M. Nikolaeva. M., 1998. S. 923–931.]

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. 398 с. [Litavrin G. G. Vizantija, Bolgarija, Drevnjaja Rus' (IX — nachalo XII v.). SPb., 2000. 398 s.]

Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X — начале XI в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. Екатеринбург, 2004. № 3 (31). С. 14–33. [Mohov A. S. Voennye preobrazovanija v Vizantijskoj imperii vo vtoroj polovine X — nachale XI v. // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. Ekaterinburg, 2004. № 3 (31). S. 14–33.]

Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сербия // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 19–30. [Mohov A. S. Mikrostruktury vizantijskoj voenno-administrativnoj sistemy v X–XI vv.: fema Servija // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. Ekaterinburg, 2010. № 3 (79). S. 19–30.]

Мохов А. С. Крепость Платея Петра и ее обитатели // IV Междунар. Византийский семинар ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 31 мая — 5 июня 2012 г.): тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2012. С. 28–29. [Mohov A. S. Krepost' Plateja Petra i ee obitateli // IV Mezhdunar. Vizantijskij seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperija» i «polis» (Sevastopol', 31 maja — 5 ijunja 2012 g.): tez. dokl. i soobshh. Sevastopol', 2012. S. 28–29.]

Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 165–188. [Naumenko V. E. Nekotorye ključevye voprosy istorii Tavriki X–XI vv.: politiko-administrativnyj aspekt // Antichnaja drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 40. S. 165–188.]

Псамафийская хроника / предисл., пер. и коммент. А. П. Каждана // Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 9–139. [Psamafijskaja hronika / predisl., per. i komment. A. P. Kazhdana // Dve vizantijskie hroniki X veka. M., 1959. S. 9–139.]

Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // Античная древность и средние века. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 125–133. [Stepanenko V. P. K istorii srednevekovoj Tavriki // Antichnaja drevnost' i srednie veka. Barnaul, 1992. Vyp. 26. S. 125–133.]

Степаненко В. П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 27–35. [Stepanenko V. P. Cula i Herson v rossijskoj istoriografii XIX–XX vv. // Rossiija i mir: panorama istoricheskogo razvitija : sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2008. S. 27–35.]

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988. 300 с. [Juzbashjan K. N. Armjanskije gosudarstva jepohi Bagratidov i Vizantija (IX–XI vv.). M., 1988. 300 s.]

Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. Paris, 1966. 506 p.

Auktion 63. Mittelalter und Neuzeit: am 21. und 22. April 1993. München, 1993. 207 S.

Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Geschichte der politischen Beziehungen von 1001 bis 1055. Wien, 1981. 236 S.

Foss Cl. Archaeology and the “Twenty Cities” of Byzantine Asia // *American Journal of Archaeology*. New York, 1977. Vol. 81. No. 4. P. 469–486.

Foss Cl. Sites and Strongholds of Northern Lydia // *Anatolian Studies*. London, 1987. Vol. 37. P. 81–101.

Franklin S., Shepard J. The emergence of Rus: 750–1200. London ; New York, 1996. 472 p.

Georgius Cedrenus *Historiarum compendium* / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838–1839. T. 1–2. 1008 p. (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, 8–9).

Guillard R. Contribution à la prosopographie de l’Empire byzantin: les patrices. Les patrices du règne de Basile II (976–1025) // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1971. Bd. 20. P. 83–108.

Ioannis Scylitzae *Synopsis historiarum* / rec. I. Thurn. Berlin ; New York, 1973. 579 p. (*Corpus fontium historiae Byzantinae*, 5).

Ioannis Zonarae *Epitomae historiarum libri XIII–XVIII* / ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. T. 3. 933 p. (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, 49).

Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). Paris, 1975. 492 p.

Karlin-Hayter P. The Revolt of Andronicus Ducas // *Byzantinoslavica*. Prague, 1966. T. 27. Fasc. 1. P. 23–25.

Keil J. Lydia // *Pauly’s Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1927. Bd. 13. Sp. 2161–2202.

Kouroupou M., Vannier J.-Fr. Commémoraisons des Commènes dans le typikon liturgique du monastère du Christ Philanthrope (ms. Panaghia Kamariotissa 29) // *Revue des études byzantines*. Paris, 2005. T. 63. P. 41–69.

Michele Psello. *Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comment. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. Milano, 1984. Vol. 2. 474 p.

Nicéphore Bryennios *histoire* / introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975. 409 p. (*Corpus fontium historiae Byzantinae*, 9).

Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972. 403 p.

Polemis D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968. 228 p.

Prokić B. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes: codex Vindobonensis hist. graec. 74. Ein Beitrag zur Geschichte des sogenannten Westbulgarischen Reiches. München, 1906. 54 S.

Runciman S. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. A study of Tenth-century Byzantium. Cambridge, 1929. 275 p.

Seibt W. Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976a. 127 S.

Seibt W. Ioannes Skylitzes. Zur Person der Chronisten // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1976b. Bd. 25. S. 81–85.

Sode Cl. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (II). Bonn, 1997. 337 S.

Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn, 1986. 261 S.

Straässle P. M. Krieg und Kriegführung in Byzanz. Die Kriege Kaiser Basileios’ II. gegen die Bulgaren (976–1019). Köln, 2006. 578 S.

Symeonis magistri et logothetae chronicon / rec. S. Wahlgren. Berlin, 2006. 431 p. (*Corpus fontium historiae Byzantinae*, 44).

Tarchnišvili M. Die Anfänge der schriftstellerischen Tätigkeit des hl. Euthymius und der Aufstand von Bardas Skieros // *Oriens Christianus*. Wiesbaden, 1954. Bd. 38. S. 113–124.

Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. 951 p. (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, 45).

Thonemann P. The Maeander Valley: a historical geography from antiquity to Byzantium. Cambridge ; New York, 2011. 386 p.

Whittow M. Rural fortifications in Western Europe and Byzantium, Tenth to Twelfth Century // *Byzantinische Forschungen*. Amsterdam, 1995. Bd. 21. P. 57–74.

Статья поступила в редакцию 07.07.2014 г.

УДК 930(410)“17” + 94(410)

В. В. Высокова

**«СПОР О ДРЕВНИХ И НОВЫХ» И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЗМА
В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII в.**

В статье рассматривается возникновение и противостояние двух тенденций в развитии научного знания на Британских островах в конце XVII — начале XVIII в. Первая тенденция была представлена У. Темплом, Дж. Свифтом, А. Поупом и базировалась на «неоримском» стандарте историописания. Вторая тенденция опиралась на развитие антикварного дискурса точного знания, ее отстаивали У. Уоттон и Р. Бентли. Автор приходит к выводу о том, что знаменитая «битва книг» завершилась победой «древних». Результатом этого стало замедленное формирование историзма в британской исторической традиции эпохи Просвещения. Статья выполнена на основе подходов, сложившихся в интеллектуальной истории.

Ключевые слова: Английское Просвещение; история исторической науки; У. Темпл; Р. Бентли; Дж. Хикс; историзм.

«Спор о древних и новых» — эта дискуссия была широко известна на рубеже XVII–XVIII вв., но сегодня она в значительной степени забыта. В Англии ее начало было положено публикацией в 1690 г. небольшого эссе отставного английского сельского джентльмена сэра Уильяма Темпла. В ответ хлынул поток малых и больших сочинений. В английской интеллектуальной жизни началось одно из наиболее заметных событий, которое Джонатан Свифт назвал «битвой книг». Почва для него подготавливалась на протяжении XVI–XVII вв., когда в среде антикваров постепенно сформировался вопрос: были ли греки и римляне в культурном отношении выше последовавших за ними народов? Или же людям рубежа XVII–XVIII вв. в какой-то степени удалось достичь их уровня и, может быть, даже в чем-то его превзойти? Эссе сэра Уильяма оказалось всецело сосредоточено на данном вопросе. В поисках ответа на него участники спора обратились к обширному историческому материалу от античности до нового времени. В ходе дискуссии шло формирование нового представления об истории и ее назначении. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Вынесенный на обсуждение вопрос был поставлен таким образом, как будто от его решения зависела судьба всей западной цивилизации: пойдет ли она вперед к чему-то новому и лучшему, развивая классические образцы, или же будет продолжать сожалеть о прошедшем «золотом веке» и сетовать на упадок современного мира. С практической точки зрения нужно было определиться: следовать ли строго правилам и примерам классической жизни и литературы, которые вступали в конфликт с современным миром, или позволить себе некоторую долю свободы в размышлениях и действиях. В течение нескольких десятилетий внимание к этому вопросу не ослабевало, почти каждый образованный англичанин имел свое мнение на этот счет и готов был его отстаивать. Конечно, у этой дискуссии имелись более широкие основания, и за Ла-Маншем она была еще более шумной и острой. Однако к 1730-м гг. буря стихла по обе стороны

пролива, и установилось, по крайней мере видимое, равновесие. Аргументы были исчерпаны, хотя ни одна из сторон в споре не одержала очевидной победы.

На самом деле, битва в значительной степени закончилась вничью, что бы ни предпочитали думать на этот счет как тогда, так и сейчас. Еще задолго до того, как спор закончился, «поле» борьбы уже было поделено. Все, что связывалось с накоплением знаний в области естественных наук и философии, было выиграно «новыми». Все, что касалось литературы и искусства, т. е. воспроизведения «старых образцов», осталось надежно в руках «древних». В течение долгого времени почти все были удовлетворены этим компромиссом, хотя Темпл и его сторонники остались верны тезису о том, что все искусства и науки вышли из древности. Конечно это деление на «старых» и «новых» носило условный характер. И при ближайшем рассмотрении, очевидно, что, по крайней мере, одна из областей знания не могла быть однозначно причислена к компетенции «старых» или «новых». Это была *история*, и ни одна из сторон в дискуссии не могла с уверенностью сказать, принадлежит ли история к накопительной области знаний или является одним из видов искусств? В этом и заключалась очевидная трудность, с которой было не так легко справиться и которую нельзя обойти вниманием при рассмотрении долгого и проблематичного признания значения «битвы книг» в становлении национального историописания в Британии XVIII в.

Дело в том, что с самого начала в ренессансном гуманизме скрывался парадокс. С одной стороны, гуманисты воскресили классику античности и приступили, подражая ей, к решению практических задач современности. Особенно высоко они оценили ее литературные достоинства, возобновив изучение и применение приемов и методов древней риторики. С другой стороны, «открытие» древних авторов формировало интерес к конкретно-историческому контексту их жизни. Возникал вопрос: как и почему они писали свои сочинения. В результате, ученые эпохи Возрождения изобрели многие из приемов и методов современной филологии. Две эти тенденции, которые сначала находились в гармонии друг с другом, в конце концов, оказались несовместимы. По мере того, как гуманисты изучали организацию власти древних и придавали классике универсальный вневременной статус, их исследования начали подтачивать их собственные представления о древнем мире. Они постепенно стали осознавать непоследовательность древних авторов, противоречивость содержания их трудов. Таким образом, тенденция идеализации античности столкнулась с развивающимся новым критическим осмыслением истории. Со временем эти различия усиливались — между подражанием и изучением, риторикой и филологией, литературой и историей. Стало очевидным, что выбора не избежать, «битва книг» и стала проявлением кризисного момента «разрыва» и становления «нового» представления об историописании в первой половине XVIII в.

Если говорить об историографии вопроса, то «битву книг» изучают в контексте истории английской литературы, где она рассматривается как литературный фон произведений Джонатана Свифта и Александра Поупа. Но Свифт был враждебно настроен к «новым», не был силен в истории и, скорее всего, равнодушен к ней, кроме того, он написал свое произведение «Битва книг» задолго до того, как спор закончился, в 1697 г. Первой попыткой рассмотреть эту дискуссию

в русле истории идей стали работы американского историка Р. Ф. Джонса. Несомненно, в 20-е гг. XX в. он стал пионером в постановке вопроса о нарастающих различиях между литературой и историей в раннее Новое время. Именно Джонс показал «битву» как один из эпизодов большой дискуссии между «древними» и «новыми» [Jones, 1920; 1981]. В 1970–1980-е гг. эта тема была подхвачена другим американским историком Дж. Ливайном и помещена в интеллектуальный контекст изучения «Августинианской эпохи» в истории Британии [Levine, 1986; 1994; 1999]. Кроме того существует литература, позволяющая проследить истоки спора, влияния на него итальянского Возрождения и его распространения в Западной Европе [Hans; Black; Keller, и др.]. Если же говорить об изучении вопроса в отечественной историографии, то данная статья развивает и углубляет идеи выдающегося советского историка М. А. Барга о становлении историзма в раннее Новое время [Барг; Барг, Авдеева].

Однако вернемся к сути вопроса. Сегодня Уильяма Темпла (1628–1699), автора эссе «О знаниях древних и новых» 1690 г. [см.: Sir William Temple's essays], чаще всего помнят как патрона Джонатана Свифта. Он был выдающимся дипломатом и политическим мыслителем своего времени [см.: Маколей; Courtenay; Marburg; Homer; Faber]. К моменту написания эссе Темпл являлся одним из влиятельных политических деятелей Лондона. Будучи послом в Гааге, Темпл содействовал успешному завершению Второй англо-голландской войны, заключению Тройственного союза 1668 г. (в составе Англии, Швеции, Голландии), а также достижению брачного союза между Вильгельмом Оранским и принцессой Марией Стюарт в 1677 г. Сэр Уильям не был ученым и его интерес к «старому» и «новому» определялся практическими целями. Однако писателем он был искусным и его сочинение 1673 г. «Заметки о Республике Соединенных Провинций» [Temple, 1673] уже выдержало несколько изданий. Исследователи единодушны в том, что сэр Уильям написал свое эссе под влиянием двух весьма смелых для того времени сочинений, появившихся в 80-е гг. XVII в. Это работа английского теолога Томаса Барнета «Священная теория Земли», сначала вышедшая на латинском, а затем на английском языке [см.: Burnet] и коротенькое эссе «Отступление по поводу древних и новых» талантливого «верификатора», в будущем академика Французской Академии Бернара Фонтенеля [Fontenelle, 1688; Фонтенель], автора ранее нашедших «Разговоров о множестве миров» [см.: Fontenelle, 1686; Разговоры о множестве миров]. Появление обеих работ определялось растущим объемом знаний в области «естественной истории» Земли и стремлением решить вопрос о научном объяснении ее происхождения. Эти сочинения носили космогонический характер и отражали в значительной степени спекулятивное стремление авторов объяснить происхождение Вселенной, Земли и Солнца. Несмотря на то, что У. Темпл был далек от естественнонаучных изысканий, он, как политик, тонко уловил идейную подоплеку «нового» объяснения «начала начал Земли» [Пучков]. Его позиция — позиция моралиста и скептика — заключалась в убеждении о неизменности человеческой природы. Она базировалась на представлении о том, что человеку все было дано уже в момент «сотворения мира». На страницах эссе Темпл использовал две красноречивые метафоры, которые прочно вошли в интеллектуальное поле последующей

дискуссии. Первая — он сравнил «нового» человека с карликом, стоящим на плечах «гигантов», имея в виду, что современный человек видит дальше, потому что он «стоит» на опыте «древних». Вторая — «древние» уже обладали ясным представлением о природе, и современный человек только уточняет / отражает видение «древних». Эти две метафоры «карлик / гигант» и «отражающий / источающий» свет стали ключевыми в последующей полемике.

Обратим внимание читателя на то, что 90-е гг. XVII в. в Англии были эпохой Исаака Ньютона и Роберта Бойла — эпохой бурных естественнонаучных открытий. И, конечно, многим хотелось дать ответ «ретрограду» Темплу, но его авторитет и почтенная старость были серьезными препятствиями. Однако два молодых академика не так давно созданной Лондонской королевской академии наук пошли в атаку — филолог-классик и, как сегодня считают, один из основателей исторической филологии и научной школы эллинизма в Британии Ричард Бентли (1662–1742) и внесший решающий вклад в изучение текстов средневековых валлийских законов Уильям Уоттон (1666–1727). Уоттон и Бентли были друзьями, что определялось общим кругом знакомств и увлечением классической филологией. С большим удовлетворением Уоттон нашел в Бентли единомышленника в оценке сочинения Темпла. Но особое удовольствие молодым классицистам доставляло то, что старик допустил курьезную ошибку, высоко оценивая некоторые ложные, как уже тогда полагали, послания древнегреческого тирана Фалариса [Фролов, 2002; 2004, с. 115–127]. Уоттон сразу увидел шанс прославиться и взял с Бентли слово изложить свои мысли по этому вопросу [Richard Bently to William Wotton]. Здесь действительно было, где развернуться «новой» науке и преподать урок «древним».

Дело в том, что Темпл, рассуждая о красоте и литературных достоинствах «древних» и «новых» языков, и, в частности, о преимуществах, называет в качестве самых уважаемых сочинений древних авторов «Басни» Эзопа и «Эпистолы» Фалариса, датируемые VI в. до н. э. «Я думаю, что в Эпистолах Фалариса больше Увлечательности, силы Духа, больше Остроумия и Гения, чем в любом другом сочинении, которое я когда-либо видел, либо у древних, либо у новых», высказывал свою точку зрения Темпл. «Такое разнообразие Страстей при таком обилии вызовов и обстоятельств Жизни и Правления, такая Свобода Мысли, такая Смелость Выражения, такая Щедрость к своим Друзьям, такое Презрение к своим Врагам, такое Почитание Ученых людей, такое уважение Хороших, такое Знание жизни, такое Презрение к Смерти, такая Природная Сила и осознанность Мести» [Sir William Temple's essays, p. 34–35]. Именно этот небольшой пассаж стал и «яблоком раздора», и «точкой роста» «новых».

Первым в спор вступил У. Уоттон, когда в 1694 г. (и снова в 1697 г.) издал работу «Размышления о знаниях древних и новых» [см.: Wotton, 1694], ставшую «...из всех работ в полемике, которые уже появились на английском или французском языках, несомненно... самой разумной» [Levine, 1994, p. 34]. Надо заметить, что за Уоттоном к этому времени уже закрепилась слава «молодого гения», вундеркинда, который в шестилетнем возрасте читал Библию на английском, латинском, греческом и древнееврейском языках, впоследствии выучил арабский, сирийский, халдейский. В отличие от старика Темпла, который изрядно

подзабыл греческий язык, Уоттон был выдающимся лингвистом своего времени. В 20 лет он уже был избран членом Лондонской королевской академии. Его научная карьера началась с перевода сочинения французского историка-янсениста Луи Дюпена «Новая история церковных писателей» [см.: Dupin, 1691–1715], первый том которого на английском языке вышел в 1692 г. [Dupin, 1692–1699].

В отличие от короткого эссе Темпла, «Размышления» Уоттона были полноценной книгой. И надо заметить, что пиетет перед античными авторами «нового» классициста был так же высок, как и у Темпла. Уоттон полагал, что уже древние сформировали основы знаний в области морали и политики — однако считал, что к их трудам также можно отнести критически. То, что никто не пытался этого сделать, еще не означает, что это не может быть сделано вообще. В целом оппоненты были единодушны в оценках античного наследия и понимания человеческой природы. Различия касались их взглядов на будущее. И здесь Уоттон был более оптимистичен, чем его оппонент. Темпл сравнивает работы «новых» Иоганна Слейдена, Энрико Давила, Фамиануса Страда с сочинениями Геродота, Тита Ливия и Цезаря. Его симпатии целиком на стороне античных историков. Уоттон соглашался с этим, но с определенными оговорками. Да, он признает красноречие и высокий стиль древних авторов, но для него история и риторика не одно и то же. Любимый античный автор Уоттона — Полибий, влияние которого он прослеживает в «Мемуарах» Филиппа де Коммина и «Истории Тридентского собора» Паоло Сарпи. Что же касается Давила и Страда, он пишет, что «...если бы и была веская причина доверять их текстам, то только после разбора приемов их письма» [Wotton, 1694, p. 23, 44, 318]. Уоттон знал, о чем писал, он уже в 1689 г. начал готовить собрание манускриптов для своего друга Бентли, опираясь на приемы работы Жана Мабильона по «Дипломатике» 1681 г. [Wotton to Bently, p. 1–5]. Сопоставление различных редакций одного и того же источника, составление глоссариев было новым, захватывающим делом, триумфом изобретательности «новой» эпохи.

Но решающий удар по позициям «древних» нанес Ричард Бентли, который следуя своему обещанию обосновать подложность «Эпистол» Фалариса, написал целую «Диссертацию» [см.: Bently, 1697]. Текст Бентли был также спровоцирован изданием «Эпистол» Фалариса 1695 г., которую подготовил как переводчик и комментатор Чарлз Бойл из Тринити-колледжа в Оксфорде. Чуть ранее Бентли вел полемику с другим знатоком греческого языка, переводчиком и комментатором издания Эврипида 1694 г., Джошуа Барнсом из Иммануил-колледжа в Кембридже. И в той, и в другой ситуации Бентли стоял на позиции, что в практике софистов периода поздней Греции, как и во времена Фукидида, Сократа общим местом были литературные мистификации, подражания. Острая дискуссия с Барнсом и Бойлом заставила Ричарда Бентли взяться за перо. В результате в 1697 г. им была защищена «Диссертация по поводу Эпистол Фалариса».

Бентли, хоть и был лишен очевидного блеска, свойственного Уоттону, имел серьезную подготовку как в области гуманистической филологии, так и в том, что можно называть «новой» наукой толкования древних текстов. Он много работал в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и был знатоком собрания ее редких манускриптов. Бентли заявил о себе в 1691 г. в ходе подготовки к публикации

одного из шедевров библиотеки — уникальной греческой хроники Иоанна Антиохийского или Иоанна Малалы. Главный редактор этого издания, д-р Джон Милл, ректор колледжа Сент-Эдмунд Холл в Оксфорде, попросил Бентли посмотреть уже подготовленный к публикации текст и высказать свои замечания. В результате Бентли написал целый трактат объемом в 100 страниц, текст которого вошел в первую публикацию оксфордской «Хронографии» Иоанна Малалы. Этот короткий трактат показал, что Бентли является одним из лидеров среди здравствующих английских ученых, знатоков древних языков. Легкость, с которой он восстанавливал неясные места, уверенность его исправлений, отсылки к другим источникам демонстрировали совершенно «новый» подход к литературным текстам древности, глубоко отличный от подхода «старых» английских классицистов. В 1695 г. Бентли был избран в Академию, и эти успехи позволили ему занять место куратора Королевской Библиотеки в Сент-Джеймском дворце. Его статус и авторитет ко времени написания «Диссертации» были, несомненно, высоки.

В «Диссертации по поводу Эпистол Фалариса» «метод» Бентли был продемонстрирован со всей ясностью, блеском и убедительностью. В достижении поставленной цели — доказать ложность тезиса об авторстве «Эпистол» Фалариса — он использовал не столько филологические, сколько исторические аргументы. Главным аргументом Бентли была хронология. Датировка жизни Фалариса играла решающую роль в его аргументации. Он показал, что невозможно синхронизировать детали «Эпистол» со временем жизни Фалариса. Разве существовали уже тогда города, что упоминаются в тексте «Эпистол»? Является ли математик Пифагор современником Фалариса? Восхищаясь литературными достоинствами «Эпистол», Бентли стремился показать, что каждое сочинение классиков написано в определенных условиях и обстоятельствах и требует, прежде всего, исторического объяснения. Что было также новым, так это то, что он апеллировал в своей аргументации к нелитературным памятникам — монетам, надписям, монументам эпохи античности. И это был момент «разрыва» истории и филологии. Однако, справедливости ради, надо сказать, что текст диссертации получился трудным для чтения и до некоторой степени занудным.

Сам Темпл, как видный политик, был вынужден уклониться от открытого ответа и Уоттону, и Бентли. При этом он зорко следил за текущей дискуссией и, несомненно, был в курсе дела, поскольку приобретал каждую новую книгу в ходе этого спора. В частной же переписке Темпл хоть и был согласен с важностью и значимостью работ по переводу, комментированию и изданию древних авторов, но при этом замечал, что «новые» должны быть «волшебниками», чтобы в «своих комментариях, глоссариях, аннотациях быть более учеными, чем сами древние» [Temple, 1701, p. 256]. Современная ученость, полагал он, была в значительной степени занудна и — в общем и целом — необязательна. Эта точка зрения в открытой полемике еще имела прочные позиции, но была обречена в исторической перспективе. Только после смерти Темпла в 1699 г. первый в ряду его сторонников, Джонатан Свифт, дал ответ за своего патрона. В 1696 г. он написал и в 1704 г. издал сатирическое сочинение «Битва книг» в качестве пролога к «Сказке бочки» под названием «Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую

пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке» [Swift]. Хотя сразу следует оговориться, что, по большому счету, Свифт не являлся участником спора «древних» и «новых». Здесь, скорее, мы имеем дело с литературной «картинкой» спора, изображением его в аллегорических образах.

Дадим слово автору предисловия «Полного и правдивого известия» к читателю: «Следующее ниже рассуждение... было написано примерно... в 1697 году, когда бушевала известная распря по поводу древней и новой учености. Спор возник после появления опыта на эту тему сэра Уильяма Темпла. Далее последовал ответ У. Уоттона, бакалавра богословия, с приложением, написанным д-ром Бентли, где тот пытался опорочить сочинителей Эзопа и Фалариса, которых сэр Уильям Темпл немало восхвалял в своем вышеупомянутом опыте. В этом приложении доктор свирепо напал на новое издание Фалариса, выпущенное достопочтенным Чарлзом Бойлом (ныне графом Оррери), на что г. Бойл отвечал обстоятельно со всею ученостью и остроумием, а доктор пространно ему возражал. В ходе спора публика была крайне возмущена, видя, что два вышеозначенных почтенных джентльмена без каких-либо оснований грубо обращаются со столь достойной и заслуженной особой, как сэр Уильям Темпл. Раздору не было конца, и тогда, повествует наш автор, КНИГИ в Сент-Джеймской библиотеке... включились в спор и завязалась решительная битва. Однако рукопись, пострадавшая от непогоды или какой иной случайности, повреждена в некоторых местах, и мы так и не можем узнать, которая же из сторон одержала победу» [цит. по: Пучков].

Две гениальные аллегории создает Свифт на страницах «Битвы книг». Первая. Гора Парнас имеет две вершины и поделена между двумя народами. Суть конфликта между ними заключается в том, что «древние» сидят на более высокой и заслоняют вид на восток «новым». Последние возмутились и предложили либо поменяться местами, либо сровнять лопатами вершину «древних» до удобного «новым» уровня. Ответ «древних» прост: лопаты здесь не помогут, т. к. их вершина — сплошная скала, их совет «новым» — нарастить свою вершину. Другой аллегорией Свифта, основанной на идее Ф. Бэкона о трех путях познания «паука», «муравья» и «пчелы», является конфликт паука и пчелы. Паук, самонадеянный, злой и грубый, свил себе гнездо в углу библиотеки. Беспечная пчела, черпающая свою силу в природе, чуть не разрушила его жилище. Возник спор. Да, паук силен в математике и архитектуре, но искусства и пользы пчелы ему никогда не достичь. «Какое существо благороднее, то ли, которое в ленивом созерцании четырех дюймов в окружности, преисполненное спеси и целиком поглощенное собою, превращает все в испражнения и отраву, не производя ничего, кроме мушиного яда и паутины, или же то, которое, скитаясь по необозримым просторам, благодаря неутомимым поискам, изрядному прилежанию, здравому смыслу и умению распознавать суть вещей, приносит в дом мед и воск?». Устами Эзопа Свифт дает оценку «новым»: «Каковы бы ни были претензии новых, никакого своего искусства, насколько помню, они не создали, если только не считать их большой способности к сатире и сваре, весьма близких по своей природе и сути к паучьему яду; и как бы они ни уверяли, будто извлекают ядовитую слюну исключительно из самих себя, в действительности они пополняют свой яд, пожирая паразитов и гадов нынешнего века» [цит. по: Пучков; Swift]. «Битва книг» и «Сказка бочки»

дали Уоттону шанс переиздать свои «Рассуждения» в 1705 г. с новым введением, где он высмеял ортодоксальность Свифта [см.: Wotton, 1705]. Свифт ответил новым изданием «Сказки бочки» в 1710 г. с соответствующими комментариями, но аргументы сторон были явно исчерпаны.

Новая волна активности в дискуссии «древних» и «новых» поднялась через несколько лет и была связана с деятельностью молодого поэта Александра Поупа (1688–1744), который замыслил перевести на английский язык величайшую поэму античности — «Илиаду» Гомера. Образование и жизненный путь Поупа определялись ограничениями, накладываемыми в Англии католическим вероисповеданием. Состоятельность семьи, а также личные устремления позволили ему изучать языки и свободно читать произведения на английском, французском, итальянском, латинском и греческом языках. Перенесенный в 12-летнем возрасте туберкулез сделал его горбуном маленького роста, что во многом определило его занятия литературой. В 1709 г. состоялся литературный дебют А. Поупа — в подражание своему любимому поэту Вергилию он опубликовал «Пасторали», мгновенно принесшие ему славу. Поэма «Опыт о критике» 1711 г. была опубликована анонимно, хорошо принята публикой и демонстрировала появление нового сильного бойца в стане «древних». Именно в это время Поуп сошелся с писателями Джоном Геом, Джонатаном Свифтом, Томасом Парнеллом и Джоном Арбетнотом, которые и образовали знаменитый сатирический клуб «Скриблерус». Его целью было высмеивать заблуждения и занудность вымышленного ученого Мартина Скриблеруса.

Страстное желание Поупа перевести «Илиаду» на английский язык определялось двумя обстоятельствами: его стремлением продемонстрировать свою точку зрения на «стандарт» перевода древних «великих», а также появлением на французском языке «Илиады» в 1709 г. в переводе мадам Дасье. В 1713 г. Поуп объявил о своем проекте и издал шесть томов «Илиады» с 1715 по 1720 гг. Это был великий поэтический перевод, на котором произрастали последующие поколения британцев, о котором Сэмюэл Джонсон говорил, что это сочинение «не имеет шансов иметь себе равных в наш век», это «величайшая книга, которая когда-либо была написана» [Boswell, p. 256]. Справедливости ради, надо заметить, что это был не первый опыт перевода «Илиады» на английский язык. Талантливый поэт и драматург, душеприказчик Уолтера Рейли Джордж Чапмен опубликовал перевод поэмы еще в 1611–1615 гг. Черета последующих переводчиков «Илиады» на английский язык обширна, но версия Поупа имела самую широкую популярность и пользуется ей до сих пор.

Как «новые» реагировали на ошеломляющий успех «Илиады» Александра Поупа? Из полемики более позднего времени мы читаем их ответ Поупу в лице племянника Бэнтли: «Вы, кажется, очень злы на Д-ра Бэнтли последнее время. И это потому, что он сказал (при мне, я был свидетель), что Ваш Гомер был жалкой чепухой? Это может быть названо *модернизированным Гомером* или чем-то еще; но, чего здесь определено мало или вообще нет, так это следов Древней Греции. Д-р Бэнтли сказал правду. За Вашей спиной сотни людей говорят то же самое. Гомер переведенный, сначала на английский, во-вторых, положенный на рифму, в-третьих — не с оригинала, но, и это в-четвертых, с французского

перевода в прозе, да еще сделанного женщиной, каким же Дьяволом должен быть этот Гомер? Для тех, кто знает греческий язык и сравнит Вашу Версию с Оригином, как это сделал я во многих местах, должен сказать, что Вы ничего не смыслите в этом» [Bentley, p. 14, 71–89]. Самому Ричарду Бентли приписывают фразу: «это очень милая поэма, но я должен сказать, что это не Гомер» [цит. по: Levine, 1994, p. 222]. Однако успех «древних» у публики был несомненен, они продемонстрировали свое превосходство над педантами-лексикографами. «Как Мартин стал великим критиком» — было неизменной темой клуба «Скриблерус» [How Martin Became a Great Critic, p. 129]. Наступил «век императора Августа» и его великих поэтов Вергилия, Горация и Овидия — век расцвета английской литературы XVIII в.

А что же история, как складывалась ее судьба в Августинианскую эпоху Британии? «Новым» предстояла долгая и кропотливая работа. Как писал анонимный автор в 1742 г., «мы имеем Локка, Ньютона и Драйдена, но мы не можем похвастаться Ливием, Фукидидом или Тацитом» [см.: Collection of State Papers; Thomson]. Однако история медленно, но верно формировала свой собственный *modus vivendi*. Решающее значение здесь имело наследие Уильяма Кемдена (1551–1623), основателя кафедры истории в Оксфорде в 1622 г. Его ученик и наследник на этом посту Дегори Уир (1573–1647) опубликовал в октябре 1623 г. на латинском языке работу «О природе и способе чтения истории» [см.: Whear], ставшую его инаугурационной речью. Книга была хорошо встречена, сосредоточена на изучении светской истории и выдержала несколько изданий. Англоязычная версия под названием «Метод и причина для чтения гражданской и церковной историй» была опубликована в 1685 г. Эдмундом Боуном [Whear, 1685]. В момент, когда в 1694 г. были опубликованы «Размышления» У. Уоттона, перевод Боуна переживал свое второе издание. Предисловие к нему написал один из преемников Уира на посту главы кафедры древней истории в Оксфорде Генри Додуэл (1641–1711). Это сочинение можно считать началом разработки метода в британской традиции историописания. Конечно, это была еще антикварная традиция, но она свидетельствовала о возрастающем интересе экзаменовывать древние тексты так же хорошо, как древние слова, креп призыв к новому стандарту точности и критицизма.

Но что было еще более важным, так это то, что именно на волне спора «древних» и «новых» возник проект переиздания главного сочинения Уильяма Кемдена — «Британии». И если гражданскую историю Англии нельзя было пока представить как хорошо организованный нарратив, то лучшим доказательством этого была «Британия» Кемдена. Она была прекрасным примером антикварной эрудиции и знакомства с последними и лучшими образцами европейской учености. Этот проект в первой половине 90-х гг. XVII в. возглавил Эдмунд Гибсон (1669–1748), который приобрел известность подготовкой публикации «Англо-саксонской хроники» в 1692 г. Занимаясь подготовкой переиздания «Британии» Кэмдена, Гибсон развернул обширную деятельность по составлению комментариев и собрал сильную команду. От Шотландии — специалиста в области естественной истории Британии сэра Роберта Сибалда (1641–1722) из Эдинбургского университета; от Уэльса — знатока кельтских языков, служителя Ашмолеанского

музея в Оксфорде Эдварда Ллуйда (1660–1709); составителя трехтомной «Английской исторической библиотеки» Уильяма Николсона (1655–1727) [см.: Nicolson]; друга Уоттона и Бенгли Джона Ивлина (1620–1706), который работал в этот момент над собственным сочинением «Нумизматика» [см.: Evelyn]. Новое издание Кемдена получилось блестящим воплощением современного совместного продвижения в изучении прошлого [см.: Camden]. Хотя новому изданию еще было далеко до совершенства — Рим строился не один день — но Кемден, подобно античным авторам, занял место в пантеоне богов и получил новый перевод и комментарии. Дж. Локк, например, считал, что в библиотеке каждого джентльмена должна появиться новая «Британия» [Locke].

Наилучшей попыткой соединить два модуса в развитии истории в разгар «битвы книг» были работы вышеупомянутого епископа Уильяма Николсона. В 1696 г. он выпустил первую часть своей «Английской исторической библиотеки» [см.: Nicolson, pt. 1], которая являлась обзором исторических источников по английской истории с критическими комментариями. Как он верно полагал, еще не была написана простая и удобная история королевства. Он также понимал, что эта задача по плечу только «...мастерам в наших как древних, так и современных языках; сведущих в письменах бриттов, римлян, саксов, данов и других древних, знакомых с историками начиная с эпохи до Вильгельма Завоевателя» [Nicolson, pt. 3, p. 3]. Лексикография как отрасль знания получила в результате спора «древних» и «новых» невиданное ранее развитие. Например, У. Уоттон в «Защите размышлений» 1705 г. отмечает работу Джорджа Хикса (1642–1715) «Тезаурус северных языков» [Linguarum veterum septentrionalium], который еще в 1689 г. издал англо-саксонскую грамматику на латинском языке (второе расширенное издание — в 1705 г.). Уоттону был близок метод Хикса, он, как и Бенгли, использовал знак в соответствии с датировкой документа. Другим крупным специалистом англо-саксонского языка был соратник Хикса по Оксфорду Эдвард Туейтс (1667–1711). Все это показывало, что англосаксонское наследие становится «новым» объектом осмысления, как с точки зрения учебных целей, так и в значительной степени в политическом и конфессиональном контекстах. Казалось бы, реализация проекта средневековой английской истории достигала своего апогея, но вскоре Туейтс умер молодым, Хикс — изношенным от старости, кто-то посвятил себя священническим обязанностям, как Гибсон, став епископом Лондона. Казалось, «новые» проиграли «битву книг».

Показательной является оценка антикваров лордом Болингброком в «Письмах об изучении и пользе истории» (написанных в начале 1730-х гг., опубликованных в 1752 г.) как компиляторов, «которые редко имеют возможность узнать закулисную сторону дела, от которой зависят все официальные документы, и столь же редко наделены умением и талантами, необходимыми, чтобы должным образом собрать воедино то, что они действительно знают: они не в состоянии видеть работу рудника, но их усердие собирает то, что выбрасывается наружу». Они, с точки зрения Болингброка, не историки, задачей которых «является — или должно являться — отделение чистой руды от породы, чеканка из нее монеты и обогащение, а не обременение человечества» [Болингброк, с. 56]. Он не видит таковых среди современных ему англичан. Вот Энрико Давила — «превосходный

историк», которого он признает равным во многих отношениях Титу Ливию [Там же, с. 61]. «У нас есть лишь два исторических сочинения, во всех отношениях сравнимые с античными, — это история царствования Генриха Седьмого лорда Бэкона и история наших гражданских войн в прошлом столетии... лорда-канцлера Кларендона» [Болингброк, с. 79]. «...У нас отсутствует общая история... равным образом нет у нас, о чем я сожалею гораздо больше, ни частных исторических исследований, за исключением тех двух, о которых я упомянул, ни создателей мемуаров, ни собирателей документов и анекдотов... теми, кем могут похвастать другие нации, начиная с Коммина, Гвиччардини, Дю Белле, Паоло, Давилы, Фуана». Эта оценка национального историописания свидетельствует о явной приверженности лорда Болингброка к лагерю «древних» и недооценке, непониманию «нового» подхода в осмыслении прошлого, нового критицизма и нового метода историописания.

Итак, к 30-м гг. XVIII в. буря стихла. Что же до итогов «спора старых и новых» в Британии, то с этого времени изучение классических языков и литературы пошло своим путем, а историописание уже развивалось на новых, самостоятельных критических основаниях. Уильям Темпл сделал великое дело, написав эссе «О знаниях древних и новых» в 1690 г. Напряженность интеллектуального и идейного противостояния между «новыми» и «старыми» породила такие образчики изящной словесности, как «Размышления о знаниях древних и новых» Уильяма Уоттона 1694 г., с блеском защищенную Ричардом Бентли «Диссертацию по поводу Эпистол Фалариса» 1697 г. Работа Дегори Уира о методе дала основания для создания новой светской истории, была популярна и по сути своей близка к эрудитской традиции континентального историописания. Но что является еще более важным, дискуссия «старых» и «новых» обратила антикваров к изучению истории Британии на новых основаниях. Критическому изданию подверглись «Англо-саксонская хроника», сочинения Беды Достопочтенного и другие памятники национального прошлого. Это породило подъем в развитии лексикографии кельтских и английского языков. И в этом отношении история историописания в Августинианскую эпоху на Британских островах еще только должна быть написана как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Барг М. А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 275–315. [Barg M. A. Istoricheskaja mysl' anglijskogo Prosveshhenija: Bolingbrok // Bolingbrok. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1978. S. 275–315.]

Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998. 307 с. [Barg M. A., Avdeeva K. D. Ot Makievelli do Juma: Stanovlenie istorizma. M., 1998. 307 s.]

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1977. 359 с. [Bolingbrok. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1977. 359 s.]

Маколей Т. Б. Сэр Виллам Темпл // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. Т. 3: Исторические и критические опыты. СПб., 1862. С. 140–236. [Makolej T. B. Sjer Villam Templ // Makolej T. B. Poln. sobr. soch. T. 3: Istoricheskie i kriticheskie opyty. SPb., 1862. S. 140–236.]

Пучков П. А. Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28. [Puchkov P. A. Spor «drevnih» i «novyh» na ishode XVII veka // Prepodavanie istorii v shkole. 2006. № 11. S. 24–28.]

Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля парижской академии наук секретаря [Электронный ресурс] / пер. А. Кантемира. СПб., 1740. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html [Razgovory o mnozhestve mirov gospodina Fontenelja parizhskoj akademii nauk sekretarja [Electronic resource] / per. A. Kantemira. SPb., 1740. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html]

Фонтенель Б. Отступление по поводу древних и новых [Электронный ресурс] // Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме / отв. ред. Х. Н. Момджян. М., 1979. С. 172–188. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html [Fontenel' B. Otstuplenie po povodu drevnih i novyh [Electronic resource] // Fontenel' B. Rassuzhdenija o religii, prirode i razume / отв. red. X. N. Momdzhan. M., 1979. С. 172–188. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html]

Фролов Э. Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в. до н. э. // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 4–20. [Frolov Je. D. Byk Falarisa: mif i real'nost' v predanii ob akragantskom tirane VI v. do n. je. // Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie otnoshenija i gosudarstvennyye formy v antichnom mire / pod red. Je. D. Frolova. SPb., 2002. S. 4–20.]

Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. 420 с. [Frolov Je. D. Paradoкsy istorii — paradoкsy antichnosti. SPb., 2004. 420 s.]

Bently R. A. Dissertation Upon the Epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly [Electronic resource]. 1697. URL: <https://archive.org/stream/richardbentleydd00bartuoft#page/n7/mode/2up>

Bently T. A. Letter to Mr. Pope Occasioned by Sober Advice from Horace; Pope's Sober Advice // Works of Mr. Alexander Pope. L., 1735. Vol. 4.

Black R. Ancients and Moderns in the Renaissance: Rhetoric and History // Journal of the History of Ideas. № 43. 1982. P. 3–32.

Boswell J. Life of Samuel Johnson : in 6 vols. / ed. G. B. Hill, rev. L. P. Powell. Oxf., 1934–1964. Vol. 3. 1934. 420 p.

Burnet T. The Sacred Theory of the Earth [Electronic resource]. 1st ed. 1684. URL: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Burnet%2C%20Thomas%2C%201635%3F-1715>

Camden W. Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvements [Electronic resource] / ed. Edward Gibson. L., 1695. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/c/camden/william/britannia-gibson-1722/complete.html>

Collection of State Papers of the First Earl of Orrery. 1642.

Courtenay T. P. Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of Sir William Temple : in 2 vols. L., 1836.

Dupin L. Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques : in 19 vols. P., 1691–1715.

Dupin L. A new history of ecclesiastical writers : in 13 vols. L., 1692–1699.

Evelyn J. Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697.

Faber R. The Brave Courtier: Sir William Temple. L., 1983.

Fontenelle B. de. Entretiens sur la pluralité des mondes. P., 1686.

Fontenelle B. de. Digression sur les Anciens et les Modernes. P., 1688.

Hans B. The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // Journal of the History of Ideas. № 20. 1959. P. 3–22.

Homer E. Woodbridge, Sir William Temple: The Man and His Works. N-Y., 1940.

How Martin became a Great Critic // Memoirs of Martin Scriblerus / ed. Ch. Kerby-Miller. New Haven, 1950.

Jones R. F. Ancients and Moderns Reconsidered // Eighteenth-Century Studies. 1981. № 15. P. 72–89.

Jones R. F. The Background of the Battle of the Books // Washington University Studies. 1920. № 7. P. 99–162.

Keller A. C. Ancients and Moderns in the Early Seventeenth Century // Modern Language Quarterly. 1950. № 11. P. 79–82.

Levine M.J. Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner // *Annals of Scholarship*. 1986. № 3. P. 37–60.

Levine M.J. The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Ithaca, NY, 1994.

Levine M.J. The Autonomy of History. Truth and method from Erasmus to Gibbon. Chicago, 1999.

Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus / G. L. Hickes. Oxford, 1703–1705.

Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study // *Locke J. Works* : in 10 vols. L., 1824. Vol. 10. P. 449.

Marburg C. Sir William Temple. New Haven, 1932.

Nicolson W. The English Historical Library; or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom : in 3 parts. L., 1696–1699.

Richard Bently to William Wotton // *Bently R. Dissertations upon the epistles of Phalaris*. L., 1697. P. 6.

Sir William Temple's essays on ancient and modern learning, and on poetry [Electronic resource] / ed. by J. E. Spingarn. 1909. URL: https://archive.org/stream/sirwilliamtemple00tempuoft/sirwilliamtemple00tempuoft_djvu.txt

Swift J. A Full and true account of the battle fought last friday between the ancient and the modern books in Saint James's library // *The Works of Jonathan Swift, D. D., Dean of St. Patrick's, Dublin: Including the Whole of His Posthumous Pieces, Letters, & c.* Vol. 1. L., 1784. P. 391–433. [Electronic resource]. URL: http://books.google.ru/books?id=_ggfAAAAMAAJ&dq=Swift+J.+A+full+and+true+account

Temple W. Observations upon the United Provinces of the Netherlands. L., 1673.

Temple W. Miscellanea [Electronic resource]. The Third Part. L., 1701. URL: http://books.google.ru/books?id=x7w6AQAAMAAJ&pg=PA258&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q=annotation&f=false

Thomson M. A. Some Developments in English Historiography during Eighteenth Century, University College Inaugural Lecture. L., 1957.

Whear D. The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastical Histories. L., 1685.

Whear D. De ratione et methodo legendi historias [Electronic resource]. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/whear/text.html>.

Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning [Electronic resource]. L., 1694. URL: <https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog>.

Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. With Observations upon the Tale of a Tab. 3th ed. L., 1705.

Wotton to Bently, may 14, 1689 // *Correspondence of Richard Bently* : in 2 vols. L., 1842. Vol. 1. P. 1–5.

Статья поступила в редакцию 03.07.2014 г.

УДК 930.2 + 930.1 + 94(47 + 57)

Д. В. Тимофеев

«ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ» КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.*

В статье рассматриваются возможности использования в конкретно-исторических работах по истории России методологии современной «истории понятий». На основе интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы «истории понятий», автором предложены принципы и методы исследования различных аспектов модернизации в России первой четверти XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история понятий; методология истории; история общественной мысли; Р. Козеллек; К. Скиннер; история России.

Важной составляющей процесса модернизации являются изменения в общественном сознании, которые определяют направленность развития социума и одновременно отражают эволюцию в представлениях и поведении людей прошлого. Разнообразные отношения, связанные с экономической деятельностью, характером взаимодействий между социальными стратами, особенностями политического развития и культурного ландшафта — все эти составляющие процесса модернизации оказывают непосредственное влияние на общественное сознание и вербализуются в текстах исторических источников различной видовой принадлежности. Именно поэтому исследование масштабных общественных изменений невозможно без понимания того, каким образом происходило их осмысление на уровне языковой практики. Для историка принципиально важно знать, что подразумевали авторы источника, употребляя то или иное понятие, какие дополнительные коннотации оно получало при использовании в различных контекстах, каким образом происходила корректировка содержания как уже известных ранее, так и заимствованных из «чужой» культурной среды понятий. Это позволит, с одной стороны, избежать «осовременивания» языка прошлого и уйти от некорректного использования понятий, возникших в более поздний хронологический период, а с другой — объяснить, почему одни и те же понятия могли использоваться для выражения различных, нередко диаметрально противоположных друг другу, позиций и обоснования разнонаправленных практических действий. Все вышесказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам современной «истории понятий».

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось два основных направления: немецкая школа *Begriffsgeschichte* и англосаксонская *History of Concepts*¹. Идейные основы первого направления

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.»

¹ См. подробнее о методологических установках, сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: [Копосов; Рошин; Дубина; Бёдекер, 2010а; Миллер, Сдвижков, Ширле].

были сформулированы в ряде теоретических работ Р. Козеллека [Козеллек, 2004а; 2004б; 2006; 2010], который совместно с О. Брунером и В. Конце был одним из руководителей проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии» [Geschichtliche Grundbegriffe...], объединившего усилия нескольких десятков немецких историков. Большое влияние на становление второго направления оказала предложенная Дж. Л. Остином и Дж. Серлем теория языковых актов (Speech Act), в соответствии с которой языковая активность людей рассматривалась в непосредственной связи с их действиями [см.: Остин; Хархордин]. Наиболее последовательно такой подход к изучению истории политической мысли представлен в работах Дж. Покока и К. Скиннера [Росок; Скиннер, 2002; 2006].

Применение в исследованиях по истории российской модернизации методологических оснований «истории понятий» предполагает решение ряда принципиально важных вопросов: 1) каким образом можно разграничить в тексте исторического источника слова и понятия; 2) какие критерии следует использовать для отбора ключевых социально-политических понятий, с помощью которых можно выявить происходившие в общественном сознании изменения; 3) каким образом возможно проследить процесс корректировки заимствованных понятий, их адаптации к условиям новой социокультурной среды распространения, и какие тексты при этом следует использовать в качестве источников.

Поскольку перед историком стоит задача изучения не истории отдельных слов, а реконструкции мировосприятия людей, их представлений и оценок, важно различать слова и понятия. Принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности». С помощью понятий индивиды обозначают не конкретные объекты, а выражают свои представления о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Как правило, такие понятия абстрактны и не имеют одного, раз и навсегда определенного значения, что позволяет использовать их в идеологических дискуссиях и построениях теоретических моделей общественного устройства [Бёдекер, 2010б, с. 42]. При этом все они, одновременно существуя в общественном сознании, взаимосвязаны и могут использоваться для выражения противоположных по своей идейной направленности позиций. Именно наличие взаимосвязей между понятиями, по мысли Р. Козеллека, неизбежно приводит исследователя к констатации того, что «...писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно» [Козеллек, 2010, с. 21, 26]. Следовательно, важнейшим принципом применения методологии «истории понятий» должен быть принцип системности, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями. Реализация этого принципа предполагает выработку критериев, в соответствии с которыми происходит формирование комплекса исследуемых понятий.

В рамках конкретно-исторического исследования таким критерием может стать включенность понятия в процесс обсуждения различных вариантов решения актуальных для людей изучаемого времени проблем. Такой подход позволит интегрировать «историю понятий» в контекст эпохи, выявляя изменения их

значений с учетом особенностей экономического, социокультурного и политического развития общества в определенный период времени.

В исследовании по истории модернизационных процессов в России первой четверти XIX в. изучение различных значений, позитивных и негативных контекстов употребления понятий предполагает сопоставление наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем, которые активно обсуждались на страницах российских газет, журналов и учебных пособий, становились предметом рассмотрения в официальной переписке, проектах преобразований и действовавшем законодательстве. При таком подходе многообразие значений и смысловых акцентов употребления исследуемых понятий обуславливает необходимость применения сравнительно-контекстуального метода. Данный метод, помимо сопоставления экономического, социально-политического и религиозно-культурного контекстов, предполагает: 1) выявление функционального назначения обозначаемого с помощью понятия явления или процесса; 2) определение позитивных и негативных контекстов употребления; 3) выявление необходимых, с позиции авторов источника, условий для реализации позитивных ожиданий или предотвращения негативных последствий.

В обобщенном виде, в конце XVIII — первой четверти XIX в. можно выделить три проблемных поля: проблема ускорения темпов развития и повышения конкурентоспособности российской экономики; проблема смягчения / отмены крепостного права; проблема повышения эффективности системы государственного управления. Основными понятиями, с помощью которых происходило осмысление указанных проблем, были понятия «свобода», «закон», «собственность», «государство», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «просвещение» и «революция». Все они были тесно взаимосвязаны, имели как позитивные, так и негативные коннотации, и одновременно употреблялись в экономическом, политическом, социальном и морально-этическом контекстах.

Так, например, центральными понятиями, которые использовались образованными российскими подданными в рамках обсуждения *проблемы ускорения темпов развития и повышения конкурентоспособности российской экономики*, были понятия «свобода», «собственность» и «государство». В начале XIX в., благодаря знакомству российского общества с произведениями А. Смита, И. Бентама, А. Фергюсона, Ж.-Б. Сэя, Ж.-С. Сисмонди, произошло дополнение распространенного ранее представления о «свободе» как категории морально-нравственной и религиозно-философской («внутренняя свобода», «духовная свобода», «совершенная свобода») новыми коннотациями [см. подробнее: Тимофеев, с. 104–116]. С этого времени «свобода» рассматривалась как фактор социально-экономического и политического развития общества.

Отправной точкой в размышлениях о функциональном назначении «*собственности*» для экономического развития общества было утверждение о ее «естественном» происхождении: у всех народов она была основой для «усовершенствования семейственного состояния», становления законодательства и формирования государства [см., например: Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы..., с. 59; Первые начала естественного права..., с. 39–41; О торговле древних и новых народов, с. 264; Бутовский, с. 3; О дипломатии, с. 196].

В различных проектах и записках по вопросам оздоровления финансовой системы России можно было встретить рассуждения о том, что без учета интересов собственника любые попытки государства, направленные на интенсификацию российской экономики, будут безрезультатными. Н. С. Мордвинов в «особом мнении», составленном по итогам работы департамента государственной экономики Государственного совета, писал: «...доколе не будут сняты казенные налоги на капиталах лежащие, не будет уважена собственность городских жителей и дома их освобождены от постоев... до тех пор все другие финансовые меры оставаться будут малоутешительными, и казначейство государственное не достигнет цветущего состояния» [РГИА, ф. 1166, оп. 1, т. XVI, д. 2, л. 20].

На уровне теоретических размышлений о факторах развития экономики понятия «свобода» и «собственность» имели позитивные, ориентированные на зарубежный опыт коннотации. Однако представленные в многочисленных публикациях теоретические обоснования «благотворного влияния» «свободы» и «собственности» актуализировали постановку вопроса о роли государства и наиболее эффективных методах управления российской экономикой. Такой переход от теории к практике нередко сопровождался высказываниями о пагубности «безграничной свободы» и возможности ограничения прав собственника во имя «общего блага» и «государственной пользы».

Теоретически признаваемая «свобода» не предполагала самоустранение «государства» из сферы экономики. Напротив, именно оно должно было определить уровень развития различных отраслей экономики и установить соответствующие этому уровню границы «свободы» экономической деятельности граждан. Аргументируя справедливость данного утверждения, российские авторы нередко обращались к историческому опыту управления отечественной экономикой. Как правило, все они, отдавая «должное почтение мудрости монархов», отмечали, что в XVIII в., в силу неподготовленности российской экономики к введению «неограниченной свободы», отдельные решения правительства оказывались несвоевременными. Так, например, в статье «Взгляд на состояние мануфактур в России...» утверждалось, что в 1770–1780 гг. экономический курс правительства имел неоднозначные результаты: произошло резкое увеличение количества небольших фабрик и заводов, многие из которых оказались неконкурентоспособными. Причина такого положения, по мысли автора, — неподготовленность российского общества к «неограниченной свободе» экономических отношений [Взгляд на состояние мануфактур в России..., с. 197–198]. Аналогичные опасения высказывалась и по вопросу о «свободе торговли». Например, в статье «Выгоды свободной торговли» от имени издателя сообщалось, что он, как и многие присылавшие письма в редакцию «люди всяких состояний», признает важность «свободы торговли», но при этом «...не желает полной и безусловной свободы торговли, которая в существе своем есть точно такая же химера, как и полная свобода политическая и гражданская» [Выгоды свободной торговли].

Не менее противоречивой в текстах российских авторов первой четверти XIX в. была трактовка понятия «собственность». Законодательное закрепление принципа неприкосновенности частной собственности оставалось в качестве желанной цели на протяжении всего исследуемого периода, что отражено

как в многочисленных высказываниях представителей правительственных кругов, так и в программных документах различных «вольных» и «тайных» обществ. В наиболее отчетливой форме близость позиций по вопросу о собственности проявляется при сравнительном анализе «Записки неизвестного члена Государственного Совета о задачах Государственного Совета» (1806) и программных документов декабристов. В первом источнике автор, обозначая главные направления деятельности Совета, писал: «Во-первых, требуется, чтоб каждый гражданин обеспечен был в своем состоянии имуществом, которое бы видел он так твердо и неколебимо себе принадлежащим, что собственность его ни временным налогом подвержена, ниже кем-либо и никогда нарушаема быть не может» [РГИА, ф. 1167, оп. 1, т. XVI, 1826, д. 18/14, л. 16]. Одновременно он предлагал членам Государственного Совета выработать правило, в соответствии с которым правительство не могло бы под предлогом нехватки денежных средств «ущемлять» интересы собственников [Там же, л. 18–19]. В «Русской правде» П. И. Пестеля стремление зафиксировать право российских «граждан» на обладание «собственностью» выражено не менее отчетливо: «Право собственности или обладания есть священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых... основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества» [Пестель, с. 171]. Аналогичное положение предполагал включить в текст будущей российской конституции и Н. Муравьев [Конституционный проект..., с. 306].

При этом практически во всех конституционных проектах того времени, а также в учебных пособиях для гимназий и университетов утверждалось, что «государство», в случае возникновения общественной необходимости, должно обладать правом изъятия собственности граждан с последующей материальной компенсацией стоимости утраченного имущества. Так, например, в изданной комиссией составления законов книге «Основания российского права» принцип возмещения потерь собственникам был сформулирован так: «Если Государственная нужда или польза требует отчуждения частной собственности на общественное употребление, тогда чинится за оную хозяину удовлетворение» [Основания российского права..., с. 30]. В такой трактовке речь шла не о конфискации, которая признавалась допустимой мерой только в отношении имущества лиц, совершивших особо тяжкие преступления (в случае, если они не имели ближайших родственников), а лишь о «принужденной продаже» имущества государству. Справедливая компенсация потерь в денежной форме рассматривалась как способ сохранения «собственности» гражданина, позволявший ему приобрести новое имущество, не препятствуя «государству» выполнять свои функции по обеспечению обороноспособности страны, строительству дорог, крепостей, мостов и других объектов инфраструктуры.

Таким образом, сравнительно-контекстуальный анализ использования в рамках экономического дискурса понятий «свобода», «собственность» и «государство» позволяет сформулировать особенности процесса адаптации в России первой четверти XIX в. европейских принципов свободы экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности. С одной стороны,

в полном соответствии с теоретическими постулатами либеральных европейских мыслителей, «свобода» и «собственность» признавались важнейшими факторами, способствующими достижению так называемого «общего блага». С другой стороны, «свобода» рассматривалась в качестве действенного инструмента в руках правительства, а не как основополагающий принцип, которым должен был бы руководствоваться в своей повседневной деятельности российский купец, мелкий торговец или владелец фабрики, завода, ремесленной мастерской и т. п. Такой инструменталистский подход означал, что расширение объема «свободы» граждан в сфере экономики следует ожидать от неустанно заботящегося об «общественном процветании» государства. В противном случае, по мнению современников, «безграничная свобода» и противопоставление интересов отдельного собственника интересам общества в целом могут привести к негативным последствиям. Очевидно, что подобного рода двойственность в сознании оказывала влияние на характер принимаемых правительством решений и практические действия граждан и в конечном итоге определяла характер и особенности российской модернизации.

Еще одна грань модернизационных изменений, при изучении которой целесообразно использовать методологические основания истории понятий — *процесс межкультурного взаимодействия и заимствования «чужого опыта»*. Как правило, такое взаимодействие сопровождается адаптацией заимствованных извне теорий, концепций или идеологий, а следовательно, и ключевых социально-политических понятий, с помощью которых происходило осмысление возможностей использования «чужого опыта».

Проникновение и распространение понятий, как правило, происходило одновременно по нескольким информационным каналам: общение с иностранцами в ходе заграничных поездок с различными, в том числе и образовательными, целями; чтение иностранной литературы на языке оригинала; переводы произведений известных зарубежных авторов, опубликованные как на страницах газет и журналов, так и отдельными книгами. В результате заимствования оригинальное значение понятия могло оставаться неизменным либо дополнялось новыми смысловыми акцентами, возникшими в процессе перевода с одного языка на другой.

В последней трети XVIII — первой четверти XIX в. при переводе произведений европейских авторов нередко возникала необходимость адекватной замены иностранных понятий, не имевших аналогов в русском языке или запрещенных цензурными правилами. Наиболее отчетливо это заметно при сравнительно-контекстуальном анализе заимствованных из европейского социально-политического лексикона понятий «революция» и «конституция».

Понятие «революция» первоначально имело политически нейтральное значение и до второй половины XVII в. использовалось для описания астрономического феномена кругового вращения светил вокруг Земли и было тождественно словам «вращение», «оборот», «перемена» [Магун, с. 59]. Окончательное закрепление политического значения понятия «революция» в Европе произошло во второй половине XVIII в. С этого времени оно обозначало не столько астрономические, сколько социально-политические изменения.

В России 1760–1770 гг. понятие «революция» первоначально переводилось как «перемена» или «изменение». Возможно, следуя этой традиции, В. Крамаренков при переводе в 1775 г. сочинения Монтескье «О духе законов», вместо *revolutions* использовал слово *перемена* [Плавинская, с. 284]. После событий 1789 г. понятие «революция» употреблялось для обозначения безусловно значимых и резких изменений, имевших, как правило, разрушительные последствия. Именно эти признаки революции были зафиксированы, например, в толковом словаре Н. Яновского: «Революция — внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей» [Яновский, ч. 3, стб. 516]. Для образованного российского подданного было очевидным, что такие изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло делать предположения, что результаты «революции» не конечны, а ее «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены ее противниками в исторически обозримом будущем. В данном контексте показательно, что для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении существовал специальный термин — «контр-революция» [Там же].

В России первой четверти XIX в. негативные последствия революции признавали даже радикально настроенные члены тайных обществ. Именно поэтому они стремились дистанцироваться от образа «кровавой французской революции» и подчеркивали прогрессивный характер предлагаемых социально-политических преобразований. Следуя этой установке, П. И. Пестель, например, заменял понятие «революция» близкими по значению словами *превращение*, *преобразование* или *переворот* [см. подробнее: Одесский, с. 496–499]. Отчасти, такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены» [см.: Виноградов, с. 449]. Однако, если ранее переводчик В. Крамаренков ориентировался на официальные установки цензуры, то в текстах, написанных членами тайных обществ, использование подобного рода синонимов предпринималось в целях нейтрализации негативного контекста понятия «революция» и формирования положительного отношения современников к будущим политическим преобразованиям.

Сторонники кардинальных преобразований подчеркивали, что российская революция должна иметь принципиально важное отличие от европейских: в процессе ее осуществления все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству. Именно поэтому в ходе «революции» предполагалось не полное разрушение прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми, что позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. С этой целью к работе в новом правительстве могли быть привлечены известные своими либеральными взглядами и опытом управленческой работы представители прежней администрации. В данном контексте вполне логичным представляется намерение декабристов пригласить во временное революционное правительство Н. С. Мордвинова

и М. М. Сперанского [см. подробнее: Семенова]. Таким образом, российская «революция» не только не предполагала разрушение государства, напротив, считалось, что для сближения идеала с реальностью после ее завершения необходимо существование сильного государства, способного сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона.

Аналогичный вариант смещения смысловых акцентов в процессе адаптации заимствованных извне понятий прослеживается и применительно к понятию «конституция». В английской языковой практике понятие «конституция» появляется в начале XVII в. в значении «сложение», «состав», «соединение», «строение тела» [Магун, с. 59]. Применительно к сфере политики понятие «конституция» употреблялось лишь как своеобразная метафора, подчеркивавшая взаимосвязь всех органов государственного управления или сфер жизни общества. Однако уже с середины XVII в. оно приобретает более отчетливое политическое звучание. Катализатором этого процесса было появление в Англии различных тайных обществ и клубов, которые в качестве устава или программы составляли свои так называемые «конституции» [Джейкоб, с. 276–277]. Постепенно, по мере распространения масонских организаций в различных странах Европы, «конституция» становится синонимом слов *устав*, *свод внутренних правил* [Артемьева, Бажанов, Микешин, с. 24]. Одновременно с этим понятие «конституция» употреблялось не только для обозначения организационной структуры и правил поведения внутри какого-либо «общества», но и в более широком социально-политическом контексте — как общее наименование исторически сложившегося комплекса обычаев и законов, признаваемых всеми жителями страны.

Основными каналами трансляции значения понятия «конституция» в России на рубеже XVIII–XIX вв. были как изданные на языке оригинала, так и переведенные на русский язык произведения английских и французских мыслителей, рассказы очевидцев о событиях Великой Французской революции, деятельность масонских организаций в России, а также публикация на страницах периодической печати конституционных актов ряда европейских государств.

Все указанные выше европейские значения понятия «конституция» в конце XVIII — первой четверти XIX в. были хорошо известны в России. В концентрированном виде они были представлены в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского. Автор, объясняя современникам, что следует понимать под словом «конституция», отметил три основных значения: «1) составление, природа, сложение тела человеческого; 2) учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа; 3) постановление (или Государя, что будет значить Указ, или Гетмана, что называли манифестом, или Сейма, что кроме конституции другого имени не имело), имеющее силу закона, или недостающего в книге Статут, или недоразумение объясняющее» [Яновский, ч. 2, стб. 366–367].

В общем виде процесс культурной адаптации конституционных идей в России первой четверти XIX в. сформировал двойственное, внутренне противоречивое отношение к «конституции». В проектах политических преобразований и в материалах периодической печати отчетливо прослеживается тезис о невозможности

существования универсальной для всех стран и народов «конституции». Определенное сходство было допустимо лишь во внутренней структуре «конституции», но содержание конкретных юридических норм в разных странах могло и должно было существенно отличаться. В данном контексте показательно, что синонимом понятия «конституция» был «коренной закон», «устав». Тождественность внутренней структуры предполагаемого «коренного закона» с «конституцией» была зафиксирована, например, в учебном пособии В. Г. Кукольника: «Коренные законы, заключающие в себе состав или книгу, утвержденную и обнародованную верховной законодательной властью, называется *Конституциею* народа, или государства» [Кукольник, с. 8]. Содержательно «коренные законы», по мнению автора, должны определять «...отношения Граждан к верховной Власти и сей последней к гражданам», а также «...образ мер и средств правления Государства, распределение политического состояния государственных сословий, означение представленных им преимуществ, политических прав и обязанностей к Государству, равно как и к Верховной власти...» [Кукольник, с. 7–8].

Своеобразным отражением синонимичности «конституции» и «коренного закона» было то, что при переводе на русский язык текстов европейских конституций в тексте документа понятие «конституция» могло употребляться неоднократно, а в заголовке оно заменялось словосочетаниями «Государственный устав», «Государственное уложение» и т. п. [см., например: Государственный устав Испанской Монархии; Взгляд на республику Соединенных Американских областей; Государственное уложение Баварского королевства; Государственное уложение Великого герцогства Баденского]. Аналогичный прием использовали и авторы российских конституционных проектов: в названии проектов они намеренно не использовали понятие «конституция», а заменяли его словосочетаниями «Государственная уставная грамота», «Уложение государственных законов», «Государственный закон», «Государственный завет» или даже «Русская правда», которая, хотя и предполагала кардинальные преобразования, но на уровне ассоциативных связей апеллировала к одноименному памятнику древнерусского права. Таким образом подчеркивалось, что содержание российской «конституции» должно было стать результатом органического синтеза собственного исторического опыта и современных способов управления государством в развитых странах Европы.

В большинстве текстов, авторы которых размышляли о назначении конституции, подчеркивалось, что ее «установление» не предполагало однозначного и существенного ограничения самодержавной власти в России. В идеале конституция должна была законодательно зафиксировать права и обязанности граждан, «укрепить силу закона», предотвратить произвол чиновников местной и центральной администрации, а также обеспечить императору возможность своевременно реагировать на изменения «общественного мнения». Формирование такого механизма представлялось возможным либо посредством реформирования уже существовавших структур, либо путем создания новых, но не абсолютно тождественных выборным органам сословного представительства в Европе, а таких, которые соответствовали бы современным принципам управления и одновременно учитывали особенности сословной и культурной

дифференциации российского общества. В данном контексте первостепенное значение приобретало не юридическое описание пределов власти монарха, а проблема определения «степени просвещения» российских подданных, в соответствии с которой сверх общих для всех «гражданских прав» одни из них могли бы участвовать в процедуре выборов народных представителей, а другие — быть избранными помощниками верховной власти.

Приведенные примеры позволяют предположить, что встраивание заимствованных из чужой социокультурной среды социально-политических понятий происходило посредством использования хорошо известных, но не полностью тождественных по своему содержанию синонимов. При этом, как правило, политически нейтральные значения принимались без каких-либо изменений и были тождественны своему европейскому содержанию, а значения, резко контрастировавшие с привычными нормами, ценностями и стереотипами поведения, могли подвергаться корректировке. Такой алгоритм культурной адаптации в перспективе приведет к тому, что европейские идеи в России выражались в терминах предшествующей эпохи, значение которых было хорошо известно современникам и не требовало дополнительных пояснений [см: Ильин].

Исследование особенностей восприятия заимствованных понятий будет неполным без поиска ответа на вопрос о «проводниках» языковых инноваций. Неоднородность социальной структуры любого общества предопределяет важную закономерность процесса межкультурной коммуникации: заимствование происходит не всем социумом одновременно, а лишь его наиболее образованной или профессионально ориентированной частью. Как правило, на пути иноязычного заимствования стоит «специальный язык относительно небольшого числа интеллектуалов» [Маслов, с. 40], которые, впрочем, необязательно являются представителями одной социальной страны. Именно поэтому историк должен стремиться определить, *какие социальные группы были проводниками новых значений* и как они воспринимались другими современниками.

Критерием для выделения таких групп может являться высокая степень интеграции с «чужой» культурной средой, знание иностранного языка, способность трактовать и транслировать незнакомые значения заимствованных понятий. В соответствии с данным критерием целесообразно разделять группы: «полных билингвов», свободно владевших как минимум двумя языками; «неполных билингвов», способных понимать иностранные тексты, но думавших на своем родном языке; лиц, не владевших иностранными языками и воспринимавших языковые заимствования не напрямую, а опосредованно. При всей условности такого разделения, оно помогает объяснить отличия в трактовках одного и того же понятия в разных социальных средах.

В России Нового времени к группе «полных билингвов» можно отнести представителей дворянской элиты, которые получали образование за границей и выступали в качестве проводников европейской политической терминологии. Дальнейшее распространение заимствованных значений основных социально-политических понятий происходило в среде «неполных билингвов». Эта категория российских подданных включала в себя наиболее образованных представителей купечества, чиновников, офицеров и студентов. Большинство же

населения Российской империи имело низкий уровень образования и не могло адекватно воспринимать сложные, теоретически нагруженные концепты. В этой среде иноязычные заимствования не были востребованы и могли утрачивать свое первоначальное значение.

Указанная социальная и культурная неоднородность российского общества предопределяет недостаточность привлечения в рамках истории понятий произведений представителей одной социальной группы, а следовательно, и необходимость реализации принципа жанрового многообразия и спользуемых текстов. Источниками информации для историка могут быть: переводы произведений европейских авторов; законодательные акты, словари и учебные пособия; докладные записки; материалы периодической печати; проекты реформ и программные документы различных официальных и тайных обществ; материалы следствия и судебные постановления; мемуары, дневниковые записки; частная переписка и другие произведения. Такой комплексный подход к формированию источниковой основы исследования позволяет выявить различные оттенки социально-политических настроений, а также особенности трактовки политических принципов в различных социальных средах.

В совокупности, предлагаемый вариант применения методологических оснований истории понятий может стать эффективным инструментом исследования сложного и всегда внутренне противоречивого процесса модернизации. Комплексное использование в конкретно-историческом исследовании сравнительно-контекстуального метода, принципов системности и жанрового многообразия используемых текстов поможет понять глубинные причины того, что одни и те же идеи могли служить своеобразным катализатором, или, напротив, замедлять темпы социально-экономического и политического развития.

Артемяева Т. В., Бажанов В. А., Микешин М. И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. СПб., 2006. 138 с. [Artem'eva T. V., Bazhanov V. A., Mikeshin M. I. Resepcija britanskoj social'no-filosofskoj mysli v Rossii XVIII–XIX vv. SPb., 2006. 138 s.]

Бёдекер Х. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010а. С. 5–17. [Bjodeker H. Otrazhenie istoricheskoi semantiki v istoricheskoi kul'turologii // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010a. S. 5–17.]

Бёдекер Х. Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010б. С. 34–65. [Bjodeker H. Razmyshlenie o metode istorii ponjatij // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010b. S. 34–65.]

Бутовский И. Сравнение Крестовых походов с священной брагией текущего столетия // Сын Отечества. 1822. Ч. 75. № 1. С. 3–16. [Butovskij I. Sravnenie Krestovyh pohodov s svjashhennoju braniju tekushhego stoletija // Syn Otechestva. 1822. Ch. 75. № 1. S. 3–16.]

Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 253–270. [Vzgljad na respubliku Soedinennyh Amerikanskih oblastej // Syn Otechestva. 1814. Ch. 17. № 45. S. 253–270.]

Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы к оным относящиеся с XVI столетия по 1814 год (продолжение) // Сын Отечества. 1822. Ч. 82. № 51. С. 193–206. [Vzgljad na sostojanie manufaktur v Rossii i na zakony k onym odnosjashiesja s XVI stoletija po 1814 god (prodolzhenie) // Syn Otechestva. 1822. Ch. 82. № 51. S. 193–206.]

Виноградов В. В. История слов. М., 1999. 1138 с. [Vinogradov V. V. Istorija slov. M., 1999. 1138 s.]
Выгоды свободной торговли // Архив государственного хозяйства. Ч. 1. 1816. С. 101. [Vygody svobodnoj trgovli // Arhiv gosudarstvennogo hozjajstva. Ch. 1. 1816. S. 101.]

Государственное уложение Баварского королевства // Дух журналов. 1818. Ч. 31, ноябрь. С. 525–572. [Gosudarstvennoe ulozhenie Bavarskogo korolevstva // Duh zhurnalov. 1818. Ch. 31, nojabr'. S. 525–572.]

Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260. [Gosudarstvennoe ulozhenie Velikogo gercogstva Badenskogo // Arhiv istoricheskij i politicheskij: iz Duha zhurnalov. SPb., 1818. S. 228–260.]

Государственный устав Испанской Монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132. [Gosudarstvennyj ustav Ispanskoy Monarhii // Vestnik Evropy. 1813. № 13. S. 48–67; № 14. S. 130–132.]

Джейкоб М. К. Массонство // Мир Просвещения : ист. слов. / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 274–285. [Dzhejkob M. K. Massonstvo // Mir Prosveshhenija : ist. slov. / pod red. V. Ferrone i D. Rosh. M., 2003. S. 274–285.]

Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010. С. 298–320. [Dubina V. Iz Bilefel'da v Kembridzh i obratno: puti utverzhdenija «istorii ponjatij» v Rossii. Posleslovie // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010. S. 298–320.]

Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы, писанное гражданином ея // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 17. С. 59–67. [Izvestie o nyneshnem sostojanii respubliki Raguzy, pisannoe grazhdaninom eja // Vestnik Evropy. 1802. Ch. 5. № 17. S. 59–67.]

Ильин М. В. Умножение идеологий, или Проблема «переводимости» политического сознания // Полис. 1997. № 4. С. 78–87. [Il'in M. V. Umnozhenie ideologij, ili Problema «perevodimosti» politicheskogo soznanija // Polis. 1997. № 4. S. 78–87.]

Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отеч. зап. 2004а. № 5. С. 226–241. [Kozellek R. Mozhem li my rasporjazhat'sja istoriej? (Iz knigi «Proshedshee budushhee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») // Otech. zap. 2004a. № 5. S. 226–241.]

Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос : журнал по философии и прагматике культуры. 2004б. № 5 (44). С. 97–130. [Kozellek R. Teorija i metod opredelenija istoricheskogo vremeni // Logos : zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. 2004b. № 5 (44). S. 97–130.]

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века : сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 33–53. [Kozellek R. Social'naja istorija i istorija ponjatij // Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka : sb. nauch. rabot. SPb., 2006. S. 33–53.]

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010. С. 21–33. [Kozellek R. K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010. S. 21–33.]

Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010. С. 302–322. [Konstitucionnyj proekt N. M. Murav'eva // Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX vekov / sost., avt vstup. st. i komment. A. N. Medushevskij. M., 2010. S. 302–322.]

Коросов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века : сб. науч. работ. СПб., 2006. (Источник. Историк. История: Вып. 5). С. 9–32. [Korosov N. E. Istorija ponjatij vchera i segodnja // Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka : sb. nauch. rabot. SPb., 2006. (Istochnik. Istorik. Istorija: Vyp. 5). S. 9–32.]

Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1. Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и деяниям. СПб., 1815. [Kukol'nik V. G. Rossijskoe

chastnoe grazhdanskoje pravo. Ch. 1. Izložhenie zakonov po predmetam chastnogo grazhdanskogo prava, licam, veshham i dejanijam. SPb., 1815.]

Магун А. Опыт и понятие революции // Новое лит. обозрение. 2003. № 64. С. 54–79. [Magun A. Opyt i ponjatije revoljucii // Novoe lit. obozrenie. 2003. № 64. S. 54–79.]

Маслов Б. П. «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 39–57. [Maslov B. P. «Po zakonu jazyka nashego»: semanticheskie zaimstvovanija kak predmet istorii ponjatij // Jevoljucija ponjatij v svete istorii russskoj kul'tury. M., 2012. S. 39–57.]

Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012. С. 5–46. [Miller A. I., Sdvizhkov D. A., Shirle I. «Ponjatija o Rossii»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. Predislovie // «Ponjatija o Rossii»: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M., 2012. S. 5–46.]

О дипломатии // Сын Отечества. 1823. Ч. 88. № 38. С. 195–224. [O diplomacii // Syn Otechestva. 1823. Ch. 88. № 38. S. 195–224.]

О торговле древних и новых народов // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. № 46. С. 254–267. [O torgovle drevnih i novyh narodov // Syn Otechestva. 1821. Ch. 73. № 46. S. 254–267.]

Одесский М. П. Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution — революция — переворот — превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / отв. ред. О. И. Киянская. М., 2008. С. 494–502. [Odesskij M. P. Vol'nodumnyj tezarius dekabristov. Révolution — revoljucija — perevorot — prevrashhenie // Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podhody / отв. ред. О. И. Kijanskaja. M., 2008. S. 494–502.]

Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. СПб., 1822. Т. 2. [Osnovaniya rossijskogo prava, izvlechennye iz sushhestvujushhix zakonov Rossijskoj imperii, izdavaemye komissiejju sostavlenija zakonov. SPb., 1822. T. 2.]

Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб., 2006. 335 с. [Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty. SPb., 2006. 335 s.]

Первые начала естественного права, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. [Pervye nachala estestvennogo prava, izdannye dlja rukovodstva uchashhihsja professorom L'vom Cvetaevym. M., 1816.]

Пестель П. И. Русская правда // Декабристы. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. И. Киянская. М., 2010. С. 59–189. [Pestel' P. I. Russkaja pravda // Dekabristy. Izbrannye trudy / sost., avt. vstup. st. i komment. О. И. Kijanskaja. M., 2010. S. 59–189.]

Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 281–286. [Plavinskaja N. Ju. Kak perevodili Monteske'e v Rossii? // Evropejskoe Prosveshhenie i civilizacija Rossii. M., 2004. S. 281–286.]

РГИА. Ф. 1166. Оп. 1. Т. XVI. Д. 2; Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18/14. [RGIA. F. 1166. Op. 1. T. XVI. D. 2; F. 1167. Op. 1. T. XVI, 1826. D. 18/14.]

Роцин Е. История понятий: новый старый подход общественных наук // Полит. наука. 2009. № 4. С. 43–58. [Roshhin E. Istorija ponjatij: novyj staryj podhod obshhestvennyh nauk // Polit. nauka. 2009. № 4. S. 43–58.]

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. [Semenova A. V. Vremennoe revoljucionnoe pravitel'stvo v planah dekabristov. M., 1982.]

Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. СПб., 2002. С. 12–74. [Skinner Kv. The State // Ponjatije gosudarstva v chetyreh jazykah : sb. st. SPb., 2002. S. 12–74.]

Скиннер Кв. Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магун; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. [Skinner Kv. Svoboda do liberalizma / per. s angl. A. V. Magun; nauch. red. О. V. Harhordin. SPb., 2006.]

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 456 с. [Timofeev D. V. Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka. Cheljabinsk, 2011. 456 s.]

Хархордин О. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 7–23. [Harhordin O. Istorija ponjatij kak metod istorii praktik // Jevoljucija ponjatij v svete istorii russoj kul'tury / отв. red. V. M. Zhivov, Ju. V. Kagarlickij. M., 2012. S. 7–23.]

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2 : К–Н. СПб., 1804; Ч. 3 : О–Ф. СПб., 1806. [Janovskij N. Novyj slovotolkovatel', raspolozhennyj po alfavitu. Ch. 2 : K–N. SPb., 1804; Ch. 3 : O–F. SPb., 1806.]

Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

Роскок J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.

Статья поступила в редакцию 06.06.2014 г.

УДК 141.81(47 + 57) + 821.161.1 Щербатов-6 +
+ 821.161.1 Кюхельбекер-6

М. В. Горемыкина

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ Г-НА С... ШВЕДСКОГО ДВОРЯНИНА» М. М. ЩЕРБАТОВА И «ЕВРОПЕЙСКИЕ ПИСЬМА» В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ УТОПИИ

Анализируются произведения М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма». Выделяются общие черты, прослеживается преемственность по отношению к просветительской традиции. Отдельное внимание уделено особенностям развивающегося утопического сознания авторов.

Ключевые слова: М. М. Щербатов; В. К. Кюхельбекер; русская утопия; Просвещение; образ России; русская литература XVIII в.; западноевропейская утопия; традиция; преемственность; авторское сознание.

В России последней четверти XVIII в. появляется интерес к идеальному миру, в основе которого лежит справедливый закон. Он воспринимается русскими мыслителями как мера высокой нравственности и истины. Просветительские идеи сочетаются с вниманием к истории и культуре России, национальной самобытности. Эти условия способствуют развитию в русской литературе утопической традиции.

Русская утопия, несомненно, имеет глубокую связь с утопией западноевропейской. Интересу к утопии во многом способствовало издание на русском языке в 1789 г. книги Т. Мора «Утопия». Опираясь на воображение автора, который отправляет героев на поиски лучшего мира, она изображает перед читателями этот самый мир, где царит справедливость и благополучие. И. И. Свирида полагает, что эпоха Просвещения «осознав пороки современного ей общества, <...> пыталась их устранить посредством воспитания людей, искоренения

заблуждений» [Свирида, с. 37], а потому утопизм являлся важным и неотъемлемым ее свойством.

В западноевропейских утопиях обнаруживается предвидение грядущих социальных потрясений, их авторы верили в возможность изменения общества и человека к лучшему при условии изменения законов государства. Утописты опирались на материалистические и прагматические ценности, человек в них представлен как некая обладающая разумом машина, вся жизнедеятельность которой строго подчинена законам природы, признанным автором идеальными. По мнению Е. Е. Приказчиковой, русская утопия, в отличие от западноевропейской, «направлена на постижение идеалов Правды, что соответствовало как специфике культурно-исторической ментальности русского народа, так и основному направлению развития русского утопизма до эпохи Просвещения» [Приказчикова, с. 103]. Идеализм русских утопий не был отделен от национальной традиции.

В современном литературоведении существует ряд исследований, посвященных художественному развитию русской утопической мысли. В книге В. П. Шестакова «Эсхатология и утопия» (1995) выявляется своеобразие русской утопии в сопоставлении с западноевропейской традицией, в исследовании Е. Е. Приказчиковой «Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения» (2010) выявляются основные типы утопий русского Просвещения. По мысли А. А. Файзрахмановой, «именно в эпоху петровского и екатерининского правления были созданы условия для формирования литературной утопии, отразившей особенности национальной культурной традиции» [Файзрахманова, с. 11].

Среди работ по истории и философии отечественной утопии, обращенных конкретно к вопросу об утопии эпохи Просвещения и романтического периода, отметим труды Т. В. Артемьевой, К. М. Андерсона, В. В. Святловского, И. З. Сермана, А. В. Чудинова, И. И. Свириды, Н. В. Ковтун, Э. Вагеманса, В. И. Мильдона и др. [Андерсон; Артемьева; Вагеманс; Свирида; Чудинов].

Несмотря на повышенное внимание исследователей к вопросу о своеобразии утопического сознания, на наш взгляд, необходимо дополнительное изучение сложной художественной природы утопии в развитии от Просвещения к романтизму.

Целью данной статьи является сопоставление и выявление общих типологических черт в произведениях М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» (1784) и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» (1820) и определение выраженной в них специфики авторского сознания именно как утопического.

Широкое распространение жанра утопии в русской литературе относится ко второй половине XVIII в., В. Ю. Троицкий связывает его с предромантическими тенденциями [Троицкий, с. 314]. По мнению исследователя, «авторы таких произведений сознательно противопоставляли реальной действительности выдуманные ими картины “счастливой жизни”» [Там же]. Одним из первых в ряду русских утопий он называет «Сон “Счастливое общество”» (1759) А. П. Сумарокова. Во сне герой произведения оказался в «мечтательной» стране, где царят справедливость и человечность. Государь добросердечен, начальники

разумны и честны, церковники беспорочны, законы справедливы, а наказания за их несоблюдение — суровы. Вот только существовать такое общество может лишь во сне.

Интерес вызывает повесть В. А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (1784). На фоне фантастического сюжета автор знакомит читателя со своими философскими взглядами и размышлениями. Главный герой Нарсим летит в космос на крыльях из легчайших буковых дощечек и попадает на Луну. Он знакомится с местным обществом, очень похожим на земное, только достигшим наивысшего расцвета: дома их построены из алмазов и золота; управляют людьми старейшины, отцы семейств. Гармония, добродетель и благодать царят на Луне. Знакомясь с историей и обычаями народа, автор противопоставляет непривлекательные земные нравы и прекрасные лунные. Он приходит к неутешительному выводу: причина всему дурному — «установления и верования, а также глупость» [Троицкий, с. 318]. Важной особенностью утопии Левшина является то, что автор отрицает традиционные просветительские ценности и сам монархический строй. В его идеальном мире именно семья заменяет совершенное государственное устройство.

Особое место среди русских утопий конца XVIII в. занимает утопия М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина». Л. Геллер видит в этой книге «наиболее детальное в русской литературе описание идеального общества» [Геллер, Нике, с. 75]. По мнению В. Ю. Троицкого, «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» «становится у нас первым опытом создания национальной литературно-художественной утопии» [Троицкий, с. 320].

Михаил Михайлович Щербатов — известный историк, политический деятель, публицист XVIII столетия. Представитель древнего знатного дворянского рода, он вел свою родословную от самого Рюрика. Безусловно, был одним из самых образованных людей своего времени, настаивал на необходимости широкого распространения знаний и грамотности. Имел глубокие познания в области истории, философии, естествознания, экономики, филологии. В своем миропонимании сочетал идеи передовых европейских просветителей с национальной традицией. По утверждению П. А. Сапронова, мировоззрение М. М. Щербатова основывалось на «европейском образовании, европеизированной и европеизирующейся современности, свидетельствах и преданиях прошедшего» [Сапронов, с. 3].

Наиболее ярко мировоззрение М. М. Щербатова отражено в книге «О повреждении нравов в России» (1786–1789), изданной в 1858 г. в Лондоне Вольной русской типографией А. И. Герцена. Каждая глава этого историкоморалистического трактата М. М. Щербатова посвящена определенному русскому правителю. Для современного читателя особое значение имеет характеристика автором современного ему общества. В начале произведения он изображает картину современных нравов — «всеобщего морального разложения» [Афанасьев, с. 288]. «Вера и божественный закон в сердцах наших истребились, — пишет Щербатов, — тайны божественные в презрение впади. Гражданские узаконения презираемы стали» [Щербатов, 2001, с. 7]. В этом обществе судьи продажны; дети

не уважают родителей, считают их взгляды устаревшими, насмеваются над ними и не принимают их решений; родители, в свою очередь, не испытывают любви к своим детям, отдают их на воспитание посторонним людям, многие просто продают честь своих дочерей; между супругами нет искренних чувств, они заводят любовников, вовсе этого не стыдясь, а порой даже и хвастаясь таким поступком; родственные связи ничего не значат, каждый живет для себя; нет дружбы; нет верности государю; нет любви к отечеству; нет твердости духа.

М. М. Щербатов настаивает на том, что отсутствие твердых и строгих законов, произвол вельмож, заботящихся только о собственном благополучии, негативно влияют на страну. В этом причина всех бед. Такое положение грозит «падением государству» [Щербатов, 2001, с. 7]. Патриотическое сознание Щербатова не вызывает сомнений, его взгляд на реальную действительность поднимается до «народной точки зрения» [Афанасьев, с. 296]. Идеи и планы по преобразованию государства и общества автор трактата «О повреждении нравов в России» разрабатывал на протяжении всей своей жизни.

«Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина», написанное несколькими годами ранее трактата «О повреждении нравов в России», по сути, выражает то же неприятие автором современной ему русской действительности. Главный герой, он же рассказчик, отправляется на корабле под названием «Надежда» из Пондишери в Европу. Через несколько дней после отправления попадает в «превеликую и необыкновенную» [Щербатов, 1977, с. 27] бурю, в результате которой корабль и вся его команда терпит бедствие. И вот когда люди уже потеряли всякую надежду на спасение, происходит невероятное — на помощь приходят два неизвестных гребных судна. Так герой попадает туда, где никто никогда не бывал — в землю Офирскую.

Следует пояснить название, которое автор дает своей прекрасной земле. Офир — это сказочная и необычайно богатая страна, упоминания о которой встречаются в Библии [Есюков, Честнейшин, Честнейшина, с. 46]. Н. Д. Чечулин считает, что М. М. Щербатов позаимствовал название своего романа из книги неизвестного немецкого автора «Konigreich Ophir», которая была опубликована в 1699 г. в Лейпциге [Чечулин, с. 20–21].

Страна эта, «яко лежащая близ полюса антарктического, есть страна холодная и совсем сходственная на европейские северные страны, даже что те же в ней находятся растения, те же звери и прочее, а сеть токмо некоторая разность в водяных птицах, которые уже естествоописатели, яко о живущих близ полюса антарктического, описание учинили» [Щербатов, 1977, с. 23]. Жители ее говорят на санскрите, с которым герой знаком, поэтому получает возможность полноценно общаться. В этой стране повсеместно царит благоденствие и благополучие народа, а общественное устройство крайне рационально и здраво. Это истинно мудрое государство, с которого стоит брать пример остальным. Справедливое устройство Офирской земли основано на сильной вере и на строгой регламентации прав и обязанностей, а также на их безукоризненном соблюдении каждой социальной группой.

В беседе с правителями Офирской земли проясняются нравственные и гражданские принципы, согласно которым существует это общество. Автор

акцентирует внимание на полном и безоговорочном соблюдении законов, правил, твердости и незыблемости брака, несомненной любви к отечеству. Именно этого и недостает современному российскому государству для процветания.

«Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова было опубликовано спустя много лет после написания, лишь в 1898 г., однако было хорошо известно современникам. В. Ф. Иванов в книге «История масонства» утверждает, что Павел I вел переписку со своим воспитателем Н. И. Паниным, в которой неоднократно упоминал это произведение. Текст был знаком и Александру I, именно оттуда он заимствовал идею военных поселений [Иванов]. Существуют свидетельства того, что сочинение Щербатова было известно и в декабристском кругу [Семеновский, с. 15].

Сложившаяся в эпоху Просвещения литературная форма утопии активно развивалась в романтический период. И. А. Тертерян замечает, что «романтизм создал грандиозную и многообразную утопию — утопию красоты, утопию личной активности и самодостаточности суверенной личности, утопию национального единства, утопию человека и природы, утопию идеальной революции» [Тертерян, с. 24]. Такие утопии совершенно четко обозначают мировоззренческие приоритеты своего времени. Их авторы предлагают свои варианты усовершенствования мира, облачая их в художественную форму. Произведения этого жанра отражают эстетические и духовные искания писателей, для которых характерно преобладание нравственного над рациональным. Утопический хронотоп вполне отвечает задачам романтического сознания, устремленности романтика к идеальному мироустройству. В. И. Мильдон считает, что западноевропейская утопия «как бы признает вероятными изменения здесь, в этом месте; русская этого не допускает — нужно другое место» [Мильдон, с. 83].

Распространен жанр утопии и в литературном творчестве декабристов, которые были преемниками русских просветителей и отличались романтическим характером мировосприятия. Повесть А. Д. Улыбышева «Сон» (1819) является одним из наиболее ярких образцов декабристских утопий. В основе сюжета лежит традиционный для утопии прием — сон. Главный герой засыпает и попадает в будущее. Петербург заметно преобразился: появились новые красивые здания, а дворцы и старые дома предназначены для общего пользования, вместо казарм открылись библиотеки, школы и академии.

Общественный переворот, случившийся 300 лет назад, положил конец самодержавию и крепостничеству. Люди свободны, в обществе царит всеобщая социальная справедливость. Армия распущена, т. к. в ней нет больше необходимости. Культура и искусство освободились от подражательности и развиваются самостоятельно, на национальной самобытной почве. Религия превратилась во что-то похожее на масонский культ Высшего существа, двуглавого орла сменил феникс «свободы и истинной веры». Интерес вызывает окончание повести — герой неожиданно просыпается из-за звуков рожка и барабана, а также криков пьяного мужика, которого полицейские тащат в участок. Автор замечает: «Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...» [Улыбышев, с. 99]. Такой финал, по мнению В. И. Мильдона, указывает на то, что утопия Улыбышева «носит сатирический характер и потому ее прогноз мрачен» [Мильдон, с. 27].

«Европейские письма» В. К. Кюхельбекера были написаны и опубликованы в 1820 г. прямо перед реальным путешествием автора по Европе. Действие разворачивается в далеком будущем, в XXVI в. Главный герой — американец — отправляется в путешествие по Европе, которая, как пишет автор, «уже снова одичала». Париж и Лондон исчезли с лица земли, Рим практически разрушен, а молодая Америка процветает, «европейцы состарились: провидение отняло у них свет, но единственно для того, чтобы повелеть солнцу истины в лучшем блеске воссиять над Азией, над Африкой, над естественною преемницей Европы — Америкою» [Кюхельбекер, с. 114].

В «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекер описал возможный путь дальнейшего развития европейских стран и в том числе России. По мнению Ю. Н. Тынянова, у Кюхельбекера «в высокой степени были развиты чувство великого исторического будущего, ожидавшего его родину, и твердая вера в “усовершенствование человека” <...> он сознает молодость и значение своей страны, в сравнении с которой Европа обветшала» [Тынянов, с. 298].

В повести В. К. Кюхельбекера обнаруживается явная преемственность по отношению к просветительской утопии конца XVIII в. Подобно М. М. Щербатову, он использует форму путешествия. Эта описательность позволяет авторам подробно представить посещаемое государство, его быт, законы и традиции, а также дать необходимые разъяснения и комментарии. Главный герой, он же рассказчик, — полноправное действующее лицо в произведениях такого рода, активно участвует в описываемых событиях.

Прекрасный мир М. М. Щербатова для читателя недостижим, и проверить его реальное существование невозможно. Ведь Офирская земля, по заверению автора, находится близ антарктического полюса. Так же и у В. К. Кюхельбекера, только его мир еще дальше, хоть он и якобы реален — в будущем XXVI в.

Особое место занимает в произведениях двух авторов образ России. В описании Офирии явно прослеживаются аллюзии на Россию как прообраз этой идеальной в будущем страны. Например, Офирская земля имеет две столицы: старую и новую, искусственно созданную одним из реформаторов; в названиях городов угадываются русские: *Квамо* — Москва, *Перегаб* — Санкт-Петербург, *Олботская* земля — Тобольская губерния. Иерархия государственных чиновников Офирии также сходна с российской — четырнадцать классов должностных званий.

Офирская земля у М. М. Щербатова — это Россия, где удалась реализация прогрессивных реформ, идеальное для автора государство. Для В. К. Кюхельбекера идеал — Америка как молодая цивилизация, в этом отношении близкая России. На территории Европы идеально организованное пространство — колония выходцев из России. Именно она представляет собой Россию будущего. И Щербатов, и Кюхельбекер верили в исключительность и великое будущее своей страны, эта идея ясно звучит в их произведениях.

Утопия М. М. Щербатова более социальна. В начале повествования автор предупреждает читателя, что его интересует политическое и общественное устройство этого мира, потому что в Офирии «власть государственная соображается с пользой народною» [Щербатов, 1977, с. 23]. В романе много внимания

уделено вопросам воспитания и образования. Как указывает В. П. Шестаков: «Идеал Щербатова — допетровская Русь, простота обычаев, отсутствие роскоши и богатства» [Шестаков, с. 43]. Для В. К. Кюхельбекера основной является национальная традиция соборной общности; идеальное общественное устройство подобно семье, а не государству.

Утопии М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» и В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» объединяет просветительская идеология, в значительной степени скорректированная национальной традицией. Идеи о справедливом законе, мудром монархе, а также исконно русские духовно-нравственные ориентиры общества лежат в основе этих произведений. Высоконравственный человек — вот идеал авторов, именно такие люди могут составить идеальное свободное общество. Мировоззрение писателей объясняет их обращение к проблемам законодательства, морали, культуры, общественного устройства.

Как мы видим, идеал М. М. Щербатова — это прошлое, В. К. Кюхельбекер же возлагает свои надежды на будущее. В «Европейских письмах» выделяется размышление о прошлом и настоящем европейских стран, их истории и культуре, любование красотами природы. Автор не предлагает конкретных указаний по совершенствованию мира, как это делает Щербатов, он просто созерцает и рассуждает. Упомянув конкретные факты из прошлого европейских стран, такие как пытки и инквизиция, он замечает, что сейчас «нет костров для людей мыслящих, нет цепей для народов свободных и счастливых» [Кюхельбекер, с. 103]. Как пишут Л. Геллер и М. Нике, «цивилизация без добродетели (в классическом смысле) обречена на исчезновение» [Геллер, Нике, с. 104]. Именно это и произошло с Европой. Именно по ее руинам прогуливается герой Кюхельбекера. Свой идеал он встречает в колонии в Калабрии, где правителем является русский человек по фамилии Добров. Этот человек откровенен в разговоре, приветлив со слугами, трудолюбив, добродетелен, его основное правило — «во всем и вполне быть человеком» [Кюхельбекер, с. 119]. Он сочетает в себе истинную просвещенность и образованность, что делает его, по мнению автора, «истинным человеком» [Кюхельбекер, с. 120].

Мир М. М. Щербатова совершенный, не требующий никаких изменений, и, на первый взгляд, это определенно утопия. Е. Е. Приказчикова замечает, что «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» представляет собой синтез утопии и дистопии, который осуществлен в рамках одного текста. При этом «антиутопия представляет собой рассказ о прошлом Офирской земли, которое разительно напоминает Россию второй половины XVIII столетия. Утопия же — это рассказ о настоящем положении дел в Офирском государстве. Таким образом, автор находит идеальный вариант русской утопии, представляющий собой соединение утопии и дистопии, сатиры и панегирика» [Приказчикова, с. 26]. У В. К. Кюхельбекера обнаруживается та же тенденция. Прошлое Европы, по мнению автора, действительно ужасно, а в настоящем XXVI в. — прекрасный мир, в котором торжествует справедливость, просвещение и добродетель.

Проведенный анализ показывает, что произведения М. М. Щербатова и В. К. Кюхельбекера имеют много общего. Их авторы открывают читателю новые идеальные миры, с надеждой на их реализацию в России. Герои двух

рассмотренных в статье произведений стремятся обрести справедливость и гармонию. Отличия имеются в самом утопическом сознании авторов: Щербатов опирается на идею о справедливом законе, в его идеальном мире главенствует здравый смысл и соблюдаются строгий порядок и регламентированность, а для Кюхельбекера важной и неотъемлемой является духовная составляющая общественной жизни.

Андерсон К. М. Конец традиции: (Просвещение и утопии XVIII–XIX вв.) // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 314. [Anderson K. M. Konec tradicii: (Prosveshhenie i utopii XVIII–XIX vv.) // Kul'tura jepohi Prosveshhenija. M., 1993. S. 314.]

Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. 496 с. [Artem'eva T. V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu: Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija. SPb., 2005. 496 s.]

Афанасьев Э. Л. Памфлет // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 263–298. [Afanas'ev Je. L. Pamflet // Russkij i zapadnoevropejskij klassicizm. Proza. M., 1982. S. 263–298.]

Вагеманс Э. К. К истории русской политической мысли. М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Рус. лит. 1989. № 4. С. 107–123. [Vagemans Je. K. K istorii russkoj politicheskoi mysli. M. M. Shherbatov i ego «Puteshestvie v zemlju Ofirskuju» // Rus. lit. 1989. № 4. S. 107–123.]

Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. 312 с. [Geller L., Nike M. Utopija v Rossii. SPb., 2003. 312 s.]

Есюков А. И., Честнейшин Н. В., Честнейшина Д. А. Социальная философия русского консерватизма : учеб. пособие. Архангельск, 2009. 276 с. [Esjukov A. I., Chestnejshin N. V., Chestnejshina D. A. Social'naja filosofija russkogo konservatizma : ucheb. posobie. Arhangel'sk, 2009. 276 s.]

Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008. 536 с. [Ivanov V. F. Russkaja intelligencija i masonstvo. Ot Petra Pervogo do nashih dnei. M., 2008. 536 s.]

Кюхельбекер В. К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 100–122. [Kjuhel'beker V. K. Evropejskie pis'ma // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoi poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 100–122.]

Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 69–90. [Levshin V. A. Novejshee puteshestvie, sochinennoe v gorode Beleve // Vzgljad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoi poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 69–90.]

Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира: очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., 2006. 288 с. [Mil'don V. I. Sanskrit vo l'dah, ili Vozvrashhenie iz Ofira: ocherk russkoj literaturnoi utopii i utopicheskogo soznanija. M., 2006. 288 s.]

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 629 с. [Prikazchikova E. E. Kul'turnye mify i utopii v memuarно-jepistoljarnoi literature russkogo Prosveshhenija : dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2010. 629 s.]

Сапронов П. А. Русская философия. Опыт типологической характеристики. СПб., 2000. 396 с. [Sapronov P. A. Russkaja filosofija. Opyt tipologicheskoi harakteristiki. SPb., 2000. 396 s.]

Свирида И. И. Утопизм и садово-парковое искусство эпохи Просвещения // Культура эпохи Просвещения М., 1993. С. 37–67. [Svirida I. I. Utopizm i sadovo-parkovoe iskusstvo jepohi Prosveshhenija // Kul'tura jepohi Prosveshhenija M., 1993. S. 37–67.]

Семеновский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. 698 с. [Semenovskij V. I. Politicheskie i obshhestvennye idei dekabristov. SPb., 1909. 698 s.]

Тертерян И. А. Романтизм: [Литературы Западной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 16–27. [Terterjan I. A. Romantizm: [Literatury Zapadnoj Evropy pervoj poloviny XIX v.] // Istorija vseмирnoj literatury : v 8 t. M., 1989. T. 6. S. 16–27.]

Троицкий В. Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 301–321. [Troickij V. Ju. Predromanticheskie vejanija // Russkij i zapadnoevropejskij klassicizm. Proza. M., 1982. S. 301–321.]

Тунянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 424 с. [Tunjanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. M., 1969. 424 s.]

Улыбышев А. Д. Сон // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 91–99. [Ulybyshev A. D. Son // Vzglyad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 91–99.]

Файзрахманова А. А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 22 с. [Fajzrahmanova A. A. Pojetika russkoj literaturnoj utopii 1900–1910-h godov: problemy zhanrovoj transformacii v kontekste tradicii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Birska, 2011. 22 s.]

Чечулин Д. Д. Русский социальный роман XVIII века. (Путешествие в землю Офирскую г-на С. Шведского дворянина. Сочинение князя М. М. Щербатова). СПб., 1900. 73 с. [Chechulin D. D. Russkij social'nyj roman XVIII veka. (Puteshestvie v zemlju Ofirskuju g-na S. Shvedskogo dvorjanina. Sochinenie knjazja M. M. Shherbatova). SPb., 1900. 73 s.]

Чудинов А. В. Утопии века Просвещения : курс лекций. М., 2000. 90 с. [Chudinov A. V. Utopii veka Prosveshhenija : kurs lekcij. M., 2000. 90 s.]

Шестаков В. П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М., 1995. 208 с. [Shestakov V. P. Jeshatologija i utopija. Oчерki russkoj filosofii i kul'tury. M., 1995. 208 s.]

Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкого дворянина // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В. Гуминский. М., 1977. С. 20–68. [Shherbatov M. M. Puteshestvie v zemlju Ofirskuju g-na S... shhveckogo dvorjanina // Vzglyad skvoz' stoletija (Russkaja fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX vv.) / sost. V. Guminskij. M., 1977. S. 20–68.]

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М.; Аугсбург, 2001. 42 с. [Shherbatov M. M. O povrezhdenii npravov v Rossii. M. ; Augsburg, 2001. 42 s.]

Статья поступила в редакцию 28.04.2014 г.

УДК 811.131.1 Гуарески-7 + 94(450)

О. А. Гуревич

ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ ДЖОВАННИНО ГУАРЕСКИ

Писатель и журналист Джованнинно Гуарески сыграл важную роль в культурном и политическом процессе в Италии середины XX в. Его творческий путь начался при фашистском режиме, а расцвет пришелся на время становления послевоенного государства — Итальянской Республики. На протяжении десятилетий он считался главным политически-ангажированным итальянским автором-реакционером. Однако внимательный анализ позволяет выявить совсем иную, этическую основу его политических выступлений. Данная статья посвящена поэтапному рассмотрению политического и этического в творчестве Гуарески и того, как политические мотивы определяли рецепцию его творчества в Италии.

Ключевые слова: политика; журналистика; художественная проза; юмор; литература узников.

Творчество итальянского писателя, художника и журналиста Джованнинно Оливьеро Гуарески (01.05.1908–22.07.1968) — особое явление в итальянской культуре. Гуарески один из самых читаемых авторов в XX в. Главное его произведение — цикл из 347 рассказов под общим названием «Малый мир» (1945–1965) — переиздавалось десятки раз, переведено на сотню языков и пользуется неизменным читательским спросом. Издаваемый им юмористический еженедельник «Кандидо» имел миллионные тиражи. Его тексты и рисунки оказывали влияние на итальянскую политику. В то же время до начала нынешнего века его имя не упоминалось в учебниках по литературе, его произведения не входили в антологии. В демократической Италии были тайно уничтожены все теле- и аудиозаписи из архива итальянской телерадиокомпании, помеченные его именем. Каждый итальянец знает его имя и героев его главного произведения, но до сих пор регулярно отклоняются проекты посвященных ему дипломных работ и диссертаций.

Это загадочное умолчание, а часто и открытое неприятие начало сменяться интересом только 10–15 лет назад, и объясняется оно обособленностью Гуарески в итальянской культуре.

Причина такой обособленности в том, что одна из базовых ценностей творчества Гуарески — противостояние всякой идеологии и партийности. Любая партия для Гуарески по определению зло — попытка снять с себя личную ответственность, «сбросить свой мозг в общую кучу». Такой взгляд не всегда был характерен для Гуарески. Он пришел к нему, пройдя долгий путь и пережив большие потрясения.

До войны, как и после войны, Гуарески совмещал журналистскую и писательскую работу. Начинал он в Парме, с 1927 по 1936 г. сотрудничал со всеми основными пармскими газетами, писал городскую хронику. Этот период был насыщен фашистской риторикой, но в репортажах Гуарески мы не увидим

практически ни малейшего отблеска режима. Городские портреты: дежурный врач, аптекарь, нищий... Описания городских балов и новой системы сбора и вывоза мусора, автомобильные происшествия и мелкие ссоры на улицах. Анализ событий культурной жизни тоже вполне свободен от идеологических рамок. Свое журналистское пространство Гуарески в те годы охраняет от политической риторики, высказывание политических суждений ему решительно не свойственно: «Выражать публично свое мнение и, более того, заявлять о нем официально — это все равно, что подписывать огромный вексель» [Guareschi, 1934, p. 7], писал он в 1934 г. Желая выразить главное в окружающей жизни, он готов видеть только бесконечно повторяющееся в каждодневном, а быстротекущих материй — политики и социальной тематики — просто не замечает.

В 1936 г. Гуарески пригласили сотрудничать в новое миланское юмористическое издание, «Бертольдо». В условиях фашистской цензуры юмористический журнал, казалось бы, обречен был захиреть. Но парадоксальным образом «Бертольдо» расцвел, стал популярным. В нем собрались лучшие юмористические авторы того времени, писатели (Джованни Моска, Карло Мандзони, Массимо Симили) и художники (Саул Стейнберг, Витторио Мец, Вальтер Молино). Совсем уйти от актуальных политических тем или пренебречь министерскими указаниями (по поводу войны в Эфиопии, речи Дуче, заключения какого-нибудь договора) они не могли, но, выполняя требования, старались обесмыслить официоз, довести его до полного абсурда. Соревнуясь в изобретательности и фантазии, они создали новую школу юмористики и впоследствии прославились в разных сферах культуры.

Авторы «Бертольдо» и Гуарески, как могли, отстранялись от политики, важно было уже то, что они не разделяли свойственную режимному официозу идеологическую риторику и монументальную эстетику.

В условиях «отстраненности от политики» авторы «Бертольдо» следовали формуле «нового юмора», которую предложил Джованни Моска: это «юмор, который учит использовать фантазию, чтобы не обращать внимание на реальность» [Del Vuono, p. 28]. Гуарески усвоил эту формулу не только в журналистике и в карикатурах, но и в применении к своей художественной прозе, которую главами публиковал в «Бертольдо». Отдельными книгами три его повести вышли в 1940–1944 гг. Во всех трех повествование далеко от злобы дня: свою задачу Гуарески-писатель видит в том, чтобы создать реальность, состоящую из самых мирных элементов: семьи, любви, моря, плутовства, кино, нестрашных погонь, отважных контрабандистов, казино, веселого мошенничества, наследств, больших денег, собственных яхт и особняков, преданных слуг и глуповатой полиции. Первая из книг «Открываем Милан» (1941) — это нежно-сентиментальное повествование, развивающееся в полувымышленном Милане, вне конкретного времени и пространства. Вторая («Судьбу зовут Клотильда», 1942) и третья («Муж в колледже», 1943) представляют собой авантюрно-юмористические повести с элементами вестерна, сказки и притчи.

Последняя книга вышла, когда Гуарески был уже в лагере. В сентябре 1943 г., когда Италия заключила перемирие с союзниками, немцы взяли в плен половину итальянской армии (более 1 млн человек) и предложили солдатам и офицерам

подписать согласие служить в армии Итальянской социальной республики или трудиться на благо Третьего Рейха, в противном случае их ожидала депортация и заключение в лагерь. Части интернированных удалось разбежаться, часть подписала согласие, но 600 тыс. человек, и среди них Гуарески, не дали согласия на сотрудничество [Sommauga, p. 30]. Гуарески был депортирован вместе с другими и два года провел в лагерях Ченстохова и Беньяминово в Польше; Сандбостель и Витцендорф — в Германии.

«Белое сопротивление», как назвали это добровольное пленение итальянских военных историки, само по себе не носило ярко выраженного антифашистского характера, скорее, за ним стояли старинные представления о воинской чести и верности присяге. Их не уничтожали, как евреев, цыган и политических заключенных, но мучили голодом, холодом и вшами, а также ежедневной агрессивной пропагандой с целью добиться подписания новой присяги. Для Гуарески идея верности присяге была связана с идеей монархизма. В дневнике, который Гуарески вел в лагере, король ни разу не упоминается, но именно потому, что он выше происходящего: весь гнев направлен на генералов и правительство — король же остается символом верности и единства нации.

В лагере совершился поворот в сознании Гуарески. Переосмысление мироустройства и корректировка системы ценностей хорошо прослеживается по дневнику Гуарески, но также и по другим его текстам, с разных сторон показывающим, как формировалась новая система взглядов.

Возможно, самой важной из ценностей Гуарески, сформированных в лагере, стала «итальянскость». Италия, образ которой был запечатлен в сердце Гуарески еще с «обложки школьной тетради» [Guareschi, 1993, p. 79], воспринятая с младенчества вера в Родину, Страну Чести и Верности Присяге, населенную смешными, иногда глупыми, многословными, хитрыми, ленивыми, но честными и не жестокими людьми, в лагере была утрачена. Это произошло при виде массовой измены (ибо в представлении Гуарески те, кто присоединялись к армии марионеточного государства Муссолини, изменяли своей присяге и своему королю) и пробуждения низменного в человеке.

Так же развеялся миф об итальянцах как о единой нации, готовой на все ради Италии, — миф, созданный и воспетый в эпоху Рисорджименто и в первую мировую войну и как мало что другое питавший душу Гуарески. Теперь итальянцы призывали убивать итальянцев, не понимая и не желая понимать, что происходит с ними, с их сыновьями, мужьями и женихами, с их страной. Размышления об этом были едва ли не более болезненными, чем мысли о голоде: «Бедная Италия. Несчастные итальянцы. Сколько вам еще придется страдать, чтобы стать людьми» [Guareschi, 2008, p. 224]. 17 января 1944 г. Гуарески записал в дневнике: «Я более чем когда-либо уверен, что наша несчастная страна уже сама по себе слишком сильно разделена, а потому подстегивать эти разделения — преступно» [Guareschi, 2008, p. 320].

В этот момент для Гуарески становятся особенно важны общеитальянские мотивы-объединители: военная атрибутика, Гарибальди, Верди, Данте — они отображены в лагерных сентиментальных возвышенных рассказах: белые воротнички морских офицеров в рассказе «Белый воротничок» [Guareschi, 1949, p. 88],

звездочки на военной форме — «Звездочки, которые носим...» [Guareschi, 1949, p. 76], флаг и т. д.

За колючей проволокой Гуарески перестал самоустраняться от серьезных изменений в мире и вообще от серьезного. «Время чистого смеха» закончилось. Несмотря на реальное ограничение свободы перемещения и познания, горизонты Гуарески существенно расширились, изменилось и его отношение к политике.

Гуарески увидел лагерь как логичный результат того, что столько лет итальянцы, а среди них и он сам, не задумывались о происходящем со страной. Даже в самых смешных страницах дневника сквозит чувство вины за случившееся, понимание его природы.

Много и горько пишет Гуарески о молчаливом соучастии режиму: «Тут часто случается, что, завидев свободный стол, человек запрыгивает на него и говорит, обращаясь к толпе. Не важно о чем и как, лишь бы говорить. Видимо, это необходимо, чтобы компенсировать униженное молчание или перешептывание украдкой на протяжении двадцати лет подряд» [Ibid., p. 132]. Осознавая ущербность самоуклонения от политики и видя в этом истинную причину своего заключения, он мечтает, вернувшись, эту позицию изменить: «Политикой придется заниматься. Мы двадцать лет ею не занимались, и за это теперь мы здесь» [Guareschi, 2008, p. 326].

Раньше Гуарески интересовал только микромир, мелкие происшествия каждодневной жизни, смешное в быту, смешное в речи — и то, что над миром, вечное. Его космос состоял из непрерывной цепи повторяющихся мелочей, это был застывший мир вечных чувств и истин. Теперь он открывает для себя сложный мир актуальной реальности, важность злободневного, политического и даже геополитического. Можно сказать, что именно в лагере рождается Гуарески — политический журналист.

В лагере Гуарески впервые познакомился с представителями разных течений, в частности, с коммунистами и выработал по отношению к ним свою позицию: «Коммунизм привлекает многих. Но что такое коммунизм? Всего лишь очередной тоталитарный *-изм*» [Guareschi, 1949, p. 123]. По существу, любой *-изм* видится Гуарески тоталитарным, он не принимает никаких массовых идей и увлечений, полученных без личного усилия: «Истине нельзя научить. Ее нужно открывать, завоевывать, думать, выработать в себе сознание. Не искать того, кто будет думать за вас, кто научит вас быть свободными» [Ibid., p. 146].

В лагере политика «прорезалась» в тексты Гуарески, стала их фоном, основанием и мотором, заставляющим Гуарески размышлять, но она не стала еще тканью текста. Из лагеря Гуарески вынес пока что убеждение, что в современную эпоху политика стала первоочередным фактором в жизни и состоянии человека. В послевоенном мире она должна стать структурообразующим элементом каждой жизни, ибо ничто не может иллюстрировать человеческую доблесть и порок так, как расположение человека по отношению к процессам, происходящим в обществе, а следовательно, политическим процессам.

В лагере, имея наименьшую возможность писать, Гуарески определил и сформулировал свои принципы и задачи на послевоенное время: политическая сатира, активная гражданская позиция.

Вскоре после возвращения из лагеря Гуарески, вместе с Джованни Москкой, основал сатирико-политическую газету «Кандидо». Новое издание, с одной стороны, продолжало традицию «Бертольдо», с другой — качественно от него отличалось. «Кандидо», как и «Бертольдо», был юмористической газетой и сатирой нравов, но он был еще и политической газетой. Текстами и карикатурами Гуарески активно вступил в политические кампании, в том числе национального масштаба: перед референдумом о государственном строе (монархия или республика) 1946 г., перед выборами 1948, 1951 и 1953 гг.

В этот период, после падения фашизма, глубинная переоценка ценностей происходила во всем итальянском обществе. Переосмысляя поражение Италии в войне и фашистское двадцатилетие, культурный слой общества обратился к левым идеям, к коммунистической идеологии. Подготовленное двадцатилетним внедрением фашистской идеологии поколение легко переключилось на противоположную идеологию, тоже ориентированную на массу, готовую жертвовать индивидуальным ради массового, хоть и с другими ориентирами. Вместе с тем была воспринята интернационалистская риторика (которая в это время как раз резко закончилась в СССР).

На этом этапе оказалось неизбежным ценностное расхождение Гуарески с культурной средой. Гуарески декларировал и последовательно провозглашал систему ценностей, которая была противоположна левой части спектра общества и культурного контекста, для него истина — это христианская вера, стояние человека перед Богом, верность Церкви. Но Гуарески был чужд также и правым, во-первых, из-за его монархических взглядов, ставших крайне непопулярными и среди правых после референдума 1946 г., и, во-вторых, из-за его резко антипартийных настроений как таковых.

Не совпадая ни с одной партией, Гуарески посвятил себя политической журналистике. И тут Гуарески тоже занял особое место: его «Кандидо» отличался от всей современной ему журналистики. Отметим наиболее существенные отличия.

Прежде всего, тематика. Вопросы, которые поднимались на страницах «Кандидо», и угол зрения на актуальные политические события и обстановку в Италии и в мире резко противоположны левым и совершенно отличны от правых изданий. Казалось бы, все писали об одном и том же: об устройстве новой Италии, разрухе, борьбе правых и левых за власть, о выборе между монархией и республикой. Однако в сознании Гуарески политика занимала подчиненное место по отношению к этическим и нравственным категориям и смыслам. Гуарески вносил в политические дебаты ценностное видение, придавал сиюминутной борьбе измерение вечного, а подчас и онтологический характер. Именно поэтому получалось так, что он шел наперерез практически всем существовавшим в Италии политическим силам, не меняя позиции, оказывался в оппозиции к противоположным краям политического спектра. Благодаря ценностной ориентации, он не зависел ни от какой политической конъюнктуры и последовательно освещал и анализировал темы и факты, которые замалчивались или опускались другими изданиями. Множественные эпизоды насилия в Северной Италии после переворота 1943 г. с участием армии марионеточной Итальянской социальной

республики, партизанских отрядов и различных бандформирований до конца 1946 г. все стороны конфликта называли Гражданской войной в Италии. Начиная с конца 1946 г. левоориентированные группы отказались от этого термина: он постепенно вышел из употребления и был заменен на Сопротивление, борьбу за освобождение Италии от немецких захватчиков. Происходившие во время войны убийства итальянцами итальянцев, похищения и теракты пресса замалчивала, и только «Кандидо» постоянно публиковал материалы об эпизодах насилия, вне зависимости от их политического контекста. Эти публикации вызывали огромный общественный резонанс.

Еще одна особенность политической журналистики Гуарески — антипартийность. «Кандидо» — самое известное антикоммунистическое издание в послевоенной Италии, однако, каждый раз, как правящая Христианско-демократическая партия злоупотребляла властью, Гуарески тут же яростно ее обличал, не считаясь с последствиями: два его обличительных выступления — карикатура на президента Республики Эйнаути и публикация корреспонденции, приписываемой премьер-министру Де Гаспери, с комментариями — стоили ему двух судебных процессов и полутора лет в одиночной камере. То же касается и церкви: будучи безусловно на стороне традиционных ценностей — монархии и церкви, — Гуарески с большим сарказмом цитировал и комментировал все сообщения о выступлениях священноначалия об отлучении коммунистов от церкви, о запрете их погребения в освященной земле и о том, что всех коммунистов ждет ад.

Не менее важная особенность журналистики Гуарески — ее направленность на практическое созидание. Из многих примеров приведем два.

Первый касается возвращения пленных. Судьба тысяч солдат, не вернувшихся из России, оказалась неинтересна стране: никто не спешил искать могилы погибших и возвращать из лагерей выживших. Ни левая, ни правая пресса не упоминали о них. Даже в парадном обращении Папы к народам России (24.07.1952) не было ни слова об участии итальянских солдат. Практически кампанию по их возвращению, по поиску сведений об их гибели и местах захоронения вел один лишь «Кандидо». Очевидцы свидетельствуют, что незамысловатый плакат «Мама, проголосуй против них за меня», на котором был изображен итальянский солдат за колючей проволокой под знаком пятиконечной звезды, был невероятно эффективным.

Второй пример касается военнопленных, интернированных немцами и вернувшихся из немецких лагерей: они не находили в Италии ни работы, ни места, ни признания. Только Гуарески постоянно свидетельствовал о героизме и трагедии их «Белого сопротивления». Он не только писал о тех, кто вернулся из лагерей, об их проблемах и переживаниях, но через «Кандидо» предпринял большие акции по сбору денег для бывших интернированных. Именно Гуарески итальянская культура обязана сохранением памяти об итальянских военнопленных в немецких лагерях и недавним возрождением интереса к их истории.

Отметим и такую новую черту журналистики Гуарески, как интерактивность, невероятную для того времени: тысячи читателей «Кандидо» составляли своего рода виртуальное информационное агентство «Кандидоинформ» и состояли в переписке с главным редактором.

Гуарески первым откликнулся на интересующие его политические события: о ряде новостей, включая, смерть Сталина, итальянцы впервые узнавали не из новостных изданий, а именно из «Кандидо».

Важная особенность журналистики Гуарески — литературное переосмысление материала. Гуарески излагает события при помощи средств художественных более, чем публицистических, создавая прежде всего образ новости, моделируя ее эмоциональное восприятие.

Не только в журналистике реализовались политические установки Гуарески, но и в послевоенных рассказах, составивших цикл «Малый мир». В первые послевоенные годы политическое противостояние достигло невиданных масштабов, возвращение от Гражданской войны к мирной жизни было болезненным, красный и белый террор унес тысячи жизней. Процесс примирения требовал выработки новой общей почвы. Такой новой почвой стал для Гуарески «малый мир» Италии — это крестьянский мир Эмилии-Романьи (того региона Италии, где красный террор достиг апогея) и в то же время идеальный мир земли, новой земли, которая возвращает Италию к корням, к объединению, единству и миру. Для Гуарески такое возвращение возможно благодаря тому, что он отделяет уровень «политической принадлежности» и «партийного долга» от уровня личного, человеческих взаимоотношений, взаимоотношений с Богом, от уровня личной встречи и человеческого сердца. В рассказах особенно очевидно, что центральной ценностью для Гуарески является личная, индивидуальная совесть в оппозиции к массовому, партийному.

Если в довоенных повестях действие разворачивалось в условном времени и пространстве, и вне политики, то теперь Гуарески сам декларирует в своем предисловии, что мир рассказов «не фотография, но рентген» практически реально существующего места. Сразу же вводится и тема политического напряжения. «Это — итальянская политика с декабря 1946 по декабрь 1947 года. В общем, история одного года итальянской политики» [Гуарески, с. 31]. И действительно, политическое противостояние — коммунисты и католики, Народный Фронт и христианские демократы — лежит в основе почти всех сюжетных линий, а главное, определяет характеры главных персонажей и их взаимоотношения. Пружиной практически всех сюжетов цикла «Малый мир» является политическое противостояние мэра-коммуниста Пеппоне и священника дона Камилло, носителя правых убеждений и ценностей. Хотя дон Камилло и Пеппоне — идейные антагонисты, Гуарески дает им подчеркнуто много параллельных черт. У обоих много прекрасного героического общего в прошлом: оба участвовали в Первой мировой, потом в Сопротивлении, в партизанском отряде; оба имели дело с оружием; оба физически сильны; оба строят козни и хитрят.

О том, насколько образы Пеппоне и дона Камилло имеют одну основу, писали все, кто так или иначе анализировал тексты «Малого мира». Об этом говорит Симонетта Бартолини в статье «Гуарески-романист»: «Считать Пеппоне и дона Камилло двумя отдельными персонажами — заблуждение, ограничивающее наше понимание текста, они являются одним персонажем и это подтверждает сам Гуарески в рисунках, предваряющих главы: у них одни и те же черты лица, одинаковые фигуры; различаются только отличительные маркеры: ангельские

или дьявольские крылья, нимб у одного, хвост — у другого, туника и штаны с рубашкой» [Bartolini, p. 120]. Рисунки указывают, какой именно единый образ хочет создать Гуарески: «Дон Камилло и Пеппоне являют собой две души в одном-единственном персонаже — пережившем войну итальянце, о котором Гуарески рассказывает пережившим войну итальянцам» [Bartolini, p. 120]. Это преодоление политического разделения совершенно не предполагает политического компромисса. Для Гуарески ни в коем случае не равновелики две идеологии или «две веры». Принципиальная позиция автора состоит в том, что практически во всех рассказах «Малого мира» политическая конфронтация завершается торжеством христианских добродетелей. Политические разногласия побеждаются нормальными человеческими качествами, которые не могут не жить в душе обитателей «малого мира», в конкретных ситуациях они часто берут верх над коммунистической идеологией, которую Гуарески считает наносной.

Атмосфера реального страха, которая угадывается в тексте, рассеивается, разбиваясь о человеческое, «индивидуальное», «сентиментальное» и комическое. Даже во время противостояния герои разделяют эмоции друг друга. В одном из рассказов дон Камилло активно выступает против местных левых во время избирательной кампании и получает по спине дубиной поздним вечером. Он не знает, кто его ударил. Голос Христа велит простить. Но обида сидит, как кость в горле. Через некоторое время Пеппоне приходит на исповедь и признается, что это был он. Дон Камилло не может удержаться и, пока Пеппоне читает данную ему епитимью, дает ему большой силы пинок, обоим становится легко на душе.

Именно в рассказах «Малого мира» ярко проявляется самое существенное в отношении Гуарески к политике: она важна для него только как путь к утверждению ценностей, составляющих его этический мир.

Таким образом, политика, составляющая ядро содержания в журналистике автора, в его литературе становится материалом для разговора об этике, критерием нравственной позиции.

Гуарески Дж. Малый мир. Дон Камилло. М., 2012. 384 с. [Guareski Dzh. Malyj mir. Don Kamillo. M., 2012. 384 s.]

Bartolini S. Guareschi romanziere // Atti del convegno “Guareschi, un “Candido” nell’Italia Provvisoria”. Roma, 1998. 195 p.

Del Buono O. Amici, Amici degli Amici, Maestri. Milano, 1996. 180 p.

Guareschi G. Medico di turno // Corriere Emiliano. 1934. 5 ottobre.

Guareschi G. Diario clandestino. Milano, 1949. 212 p.

Guareschi G. Chi sogna nuovi gerani? Autobiografia. Milano, 1993. 680 p.

Guareschi G. Il grande diario. Giovannino cronista del lager 1943–1945, a cura di A. e C. Guareschi. Milano, 2008. 569 p.

Sommaruga C. Dati quantitativi sull’Internamento in Germania // Bendotti A., Valtulina E. Internati, prigionieri, reduci. La deportazione militare durante la seconda guerra mondiale (= Studi e ricerche di storia contemporanea. Anno XXVIII. N. 51. 1999).

Статья поступила в редакцию 14.07.2014 г.

УДК 821.161.1 Поплавский-14 + 82:2

М. А. Васильева

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ: ОБ ОДНОМ РОЖДЕСТВЕНСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Рассматривается отношение основных идеологов литературного процесса русского зарубежья «первой волны» Георгия Адамовича и Владислава Ходасевича к поэзии Бориса Поплавского. Анализируется влияние идей акмеизма и символизма на Парижскую ноту и влияние поэтических установок Парижской ноты на художественную систему Бориса Поплавского. Исследуется метрико-семантическая и образная составляющие стихотворения Поплавского «Рождество расцветает. Река наводняет предместья...» и его место в евангельском тексте русской литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия русской эмиграции; Парижская нота; символизм; акмеизм; семантическое пространство поэзии Бориса Поплавского; евангельские мотивы в русской поэзии; апокатастасис.

В главе «Трое» книги «Одиночество и свобода» (1955) выдающийся литературный критик русского зарубежья Георгий Адамович посвятил три последовательных очерка-воспоминания Борису Поплавскому (1903–1935), Анатолию Штейгеру (1907–1944) и Юрию Фельзену (1894–1943), подчеркнув, что все трое были причастны к «одной и той же литературной группе, которую принято называть “парижской”» [Адамович, 2002, с. 262]. Таким образом, сам основатель и адепт Парижской ноты подвел общий знаменатель, объединив очень разных писателей не просто по формальному, географическому, а по иному — поэтологическому, ментальному принципу в одно литературное течение.

Однако каковы были эти принципы? «Нам самим порой становилось скучновато без прежних литературных развлечений, и, случалось, мы спрашивали себя: а не выдумать ли какой-нибудь новый “изм”? Как же в самом деле без “изма”. Но для развлечений было неподходящее время...», — вспоминает Адамович [Адамович, 2000, с. 210]. Отсутствие жестких теоретических рамок парижской школы было прямым следствием недоверия литературного поколения русской эмиграции 1930-х гг. к агрессии «идей», не созвучных с жизнью, не проверенных опытом. По замечанию современного исследователя: «Точного определения Парижской ноте не дал ни сам Адамович, ни его приверженцы того времени, ни литературоведы, исследовавшие позднее поэзию эмиграции» [Жоростелев, 2000, с. 300]¹. Нельзя при этом не заметить, что многие концептуальные высказывания Адамовича звучат лапидарно, почти ультимативно: «Все, что в поэзии может быть уничтожено, должно быть уничтожено: ценно лишь то, что уцелеет»

¹ Об особенностях этого литературного течения, отмеченного не манифестами и программами, а исключительной, созвучной запросам времени атмосферой («нотой»), написано было немало и современниками Адамовича, и современными литературоведами. Библиография по данной тематике займет немало количество страниц. Назовем лишь несколько изданий [см.: Ливак; Демидова; Каспэ; Матвеева; Annick; Жоростелев, 2013 и т. д.]. Парижской ноте также посвящен ценный тематический номер «Литературоведческого журнала» (2008, № 22).

[Адамович, 2000, с. 207]. «Если поэзию нельзя сделать из материала элементарного, из “да” и “нет”, из “белого” и “черного”, из “стола” и “стула”, без каких-либо украшений, то Бог с ней, обойдемся без поэзии!» [Там же, с. 95]. Однако творческий результат Парижской ноты (не в узкоспециальном, а масштабном проявлении) создает весьма прихотливую картину, в которой максимы идеолога не соблюдаются по умолчанию, а нередко диссонируют с конкретными литературными опытами последователей. Все это говорит не об идейной слабости, а скорее о феноменальной жизненности и свободе школы, о способности преодолеть внутри себя формальные рамки, не изменяя при этом чему-то самому главному.

Если все же попытаться выстроить требования Адамовича к поэтике в последовательно развертываемую «теорию», то мы увидим не агрессивно-поступательное движение идеи к своему самообоснованию (то, что вроде бы и должна преследовать теория), а сложную, подвижную систему, прошитую глубинными конфликтами, — полемичным наследием Серебряного века. «Адамович — в полном смысле слова ровесник Серебряного века», — отмечает Олег Коростелев [Коростелев, 2013, с. 25], и одну из центральных полемик этой эпохи — спор символизма и акмеизма — Адамович не только впитал в себя как очевидец и участник этого противоборства, но и унес с собой в эмиграцию. Во многом этой глубинной полемикой прошита и Парижская нота, являя собой уникальный сплав антагонистических литературных течений.

С одной стороны, Адамович — идеальный член «Цеха поэтов» (причем в разных его вариантах и составах) и последователь акмеизма. В середине 1920-х гг., на заре становления Парижской ноты, литературный критик апеллировал к заветам Гумилева: «Настоящий поэт, если и не тяготится всем богатством находящихся в его распоряжении средств, то во всяком случае не дорожит ими. Он знает, что весь смысл творческого “пути” в постоянном отказе от всех побрякушек искусства, от всего, чем обыкновенно занимается и за что хвалят поэтов критики: от удивительных рифм, от неожиданных образов и прочая, и прочая. В первые свои годы он учится владеть этим, но во все последующие он учится обходиться без этого. Это как бы скорлупа на “вдохновении”, которую надо снять. Искусство тем чище, чем беднее на вид. Не совсем то, но что-то очень похожее на это — говорил Гумилев своим ученикам: он учил их простоте», — напишет он в «Литературных заметках»² [Адамович, 1998, с. 86]. Характерно это «не совсем то, но что-то очень похожее». Налицо опознавательные черты Парижской ноты. А между тем, выстраивая свою оригинальную художественную систему, Адамович опирался на фундамент акмеизма и транслировал ее через авторитет Гумилева.

С другой стороны, по истечении времени, когда Парижская нота стала не литературным проектом, а реальным литературным фактом, «остатки Гумилевской, цеховой выучки» [Адамович, 2000, с. 203] уже не воспринимались как главная опора и все больше осознавалось глубинное влияние на «ноту» антипода Гумилева — Александра Блока. Вплоть до признания: «А мы, с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он» [Там же, с. 208]. В «Комментариях» (1967), подводя итоги ушедшей межвоенной

² Звено [Париж]. 1924. 1 сент. № 83.

эпохи, Адамович отмечал: «Наши поэты, вероятно, удивились бы, если бы услышали, что по вине символизма (или благодаря ему) у музыки они в долгу...» [Адамович, 2000, с. 200]. И так, с одной стороны, акмеизм и Гумилев, который, по определению Адамовича, «решил свести поэзию с неба на землю» [Адамович, 1971]. С другой — символизм и Блок: «...если ценить в поэзии напев, ритм, интонацию, то по этой части соперника у Блока нет» [Адамович, 2000, с. 208].

* * *

Насколько вписывается в эту конфликтную поэтологическую установку Адамовича поэзия Бориса Поплавского? Рисуя портрет поэта в главе «Трое», автор «Одиночества и свободы» заметил, что «...до сих пор, даже среди самых страстных и убежденных почитателей Поплавского, нет единодушия, нет ясного понимания, кем и чем, собственно говоря, он был, что в нем их волнует и прельщает» [Адамович, 2002, с. 265]. Глава написана с максимальной редукцией «непредвзятых» критических суждений, неуместных для жанра *in memoriam*. В этих очерках благожелательность граничит с апологетикой, трогательная осторожность мэтра в обращении с «ушедшей натурой» заметно контрастирует с трезвой аналитикой обзоров и рецензий, написанных некогда, — в эпоху, когда все были живы³. Между тем именно в очерке о Борисе Поплавском «проза жизни» (повседневность, бытовые зарисовки, чем изобилуют воспоминания о Штейгере и Фельзене) почти полностью выведена за скобки, разговор идет прежде всего о литературе. Создается зыбкое впечатление от этого посмертного литературоведческого очерка: при мощном идейном зачине — безоговорочном причислении Поплавского к одной литературной группе и утверждении, что Поплавский в этой группе был «явлением исключительным» — Адамович уходит от завершенных формулировок, от попытки «объяснить» феномен поэта⁴. А «суд окончательный, хотя и не всегда безошибочный» — «суд времени» — автор книги возлагает в самом начале главы на некоего «будущего историка», замечая, при этом, что и вся глава была написана им с «мыслью о будущем» [Адамович, 2002, с. 264]. Не беря на себя миссию «будущего историка» («лица проблематического», по определению самого автора «Одиночества и свободы»), попробуем воспринять очерк Адамовича о Поплавском как некое задание, не претендуя ни на окончательность, ни на безошибочность.

* * *

В очерке о Поплавском сказано: «...он писал прелестные, глубоко музыкальные стихи, такие, которыми нельзя было не заслушаться, даже в его монотонно-певучем чтении» [Адамович, 2002, с. 265]. Наблюдение о музыкальности стихов Поплавского Адамович сделал задолго до посмертного очерка. Но изменилось

³ Наиболее заметная рецензия, написанная Адамовичем при жизни Поплавского, — на поэтический сборник «Флаги» [Адамович, 1931].

⁴ Отношение Адамовича к Поплавскому на протяжении многих лет отличалось заметной переменчивостью. «...Ему было чуждо многое, что внушено было крушением нашего мира и образовавшейся пустотой, — напишет он о Поплавском в “Комментариях”. — А “нота”, конечно, была с этим связана» [Адамович, 2000, с. 96].

отношение к этой музыкальности. «У Поплавского избыток музыки, подлинный “пир” ее и именно потому, что музыка эта не пропитана мыслью, не “стерилизована” разумом, — она превращается в какой-то скоропортящийся продукт», — напишет он в прижизненной рецензии на сборник «Флаги» [Адамович, 1931]. В книге «Одиночество и свобода» словно меняется фокус зрения. Причин несколько, одна из них — эволюция отношения самого Адамовича и к поэзии Поплавского, и к наследию символизма. Не случайно именно Блока он назовет «предшественником и отчасти учителем» Поплавского [Адамович, 2002, с. 269].

Это замечание совпадает с позицией самого поэта. В «Тезисах к докладу о книге Георгия Иванова “Петербургские зимы”» он постулирует: «*За и против* Блока — вот как надо было бы разделить эмиграцию. Иванов — против, я — за, но Иванов — честный противник» [Поплавский, т. 3, с. 24]. Достаточно сослаться на ряд программных докладов и статей Поплавского, чтобы напомнить, какое значение в его художественной системе играла музыка («О согласии погибающего с духом музыки», 1929; «О мистической атмосфере молодой эмигрантской литературы в эмиграции», 1930; «По поводу...», 1930–1931; «С точки зрения князя Мышкина», 1933 и т. д.), достаточно привести его программные заявления: «Что есть этот дух музыки для нас: некое чистое поступательное движение силы изнутри, развивающей все» («О согласии погибающего с духом музыки» [Там же, с. 25]), «Потому что только погибающий согласуется с духом музыки, которая хочет, чтобы симфония мира двигалась вперед» («О мистической атмосфере молодой эмигрантской литературы в эмиграции» [Там же, с. 48]), «Мир оправдывается музыкой» («По поводу...» [Там же, с. 75]). Вместе с тем в музыкальной приверженности Поплавского не все так безоглядно, бессознательно и стихийно. Если взять во внимание ставшее уже хрестоматийным сопоставление музыкальности символизма и графичности (живописности) акмеизма, то поэзия Поплавского может служить примером поиска хрупкого баланса между этими двумя мирами с четким осознанием опасности их избытка. Его замечания как художника, глубоко интересующегося и живописью, и музыкой, служат тому примером: «...если о поэтах часто говорят, что им следует бояться музыки стиха, то и живописцам следует, вероятно, немного “бояться живописи”, ибо чем могущественнее “оргия” красивых сочетаний, тем сомнительнее иногда кажется будущее художников» («Групповая выставка “Чисел”» [Там же, с. 95–96]).

Еще одно замечание Адамовича о Поплавском, это то, что «стихи все-таки едва ли оказались бы лучшим, ценнейшим, что он способен был бы оставить» [Адамович, 2002, с. 266]. Такова была точка зрения Адамовича, также перешедшая из ранней рецензии на «Флаги», в которой он пишет: «Несмотря на то что у Поплавского создалась репутация поэта *par excellence*, ему, может быть, не в стихах суждено окончательно высказаться» [Адамович, 1931]. Как видим, своей позиции литературный критик не изменил и со временем. Однако это соображение выглядит весьма парадоксально на фоне рассуждений о необычайной музыкальности поэзии Поплавского. Между тем в своих сомнениях Адамович был не одинок. Так, его идейный противник Владислав Ходасевич в статье, написанной после смерти Поплавского, высказал похожую мысль: «Я лично мало знал Поплавского, но поскольку слышал о нем, — я глубоко уверен, что в последнее время

самое ремесло поэта его менее интересовало, чем прежде. <...> Быть может, он перестал бы писать стихи, перейдя на прозу всецело» [Ходасевич]. Причину подобного поэтического угасания Ходасевич видел в том, что у Поплавского «работа над собою как человеком совершалась в нем не параллельно работе поэтической, как бы следовало, — а за счет этой второй работы и в ущерб ей» [Там же]. Это предположение почти совпадает с замечанием Адамовича, что Поплавский «полной грудью дышал лишь тогда, когда грань между искусством и личным документом, между литературой и дневником, начинала стираться» [Адамович, 2002, с. 267].

Однако обратимся к самому Борису Поплавскому. В дневниковой записи от 27 декабря 1928 г. мы находим идеальную иллюстрацию этих наблюдений: «По-нашему же, поэзия должна быть личным, домашним делом; только тот, кто у себя дома в старом рваном пиджаке принимает вечность и с ней имеет какие-то мелкие и жалостно-короткие дела, хорошо о ней пишет» [Поплавский, т. 3, с. 413]. Между тем эта мысль существует в контексте объемной записи, крайне любопытной своими теоретическими выкладками и характерными упоминаниями как достижений символизма, так и литературного опыта Гумилева. Есть в ней и такие строки: «...тенденция к повышению ценного в искусстве находится, как нам кажется, в настоящее время в стороне искания наиболее индивидуального, наиболее личного и неповторимо субъективного миро- и духоощущения. Но каковы же его опасности? Они велики. Стремясь к дневниковому, к домашнему, к “нелитературному” в дурном смысле этого слова, можно так углубиться в свое, одному себе понятное, что предел этой тенденции ведет постепенно через суживание круга читателей до полной криптографичности, до никому непонятности, до никому неценности. <...> Ибо совершенно правильно, что мы в художнике отчасти ищем и не себя, а, наоборот, ищем потерять себя, временно другую, новую, отраженную жизнь прожить» [Там же, с. 410–411].

Таким образом, поэтическая система Поплавского представляет собой сочетание примата музыки, с одной стороны, и человеческого документа — с другой. В то же время эти две полярные величины пропущены самим Поплавским через критическое осмысление опасности их избытка, т. е. предполагают необходимость механизма сдерживания. Все это в немалой степени оспаривает соображение Ходасевича, что «у Поплавского был ослаблен инстинкт поэтического самосохранения» [Ходасевич]⁵. В случае с Поплавским, особенно поздним, автором стихов, вошедших в посмертный сборник «Снежный час» (1936), мы имеем дело с последовательным решением целого ряда сложнейших поэтических задач, антагонистичных, но в конечном счете органично соответствующих поэтике Парижской ноты — с ее причудливым сплавом заветов акмеизма и символизма и с ее глубинным соответствием духу времени.

---

⁵ Ходасевич и здесь пересекается с одним из критических замечаний Адамовича, высказанных в «Комментариях» в адрес Поплавского, «не имевшего к ней [Парижской ноте. — М. В.] кстати сказать, почти никакого отношения, творчески слишком непосредливого и в даровитости своей слишком расточительного, чтобы какую-либо дисциплину принять» [Адамович, 2000, с. 94].

Адамович заметил, что сборник «Снежный час» — «наиболее замечательная книга стихов Поплавского» [Адамович, 2002, с. 268]⁶. Как иллюстрацию он приводит из этого сборника стихотворение «Рождество расцветает. Река наводняет предместья...». Приведенные три строфы стихотворения оказываются единственной поэтической цитатой из Поплавского (впрочем, заметим, что в очерке об Анатолии Штейгере поэтических цитат нет вовсе). Ее одинокое присутствие в главе «Трое» наводит на мысль, что именно рождественское стихотворение из сборника «Снежный час» идеолог Парижской ноты рассматривал как наиболее показательное, как одно из лучших в творческом наследии поэта.

Обратимся и мы к этому стихотворению. Впервые оно появилось в печати еще при жизни Поплавского в журнале «Современные записки» (1932, № 49, с. 210) без даты и разделения на строфы. В посмертном сборнике «Снежный час» есть также ряд разночтений с прижизненной публикацией. Адамович цитирует вариант, опубликованный в «Снежном часе», датируемый 1930–1931 гг. Приведем его полностью:

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
Ровной синию нотой звучит на замерзшем пруде.

Четко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь,
Приближается кто-то и долго стоит у стены,
А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
Скала белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего всё темно и очерчено четко везде?
За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье
Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как всё чисто и пусто. Как всё безучастно на свете.
Всё застыло, как лед. Всё к луне обратилось давно.
Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете
Нарисована елка. Как страшно смотреть на нее.

Тихо в черном саду, диск луны отражается в лейке.
Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
Далеко за луной и высоко над жесткой скамейкой
Безмятежно нездешнее млечное звезд торжество.

Всё как будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
Тишины и природы, и всё ж мы теперь прощены.

⁶ Гайто Газданов, например, считал, что «это книга менее замечательная, менее эффектная и почти тусклая по сравнению с прежними стихами Поплавского» [Газданов, с. 465]. Критично о ней отзывался Ходасевич, заметив, однако, что именно в этой книге «в сравнительной и нарочитой тусклости <...> отчетливо обозначается уже собственный поэтический облик Поплавского» [Ходасевич].

Мерная мелодичность стиха обеспечена напевным пятистопным анапестом с попеременным чередованием женской и мужской рифм. Медитативная певучесть длинной строки тяготеет к отдельной мелодико-эмоциональной традиции русского стиха⁷, имеющей мало общего с метрически «сжатой» традицией эмигрантской лирики, возникшей во многом под влиянием стихов Адамовича, написанных, как правило, пятистопным ямбом⁸. Есть и еще одна особенность стихотворения, контрастирующая с устойчивым стремлением Парижской ноты к «личному литературному аскетизму» [Адамович, 2000, с. 93]. В стихотворении немало отвлеченно-возвышенных образов, соответствующих художественному коду символизма: «синяя нота», «холодный огонь вышины», «нездешнее млечное звезд торжество», «призраки жизни», «осыпая сиянья».

Образное и метрико-семантическое сближение с традициями символизма не отменяло, однако, устойчивого интереса Поплавского к поэтике акмеизма. Так, в «Тезисах к докладу о книге Георгия Иванова “Петербургские зимы”» он заметит, характерно высвечивая и объединяя образы Блока и Гумилева: «...книга крайне пластично, акмеистически написана, в ней много вещей, тостов, галстуков, бутылок. Но, по-моему, недостаточно. Я был бы благодарен еще больше Иванову, если бы он во второй книге своих воспоминаний пятьдесят страниц, например, посвятил описанию, какие, например, были у Блока уши, ногти, ботинки, как Гумилев ставил ногу <...> подробно, так страницах на сорока, описал бы письменный стол Гумилева или Блока и т. д.» [Поплавский, т. 3, с. 24]. Здесь нет и доли иронии, интерес к «чудовищно-уплотненной реальности» (из определения акмеизма у Осипа Мандельштама [Мандельштам, с. 511]), к четко прописанной детали у Поплавского был во многом связан с его увлечением изобразительным искусством.

Этой акмеистической силой вещей, максимальной приближенностью к предметному миру проникнуто и его рождественское стихотворение. Оно насыщено такими обыденными реалиями, как «паровозы», «крыши», «трамваи», «псы», «газета», «скамейка», «лейка», «стена» и т. д. Образы надмирные, взезные, космические в каждой строфе соседствуют с графически-зримой, *вещной* акмеистической деталью. В итоге архитекtonика стиха создает впечатление головокружительного раскачивания между небом и землей, строфы попеременно выстраивают траекторию: вверх — вниз — снова вверх, при этом скорость движения мысленного маятника к финалу стихотворения убыстряется. Целым рядом образов Поплавский достигает максимальной стяженности небесного и земного, соединяя явления вселенского масштаба и предметную реальность: космическое переходит в земное мгновенно, и также земное оказывается органичной частью небесного. Причем в каждой строфе это расстояние становится все короче: «высокий декабрьский месяц ровной синевой нотой звучит на замерзшем пруде», «запоздалых трамваев звучанье затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде», «скала белые зубы в холодный огонь вышины», «диск луны отражается в лейке», «Есть ли елка в аду?» и т. д.

⁷ Очень ценные наблюдения об отдельном метрико-тематическом интересе эмигрантской поэзии к пятистопному анапесту см. в статье: [Сошкин].

⁸ См. об этом исчерпывающую статью Олега Коростелева «Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции. Реплика к старому спору о влияниях» [Коростелев, 2013, с. 183–194].

* * *

Рождественское стихотворение Поплавского прочно вписано в евангельскую традицию русской литературы. Это стихотворение занимает, однако, особое место в сквозном рождественском сюжете отечественной поэзии. От идиллической рождественской картинке здесь не осталось и следа. Рождественский пейзаж насквозь пропит одиночеством, холодом, молчанием, неизбежной тоской. Единственным противовесом безрадостного ландшафта становится финальная фраза, берущая на себя роль коды: «...и всё ж мы теперь прощены». В то же время насквозь лишенное оптимизма «праздничное» стихотворение Бориса Поплавского далеко не одиноко в русской лирической традиции. Оно существует в контексте целого ряда выдающихся поэтических опытов на евангельскую тематику — таких, например, как «Рождественский романс» Иосифа Бродского или «На страстной» Бориса Пастернака. Так же, как у Поплавского, мощным противовесом общему безрадостному фону в этих произведениях служит финал, в котором заложена надежда на чудо (прощение-искупление у Поплавского, «чудо над хлебами» — у Бродского, Воскресение — у Пастернака). Так же, как и у Поплавского, в стихотворениях Бродского и Пастернака чуду предстоит крайне зыбкая, пропитая холодом и печалью атмосфера («морозный ветер, бледный ветер», «тоска необъяснимая» у Бродского; «до рассвета и тепла еще тысячелетье», «ужас», «тревога» у Пастернака). Объединяет эти стихотворения и переданный различными поэтическими средствами космологический образ «раскачивания» мира («как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево» у Бродского, «колеблется земли уклад» у Пастернака). Рождественский текст Бродского в той же степени проникнут драматичной гаммой переживаний, что и скорбный страстной сюжет у Пастернака. Однако именно в таком зыбком, холодном, исполненном напряженного ожидания лирическом пространстве еще сильнее ощущается проницаемость мира и реальная возможность встречи с реальной тайной.

В то же время из всех названных стихотворений рождественское стихотворение Бориса Поплавского, пожалуй, наиболее «ледяное», наиболее пронизано чувством богооставленности («Как всё чисто и пусто. Как всё безучастно на свете. / Всё застыло, как лёд. Всё к луне обратилось давно»). Есть в этом стихотворении эсхатологические аллюзии, которые еще больше усугубляют безрадостную атмосферу стиха. Жесткого диссонанса между атрибутами праздника и трагическим мироощущением лирического героя Поплавский добивается антитезой и одновременно все той же максимальной стяженностью земных и небесных реалий: «Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?» В первом случае рождественский символ (елка) берет на себя функцию акмеистической *вещи* и напрямую соседствует с метафизикой ада. В следующем предложении все меняется местами: Рождество соседствует с предметной, земной реальностью тюрьмы⁹. Однако именно эти вопрошания «в пустоту», где можно

⁹ Зеркальный образно-смысловой ряд Поплавский выстраивает в стихотворении «Рука судьбы проворна и грязна...» (1926):

Скажи в раю читают ли стихи
Причины безыскусные листая
Прощают ли земле ее грехи

[Поплавский, т. 1, с. 161]

было бы увидеть только эпатирующую читателя крайность и горькую иронию, придают семантической перспективе стихотворения совершенно особый — поистине глобальный размах. Рассматривать эти строки в совсем ином аспекте нам позволяет финальная фраза стиха, где утверждается идея прощения.

Тему прощения (спасения, искупления) можно назвать сквозной в философской системе Бориса Поплавского. Первые дневниковые записи поэта 1921 г. предваряются эпиграфом из Библии: «Этот год будет годом скорби для Иакова, однако в нем найдет он спасение» [Поплавский, т. 3, с. 153]. Цитата из «Книги пророка Иеремии» (Иер. 30:5–7), в которой тот предвещал разрушение Иудейского государства и возвращения народа Божия в свою страну после 70 лет вавилонского плена, сделана поэтом в Константинополе, в самом начале эмиграции. Дневниковые записи Поплавского разных лет постоянно будут возвращаться к теме спасения.

Парадоксальным стяжением образов *елки и ада, тюрьмы и Рождества*, наложенных на контекст финальной коды стихотворения — темы прощения — Поплавский также обращается к одному из самых спорных и многозначных христианских сюжетов, глубоко связанных с проблемой апокатастасиса (полного восстановления, всеобщего спасения)¹⁰. Если учесть, что в ряде канонических текстов, например, в «Первом соборном послании святого апостола Петра», ад напрямую сравнивается с темницей¹¹, то тогда оба вопрошания Поплавского, где ад и тюрьма, елка и Рождество представлены в максимальной стяженности — отсылают к новозаветному событию сошествия Христа во ад. Посещение Христом бездны ада — одна из основных тем Откровения Иоанна Богослова: «Я есмь Первый и Последний и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, (аминь); и имею ключи ада и смерти», — говорит Спаситель в Апокалипсисе (Откр. 1:17–18).

Искупительный подвиг Христа, его победа над смертью и воскрешение павшего человечества во многих святоотеческих текстах и в иконографии Пасхи изображаются как сокрушение темницы, ее врат, замков и запоров. В «Беседе о кладбище и о кресте» Иоанна Златоуста так описывается сошествие Христа во ад: «Сам Царь пришел к узникам, не устыдившись ни темницы, ни узников, — не мог же Он устыдиться тех, кого создал, — и сокрушил врата, сломал засовы, предстал аду, всю стражу его оставил в одиночестве и, взяв тюремного надзирателя связанным, так взошел к нам» [цит. по: Иларион (Алфеев), 2001, с. 87]. Учение о сошествии во ад непосредственно связано с пасхальными событиями. Однако земная жизнь Спасителя как искупительный подвиг — это путь от Рождества до Воскресения, или, по замечанию митр. Илариона (Алфеева), «крестная смерть Спасителя стала увенчанием того пути истощания-кенозиса, который начался

¹⁰ В русском зарубежье литература об апокатастасисе была значительно пополнена С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским и др. В этом контексте обращает на себя внимание оценка Поплавским бердяевских воззрений в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (Париж, 1931), где отдельную главу Бердяев также посвятил проблеме апокатастасиса [см.: Поплавский, т. 3, с. 110–119].

¹¹ «Христос, чтобы привести вас к Богу, однажды пострадал за грехи (ваши), Праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сошел, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды. Так и нас ныне подобное сему образу крещение... спасает воскресением Иисуса Христа...» (1 Пет. 3:18–21).

с рождения Христа от Девы и продолжался в течение всей Его земной жизни» [Иларион (Алфеев), 2008, с. 597].

В таком контексте наиболее драматичные строки-вопросания стиха Поплавского оказываются не безответными, при максимальной экономии поэтических средств именно они намечают куда более сложную траекторию, нежели мерное раскачивание «маятника» между небом и землей. Это движение-раскачивание усложнено траекторией от небес до бездны с продолжением возвратной траектории — на небо. В богослужебных текстах Великой Субботы говорится: «На землю сшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего Владыко, даже до ада снизшел еси ищай» («Ты сошел на землю, чтобы спасти Адама, но, не найдя его на земле, сошел в поисках его даже до ада»)¹². Именно это дает нам повод видеть в эсхатологических аллюзиях стихотворения «Рождество расцветает. Река наводняет предместья...» не иронию или горькую усмешку, а глубокое осмысление идеи спасения — прощения — искупления.

В случае со стихотворением Бориса Поплавского мы имеем дело с крайне многозначным, глубинным залеганием смыслов, где полемический опыт Парижской ноты (балансирование между «отвлеченной вечностью» символизма¹³ и акмеизмом, вернувшим, по определению Адамовича, поэзию «с неба на землю») был значительно дополнен и переосмыслен. По большому счету, в этом рождественском поэтическом опыте Поплавский идеально воплощал свою же мысль: «...только тот, кто у себя дома в старом рваном пиджаке принимает вечность и с ней имеет какие-то мелкие и жалостно-короткие дела, хорошо о ней пишет».

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1931. 16 апр. № 3676. [Adamovich G. Literaturnye zametki // Poslednie novosti. 1931. 16 apr. № 3676.]

Адамович Г. Гумилев (1921–1971) // Новое русское слово. 1971. 5 сент. [Adamovich G. Gumilev (1921–1971) // Novoe russkoe slovo. 1971. 5 sent.]

Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные беседы : «Звено»: 1923–1926. Кн. 1 / вступ. ст., сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб., 1998. 575 с. [Adamovich G. V. Sobr. soch. Literaturnye besedy : «Zveno»: 1923–1926. Kn. 1 / vstup. st., sost. i primech. O. A. Korosteleva. SPb., 1998. 575 s.]

Адамович Г. В. Собр. соч. : Комментарии / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб., 2000. 757 с. [Adamovich G. V. Sobr. soch. : Kommentarii / sost., poslesl., primech. O. A. Korosteleva. SPb., 2000. 757 s.]

Адамович Г. В. Собр. соч. : Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб., 2002. 476 с. [Adamovich G. V. Sobr. soch. : Odnochestvo i svoboda / sost., poslesl., primech. O. A. Korosteleva. SPb., 2002. 476 s.]

Газданов Г. Борис Поплавский. «Снежный час» // Современные записки. 1936. № 61. [Gazdanov G. Boris Poplavskij. «Snezhnij chas» // Sovremennye zapiski. 1936. № 61.]

Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике: 1913–1917 / сост. А. Чабан и О. Лекманова ; предисл. О. Лекманова. СПб., 2014. С. 84–90. [Gorodeckij S. Nekotorye techenija v sovremennoj russkoj poezii // Akmeizm v kritike: 1913–1917 / sost. A. Chaban i O. Lekmanova ; predisl. O. Lekmanova. SPb., 2014. S. 84–90.]

---

¹² Утренняя Великой Субботы, Похвалы, статья первая, глас 5, ст. 25.

¹³ Здесь цитируем и отсылаем к программной статье Сергея Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913) [Городецкий, с. 89].

Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании : Литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003. 296 с. [Demidova O. R. *Metamorfozy v izgnanii : Literaturnyj byt russkogo zarubezh'ja*. SPb., 2003. 296 s.]

Иларион (Алфеев), епископ. Православие. Т. 1. М., 2008. 864 с. [Parion (Alfeev), episkop. *Pravoslavie*. T. 1. M., 2008. 864 s.]

Иларион (Алфеев), игумен. Христос — победитель ада: Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2001. 432 с. [Parion (Alfeev), igumen. *Hristos — pobeditel' ada: Tema soshestvija vo ad v vostochno-hristianskoj tradicii*. SPb., 2001. 432 s.]

Каспье И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005. 192 с. [Kaspje I. *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury*. M., 2005. 192 s.]

Коростелев О. А. «Парижская нота» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2 Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 300–303. [Korostelev O. A. «*Parizhskaaja nota*» // *Literaturnaja jenciklopedija russkogo zarubezh'ja*. 1918–1940. T. 2 Periodika i literaturnye centry. M., 2000. S. 300–303.]

Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013. 492 с. [Korostelev O. A. *От Adamovicha do Cvetaevoj: literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ja*. SPb., 2013. 492 s.]

Мандельштам О. Утро акмеизма // Акмеизм в критике: 1913–1917 / сост. А. Чабан и О. Лекманова ; предисл. О. Лекманова. СПб., 2014. С. 511–518. [Mandel'shtam O. *Utro akmeizma // Akmeizm v kritike: 1913–1917 / sost. A. Chaban i O. Lekmanova ; predisl. O. Lekmanova*. SPb., 2014. S. 511–518.]

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоемигрантов. Екатеринбург, 2008. 196 с. [Matveeva Ju. V. *Samosoznanie pokolenija v tvorchestve pisatelej-mladoemigrantov*. Ekaterinburg, 2008. 196 s.]

Поплавский Б. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения / сост., вступ. ст., коммент. Е. Менегальдо ; подгот. текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009. 560 с. ; Т. 3 : Статьи. Дневники. Письма / сост., коммент., подгот. текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009. 624 с. [Poplavskij B. *Sobr. soch. : v 3 t. T. 1 : Stihotvorenija / sost., vstup. st., komment. E. Menegal'do ; podgot. teksta A. N. Bogoslovskogo, E. Menegal'do*. M., 2009. 560 s. ; T. 3 : Stat'i. Dnevniki. Pis'ma / sost., komment., podgot. teksta A. N. Bogoslovskogo, E. Menegal'do. M., 2009. 624 s.]

Сошкин Е. Между могилой и тюрьмой : «Голубые глаза и горячая лобная кость...» на стыке поэтических кодов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/542513.html> (дата обращения: 05.07.2014). [Soshkin E. *Mezhdu mogiloj i tjur'moj : «Golubye glaza i gorjachaja lobnaja kost'...» na styke pojeticheskikh kodov* [Electronic resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/542513.html> (mode of access: 05.07.2014).]

Ходасевич В. Книги и люди. Два поэта: Рецензия на посмертные сборники стихов Н. П. Гронского и Б. Ю. Поплавского // Возрождение. 1936. 30 янв. № 3984. [Hodasevich V. *Knigi i ljudi. Dva pojeta: Recenzija na posmertnye sborniki stihov N. P. Gronskogo i B. Ju. Poplavskogo // Vozrozhdenie*. 1936. 30 janv. № 3984.]

Annick M. De l'Émigré au déraciné: la «jeune génération» des écrivains russes entre indentité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne, 2010. 400 p.

Livak L. How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison, 2003. xi + 316 p.

Статья поступила в редакцию 03.09.2014 г.

УДК 821.161.1 Осипов + 821.161.1 Кузнецов + 94(57)

А. И. Разувалова

**«ОТТЕПЕЛЬ» В СИБИРИ:
ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МИФА
В СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-х гг.
(на материале произведений В. Осипова и А. Кузнецова)***

Художественные репрезентации Сибири в прозе и публицистике периода «оттепели» анализируются в контексте идеологии «обновления» социализма. В статье рассматривается, как идея промышленного освоения региона актуализирует специфические для колониального дискурса смыслы и порождает особую романтическую поэтику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «оттепель»; сибирский миф; идеология модернизации; колониальный дискурс.

Символическое конструирование того или иного региона в литературе, как правило, коррелирует с провозглашаемыми государством идеологическими, политическими, культурными приоритетами. Образ территории и поэтика ее художественных репрезентаций «откликаются» на предлагаемые программы развития социума, нарративизируя и метафоризируя их. Поэтому воспроизведение художественной словесностью образа того или иного региона сколь литературно (и может быть рассмотрено как сугубо эстетическое образование), столь и идеологично. Второй аспект, связанный со способностью литературы наделять смыслами те или иные сегменты социального пространства, предлагать систему ориентации в нем¹, и будет меня занимать.

В центре статьи — семантическая реконфигурация образа Сибири в «оттепельный» период (1956–1964). «Оттепельные» вариации мифологемы Сибири рассматривались в содержательной статье Т. Л. Рыбальченко. Автор справедливо обратила внимание на ключевую роль образа докультурного пространства, осваиваемого героями-демиургами, значимость мотивов инициации и сюжетных ситуаций, связанных с преодолением индивидуализма [Рыбальченко]. Наблюдения исследовательницы, сами по себе тонкие и точные, сделаны по большей части на материале прозы первой половины 1960-х гг. (В. Аксенов, В. Максимов, В. Чивилихин, А. Рекемчук, исключение составляет лишь «Иркутская история» А. Арбузова (1959)), т. е. периода, когда культурный язык «оттепели» уже откристаллизовался. Мне бы хотелось сосредоточить внимание на ранних образцах «оттепельной» литературы, с одной стороны, более очевидно связанных с соцреализмом, с другой стороны, заложивших основы сюжетно-риторического «оттепельного» «канона». Речь пойдет об очерках В. Осипова «Тайна Сибирской

* Статья написана в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-24003.

¹ Пионерской в отечественной гуманитарной традиции в разработке данного подхода стала книга А. Л. Зорина «Корма двуглавого орла...» [Зорин]. См. обсуждение в связи с этой публикацией вопроса о методологии анализа идеологических моделей и роли литературы в их продуцировании [Живов; Форум Ab Impero].

платформы» (1958) и повести А. Кузнецова «Продолжение легенды» (1957). Двойственность «оттепели», в которой очевидные, хоть и непоследовательные десталинизаторские усилия сочетались со стремлением усовершенствовать культурные парадигмы сталинизма [см.: Прохоров, с. 12], обнаружила себя в особенностях истолкования сибирского мифа, выдвинувшегося на короткий срок в репертуаре территориальных мифов на первый план, и реанимации колонизаторских подтекстов советского проекта.

В мае 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР призвали молодежь активно участвовать в промышленном освоении Сибири и Дальнего Востока. Это обращение дало старт соответствующей пропагандистской кампании² и массовым мероприятиям по «вербовке» рабочей силы. О реальном среднем возрасте преобразователей восточных окраин судить сложно, но журнальные публикации и литература усиленно варьировали мотив молодости будущих сибиряков, акцентируя параллель между современными событиями и индустриализацией названных регионов в 1930-е гг. [см.: Левина, с. 93; Марков, с. 1]. В редакционной статье «Литературной газеты», появившейся через несколько дней после обращенного к молодежи призыва власти, был эксплицирован образно-мотивный ряд, актуальный для «оттепельного» мифа о Сибири, — молодость строителей, культурно-географическая амбициозность начатого проекта, радикальность осуществляемой модернизации:

Мы являемся свидетелями развертывающегося величайшего похода за хозяйственное освоение просторов, равных территориям десятков иных государств. На советский Восток стремятся когорты нового поколения советских людей, воспитанных партией, грамотных, опытных, несущих с собой культуру, передовую науку. Они заложат новые города, промышленные центры, откроют институты, университеты, театры, протянут нити дорог... [На Восток, с. 1].

«Тайна Сибирской платформы», дебютная книга В. Осипова, который в качестве корреспондента «Комсомольской правды» в 1956 г. был командирован на алмазные месторождения Якутии, была построена на комбинации названных мотивов. Весомости публикации молодого журналиста придало предисловие признанного авторитета в области научно-приключенческой литературы И. А. Ефремова, в 1930-е гг. участвовавшего в геологических экспедициях. В 1959 г. на основе очерка «Неотправленное письмо» режиссером М. Калатозовым и оператором С. Урусевским был снят одноименный фильм с участием звезд советского кино (И. Смоктуновского, Е. Урбанского, Т. Самойловой), который демонстрировался в программе Каннского кинофестиваля (1960). Вызвавшие широкий отклик очерки Осипова замечательны в плане приспособления к новым

² С мая 1956 г. советская периодическая печать делает тему хозяйственного освоения восточных районов страны первостепенной. Очерки с места событий, проза и поэзия, живописующие подвиги покорителей суровой сибирской природы, изображение широкомасштабного строительства живописью и кинематографом в конце 1950-х гг. имеют довольно очевидный агитационный заряд (например, в сентябрьском номере «Юности» выходит написанный на злобу дня «агитационный материал» — водевиль Ц. Солодаря «Сибирячка», где в дидактическо-комическом ключе разоблачаются мещанские настроения части молодежи, пренебрегшей возможностью испытать себя суровой трудовой жизнью, и одновременно поется утрированно-романтический гимн сибирским красотам [см.: Солодарь]).

культурно-идеологическим ориентирам концептов сталинской культуры (война, семья, мужественность и др.) [см. Прохоров, с. 80–81] и характерных для прежней эпохи принципов конструирования сибирского пространства.

Актуальность темы Сибири — страны сказочных природных богатств и необозримых просторов — по верному замечанию П. Вайля и А. Гениса, во второй половине 1950-х гг. оказалась связанной с попыткой «обновить» социализм: «Если вновь доставать измызганные идеалы, то делать это следует в девственной сибирской стране. Не расчищать руины неудавшегося социализма, а строить его заново» [Вайль, Генис, с. 594]. Индустриальная и культурная экспансия в Сибирь, открывшая новую фазу советской модернизации, имела выраженные колонизаторские коннотации³ (правда, надо иметь в виду всю специфичность последнего понятия по отношению к советской истории второй половины XX в.).

В «Тайне Сибирской платформы» последствия неосознанно применяемой колонизаторской оптики сказываются практически на всех уровнях текста. Осипову, например, крайне важно подчеркнуть значимость словно обретаемой заново — теперь в акте хозяйственно-культурного освоения — географической периферии. Структурно воображаемое пространство СССР в его очерках организовано так, чтобы читатель обратил внимание на смещение центра на восток («тронулась земля на восток» [Осипов, с. 81]). Внутри гигантского территориального ареала очеркист обозначает новые семиотически нагруженные точки, расположенные «далеко от Москвы». Называя третью главу книги «Все дороги ведут на восток» [Там же, с. 67] и обыгрывая средневековую поговорку об имперском устройстве «Все дороги ведут в Рим», он осуществляет инверсию традиционной асимметрии центра и периферии:

...с кем бы я ни познакомился в ту ночь во Внуково, с кем бы ни разговорился — все, словно заранее условившись, летели только на восток. Казалось, что и самолеты, по тайному сговору пассажиров с дирекцией аэропорта, следуют исключительно в одном направлении: Омск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск! [Там же, с. 70].

Инверсия не устраняет ценностный дисбаланс центра и периферии, но дискурсивно смягчает его. Москва сохраняет статус управленческого и властного источника (там принимаются решения о хозяйственном освоении сибирского края, выделяются субсидии, определяются политические цели модернизации), в то же время огромный регион на востоке перестает быть «белым пятном». Его культурно-географический облик буквально и метафорически картографируется.

---

³ Наличие огромных мало- или вовсе незаселенных пространств стимулировало, учитывая предложенное К. Кобриным разграничение «идеологий» имперского управления, использование «имперской метафорики». Согласно Кобрину, в отличие от колонизаторской «целенаправленной прагматической политики захвата и эксплуатации территорий, а также подчинения тамошнего населения» [Кобрин], империализм трактует осваиваемое пространство как пустое, основным объектом экспансии здесь становится территория, но не люди [см. также: Кукулин, с. 853–854]. Официальный миф освоения Сибири в 1950-е гг. периодически оперировал «имперскими» метафорами: речь шла о плохо обжитом, диком пространстве, которое было необходимо преобразить в соответствии с нуждами человека и требованиями цивилизации. Однако такой подход вызывал возражения у связанной с местной интеллектуально-культурной традицией интеллигенции, и она была склонна «читать» этот дискурс как колониальный, а не как имперский, и оппонировать ему аргументами из антиколониального арсенала (в этом отношении репрезентативна публицистика В. Астафьева и В. Распутина 1980–1990-х гг.).

Автор фиксирует нанесение геологами, геофизиками, строителями географически-административной разметки на необжитое пространство: безымянный ручей становится Шестопаловкой (в память ученого М. Ф. Шестопалова, занимавшегося проблемами разведки алмазов), в честь молодого геолога появляется лог Хабардина. Исторически давние названия также вписываются в контекст современных преобразований. Осипов, например, приводит якутскую легенду о происхождении Нюрбы и историческую справку об этом поселке, возникшем в 50-е гг. XIX в. как миссионерский центр, но доказывает, что «настоящая история» Нюрбы начинается «с того момента, когда сюда была перенесена главная штаб-квартира Амакинской экспедиции» [Осипов, с. 100]. Культурный смысл новых номинаций либо реконтекстуализации старых вполне очевиден — это символическое освоение и присвоение территории, интегрирование географической периферии путем ее индивидуализации в воображаемое целое. Характерным для «оттепели» образом это целое моделируется, скорее, как «имперское», нежели как «национальное» — этнические параметры не релевантны для создаваемого образа территории.

Если история края, по Осипову, творится прямо сейчас, в ходе его освоения советскими людьми, то прошлое сведено к цепи художественных репрезентаций, частично предопределивших стереотипное видение территории. Узнавать Сибирь читателю очерков предлагается при помощи широко известных культурных ассоциаций и образного ряда:

С высоты полета Сибирь воспринималась как-то особенно торжественно. Хотелось спеть «Ермака», «Славное море, священный Байкал» и еще что-нибудь такое же размашистое и удалое. Вспоминались рассказы Короленко и Шишкова, оживали в памяти романы Мамина-Сибиряка и картины Сурикова [Там же, с. 80].

Узаконенная в русских литературе и живописи, поддержанная историографической традицией схематика восприятия Сибири работает и при изложении автором популярной версии возникновения «сибирского типа», связанного с крестьянской колонизацией края. Согласно Осипову, предок современных сибиряков был крестьянином из какой-нибудь бедной среднерусской губернии, бежавшим от «тупого уклада деревенской жизни» [Там же, с. 242] на таежные просторы:

Стал жить предок Петровича на берегу бурной реки, стал мыть в ее желтых косах золотишко. Утром выйдет на порог, расправит плечи и заорет, да так, что верст на десять в округе слышно:

– Ого-го-го-го-го-о-о-о!..

Послушает эхо, улыбнется, потянется — и пошел в тайгу. Сам себе хозяин. Попробуй он сделать это в Саратовской губернии? Немедленно засадят в холодную за нарушение общественного порядка. Так и рождается в крови далекого предка Петровича, чтобы потом передаться всему потомству, любовь к диким, неосвоенным местам, страсть к землепроходчеству [Там же, с. 242–243].

Культурная генеалогия современного сибиряка ведется очеркистом от Ермака и «легендарных русских землепроходцев» [Там же, с. 242], хотя упоминание их этнического происхождения опять-таки — дань определенной

историко-идеологической традиции, менее актуальной для автора, нежели, во-первых, «унаследованный» из сталинской культуры концепт войны, где элиминированы собственно милитарные смыслы и доминирует семантика борьбы с природой; во-вторых, традиция авантюрно-приключенческой литературы.

Стоит обратить внимание, что в исторически подвижной семантике образа Ермака [см.: Анисимов, с. 58–96; Ростовцева] автора «Тайны Сибирской платформы» интересуют смыслы, прежде всего связанные с экспансией в незнакомый культурно-географический ареал и обретением новых земель. Ретроспективно экспансионистские мотивы можно классифицировать как колониальные, но, разумеется, деятельность Ермака и его современных последователей с колониальной практикой Осипов растожествляет. Несмотря на то, что освоение Сибири и целины в Казахстане, а позднее и строительство БАМа, были попыткой гальванизировать советский проект посредством колониальных инициатив, последние в таком качестве, считает современный исследователь, советский субъект не опознавал [см.: Кукулин, с. 855–856].

Политический язык эпохи трактовал колониализм как порождение капиталистической системы⁴, а культура «высокого сталинизма» снабжала множественными примерами нормативной поляризации мотивов, связанных с колонизацией: ее позитивные эффекты соотносились с советским проектом (распространение из центра на окраины «даров модернизации», просвещение аборигенных народностей, патерналистская государственная забота), негативные же приписывались «проклятому прошлому» либо современным западным политическим элитам (эксплуатация местного населения и природных богатств, пренебрежение локальными культурами). В соответствии с этой логикой был организован и сюжет «Тайны Сибирской платформы», где две первые главы посвящались обличению английского колониализма.

Осипов беллетризировал жизнеописание Павла Лугова — русского геолога с социалистическими симпатиями, записки которого он нашел в архивах Амакинской экспедиции. Лугов становится у него символической фигурой, олицетворяющей преемственность свободолобивых идеалов и научного поиска: он — участник Англо-бурской войны, внимание к которой легитимировано знаменитым высказыванием В. Ленина, посчитавшего ее одной из вех наступления империализма, он одержим ненавистью к социальному угнетению, наконец, он занимается минералогией и пророчит открытие в Сибири крупных алмазных месторождений. Живописание автором в первых главах страданий негритянского населения Южной Африки и хищнической деятельности С. Родса резонировало с современной политико-экономической ситуацией — созданный Родсом концерн «Де Бирс» был главным игроком на международном рынке алмазов, и именно его монополию разрушали открытия советских геологов. В этом отношении индустриальное освоение Сибири преподносилось как антитеза хищнической колониальной политике империализма, социалистическое содержание советского модернизационного курса подчеркивалось наличием общих (читай — государственных) интересов и коллективных усилий в их реализации.

⁴ См. характерное обличение прежней колониальной политики в отношении Сибири [Поспелов, с. 1].

Ортодоксальное идеологическое оснащение использованных Осиповым экспансионистских мотивов не отменяло работы механизмов «культурной памяти». Колониальная (ориентальная) семантика эксплицировалась авторскими «проговорами» и способом организации повествования. Традиция литературы с проблематикой фронта и колониализма «подсказывала» автору традиционные сравнения тайги с джунглями («непролазные северные джунгли» [Осипов, с. 129]), проводника-эвенка — с индейцем, его вооружения — с томагавком [Там же, с. 131], себя — с Робинзоном [Там же, с. 193]. «Положительный герой» «оттепели» предстал воплощением нормативных соцреалистических качеств (идейной зрелости, коллективизма), встроенных в романтико-авантюрный идеал мужественности, вдобавок «олитературенный» аллюзиями к прозе Ф. Купера и Д. Лондона. Способность понимать язык дикой природы, выносливость, умение справляться с экстремальными ситуациями — не просто мужские качества, но мужские качества, актуализированные пребыванием во внекультурном пространстве:

В двадцать лет Юрий Хабардин, повзрослевший, возмужавший в суровых северных походах, превратился из мечтательного мальчишки-ухаря в спокойного, уверенного в себе, волевого мужчину. Нелегкая жизнь в таежных джунглях, упорное единоборство с жестокой природой закалили и воспитали его. Он стал великолепным охотником, прекрасным следопытом [Там же, с. 257].

Немаловажно, что изображенный Осиповым мир в гендерном отношении — мужской (редкие женщины выполняют в нем тяжелую работу наравне с мужчинами). Мужское сообщество, направляющее свою энергию на схватку с природой, наделено автором типологически «оттепельной» чертой — молодостью (даже пожилые персонажи выглядят здесь младше своих лет). По мысли А. Прохорова, предпочтение, отданное в культуре «оттепели» молодому герою, давало возможность лишь частично интегрировать его в существующий социальный порядок и тем самым избегать решения сложных идеологических вопросов [см. Прохоров, с. 59]. Развивая логику этого наблюдения, замечу, что положение условного героя очерков Осипова в социальном пространстве — квинтэссенция «мужественного» эскапизма: герой-геолог по роду деятельности изымался из рутинных социальных отношений, повседневности, сопутствующих ей мелких компромиссов и переносился в экстремальные условия, создававшие иллюзию четкой, близкой к военной, ценностной поляризации мира. Соответственно идентификация такого героя была предельно разгружена автором от образующих повседневность «мелочей» и осуществлялась по отношению к ценностям универсального порядка (жизнь, смерть, верность, самопожертвование и т. п.).

Понимание очеркистом промышленного освоения Сибири, т. е. модернизационно-колониальной деятельности как цивилизующей, просветительской и социально необходимой, реализовано не только в прямых декларациях или не допускающих многозначной интерпретации картинах столкновения нового со старым [см.: Осипов, с. 100, 158]. Важным признаком «ориентализующего»

взгляда⁵ служит локализация точки зрения повествователя. Формально в некоторых очерках она размещена внутри изображаемого пространства, более того, автор пытается предупредить возможные упреки в поверхностности журналистского подхода (поэтому он дистанцируется от роли наблюдателя и стремится стать участником — «выезжает» на место событий, какое-то время делит с геологами тяготы их жизни и т. п.). Однако создающие повествовательную рамку мотивы прилета и отлета лишней раз свидетельствуют, что авторский взгляд принадлежит пространству, расположенному за границами изображаемого мира — более цивилизованному и развитому: отсюда высокочастотные для очерков Осипова мотивы покорения природы и необжитых просторов, мышление о Сибири в терминологии «ресурса», постоянно практикуемый прием — взгляд из самолета, с высоты, как бы приглашающий оценить масштабы и сложность решаемой производственной задачи.

Герои «Тайны Сибирской платформы» — геологи, носители модернизационной идеологии, в подавляющем большинстве случаев не имеющие постоянных связей с обследуемой территорией («люди пути» [Рыбальченко]). Отсылки в книге к опыту локальных культур исключительно функциональны: северные аборигены придают изображению «местный колорит», их сказания подтверждают богатство края и тем самым как бы поддерживают идею его использования в качестве ресурсной базы, но вне перспектив модернизации культура этнического Другого — якутских племен — автора занимает мало. Преобразовательский пафос в книге практически тотален, приметы «природного», т. е. неупорядоченного человеком либо социально архаичного вызывают у автора стойкое отторжение (ему кажется, что олени, бродящие по улицам, портят вид нового поселка [Осипов, с. 158], он солидарен с просьбой раскаявшегося шамана Ильи, ныне помогающего геологам, взять с собой его внука, который тоже хочет «искать в тайге сверкающий чудо-камень» [Там же, с. 152]).

Концентрированно романтический (и имплицитно — колониальный) пафос очерков Осипова вполне соответствовал утопическим интенциям «оттепели», но тем интереснее попытка оспорить предложенный журналистом образ дикой Сибири, наконец-то охваченной благими преобразованиями. Критические выпады в адрес популярной в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «геологической» литературы, которые позднее конвертируются в довольно внятную контрмодернизационную программу, содержала статья В. Астафьева «Нет, алмазы на дороге не валяются», опубликованная в 1962 г. в журнале «Урал». Писатель, не называя имени Осипова, но узнаваемо пересказывая сюжетные перипетии его очерков, иронизировал по поводу злоупотребления экзотизмами в теме освоения Сибири: «У геологов работа эффективная. У геологов опасности и романтика, правда, зачастую придумываемые авторами...» [Астафьев, 1997, с. 72]. Экзотизация раздражала Астафьева не сама по себе, а как доказательство доминирования в современной прозе взгляда на Сибирь «извне» и, как подразумевалось, сверху вниз. Думается, подобная полемика с экзотизирующим восприятием культурно-географической

⁵ В том смысле, в каком об ориентализме писал Э. Саид, — установление различий между Востоком и Западом с целью обрести контроль и власть над объектом описания [см.: Саид, с. 9–10].

окраины стала толчком для рефлексии в прозе и публицистике «деревенщиков» (В. Астафьева, В. Распутина), структурных параметров и экзистенциальной обоснованности иной — «местной» — точки зрения на Сибирь. Примечательно позднейшее признание Астафьева актеру Е. Лебедеву, с которым он познакомился в конце 1950-х гг. во время приезда бригады артистов на строительство Красноярской ГЭС: именно тогда, свидетельствовал писатель, у него родилась мысль «написать повесть о... Родине и родичах, дабы самонадеянным преобразователям и освоителям Сибири не казалось, что до них тут никто не жил. Жили!» [Астафьев, 2009, с. 183].

Еще одним объектом едких оценок в статье «Нет, алмазы на дороге не валяются» была «молодежная проза», в центре которой находился социально и культурно чужой для Астафьева тип — молодой, не знающий жизни горожанин-интеллигент. Герои популярных произведений отправлялись работать в Сибирь на строительство ГЭС и вдруг открывали, иронизировал Астафьев, что зарабатывать кусок хлеба трудно [см.: Астафьев, 1997, с. 73]. Писатель уклонился от упоминания конкретных имен, но, вероятнее всего, имел в виду популярную повесть А. Кузнецова «Продолжение легенды», чей сюжет укладывается в иронически воспроизведенную им схему. На рубеже 1950–1960-х гг. эта повесть стала бестселлером, хотя позднее автор утверждал, что опубликованный «Юностью» вариант существенно отличался от первоначально им предложенного повествования о «реальной» жизни на «стройках коммунизма» [см.: Батшев] (в качестве корреспондента этого журнала Кузнецов был командирован на строительство Иркутской ГЭС и успел там поработать бетонщиком).

Как и в случае с очерками В. Осипова, герой-повествователь в «Продолжении легенды» пропагандирует индустриальную модернизацию / колонизацию Сибири — «диких земель» [Кузнецов, с. 34], огромного, не затронутого цивилизацией края на востоке страны. Мифология, вырастающая из отдаленности Сибири (зона «штрафной» колонизации или пространство для романтического бегства от цивилизации), автором повести последовательно отвергается. Ему опять-таки важно метафоризировать регион как часть «обновляющейся» страны. В итоге необозримая Сибирь в сознании героя расподоблена со «старой, тесной, обжитой и позастроенной» Европой [Там же, с. 58], но одновременно — благодаря современным транспортным средствам — приближена к символическому центру, т. е. к той же Европе («...Сибирь стала близкой и проходимой...» [Там же]).

В «Продолжении легенды» у акцентированной «инаковости» Сибири есть фабульная оправданность: эта территория увидена глазами вчерашнего школьника, москвича, впервые вышедшего за пределы социально и географически привычного ареала. Как столичный житель, герой семиотизирует новые реалии, пользуясь традиционными антитезами цивилизованного / дикого, культурного / природного, в которых положительно маркирован модернистский полюс. Отсутствие цивилизации на огромной сибирской территории становится для него открытием (он, к примеру, с удивлением узнает, что в Иркутске одна трамвайная линия и нет троллейбусов), поэтому себя и своих товарищей он воспринимает в качестве проводников модернизационных веяний. Портальные краны видятся ему «точкой, островком, пятачком культуры в этом нетронutom, диком

мире» [Кузнецов, с. 133]. Он последовательно оспаривает ценность «природного» в главах о перекрытии Ангары (с примечательными названиями «Битва», «Еще битва», «Продолжение битвы»). Герой наблюдает за превращением воды из аквамариновой в «бурую, мутную, беспокойную» [Там же, с. 190], но процесс этот в повести не имеет каких бы то ни было пессимистических экологических импликаций и трактуется как обнадеживающий знак подчинения природы человеку (еще одного персонажа — строителя из сибиряков — Кузнецов все же наделяет знанием таежной природы и сентиментальной любовью к ней, но тут же уравнивает их «передовыми» настроениями).

Для легитимации модернизационной политики Кузнецов находит довольно эффектный риторический ход. Главным апологетом преобразований он делает не столичного жителя, а представителя сибирского этноса — буряту Мишку Ольхонского. Плакатный образ персонажа возникает как результат вынужденного демонтажа повествователем ориенталистских стереотипов, которых, как выясняется, он придерживался:

Когда утром я проснулся и впервые увидел его, я ожидал, что он заговорит ломаным языком, что-то вроде «наша-ваша, мала-мала». Он улыбнулся и спросил, абсолютно без всякого акцента:

– Ну что, ожил? Еще одна жертва цивилизации.

Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что человек с такими раскосыми глазами, монгольскими скулами, бронзовый и коренастый говорит таким чистым русским, московским языком, во всех спорах бьет меня, цитирует Кампанеллу и Руссо, книги, которых я еще в глаза не видел [Там же, с. 164].

Если считать модернизацию европейской идеологией, то представитель якобы отсталого азиатского этноса оказывается в повести большим европейцем, чем его собеседник-москвич (единственной чертой Мишки, которую можно интерпретировать в этническом контексте, остается его крайняя непосредственность). Кузнецов как будто снимает характерное для колониальной сюжетики противостояние «управляющего» и «подчиненного», приезжего и местного, но установка, названная мной в этом контексте «колонизаторской», обнаруживает себя не в распределении субъектных позиций и функций между героями, а в стилистике. Трудно сказать, что руководило автором, когда он, вопреки соображениям психологической достоверности, лишил Мишку собственного языка — отвергнув выработанную местным опытом систему координат, тот рассуждал о родном для него пространстве исключительно посредством историко-культурных аналогий, сформированных во «внешнем» для Сибири мире:

Вы хотите, чтобы от Иркутска до Якутска ходило метро, а в Кузьмихе открылся Большой театр. А то, что это джунгли, ты знаешь? Джунгли! Аляска! Антарктида! Человек, который ушел от железной дороги на сто верст, — это Кук, Магеллан, Пржевальский! Сибирь никто не трогал, не знал и не ведал. Сибирь — как неоткрытая планета, это — такое богатство, что хватит всему миру! [Там же, с. 156–157]

Дискурс созидания и освоения нового мира в «Продолжении легенды», в общем, стилистически унифицирован, монологичен и базируется на убеждении

в идеологической консолидированности действующих лиц (не беру во внимание достаточно тривиальную индивидуализацию речи персонажей по функциональному признаку — герой-«отец» (Захар Захарович), герой-«сын» [см.: Кларк, с. 106–107]). В пространстве модернизации, каковым является Сибирь, герои объединены признанием необходимости перемен, соответственно голос Другого — не этнокультурного, а социального — максимально отчужден. Он вынесен во вне-сибирский мир, а сам Другой / Чужой (мещанин и приспособленец Виктор, не желающий покидать Москву), по сути, является негативной проекцией главного героя.

Возвращаясь к мобилизационной риторике Ольхонского, стоит заметить, что она моментально опознавалась советским читателем (не случайно герой с энтузиазмом вспоминал один из ее литературных «первоисточников» — Павку Корчагина). На осторожное замечание героя-повествователя, что Сибирь можно «открывать по-человечески», Мишка резко возражал:

Что значит «по-человечески»? Ты, может, хотел бы получить коттедж? На «ЗИМе» ездить на работу? А кто «ЗИМы» делать будет? <...> ...вокруг целина, дебри! Рано нам с тобой говорить о спокойной жизни, ой, рано!.. И кто хочет прожить в наше время достойно и по-человечески, а не паразитом, — тот поднимает целину, прикладывает руки свои, а не смердит! <...> ...никто тебя не просит, никто тебе не кланяется! Ты должен! [Кузнецов, с. 157–158].

Героика и подвиг применительно к сибирскому пространству можно было узаконить, — и случай Кузнецова это подтверждает — оперируя прежним, заимствованным из сталинской культуры риторическим инструментарием, но модифицируя его в соответствии с гуманистическим посылом «оттепели» — утверждением ценности «я», из которых складывается «мы»⁶: наличие «объективных» трудностей (климатических и организационных) требовало от личности сверхусилий по их преодолению, что позволяло санкционировать экстремальное напряжение как модус существования советского человека. Другое дело, что у такого модуса возникал персональный аспект (ср. характерный пассаж из «Продолжения легенды», в котором перечень стандартных проявлений героизма «разбавляется» индивидуализирующими деталями: «мы мучились от жары и жажды летом и замерзали зимой, мы жгли по ночам костры, проливали бетон на эстакаду, делали брак, исправляли, получали знамена, рассказывали детям легенды. *Нам хотелось яблок, и у нас болели руки*» [Там же, с. 198]).

Любопытно, что в этот период в литературе заявляет о себе и противоположная тенденция — проблематизация безоглядного движения вперед и мобилизационной этики с обязательными ссылками на «временные трудности». Ее можно найти в ситуативно близкой Осипову и Кузнецову, однако идеологически

⁶ Важным для самоидентификации «шестидесятников» признаком, позволявшим им этически отмежеваться от сталинизма, было неприятие инструментального отношения к рядовому, малозаметному человеку, «винтику». Однако в конце 1950-х гг. мобилизационная риторика со свойственными ей инструментальными оборотами использовалась довольно активно, правда, на новых основаниях — оправдывая себя идеей создания нового мира и служения людям («Все остается людям» (1963) назывался фильм Г. Натансона о самоотверженной работе советского ученого).

ревизионистской прозе Б. Можаяева. Фабульно его повести «Тонкомер» (1956) и «Наледь» (1959) близки «Тайне Сибирской платформы» и «Продолжению легенды»: речь идет о бурном строительстве, разворачивающемся на географической периферии — в дальневосточной тайге. Но тематизация экологических проблем и способ разрешения конфликта радикально отличают Можаяева от его коллег, снискавших в конце 1950-х гг. шумный успех: герои «Тонкомера» и «Наледи», типологически совершенно «оттепельные» (молодые, искренние, порывистые идеалисты), терпят поражение в попытках гуманизировать систему, а потребительски-пренебрежительное отношение к природе предстает в этих произведениях формой обесценивания человека.

По существу, даже осторожные попытки демонтажа принципов инструментальной модернизации и мобилизационной этики меняли конфигурацию сибирского мифа — определяющими в нем становились регионализм (т. е. идентификация автора с изображаемой территорией и признание ее историко-культурной самобытности [см.: Анисимов, Созина, с. 274]) и консерватизм. Комбинация характерных для рубежа 1950–1960-х гг. мобилизационных лозунгов, модернистских идеологем и утопизма вообще станет одним из главных «раздражителей» для формирующегося национально-консервативного лагеря. Программа последнего, сколь бы размытыми ни были ее основные положения, будет во многом определяться редукцией «оттепели» до «революционаризма» (насилованного вторжения в «органику» природы и социума, местных экосистем и локальных культур [см.: Кожин, с. 769–770]) и отталкиванием от него.

Знаменитый экологизм национально-консервативной прозы («деревенщиков») окажется немислимым без реабилитации «места» — более или менее защищенной, предназначенной для жизни «среды обитания» со своими природно-климатическими особенностями, историей, культурой, сложившимися социальными сетями и т. п. [см.: Яницкий, с. 146]. В ретроспективе именно на фоне «неопочвеннического» варианта сибирского литературного регионализма 1970–1980-х гг. со всей очевидностью обозначается отсутствие собственно «регионального» в территориальном мифе о Сибири, созданном «оттепелью»⁷.

«Оттепельная» Сибирь возникла как проекция идеалистических устремлений советского общества, которое решило покончить с «нарушениями социалистической законности» и построить-таки новый мир на «отдельно взятой» территории (Сибирь явилась своего рода «моделью» СССР). Инструментальные аспекты (Сибирь — ресурсная кладовая, промышленная база страны и огромная

---

⁷ Апогеем «оттепельного» гипертрофированного романтизма и сопутствующего ему игнорирования культурно-исторического содержания «локального» стал фильм «Неотправленное письмо». Здесь образ Сибири воссоздавался в авангардистской манере, соединившей игру мифопоэтическими мотивами (сибирская природа, к примеру, символизировала деструктивные силы бытия и фатум) с верно расставленными идеологическими акцентами. Экранизируя очерк Осипова, Калатозов и Урусевский снимали фильм о стойкости человеческого духа в любых, даже самых трагических обстоятельствах (титры на начальных кадрах гласили: «Тем, кто шел и идет трудной дорогой первых»). Вероятно, поэтому они нарочито проигнорировали соображения жизнеподобия и бытовую конкретику. Виртуозная операторская работа (а Урусевский усовершенствовал свою поэтику острапяюще-символического изображения Сибири / Севера еще в конце 1940-х гг., экранизируя роман Т. Семушкина «Алитет уходит в горы») делала пространство сибирской тайги условным и переключала зрительское внимание на философский план картины.

«педагогическая» площадка для социализации молодого человека) стали «несущей конструкцией» «оттепельного» варианта сибирского мифа, оказавшегося, кстати, на редкость живучим (это доказывает стилистика освоения БАМа в массовой культуре 1970-х — начала 1980-х гг., сложившаяся не без влияния «оттепельной» стилистики). Позднее истощение символических и институциональных активов подобного подхода, конкуренция в дискурсивном поле с «неопочвенническими» регионалистскими построениями со всей очевидностью обнаружили стартовые для конструирования сибирского мифа в культуре «оттепели» «объектное» восприятие региона и изначально незаинтересованность в актуализации местного историко-культурного опыта.

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с. [Anisimov K. V. Problemy pojetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX veka: Osobennosti stanovlenija i razvitija regional'noj literaturnoj tradicii. Tomsk, 2005. 304 s.]

Анисимов К. В., Созина Е. К. История литературы Урала в контексте региональных исследований // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 1 (87). С. 272–284. [Anisimov K. V., Sozina E. K. Istorija literatury Urala v kontekste regional'nyh issledovanij // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2011. № 1 (87). S. 272–284.]

Астафьев В. П. Нет, алмазы на дороге не валяются // Астафьев В. П. Собр. соч. : в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 12. С. 61–75. [Astaf'ev V. P. Net, almazy na doroge ne valjajutsja // Astaf'ev V. P. Sobr. soch. : v 15 t. Krasnojarsk, 1997. T. 12. S. 61–75.]

Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск, 2009. 720 с. [Astaf'ev V. P. Net mne otveta... Jepistoljarnyj dnevnik 1952–2001. Irkutsk, 2009. 720 s.]

Батшев В. Дело Анатолия Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.pdf (дата обращения: 18.06.2014). [Batshev V. Delo Anatolija Kuznecova [Electronic resource]. URL: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.pdf (mode of access: 18.06.2014).]

Вайль П., Генис А. Собр. соч. : в 2 т. Екатеринбург, 2003. Т. 1 : Шестидесятые. Мир советского человека. С. 513–948. [Vajl' P., Genis A. Sobr. soch. : v 2 t. Ekaterinburg, 2003. T. 1 : Shestidesjatye. Mir sovetskogo cheloveka. S. 513–948.]

Живов В. Двуглавый орел в диалоге с литературой // Новый мир. 2002. № 2. С. 174–183. [Zhivov V. Dvuglavuj orel v dialoge s literaturoj // Novyj mir. 2002. № 2. S. 174–183.]

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. 416 с. [Zorin A. L. Kormja dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka. M., 2001. 416 s.]

Кларк К. Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург, 2002. 262 с. [Klark K. Sovetskij roman. Istorija kak ritual. Ekaterinburg, 2002. 262 s.]

Кобрин К. Ориентализм vs. империализм: Кавказ vs. Север [Электронный ресурс]. URL: <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000024-000008-000004&lang=2> (дата обращения: 18.06.2014). [Kobrin K. Orientalizm vs. imperialism: Kavkaz vs. Sever [Electronic resource]. URL: <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000024-000008-000004&lang=2> (mode of access: 18.06.2014).]

Кожин В. В. «Самая большая опасность...» // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М., 2012. С. 673–773. [Kozhinov V. V. «Samaja bol'shaja opasnost'...» // Kozhinov V. V. Rossija kak civilizacija i kul'tura. M., 2012. S. 673–773.]

Кузнецов А. Продолжение легенды. Записки молодого человека. М., 1959. 206 с. [Kuznecov A. Prodolzhenie legendy. Zapiski mladogo cheloveka. M., 1959. 206 s.]

Кукулин И. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-х — 2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации России. М., 2012. С. 846–909. [Kukulin I. «Vnutrennjaja postkolonizacija»: formirovanie postkolonial'nogo soznanija v russkoj literature 1970-h — 2000-h godov // Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii Rossii. M., 2012. S. 846–909.]

Левина А. «Прошу принять меня в Сибирь» // Юность. 1956. № 7. С. 92–94. [Levina A. «Proshu prinjat' menja v Sibir'» // Junost'. 1956. № 7. S. 92–94.]

Марков Г. Сибирь ждет вас, молодые друзья! // Литературная газета. 1956. 22 мая. С. 1. [Markov G. Sibir' zhdet vas, molodye druz'ja! // Literaturnaja gazeta. 1956. 22 maja. S. 1.]

На Восток! // Литературная газета. 1956. 26 мая. С. 1. [Na Vostok! // Literaturnaja gazeta. 1956. 26 maja. S. 1.]

Осипов В. Тайна Сибирской платформы. 2-е изд. М., 1960. 286 с. [Osipov V. Tajna Sibirskoj platformy. 2-e izd. M., 1960. 286 s.]

Поспелов Г. Сибирский центр науки // Литературная газета. 1957. 26 декабря. С. 1–2. [Pospelov G. Sibirskij centr nauki // Literaturnaja gazeta. 1957. 26 dekabrja. S. 1–2.]

Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб., 2007. 344 с. [Prohorov A. Unasledovannyj diskurs: paradigmy stalinskoj kul'tury v literature i kinematografe «ottepeli». SPb., 2007. 344 s.]

Ростовцева Ю. А. Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археосюжет // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343. С. 19–22. [Rostovceva Ju. A. Sibirskie letopisi v kontekste biblejskoj tradicii: istorija Ermaka kak hristianskij arheosjuzhet // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 343. S. 19–22.]

Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 18.06.2014). [Rybal'chenko T. L. Mifologemy obraza Sibiri v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka [Electronic resource]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (mode of access: 18.06.2014).]

Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с. [Said Je. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb., 2006. 637 s.]

Солодарь Ц. Сибирячка // Юность. 1956. № 9. С. 90–96. [Solodar' C. Sibirjachka // Junost'. 1956. № 9. S. 90–96.]

Форум Ab Imperio: обсуждение книги А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...» // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 470–554. [Forum Ab Imperio: obsuzhdenie knigi A. L. Zorina «Kormja dvuglavogo orla...» // Ab Imperio. 2002. № 1. S. 470–554.]

Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века. Очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161. [Janickij O. N. Jekologičeskaja kul'tura Rossii XX veka. Oчерk sociokul'turnoj dinamiki // Istorija i sovremennost'. 2005. № 1. S. 136–161.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

УДК 323.1:82 + 39(=411.16) + 821.161.1 Рубина

Д. Д. Зиятдинова

**«ИАКОВСКИЙ КОД» КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ
ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ТРИЛОГИИ Д. РУБИНОЙ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»**

Статья посвящена анализу культурной модели еврейской национальной идентичности, конструируемой Д. Рубиной в позднем израильском творчестве (романы «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы», «Синдром Петрушки»). Отказываясь от традиционных этноконфессиональных доминант, писательница обращается к иному, «культурному», регистру, формируя собственную модель еврейскости, репрезентируемую, прежде всего, через «иаковский» код.

Ключевые слова: Д. Рубина; еврейская национальная идентичность; «иаковский» код; «человек воздуха»; культурный стереотип.

В современной гуманитаристике существует несколько подходов к пониманию национальной идентичности. А. В. Лукина в своей кандидатской диссертации выделяет три основных: «примордиальный (от англ. *primordial* — изначальный), модернистский (инструментальный) и постнеклассический, или как его называют в российской литературе, конструктивистский» [Лукина, с. 4]. Несмотря на сохраняющуюся актуальность первых двух концепций национального, наиболее востребованным в настоящее время является последний, постнеклассический, вариант интерпретации национальной идентичности, определяемый также как постмодернистский.

В рамках постмодернистской теории национального объектом исследования выступает не только этноконфессиональная составляющая, но и такой значимый «нациообразующий» компонент, как культура. Несомненно, данная составляющая являлась объектом исследования и для примордиальной концепции, однако на данном этапе она получает иное осмысление. Как отмечает Т. Н. Бреева, «на современном этапе культура перестает осознаваться лишь как способ трансляции или пространство формирования идентичности нации, а начинает восприниматься как одна из основных ее ментальных основ» [Бреева, с. 389], что, в свою очередь, обуславливает специфику функционирования и форм художественной репрезентации национальной идентичности в культурном нарративе, когда в качестве главного «нациообразующего» маркера начинает выступать не этнический и/или конфессиональный компонент, а некий культурный код, обладающий в пространстве национального дискурса нацио моделирующим потенциалом.

Одним из вариантов репрезентации подобной «культурной» идентичности может служить процесс формирования еврейской национальной идентичности в построссийском творчестве Д. Рубиной: если для раннего, «российского» и отчасти израильского, творчества писательницы («По субботам», 1974; «Терновник», 1987; «На Верхней Масловке», 1990; «Любка», 1990; «Один интеллигент уселся

на дороге»; «Яблоки из сада Шлицбутера», 1994) было значимо функциональное «неотрефлексированное» восприятие «этнической» еврейскости, то более поздние обращения к проблеме национальной идентичности характеризуются освобождением ее от «функциональности» и выдвиганием на первый план иных «нациообразующих» маркеров: конфессионального компонента в ранней построссийской прозе¹ и культурного в трилогии «Люди воздуха» («Почерк Леонардо», 2008; «Белая голубка Кордовы», 2009; «Синдром Петрушки», 2010). Смена идентификационной доминанты в позднем израильском творчестве Д. Рубиной имеет двоякую мотивацию: она обусловлена как тенденцией углубления и развития модели национальной идентичности, начало формированию которой было положено еще в ранних произведениях писательницы, так и влиянием глобализационных процессов, мотивирующих отказ от этнического и/или конфессионального индикаторов как приоритетных или же требующих их завуалированной реализации. Так, следует отметить, что, несмотря на то, что каждый из героев, «людей воздуха», принадлежит к еврейскому миру, эксплицированно данная связь реализуется лишь в «Белой голубке Кордовы», тогда как в первом и последнем романах трилогии еврейскость героев выражена имплицитно, через упоминание имен их дедов (дед Анны — Вольф Мессинг, «дзядэк» Петра — известный кукольный мастер, Яков Самойлович [Рубина, 2011в, с. 116, 126]).

Формируя культурную модель еврейскости в трилогии «Люди воздуха», Д. Рубина реализует ее через библейский текст, обращаясь к «иаковскому» коду, структурирующему метасюжет всей трилогии. Обращение к библейскому, а не литературному контексту в вопросе решения проблемы еврейской национальной идентичности в данном случае может объясняться как отсутствием у писательницы значительного опыта знакомства с собственно еврейской / израильской литературой, так и своеобразием израильской культуры, где литература не обладает столь широкими «полномочиями», как в российском социокультурном пространстве. Не имеющая единой интерпретации история борьбы Иакова² с противником, обозначенным в Библии как «Некто» (Быт. 32:24–31), представляет особый интерес в силу своей потенциальной полисемантической, делающей возможной ее «ресемантизацию» и позволяющей проецировать на нее авторские проекты, в том числе связанные с формированием национального

¹ Одной из форм художественной репрезентации национальной идентичности на данном этапе становится конфессиональный дискурс, реализуемый преимущественно через дискурс повседневности и обуславливающий активное обращение писательницы к национальному календарю.

² Интерпретация его различна в иудейской и христианской традициях: если в европоцентристских моделях, ориентированных на христианскую традицию, он сводится, как правило, к борьбе с Богом [Сорокин], то для иудаизма характерно восприятие его как борьбы с враждебной силой [Бродский]: «Иногда этот Ангел понимается как Ангел Божий, несотворенный Ангел, т. е. некое видимое проявление самого Бога; чаще — как Ангел-хранитель брата Иакова Исава, а иногда и как “падший Ангел”, демон Самаэль» [Там же, с. 116], а само «противостояние Иакова и Исава толкуется <...> как субстанциальный антагонизм Израиля и языческого мира, к которому иудаизм причисляет и мир христианский» [Там же, с. 118]. Так, А. И. Бродский, обращаясь к каббалической книге «Зогар», указывает, что борьба Иакова в иудаизме интерпретировалась не только не как борьба с Богом, но как борьба, где Бог и человек выступили на одной стороне против общего противника [Там же, с. 118–119]. В свете этого имя «Израиль» следует переводить не как «борющийся с Богом», а как «воин Божий», отмечает один из интерпретаторов этого эпизода Д. В. Щедровицкий [Там же, с. 119].

дискурса, как это происходит в трилогии Д. Рубиной. Выбор же «иаковского» кода в качестве фундамента еврейскости обусловлен несколькими факторами, позволяющими говорить об образе и поступках Иакова как ключевых для становления еврейского народа: во-первых, полученное Иаковом имя «Исраэль» стало именем всего народа; во-вторых, двенадцать колен Израиля — это потомки двенадцати сыновей Иакова, образовавшие, согласно Священному Писанию, израильский народ; в-третьих, сам Иаков в раввинистической литературе рассматривается как символ еврейского народа [Иаков].

Реализация культурной модели еврейской национальной идентичности приводит к совпадению двух важнейших для Д. Рубиной проблемно-тематических блоков, связанных с вопросами творческой и национальной идентичностей. Репрезентированная «иаковским» кодом, культурная модель еврейскости реализуется через культурный стереотип еврейского гения³. Последний, широко представленный в литературе рубежа XIX–XX вв., был связан с идеей имманентной одаренности еврейского народа и реализовывался преимущественно в образе еврейского ребенка (детскость становилась доминирующей приметой и в том случае, если реализация данного стереотипа предполагала обращение к образу взрослого). Д. Рубина постепенно трансформирует этот стереотип, освобождая его от привычных коннотаций и переходя от его трансляции (раннее израильское творчество писательницы 1990–2000-х гг.) к ресемантизации (трилогия «Люди воздуха», 2008–2010), связанной с синтезом культурного стереотипа еврейского гения и национального типа «человека воздуха». Благодаря произведенной писательницей «реставрации», актуализируется нациомоделирующий потенциал последних, мотивирующий их участие в процессе нациоконструирования. Лежащий в основе рубиновской модели еврейской идентичности культурный стереотип еврейского гения приводит к интеграции еврейскости и интеллектуальной / творческой одаренности, позволяя вместе с тем осуществить перевод «конфессионального» избранничества евреев в сферу «креативного», где избранничество мотивируется творческим, а не религиозным контекстом.

Соотнесением этнического и творческого, ведущим к их проницаемости, взаимозаменяемости, обуславливается обращение к национальному типу «человека воздуха» и его ремифологизация⁴. Если в литературе конца XIX в. трансляция данного образа предполагала обращение к его «этнической» составляющей (первый этап его функционирования был представлен творчеством Шолом-Алейхема, где человек воздуха — это местечковый еврей, неудачливый коммерсант, неизменно терпящий провалы и упорно сохраняющий веру в возможность разбогатеть), а полвека спустя к «экзистенциальной» (связанной с проблемой

³ Данная модель сохраняется также в романе «Русская канарейка. Желтухин» (2014).

⁴ В целом, данный образ, возникший в еврейской литературе и получивший широкую популярность в нееврейских кругах, может быть отнесен к числу еврейских национальных типов. Трансляция его в автодискурсе предполагает, как правило, юмористическое / ироническое освещение («человек воздуха» как неудачник, любитель нереализуемых проектов обогащения), тогда как гетеродискурс дает скорее негативную оценку (евреи как «паразиты», предпочитающие «нетрудовые» пути обогащения, сбыт «воздуха», и противостоящие честным труженикам, людям «земли»).

Ироническое восприятие образа «человек воздуха» сохраняется в романе «Почерк Леонардо», трансформируясь в образ «торговца воздухом», персонификацией которого становится Аркадий Мессинг.

личностной самоидентификации, как это происходит в эссе «Человек ниоткуда» (1967–1969) философа Г. С. Померанца: «Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои <...> Но зато миллионы интеллигентов стали чем-то вроде неизраильских евреев, “людьми воздуха”, потерявшими все корни в обыденном бытии» [Померанц]), то в творчестве Д. Рубиной на первый план выходит синтетичное, этноэкзистенциальное содержание.

В основе рубиновского варианта национального типа «человека воздуха» лежит особый творческий тип мышления: «...обнаруживается внутреннее сходство героев. Все они — странные “люди воздуха” — подчас в самом буквальном смысле: воздушная гимнастка Анна из “Почерка Леонардо” всю жизнь посвящает зеркалам, их глубинной сути; талантливый художник Захар Кордовин свой немалый дар отдает сотворению подделок, иллюзий; гениальный кукольник Петя из “Синдрома Петрушки” вообще занят созданием “иной реальности” — жизни кукол. И апогей этой немислимой “легкости бытия” — его танец с пустотой в эпилоге» [Рубина, 2011б, с. 1] и особый характер отношений с Богом, репрезентируемый «иаковским» кодом. В связи с этим внутренним сюжетом трилогии выступает борьба человека-«демиурга» с Богом, кумулятивным выражением которой предстает история борьбы Иакова с «Некто».

Игра с «иаковским» кодом, в основе которого — стяжение двух номинаций (Иаков / Израэль), обуславливает сопряжение двух форм идентичности, личностной (Иаков) и национальной (Израэль). «Иаковский» код в трилогии «Люди воздуха» может реализовываться эксплицитно (на персонажно-образном уровне) и в данном отношении он связан, прежде всего, с национальной идентичностью («Белая голубка Кордовы»), и имплицитно (на авторском, интертекстуальном уровне), раскрывая, в первую очередь, личностный план (соотнесенный на авторском уровне с национальным дискурсом).

«Иаковский» код репрезентируется по-разному в каждом из романов. Единым же для всей трилогии выступает понимание борьбы главных героев: Анны («Почерк Леонардо»), Захара («Белая голубка Кордовы»), Петра («Синдром Петрушки») — как борьбы с Богом через характерное для них стремление создавать альтернативную реальность, «могучую волю к постоянному созиданию своего магического мира» [Рубина, 2011в, с. 52], и в тоже время как поединка со своей гениальностью в свете скрытой в подобном даре деструктивности, ведущей к осознанию необходимости ограничения своего дара, к признанию себя не демиургом, подобно Богу, а лишь его «марионеткой» («...Платон называл человека божьей марионеткой и говорил, что у него тоже много нитей — добрые побуждения, дурные побуждения... Но подчиняться стоит только “золотой нити” разума...» [Там же, с. 127]) и последующему обретению своего «я».

Обладатели данного («демиургического») типа художественного сознания могут быть определены как художники «пограничья»⁵. Все они, «люди воздуха», обладающие сверхчеловеческими, безграничными возможностями и реализующие их в творческом процессе (им «дано больше, чем полагается обычному

⁵ Сама писательница называет тему пограничья, «двоящейся реальности» звеном, объединяющим все три романа в одно [Дина Рубина].

смертному» [Рубина, 2012, с. 159]). Их сверходаренность раскрывается наиболее полно благодаря контрастному соотнесению с творчеством «земных» художников, «людей земли» — Арина («Почерк Леонардо»), Андриуша («Белая голубка Кордовы»), кукольники семейства Прохазка («Синдром Петрушки»). Важно отметить, что ни в одном из романов не выстраивается «аксиологическая» градация художников «пограничья» и «земных» художников, предполагающая «дискредитацию» дара последних: они, безусловно, талантливы, но их талант, сколь бы велик он ни был, не сравним с гениальностью художников «пограничья», бросающих вызов реальности и норме; отвергающих сами законы бытия, создавая свой, особый, мир; выходящих за пределы человеческих возможностей, когда создаваемое ими пугает своим совершенством, как это происходит с зеркальными проектами Нюты [Там же, с. 305] или андроидом, сконструированным Петром Уксусовым, совершенным настолько, что зритель испытывает страх, неизбежно сменяющий восхищение [Рубина, 2011в, с. 55]. Творчество «земных» художников близко, понятно, созидательно, лишено той имманентной, потенциальной деструктивности, что скрывается в даре их «оппонентов».

Показательным в данном отношении выступает контраст двух кукол в романе «Синдром Петрушки»: Страшидлы, изготовленной мастерами Прохазка, и Эллис, созданной Петром. Страшидла, «Баба-Яга — кукла-великанша с аппетитным мясистым кренделем вместо носа» [Там же, с. 321], «замечательная работа Зденека и Тонды» Прохазка [Там же, с. 187], вызывает у людей лишь интерес и веселый ужас, пугая их исключительно «хитрейшей механикой с фотоэлементами», благодаря которой она распаивает оскаленную пасть и клацает зубами. Тогда как прекрасная Эллис, обладающая обворожительной внешностью, неизменно вызывает восхищение и страх: «ее люди боятся, как... сушеных голов на поясе у шамана твоих австралийских бушменов. Или как мумию... Восхищаются и предпочитают держаться подальше» [Там же, с. 412]. И несмотря на детальные объяснения ее «технического» устройства (колесики для плавного хода, силиконовые вставки для того, чтобы волновалась и дышала грудь, и т. д.), она по-прежнему остается необъяснимой и пугающей. Никакое рациональное объяснение не способно уничтожить суеверный страх перед ее совершенством и объяснить ее неправдоподобную «правдоподобность».

Всесилие гениальности позволяет главным героям трилогии, Анне, Захару и Петру, создавать симулятивные миры, противостоящие реальности, ее расширяющие или экспансирующие: Анна формирует собственную зеркальную реальность и пытается изменить судьбы окружающих ее людей (благодаря возможности предвидеть их будущее), вступая благодаря этому в конфликт с «неведомой вышней силой» [Рубина, 2012, с. 77], неотвратимостью⁶; Петр — творец кукольной Вселенной; Захар же не столько создает собственную реальность, сколько расширяет существующую за счет реализации «нереализованного» или восстановления утраченного [Рубина, 2011а, с. 320].

⁶ Как отмечает А. И. Бродский, данная тенденция в большей степени характерна для русской традиции: «русские мыслители усматривают в сцене богоборчества Иакова образ *противостояния судьбе* [курсив автора. — Д. З.]» [Бродский, с. 123].

Вместе с тем, формирование своего мира оборачивается для героев герметичностью в мире настоящем: для художников «пограничья» наивысшая степень раскрытия их гениальности и максимальное усиление их одиночества — прямо пропорциональные величины. Проявляя свою гениальность и воплощая свои проекты в жизнь, создавая альтернативную реальность и уходя в нее, «люди воздуха» неизменно попадают в коммуникативный вакуум. Творчество художников «пограничья» внешне становится основной формой их диалога с миром (наиболее открыто это реализуется в отношении Петра Уксусова [Рубина, 2011в, с. 39, 43] с его ярко выраженным аутизмом, но утрата полноценного контакта с окружающими характерна и для Захара с Ньютой), внутренне же является главной причиной их одиночества, когда преодоление коммуникативного провала оборачивается еще большей коммуникативной герметизацией, создавая тем самым своеобразный парадокс. Показательным в данном отношении становится сужение круга близких героям людей в каждом из романов трилогии. В силу этого важным моментом в обретении своего «Я» для «людей воздуха» становится ограничение своей гениальности, стремление стать не демиургом, а человеком, «марионеткой» Бога. Отказ от симулятивной реальности выступает главным условием преодоления герметичности, полноценного существования в реальном мире: в «Белой голубке Кордовы» свидетельством «разгерметизации» Захара предстает его встреча со своим родом; в «Почерке Леонардо» нарушение герметичности реализуется на уровне нарративной организации: вспоминая об Анне, рассказывая о ней, разговаривая с ней, герои разрушают ту герметичность, что окружала ее ранее; в «Синдроме Петрушки» «разгерметизация» Петра происходит на нескольких уровнях: восстановление диалога с людьми происходит на сюжетном уровне (задуманный им проект «экспериментального синтетического» театра «люди-куклы» [Там же, 419]), с Богом — на авторском (финальный танец на мосту, призванный «скрасить грандиозное одиночество Творца» [Там же, с. 427]).

«Отказ» «людей воздуха» от дара не всегда оказывается синонимичен самоограничению, скорее, наоборот, становится наивысшей точкой творческого «произвола», как это происходит в отношении Анны и Захара. Гармонично взаимодействующие со своей гениальностью в детстве, взрослея и переживая глубокую психологическую травму, непосредственно связанную с их даром (смерть Тани Маневич: «впервые, безо всякого ее желания, наотмашь и больно, как удар бича, *зеркала показали ей смерть* [курсив автора. — Д. З.]» [Рубина, 2012, с. 204], смерть Андрюши как трагический финал аферы Захара, подделавшего «Спящую Венеру» Рубенса), они начинают бороться с ним, «отрицая» его: Анна — пытаюсь предотвратить «неотвратимое» [Там же, с. 203, 341] и борясь за свою внутреннюю свободу, желая самостоятельно определять свою жизнь, не следуя указаниям свыше; Захар — отказываясь от себя; талантливый художник, он, став невольной причиной смерти друга, дает своеобразный обет: «отказаться» от себя, «не жить своей жизнью» в искусстве в искупление своей вины перед Андрюшей. Теперь он гениальный живописец-«стилизатор», способный воспроизвести картины всех художников — «одних за несколько недель, других — за пару часов» [Рубина, 2011а, с. 112]. Однако необходимость жить жизнью других, вызванная взятой

им на себя ролью восстановителя утраченной и «потенциально возможной» культуры, скорее «извращенная», деформированная форма реализации его прежнего дара, а не отказ от него, так же, как и бунт Анны — лишь «перевернутая», зеркальная форма ее изначального дара.

Отвергая свою исключительность («...случается, что демиург изо всех сил хочет остаться только человеком. То есть понимаете, что это такое? Это же “я возвращаю ваш портрет” — самому Господу Богу!» [Рубина, 2012, с. 267–268]⁷) и стремясь быть «просто» человеком, Анна, тем не менее, не отказывается от попыток «переспорить» Бога, пытаясь управлять людьми и их судьбами, вначале борясь со своим даром, а позднее пытаясь сбежать от него «зеркальным коридором» [Там же, с. 375]. Отказываясь от своего дара, она лишь эксплицирует его, создавая собственную «правильную» зеркальную реальность, разделяя зеркала на «хорошие» («внешние», те, которыми она может управлять) и «плохие» («внутренние», не поддающиеся ее манипуляциям). Символическим воплощением стремления выйти из зеркального плена становится поставленный ею номер «Огненное кольцо»: «...тонкая фигурка в огненном кольце <...> билась среди зеркал, не в силах выбраться из горящего круга» [Там же, с. 301], «в конце концов зеркала поднимались и уплывали вверх, музыка стихала... И в крошечной тьме, в тишине, что оглушала более, чем музыка, на черном помосте жизни оставалась одинокая женщина с тусклым огоньком измученной души в собственной руке» [Там же, с. 302]. В силу этого ограничение своей гениальности, неприятие Зеркала оборачивается для Анны моментом наивысшей безграничности, переходом от человеческой ипостаси Иакова к «ангелической», когда «маленькая хохотунья-подскока» [Там же, с. 58], игравшая со своим даром в «бирюльки» [Там же, с. 256], сменяется «ангелом», вершащим судьбы людей. При этом по мере усиления ангелической ипостаси героини усиливается ее демонизация [Там же, с. 264]. Так, если первое впечатление от нее связано с фиксацией витальности, жизнерадостности [Там же, с. 44, 63 и т. д.] как ее основных черт, то более позднее, второе впечатление наделяет ее пугающей ангелической (сверхчеловеческой) природой [Там же, с. 267–268].

Принятие на себя демиургических функций оборачивается для художников пограничьем комплексом вины, вызванным разрушением нормальных, «правильных» человеческих отношений, сменяемых «духовным овладением». Отражением этого может служить «ненормальный» характер отношений между «людьми воздуха» и их избранниками, их абсолютная герметичность, «закапсулированность» [Там же, с. 35], невозможность разрыва отношений (необходимо отметить, что Володя — временный партнер Анны, которого она может отпустить, освободить [Там же, с. 361]). С «людьми воздуха» связан союз не столько тел, сколько душ. Как результат этого, возникает парадокс: отношения Анны и Сени, Петра и Лизы не лишены чувственности, но вместе с тем они сугубо «платоничны».

Создавая альтернативную реальность, «люди воздуха» «втягивают» в нее своих близких, «овладевая» их душами. Показательны в данном отношении

⁷ Обращение к картине Рембрандта позволяет визуализировать эту борьбу, где противником Анны становится сам Бог, а призом в поединке — независимость [Там же, с. 447].

образы Анны и Петра. Все люди делятся для них на зеркальных (Элиэзер) / незеркальных (Машута, Сеня, Володя), кукольных (Ромка, Каземир Матвеевич) / некукольных (Катыжанка, Лиза). Зеркальные и кукольные люди берут на себя роль учителей, наставников, «приемных родителей» «людей воздуха» в детстве, как это происходит с Анной / Элиэзером и Петром / Каземиром Матвеевичем. Незеркальные и некукольные люди изначально чужды создаваемой «людьми воздуха» симулятивной реальности, они целиком и полностью люди обычного мира. Однако и Анна, и Петр в своей герметичности способны общаться лишь с теми, кто находится в их мире, добровольно или насильно (и в этом их отличие от наставников, Элиэзера и Каземира Матвеевича: последние общаются как с зеркальными / кукольными, так и с незеркальными / некукольными людьми и «похищают» души лишь тех, кто изначально принадлежит зеркальному / кукольному миру. Об этом «духовном овладении» говорит перед смертью мать Петру: «тебя унес Лесной царь», подразумевая под Лесным царем Каземира Матвеевича [Рубина, 2011в, с. 336]). Однако результатом совершенного насилия становится комплекс вины, т. к. «втяжение», даже невольное, неосознанное (Машута), в симулятивную реальность болезненно и опасно для тех, кто чужд ей. Свидетельством этого становится психическое нездоровье Машуты и Лизы.

Значимым этапом в судьбе каждого из героев трилогии становится признание воли «неведомой вышней силы», управляющей их судьбами, отказ от роли демиурга и признание своей «человеческой» ипостаси. Финалы романов вариативны: уход в зеркальную вселенную, обретение Удела /родовой памяти, танец «божьей куклы», призванной скрасить одиночество Творца, — но объединяет их внутреннее состояние героев: смирение и отказ от соперничества, протеста, обретение своей идентичности (национальной, творческой, экзистенциальной) и/или родовой памяти.

Завершение процесса самоидентификации варьируется в каждом из романов. Для Анны, как и для Петра (в отличие от Захара, «встретившегося» со своим дедом), остается нереализованным знакомство с дедом, Вольфом Мессингом, чей провиденциальный дар она наследует. Надеясь зеркала провиденциальным потенциалом и считывая с них книгу жизни [Там же, с. 423], именно она, а не ее отец, Аркадий Мессинг, гениальный манипулятор и авантюрист, травестированно реализующий унаследованную одаренность, раскрывает трагическую «ипостась» обладателя провиденциального дара. Лишь приняв финал своей судьбы (смерть Сени, собственные скитания) и правильно оценив свой дар (не демиург, а «просто зеркало», которому «не позволено ничего исправить», а разрешено только «отражать» [Там же, с. 423]), отказавшись от попыток отсрочить / отменить «неотвратимое», она получает возможность уйти в «другую <...> *правильную зеркальную* [курсив автора. — Д. З.] вселенную» [Там же, с. 140], в которую она стремилась попасть с детства. Свидетельством ее пребывания в Зеркале становится то, что Сеня, встретившийся с ней перед смертью, видит ее в зеркале заднего вида своего автомобиля [Там же, с. 456].

Для Захара завершением сюжета самоидентификации становится восстановление творческой идентичности [Рубина, 2011а, с. 435] и «осознанное» повторное обретение своего Удела, воплощением которого служит кубок, близнец

того кубка, который он продал в молодости. Обретение Удела оборачивается восстановлением родовой памяти и, как следствие, обретением национальной идентичности.

В отношении Петра актуализируется «экзистенциальный» уровень понимания самоидентификации, выстраиваемый сквозь призму романа Г. Майринка «Голем». Петр на протяжении всей своей жизни «окукливает» окружающий его мир, стремясь утвердить превосходство кукольного над живым, итогом чего становится создание «правильной» Лизы — Эллис, что связывается с «големизацией», заменой живого мертвым» [Дугин]. Подобно Вассертруму, герою «Голема», он «убивает все живое» [Там же], становясь «демоническим духом, оживляющим мир “клипсот”, мир “скорлупы”, заставляющим его претендовать на абсолютность и самодостаточность» [Там же]. Важным в свете этого в отношении Петра становится преодоление этого кукольного плена через обретение своего истинного «я», уничтожение кукольности в себе, что и происходит в финальном танце героя. Впервые Петр определяется не как марионетка или кукла, а как «божья кукла», человек, ведомый «на бесчисленных нитях добра и зла» [Рубина, 2011в, с. 426].

Таким образом, одной из форм художественной репрезентации культурной модели еврейской национальной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» служит «иаковский» код. Обращение к нему, наряду с ресемантизацией культурного стереотипа еврейского гения и национального типа человека воздуха, позволяет писательнице трансформировать сложившуюся систему представлений о традиционной модели еврейскости, переводя ее в культурный, а не этноконфессиональный регистр.

Бреева Т. Н. Концептуализация национального в русском исторософском романе ситуации рубежности : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 452 с. [Breeva T. N. Konceptualizacija nacional'nogo v russkom istoriosofskom romane situacii rubezhnosti : dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2010. 452 s.]

Бродский А. И. Русский Пануэл. Историко-эзегетический очерк [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Veche%20№22-10.pdf> (дата обращения: 12.01.2014). [Brodskij A. I. Russkij Panujel. Istoriko-jekzegeticheskij ocherk [Electronic resource]. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Veche%20№22-10.pdf> (mode of access: 12.01.2014).]

Дина Рубина о куклах и иной реальности [Электронный ресурс] / беседовал Н. Александров. URL: <http://www.jewish.ru/culture/press/2011/01/news994292830.php> (дата обращения: 12.03.2014). [Dina Rubina o kuklah i inoj real'nosti [Electronic resource] / besedoval N. Aleksandrov. URL: <http://www.jewish.ru/culture/press/2011/01/news994292830.php> (mode of access: 12.03.2014).]

Дугин А. Г. «Магический реализм» Густава Майринка [Электронный ресурс]. URL: <http://literature.gothic.ru/articles/meyrink.htm> (дата обращения: 17.02.2014). [Dugin A. G. «Magicheskij realizm» Gustava Majrinka [Electronic resource]. URL: <http://literature.gothic.ru/articles/meyrink.htm> (mode of access: 17.02.2014).]

Иаков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11657> (дата обращения: 12.03.2014). [Iakov [Electronic resource]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11657> (mode of access: 12.03.2014).]

Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004. 25 с. [Lukina A. V. Sociokul'turnye tehnologii formirovanija nacional'noj identichnosti (istoriko-metodologicheskij aspekt) : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Ekaterinburg, 2004. 25 s.]

Померанц Г. С. Человек ниоткуда [Электронный ресурс]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_man_air.htm (дата обращения: 12.01.2014). [Pomeranc G. S. Chelovek niotkuda [Electronic resource]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_man_air.htm (mode of access: 12.01.2014).]

Рубина Д. Белая голубка Кордовы. М., 2011а. 544 с. [Rubina D. Belaja golubka Kordovy. M., 2011. 544 s.]

Рубина Д. Люди воздуха. Трилогия. М., 2011б. 976 с. [Rubina D. Ljudi vozduha. Trilogija. M., 2011. 976 s.]

Рубина Д. Синдром Петрушки. М., 2011в. 432 с. [Rubina D. Sindrom Petrushki. M., 2011. 432 s.]

Рубина Д. Почерк Леонардо. М., 2012. 464 с. [Rubina D. Pocherk Leonardo. M., 2012. 464 s.]

Сорокин В. Борение Иакова // Историко-культурный контекст Ветхого Завета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bible-center.ru/book/context/struggle.jsessionid=67irhc5zfxcn> (дата обращения: 12.01.2014). [Sorokin V. Borenie Iakova // Istoriko-kul'turnyj kontekst Vethogo Zaveta [Electronic resource]. URL: <http://www.bible-center.ru/book/context/struggle.jsessionid=67irhc5zfxcn> (mode of access: 12.01.2014).]

Статья поступила в редакцию 18.04.2014 г.

УДК 811.161.1'373 + 811.161.1'28

Т. В. Леонтьева

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ МОТИВЫ В РУССКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ОБЫЧАЯ*

В статье представлен мотивационный анализ обозначений обычая в русских народных говорах и общенародном языке. Лексемы разделены на группы согласно производящим основам, сгруппированным в свою очередь по типам мотивов. Предлагается описание нормативно-регулятивных мотивов в номинациях со значением 'обычай'. Рассматриваются слова, во внутренней форме которых запечатлены представления об обычае как инструменте организации жизни и быта. Автор считает, что результаты анализа лексического материала подтверждают выводы о регулирующей функции обычая, которые содержатся в социально-философских исследованиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантика; русские народные говоры; обычай; традиция; обряд.

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русском литературном языке неоднократно становились предметом анализа в семантическом ключе. Уделялось внимание особенностям семантики слов русского литературного языка *обычай*, *традиция*, *ритуал*, *закон*, *обыкновение*, *нрав* и разграничению соответствующих понятий [Веснина; Глебкин; Кравченко; Львов; Мустайоки, Вепрева; Сичинава; Чурсина; Шацкая; и др.]. Реже предметом изучения становится лексика русских народных говоров [Грицкевич, Новиков]. Между тем накопленные диалектные материалы содержат значительно большее количество обозначений обычая (по нашим данным, полученным в ходе просмотра словарей и архивов, более 90 слов), чем русский литературный язык.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке».

Представление обозначений обычая в словарях русских народных говоров таково, что значение приходится уточнять в зависимости от контекста, поскольку в дефиниции зачастую содержится только слово *обычай* без конкретизации того, в каком из его 19 значений оно употреблено, а примеры не всегда есть. Словом *обычай* может обозначаться невероятно широкий круг понятий: любое предписание, принятое в быту поведение, обрядовый элемент, привычный способ выполнения каких-либо хозяйственных работ, обусловленное особенностями местности, климатом, исторически сложившееся отсутствие или наличие какого-либо вида хозяйственных работ (клюкву собирают или не собирают, кресты не ставят на могилах, просватанье обязательно, поминки делают, бабы ходят с кичками и в поневах) и мн. др. Мы принимали во внимание такие синонимы обычая, которые служат обозначениями бытового или обрядового установления.

В отношении лексических множеств, как показывает уже сложившаяся исследовательская традиция, информативен ономаσιологический подход. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризирует мир» [Толстая, с. 119]; «Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономаσιологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны — ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [Варбот, с. 45].

Ономаσιологический подход к материалу предполагает анализ внутренней формы слов как сохраняющей актуальную информацию о том, каким представляется носителю языка объект номинации, в данном случае — социальная норма, обычай. Мотивационный анализ собранного нами методом фронтального просмотра словарей и картотек множества обозначений обычая позволил выявить ряд мотивов. Под мотивом понимается реконструируемый смысловой элемент, фиксирующий факт осмысления объекта номинации через апелляцию к представлениям о других объектах действительности. Такой анализ вскрывает семантическую связь между двумя словами, из которых одно является производящим, другое — производным.

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке были проанализированы нами в рамках ономаσιологического подхода. Обозначения обычая разделены на группы согласно производящим основам, сгруппированным в свою очередь по типам мотивов, актуализируемых посредством данных производящих основ.

Выделено четыре группы мотивов: нормативно-регулятивные, ментально-психологические, онтологические и субъективно оценочные. О ментально-психологических мотивах более подробно см.: [Леонтьева, 2014]. В данной статье будет представлено описание нормативно-регулятивных мотивов.

Среди обозначений обычая самую большую группу образуют слова, во внутренней форме которых запечатлены мотивировочные признаки, позволяющие провести экспликацию представлений об обычае как требующем исполнения, поддержания порядка, организации, управления: «ряд», «череда», «править»,

«обиходить», «чин», «процедура», «положить», «постановить», «установить», «люди», «дед», «ум», «мода», «дорога», «стопа», «постен», «привилегия».

Производящая основа «ряд». Представление об обычае как о части повседневных событий либо ритуальных действий, т. е. как об элементе определенного порядка, вербализуется путем привлечения корня *-ряд-*.

Прежде всего отметим лексические факты русского литературного языка — *обряд* и *порядок*. В русских народных говорах находим их производные: арх., ворон. *обряда* 'обычай, порядок, обряд' [СРНГ, вып. 22, с. 222], юж.-урал. *обряда* 'обычай': «Обычай был встречать мужа у ворот; у нас у самих была такая обряда» [Малеча, т. 3, с. 37], пск. *обрядность* 'обычай, порядок, обряд': «Везде своя автономия, обрядность» [СРНГ, вып. 22, с. 222], казак.-некрас. *обрядок* 'обряд, обычай' [Там же, с. 223] и др.

Иллюстративные контексты к слову *обряд*, фиксируемому в речи диалектоносителей, свидетельствуют о том, что оно трактуется здесь значительно шире, поскольку обозначает вообще установления, особенности организации быта, ведения хозяйства, в отличие от терминологической трактовки его как обозначения символических обрядовых действий: арх., новосиб. *обряд* 'обычай, привычки, приемы в деле; правила, установки': «Наших ловецких обрядов, поди, и не знает он» [Там же, с. 221], юж.-урал. *обряд* 'обычай, право': «Итак, для сих-то самых причин воздумали мы назвать сего Пугачёва покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежния обряды»; «Какой у вас хороший порядок или привычка, обряд» [Малеча, т. 3, с. 36].

Слова с приставкой *по-* также служат преимущественно для обозначения «бытовых обычаев»: пск., твер. *поряд*, *поряда* и *порядища* 'заведенный порядок, обычай' [СРНГ, вып. 30, с. 122], арх., волог., мурман., олон., пск., твер. *порядня* 'обычай, обыкновение, устои': «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня» [Там же, с. 123], свердл. *порядня* (фонет.? *порядня?*) 'обычай': «Старая поредня лучше была, вечёрки часто были» [ЭИС, вып. 3, с. 131], арх., мурман. *порядня* и *порядня* 'обычай, уклад, традиции': «Где какая деревня, тут такая и поредня: везде всё по-разному» [СРГК, вып. 5, с. 87], волог. *порядня* 'домашнее хозяйство, распоряжение и обычай' [Дилакторский, с. 391].

Примечательно, что и слово *обряд*, и лексема *порядня* выступают в русском языке в качестве обозначений ведения домашнего хозяйства или хозяйственной утвари: *порядня* 'дела, связанные с ведением домашнего хозяйства': «Жену учи... и домашнему обиходу, и всякой порядне умела бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умела» (XVII в. ~ XVI в.), 'предметы домашнего обихода', 'снасть, оснащение' [СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 147], волог., вят., новг., олон. *порядня* 'работа по дому, ведение хозяйственных дел, домашнее хозяйство': «Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня» [СРНГ, вып. 30, с. 123], волог., перм., твер., яросл. *обряд* 'работы по дому, по хозяйству (приготовление пищи, уход за скотом и т. д.)', волог., перм., пск. *обряд* 'предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка' [СРНГ, вып. 22, с. 221] и др.

Нет в русском литературном языке структурно-семантических аналогов слову с приставкой *на-*: свердл. *наряд* 'обычай': «Ране наряды соблюдались»; «В старину нарядов много было» [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «чин». К числу обозначений обычая, для которых релевантна идея ряда, порядка, следует отнести устар. *чин* 'порядок совершения чего-л.; обряд' [ССРЛЯ, т. 17, с. 1028], урал. *чин* 'обычай, обряд': «Раньше говорили: родился чином и помер чином» [Малеча, т. 4, с. 446]. По данным этимологического словаря, праслав. *činъ восходит к индоевропейской основе, которая производна от глагола со значением 'лежать, покоиться; класть'. В свою очередь, глагол *чинить* восходит к праслав. *činiti, производному от *činъ, и лишен соответствий в других индоевропейских языках, в славянских же имеет широкий спектр значений, часть которых сводима к древней семантике укладывания слоями [ЭССЯ, вып. 4, с. 112–115]. Далее находим *чин* 'порядок', 'подчинение', 'чиноположение, последование', 'правило, устав', 'определенное место', 'степень', 'должность', 'сан', *чинно* 'в порядке, стройно', *чинити* 'устраивать' [Срезневский, т. 3, с. 1517–1522]. В современном русском языке слово *чин* также имеет значения, которые связаны с рядностью, определением места в ряду, положением, классом, разрядом (*нижний чин*, *высокий чин*, *военные чины*).

Лексемам *чин*, *чинить* родственное слово *причина* [ТСРЯ/С, с. 744; Фасмер, т. 3, с. 369], которое в русских говорах зафиксировано в качестве обозначения обычая: свердл. *причина* 'обычай': «Это причина така была заведёна, что это было, чтобы так. Чтобы жили мирно, чтобы смех, чудо было... не было никакой тоски-печали» [ЭИС, вып. 3, с. 131].

В древнерусском языке находим также приставочное образование, весьма близкое семантически анализируемому диалектному факту, несмотря на то, что в дефиниции отсылка к обычаю отсутствует: *причина* 'порядок, правила, по которым совершается что-либо': «И шахъ бы Аббасъ новыхъ причинъ всчинати не велель, а велель имъ [московским послам] быти въ ответе у себя на дворе, а къ ближнимъ людемъ шаховымъ имъ не езживатьъ» [СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 79].

В гнезде, к которому принадлежит слово *причина*, присутствуют лексические факты, выражающие семантику начала: *причина* 'начало, почин': «От Ивашка причина была» [Срезневский, т. 2, с. 1494], *причинати* 'начинать': «А сказываютъ: платься однорядки и кафтаны... радные паны причинають делати и многие любять носити ныне съ московского обычая» [СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 79], волг. *причинать*, *причинаться* 'приступать к какому-либо действию, начинать' [СВГ, вып. 8, с. 72]. Бытийный мотив изначального, исконного существования очень продуктивен в лексико-семантическом поле «Обычай».

Производящая основа «процедура». Результатом трансформации книжного слова *процедура* является, вероятно, рус. (мордов.) *процезура* 'обычай, порядок': «Замуш вышль ни спрасясь, пръцызура у нас такая» [СРГМ, ч. 2, с. 1002].

Производящая основа «чередa». Сема исполнения действия согласно порядку зафиксирована и во внутренней форме помор. *цередá* 'обычай, церемония': «Любо — не любо, а череду провести надоть, не нами ведь ето было заведено» [Дуров, с. 433]. Ср. также: литер. *отводить черед* 'делать что-либо не по желанию, а ради соблюдения обычая, правил': «Проводимши мужиков, я поужинал, то-ись, главу только сделал, что ужинал, черед, значит, отвел, а на самом-то деле ничего не ел» (Железн. Уральцы) [ССРЛЯ, т. 8, с. 1288].

Производящие основы «править», «заправлять», «оправлять». Обозначения обычая во многих случаях содержат корневую морфему *-прав-*. Это могут быть бесприставочные образования или существительные с приставками *за-*, *о-*: волог., карел. *п ráво* 'обычай, традиция': «Право другое, у нас не так делают» [СРГК, вып. 5, с. 137], свердл. *п ráвило* 'обычай': «Не в правиле у нас так делать» [ЭИС, вып. 3, с. 131], астрах. *зап ráв* 'обычай, обряд, обыкновение' [СРНГ, вып. 10, с. 351], ворон., перм. *зап ráва* 'обычай, привычка': «Уже здесь в этом селе издавна такая заправа: бабы ходят с кичками и в поневах» [Там же], тамб. *зап ráва* 'обычай, порядок в быту': «Привязли миня с чужова сяла. Паставили на стол кроху. Ничаво. Ниужели у них тута такая заправа. Я ничяво ни знаю. А мне стыдна была. Ниужэли у них тах-та?» [СТГ, с. 81], дон. *зап ráва* 'обычай': «Тада такая была заправа» [БТСДК, с. 177], рус. (мордов.) *зап ráва* 'обычай': «Уш такая заправъ была в диревни — фсё сами дельли»; «Раньшъ ф пичях парились, заправъ така была»; «У нас нет такой заправы — зьлатую свадьбу играть» [СРГМ, ч. 1, с. 281], волог. *оп ráва* 'порядок, образ жизни': «Я не хулю нонешну оправу. Не любо — не живите. Как уходят, так и надо, а то че терпеть. Один в одну сторону, другой в другую» [СРГК, вып. 4, с. 222].

Реконструкция мотивировки для подобных языковых фактов должна проводиться на основе соотнесения с глаголами того же корня, имеющими близкие значения: разг. *справлять* 'отмечать по установленному обычаю (какое-либо событие); устраивать': «Поминки по отцу Борис справил княжеские; напоследок пировала у Бориса почти вся деревня» (Сок.-Микит. На тепл. земле) [ССРЛЯ, т. 14, с. 581], диал. *отп ráвить* 'отметить по обычаю, справить' (оренб., урал.): «Для того-то они в будни и берегают лишний рубль, чтоб отправить как следует, наряду с прочими, праздник» и 'провести, совершить по обряду' (оренб., урал.): «Помер мужик, отправили похороны»; «Сорочкины отправили честь честью» [СРНГ, вып. 24, с. 278], онеж. *вып ráвливать* 'отмечать по установленному обычаю какое-либо событие': «Стану я години-именины вси выправливать, Вси выправливать за двенадцать лет» [СРНГ, вып. 5, с. 332], свердл., север. *исп ráвлять* (несов. *исп ráвить*) 'отмечать по обычаю какое-либо событие, праздновать, справлять': «Я исправила честное похороньце»; «Нас приглашали свадьбу исправлять»; «День рождения я не исправляла никогда» [СРНГ, вып. 12, с. 242]. Глаголы, как можно видеть, демонстрируют еще большее разнообразие префиксов. Показательно и наречие вят., свердл. *по п ráвски* 'по правилам; по обычаю': «У их свадьба была по-правски, в церкви венчались» [СРНГ, вып. 29, с. 340].

Хотелось бы обратить внимание на семантическое различие между существительными, обозначающими обычай, и глаголами, обозначающими действия по исполнению обычая: иллюстративные контексты свидетельствуют о том, что существительные используются по отношению к бытовым особенностям (организации хозяйственных работ и приема пищи, ношению одежды, мытью в печах, разводам и т. д.), а глаголы характеризуют исполнение обрядов — свадебных, похоронных и т. д.

Трактовка обычая как «того, что правят, справляют» возможна (поддерживается глаголами), однако отмеченное различие между однокоренными словами разных частей речи может свидетельствовать о том, что для существительных

релевантна идея установления, ориентира, правила — «того, что является правильным» (в гнезде слов, к которому принадлежат слова *управлять, направление, правило, правильность*, эта идея — одна из центральных).

Производящая основа «обиходить». Семантическим аналогом *обряду, порядне, справе* как обозначениям работы по хозяйству является и диал. *обиход* 'умение хорошо вести домашнее хозяйство, содержание дома в чистоте и порядке' [СРНГ, вып. 22, с. 68], поэтому ожидаемо и появление у него значения 'обычай': арх., кубан. *обиход* 'традиция, обряд, церемония, обычай' (*свадебный обиход; праздничный обиход*; «Я все их обиходы знаю» [Там же]). Во внутренней форме слова обнаруживается «об-ход» (сложение именной формы префикса *оби-* и имени **xodъ*) [ЭССЯ, вып. 27, с. 94], а в смысловом отношении мотивировочный признак актуализирует сему ухода за кем-, чем-либо, ухаживания, обслуживания, исполнения принятого порядка.

Производящие основы «положить», «поставить», «установить». Среди дериватов слов, которые этимологически выражают семантику положения в пространстве, есть диалектные обозначения обычая. Это, во-первых, дериваты слова *положить*: смол., твер. *положение* и *положение* 'заведенный порядок, обычай': «У нас завсегда тако положение: уж ты, любезный, не рушь его» [СРНГ, вып. 29, с. 99], карел. *положение* 'обычай, порядок': «А теперь нет такого положения, невесте косу-то не расплетают» [СРГК, вып. 5, с. 57], свердл. *положенность* (ср. р.) 'обычай': «Тако положеность было, что в баню поведёшь, дак виник надеват. И на вино-то ленты навярчивали красны, на стол поставят» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Во-вторых, в качестве привлеченных производящих основ выступили слова *поставить, установить*: юж.-урал. *постановка* 'обычай, заведение': «В празднишны дни постановка такая была: девка сидит на беседке, сиденки такеи» [Малеча, т. 3, с. 343], юж.-урал. *постановка* 'обычай, общепринятый порядок' [СРНГ, вып. 30, с. 213], урал. *установка* 'традиция, обычай, распоряжение': «Третьего декабря любого прошлого года до революции установка войскового порядка была такова — выезжали на багрень» [Малеча, т. 4, с. 338].

Между первоначальной для соответствующих словообразовательных гнезд семантикой положения в пространстве и интересующим нас значением 'обычай' есть промежуточные ступени. Ближайшим семантическим источником для приведенных существительных со значением 'обычай' служат глаголы ЛСГ принятия решений, ср. разг. *положить* 'назначить, установить, определить' и 'решить, постановить' [ССРЛЯ, т. 10, с. 1049–1050], *постановлять* 'принимать решение относительно чего-либо, устанавливать': «Оскорбление тяжелое, и общество офицеров постановляет поединок» [Там же, с. 1535], *устанавливать* 'осуществлять, налаживать, организовывать' и 'назначать, определять, утверждать' [ССРЛЯ, т. 16, с. 961], астрах., волог., вят., сарат., смол., том., урал. *положить* 'поставить, определить, распорядиться': «На чем старшие положили, на том и младшие порешили»; «Изгорода не разгораживается, пока мир того не положит» [СРНГ, вып. 29, с. 101], камч., твер. *постановлять* 'назначать, определять, устанавливать': «Какое жалованье тебе постановлено?»; «Отдам за ту цену, которую вы постановили» [СРНГ, вып. 30, с. 214]. Действиям, обозначаемым этими глаголами, может быть свойственна бессубъектность или неопределенная субъектность, которая

может передаваться синтаксическими средствами — безличными конструкциями *положено, постановлено*. Этот лексический материал позволяет заключить, что в обозначениях обычая реализовались нормативно-регулятивные мотивы ('размещать в пространстве, определять место чего-либо' → 'управлять, решать, организовывать, определяя порядок чего-либо' → 'обычай').

В русских обозначениях обычая реализуется также мотив ориентира, эталона.

Производящая основа «мода». Ранее мы уже отмечали, что слово *обычай* имеет среди прочих значение 'мода, современная тенденция', но и слово *мода* в русских народных говорах используется в качестве обозначений обычая как обряда либо бытового установления. В доступных нам словарях русских народных говоров у слова *мода* только дважды значение 'обычай' выделено в самостоятельное: помор. *мода* 'обычай, современный порядок': «Теперь уж мода не тая, что прежде была, кругом с песнями по улицам посада вечеру не ходят» [Дуров, с. 226], свердл. *мода* 'обычай': «Такая мода была заверована»; «На второй день мы к им [сватам] едем — хозяйство смотреть. Это уж обязательно, така мода была» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Однако это значение, оставшись неназванным, может быть выявлено в контекстах, служащих иллюстрациями в словарных статьях, посвященных другим лексическим фактам: перм. «Была мода такая: у невесты есть какое приданое, свадебжане надевают и по деревне казать богатство» [СРГЮП, вып. 3, с. 76], «Я выскочила, ей коблуком раз — хлысь, хлысь по башке её. Такая мода уж была — подругу невеста колотит» [Там же, с. 311], «В избе везде народ, угланы на полатах лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодяжник-то — голов десять-двенадцать, мода была заведена такая, полные палати, на печи, везде смотрели на жениха с невестой» [СРГЮП, вып. 1, с. 188], новг. «Прежде мода така была: парни садятся на колени к девкам и целуют каждую по кругу; это головешки собирать на посидке» [НОС, с. 173] и др.

Прокомментируем мотив, который обусловил появление значения 'обычай'. Мы имеем дело с заимствованием, которое было усвоено народной речью. Хорошим подспорьем для появления значений 'популярная тенденция' и 'обычай' явилось представление о моде (в разных ее ипостасях) как эталоне, мериле, нашедшее выражение в значениях 'пример', 'мера' и 'образец выполнения чего-либо, модель': перм. *сверх моды на вершок* 'о чем-л. в большом количестве, в избытке': «В те годы-то не было экого в магазинах. А в эти-то годы уж все появилось сверх моды на вершок» [СРГЮП, вып. 2, с. 93], том. *снять моду с кого, с чего* 'взять пример с кого-л., следовать какому-л. образцу' [СРНГ, вып. 18, с. 195], арх. *на другую моду* 'иначе, по-другому': «Дома-то двужирные, двуконечные строили, а нынъ всё на другую моду» [СРГК, вып. 3, с. 244] и мн. др. Носители народной культуры осознают, что обычай довлеет над человеком в условиях традиционного быта, подчиняет себе взаимодействия в общине, определяет организацию хозяйственных работ и обряда. Этим объясняется выбор мотива: сходство между модой и обычаем состоит в том, что они выступают «образцами», на которые ориентируются люди.

Производящая основа «дорога». Среди пространственных образов символическими значениями наделен образ дороги, который проявился и в обозначении обычая: волог. *дорога* 'закон, правило, обычай': «Как дорога гласит, так

и поступай» [Дилакторский, с. 109]. В поиске семантического источника для появления этого диалектного лексического факта, помимо концептуализации дороги как судьбы человека (например, *дорога* 'о жизненном пути; об образе действий, о поведении': «Лучшую дорогу избрал, кто правду всегда говорить принял» [СРЯ XVIII, вып. 6, с. 218], урал. *дорога* 'судьба': «У меня така дорога: смеются надо мной — урод я» [СРНГ, вып. 8, с. 132]), можно указать также на понимание дороги, пути как вектора, генерального направления, служащего ориентиром при организации жизни и деятельности людей в какой-либо области действительности — в политике, творчестве и т. д.: *дорога* 'направление, путь следования': «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»; «Лихой был вояка [Кочубей], благородный человек, неграмотный был, а понимал, что его дорога с Лениным»; «С половины второго десятилетия XIX века совершенно кончилась эта однообразность в направлении творческой деятельности: литература разбежалась по разным дорогам» [ССРЛЯ, т. 3, с. 1004]. Обычай, как и дорога, — это «то, что ведет, направляет, указывает, выступает ориентиром».

Производящая основа «стопа». Возможно, к образу дороги апеллирует и юж.-урал. *стопá* 'обычай': «У нас вить у казаков все по-особенному, так и счас придерживаюся етих стопов» [Малеча, т. 4, с. 186]. Ср. наличие в тех же говорах соответствующего обозначения летней дороги: юж.-урал. *стопá* 'дорога, по которой ездят летом' [СРНГ, вып. 41, с. 231].

Однако мотив ориентира здесь может актуализироваться на базе соотношения с другим значением слова — южн., юж.-урал. *стопá* 'след, отпечаток ноги' [Там же]. Показательна для слова *стопа* в значении 'обычай' сочетаемость с глаголом — *придерживаться стопов*. В других говорах находим употребления слова *стопа* с глаголами передвижения в пространстве в описаниях следования образцу и подчинения: ряз. *идти, ходить по чьей-либо стопé, стопám* 'повиноваться, подчиняться кому-либо': «Он по нашей стопе-то не идет, дождик-то» и 'следовать чьему-либо примеру, поступать согласно какому-либо образцу': «Молодые люди по нашей стопе не идут, они идут по своей стопе» [Там же].

Производящая основа «постен». В плане актуализации в лексике обычая мотива отпечатка, следа интересный случай представляет собой сев.-двин. *постén* 'обычай, привычка' [СРНГ, вып. 30, с. 225], в отношении которого мы можем лишь выдвигать предположения, поскольку источник не содержит иллюстративного контекста.

В русских народных говорах это слово и его варианты обозначают, помимо нечистой силы (домового, черта и пр.), также какой-либо отпечаток — тень от чего-либо или след на снегу: новг., петерб., пск. *постén*, моск., новг., пск., твер., яросл. *постéнь*, пск. *пастén*, новг., пск., твер. *пáстень* и *пастéнь* 'тень, падающая от кого-, чего-либо': «Скоро и вечер, смотри постен какой»; «Ты идешь и постен иде»; «А у нас этта Васька увидел свою постень на стене, да как заревет — Ой боюсь!» [СРНГ, вып. 25, с. 262; вып. 30, с. 225], калин., калуж., твер. 'отпечаток кого-, чего-либо на снегу': «На постен нельзя глядеть — на человека влияет» [СРНГ, вып. 30, с. 225]; ср. *постень* 'место под стеной': «Азь бо есмь... аки трава блещена, растяще на постени, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет» [СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 239].

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, что среди иллюстративных контекстов много таких, в которых речь идет о наблюдениях над тенью или следом, служащих, как видно из объяснений говорящих, знаками, носителями информации.

Во-первых, по тени определяют время: ленингр. «Время раньше по постену глядели» [СРГК, вып. 5, с. 97]; пск. «Хошь узнать время, гляди на свою пастьень»; «По пастьени теперь будя коло полдня»; «В обед пастен маленький»; «Скоро солнце за лес: пастьень большой» [СРНГ, вып. 25, с. 263]; пск. *постен супротив* 'о времени, близком к полудню': «— Как-то рано, братке? — Да уж постен супротив» [СРНГ, вып. 30, с. 225].

Во-вторых, в гаданиях по отпечатку тела человека на снегу или по его тени, появляющейся на стене от горения свечи, предсказывается судьба человека: ленингр. «На Рождество гадали, угарку жгли, перед стеной держали и на постьень глядели»; волог. «Показывается отражение на поьстене, так смотрим, что получается» [СРГК, вып. 5, с. 97]; твер. «В рождественский сочельник вечером девицы делают (постен), т. е. ложатся спиной на снег, чтобы получился отпечаток фигуры на снегу. Наутро примечают, если постен ровный — муж будет добрый» [СРНГ, вып. 30, с. 225].

Тень и след выполняют функцию основания оценки, средства узнавания времени или судьбы человека. Думается, символический потенциал этих образов проливает свет на мотивы использования слова *постен* в качестве обозначения обычая, также служащего мерилем, ориентиром для представителя традиционной культуры.

Производящая основа «привилегия». Вероятно, в результате переосмысления книжного слова, попавшего в новую речевую среду, появились арх. *привилэгия* 'обычай, укоренившийся в быту порядок': «В других местах, наверно, иначе делали, иные были привилегии, по-иному водилось» [СРГК, вып. 5, с. 149], свердл. *привилэгия* 'обычай': «Ещё привилегий-то много было» [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Сема 'главный, приоритетный' дает к этому достаточные основания. Идея доминирования, приоритетности была преобразована в мотив ориентира, нормы, с которой сверяются способы организации быта и поведение людей.

Производящая основа «ум». Концептуализация ума как нормы (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 241]), т. е. мерила, ограничителя, служащего основой и инструментом оценки и коррекции поведения человека (ср. *наставить на ум, делать по уму*), позволяет отнести к числу регулятивных мотивов свердл. *ум* 'обычай': «Ума-то в деревне много нарушили»; «Дурной ум принятой был... Обливали молодых» (в Чистый понедельник Великого поста) [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «люди». Поскольку субъектом социальной регуляции выступает собственно сообщество людей, обозначение обычая может быть производно от слова *люди*: пск., твер. *полюдьё* 'обычай, заведенный порядок': «Уж у них такое полюдьё» [СРНГ, вып. 29, с. 186]. Ср.: ленингр. *людскі* 'так, как следует; правильно': «Ни по-русски умеешь людски, ни по-вепски» [СРГК, вып. 3, с. 169].

Производящая основа «дед». Среди дериватов существительного *dědъ* О. Н. Трубачев называет др.-рус. *дѣдина*, *дѣдѣна* 'дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон' [Трубачев, т. 3, с. 98]. Название старшего

родственника мотивирует обозначение обычая в силу того, что способно указать на обобщенного субъекта закрепления обычая и посредством этого — на давность существования обычая. Этот факт находится в полном соответствии с другими лексическими и фразеологическими единицами, описывающими обычай и объекты действительности, связанные с ним. Ср. использование мотивировочного признака «старый»: омск. *состáры* 'издавна, исстари': «Эти обычаи состары взялись» [СРНГ, вып. 40, с. 60], новосиб. *старínку поддёрживать* 'сохранять обычаи, традиции старины' [СРНГ, вып. 41, с. 73], диал. (Удм. ССР) *старобытный* 'придерживающийся старых обычаев (о человеке)' [Там же, с. 78], диал. [без указ. места] *стародум* 'любитель обычаев старины' [Там же, с. 80]. Носитель языка обращается также к мотивировочному признаку «до сих (пор)»: карел. *издосильного* 'издавна': «Этот обычай у нас издосильного идет» [СРНГ, вып. 12, с. 131], сиб. *по досёльке* 'по старинному обычаю' [ФСРС, с. 63] и др.

Таким образом, среди нормативно-регулятивных мотивов можно выделить три основные группы:

— мотивы расположения, порядка, организации, актуализировавшиеся через посредство производящих основ «ряд», «чин», «череда», «править, заправлять, оправлять», «процедура», «обиход», «положить», «постановить», «установить»;

— эталонно-ориентационные мотивы, реализовавшиеся при обращении носителя русского языка к производящим основам «мода», «дорога», «стопа», «постен», «ум», «привилегия» и др.;

— социально-регулятивные мотивы, обнаруживающиеся при использовании производящих основ «люди», «дед».

Этот комплекс мотивов, как нам кажется, является выразительной иллюстрацией к результатам социально-философских исследований, доказывающих регулируемую функцию обычая, его определяющее влияние на поведение человека как части социума, ср.: «Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями, через детальную регламентацию действий в конкретных ситуациях» [Суханов, с. 9].

Весьма показательно и запечатленное средствами языка представление о средствах социорегуляции. При отсутствии внешних или даже сформированных «внутри» общества, но обособленных органов управления средством регуляции поведения человека выступает собственно окружающий порядок, строй жизни («ряд», «порядок», «чин», «череда», «обиход»). Порядок приобретает инструментальную трактовку: он выполняет в жизненной практике функцию инструмента управляющего воздействия — социального эталона.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; ф-т филологии и журналистики; каф. общ. и сравн. языкознания. М., 2003. 608 с. [Bol'shoj tolkovyj slovar' donsogo kazachestva / Rostov. gos. un-t; f-t filologii i zhurnalistiki; kaf. obshh. i sravn. jazykoznanija. M., 2003. 608 s.]

Варбот Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2007. С. 45–46. [Varbot Zh. Zh. Jetimologicheskie

gnezda i leksiko-semanticheskie polja // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : III Mezhdunar. kongr. issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologičeskij fakul'tet, 20–23 marta 2007 g.) : trudy i materialy / sost. M. L. Remneva, A. A. Polikarpov. M., 2007. S. 45–46.]

Веснина Г. Ю. Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодеж. конф. / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск, 2012. С. 87–89. [Vesnina G. Ju. Jevoljucija leksičeskikh sredstv vyraženiija ponjatija «norma» v russkom jazyke // Tradicii i innovacii v filologii XXI veka: vzgljad molodyh učenyh : materialy Vseros. molodezh. konf. / отв. ред. Т. А. Demeshkina. Tomsk, 2012. S. 87–89.]

Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. 168 с. [Glebkina V. V. Ritual v sovetskoj kul'ture. M., 1998. 168 s.]

Грицкевич Ю. Н., Новиков В. Г. Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе // Вестн. Псков. гос. пед. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. Вып. 15. С. 77–80. [Grickevich Ju. N., Novikov V. G. Koncept «MODA» v dialektnom diskurse / Vestn. Pskov. gos. ped. un-ta. Ser. «Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogičeskie nauki». 2011. Vyp. 15. S. 77–80.]

Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. (Рукоп. Ин-та рус. яз. АН СССР). [Dilaktorskij P. A. Slovar' oblastnogo vologodskogo narečija v ego bytovom i jetnografičeskom primenenii. Vologda, 1902. (Rukop. In-ta rus. jaz. AN SSSR).]

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011. 453 с. [Durov I. M. Slovar' zhivogo pomorskogo jazyka v ego bytovom i jetnografičeskom primenenii / отв. ред. И. И. Mullonen. Petrozavodsk, 2011. 453 s.]

Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 51–66. [Kravčenko A. V. O tradicijah, jazykoznanii i kognitivnom podhode // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo : sb. v chest' E. S. Kubrjakovoj. M., 2009. S. 51–66.]

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2008. 280 с. [Leont'eva T. V. Intellect čeloveka v russkoj jazykovoj kartine mira / pod red. E. L. Berezovich. Ekaterinburg, 2008. 280 s.]

Леонтьева Т. В. Ментально-психологические мотивы в русских обозначениях обычаев // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 42–56. [Leont'eva T. V. Mental'no-psihologičeskie motivy v russkikh oboznachenijah obyčaja // Naučnyj dialog. 2014. № 4 (28): Filologija. S. 42–56.]

Львов А. С. Лексика Повести временных лет / АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1975. 368 с. [L'vov A. S. Leksika Povesti vremennyh let / AN SSSR, In-t rus. jaz. M., 1975. 368 s.]

Малеца Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург, 2002–2003. [Maleca N. M. Slovar' govorov ural'skikh (jaickih) kazakov : v 4 t. Orenburg, 2002–2003.]

Мустайоки А., Вепрева И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Рус. яз. за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62. [Mustajoki A., Vepreva I. T. Kakoe ono, modnoe slovo: k vorosu o parametrah jazykovoj mody // Rus. jaz. za rubežhom. 2006. № 2. S. 45–62.]

НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2010. XXVII, 1435 с. [Novgorodskij oblastnoj slovar' / In-t lingv. issled. RAN ; izd. podgot. A. N. Levichkin i S. A. Myznikov. SPb., 2010. XXVII, 1435 s.]

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. Вологда, 1983–2007. [Slovar' vologodskih govorov : v 12 vyp. Vologda, 1983–2007.]

Сичинава Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс] // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф. : ЮФУ, ноябрь, 2013. Ростов н/Д, 2013. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (дата обращения: 25.03.2014). [Sichinava N. G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnja [Electronic resource] // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija : sb. materialov konf. : JuFU, nojabr', 2013. Rostov n/D, 2013. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (mode of access: 25.03.2014).]

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. [Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej : v 6 vyp. / gl. red. A. S. Gerd. SPb., 1994–2005.]

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2013. 1560 с. [Slovar' russkih govorov na territorii Respubliki Mordovija : v 2 ch. / In-t lingv. issled. RAN. SPb., 2013. 1560 s.]

СРГЮП — *Подюков И. А.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2010–2012. [Podjukov I. A. Slovar' russkih govorov Juzhnogo Prika-m'ja : v 3 vyp. / I. A. Podjukov (nauch. red.), E. N. Svalova, S. V. Horobryh, A. V. Chernyh ; Perm. gos. gumanitar.-ped. un-t. Perm', 2010–2012.]

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912. [Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam : v 3 t. SPb., 1893–1912.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–. [Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F. P. Filina, F. P. Sorokoletova, S. A. Myznikova. M. ; L. ; SPb., 1965–. Vyp. 1–.]

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–. [Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1975–. Vyp. 1–.]

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л., СПб., 1984–. Вып. 1–. [Slovar' russkogo jazyka XVIII v. / AN SSSR. In-t rus. jaz. ; gl. red.: Ju. S. Sorokin. L., SPb., 1984–. Vyp. 1–.]

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. M. ; L., 1948–1965.]

СТГ — Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. Тамбов, 2001. 278 с. [Slovar' tambovskih govorov (duhovnaja i material'naja kul'tura) / sost. S. V. Piskunova, T. V. Mahracheva, V. V. Gubareva. Tambov, 2001. 278 s.]

Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976. 216 с. [Suhanov I. V. Obychaj, tradicii i preemstvennost' pokolenij. M., 1976. 216 s.]

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127. [Tolstaja S. M. Motivacionnyje semanticheskie modeli i kartina mira // Rus. jaz. v nauch. osveshhenii. 2002. № 1 (3). S. 112–127.]

Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 4 т. М., 2004–2009. [Trubachev O. N. Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura : v 4 t. M., 2004–2009.]

ТСРЯ/С — *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82000 слов и фразеол. выражений) / Л. П. Крысин, Л. В. Куркина ; отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с. [Shvedova N. Ju. Tolkovuj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov: (82000 slov i frazeol. vyrazhenij) / L. P. Krysin, L. V. Kurkina ; отв. red. akad. N. Ju. Shvedova. M., 2007. 1175 s.]

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. [Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. M., 1986–1987.]

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983. 232 с. [Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Sibiri / pod red. A. I. Fjodorova. Novosibirsk, 1983. 232 s.]

Чурсина О. В. Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта «мода» в английском и русском языках) // Гуманитар. исслед. 2008. № 3. С. 71–77. [Chursina O. V. Leksikograficheskie istochniki kak odin iz sposobov jeksplikacii konceptov (na primere koncepta «moda» v anglijskom i russkom jazykah) // Gumanitar. issled. 2008. № 3. S. 71–77.]

Шацкая Ж. Ю. Метафорическое моделирование как способ репрезентации концепта «мода» // Наука о человеке: гуманитар. исслед. 2014. № 1 (15). С. 224–229. [Shackaja Zh. Ju.

Metaforicheskoe modelirovanie kak sposob reprezentacii koncepta «moda» // Nauka o cheloveke: gumanitar. issled. 2014. № 1 (15). S. 224–229.]

ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в 5 вып. Екатеринбург, 2000. Вып. 3 : Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. 200 с. [Vostrikov O. V. Tradicionnaja kul'tura Urala : jetnoideograficheskij slovar' russkih govorov Sverdlovskoj oblasti : v 5 vyp. Ekaterinburg, 2000. Vyp. 3 : Narodnaja jestetika. Sem'ja i rodstvo. Obrjady i obychai. 200 s.]

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–. [Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov: praslav. leksich. fond / otv. red. akad. O. N. Trubachev. M., 1974–. Vyp. 1–.]

Статья поступила в редакцию 25.05.2014 г.

УДК 81:39 + 81'373.6

Е. Л. Березович

О СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ

Семантико-мотивационная реконструкция лексики в современном языкознании является не только частью процесса этимологизации слов, но и становится самостоятельной областью лингвистического исследования, тесно связанной с лексико-семантической типологией, изучением языковой картины мира и др. В статье обосновывается широкое понимание семантико-мотивационной реконструкции, определяются ее задачи, рассматриваются единицы ее категориального аппарата (семантико-мотивационная параллель, семантико-деривационный комплекс, деривационно-фразеологическое гнездо, семантико-мотивационное поле и др.), описываются некоторые методические приемы семантико-мотивационного анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантико-мотивационная реконструкция; этимология; лексическая семантика; семантический переход; семантическая параллель; семантическая типология; этнолингвистика.

Слово *реконструкция* обычно ассоциируется с существенной исторической глубиной, древностью. В лексикологии употребителен термин *семантическая реконструкция*, под которым чаще всего понимают одну из составляющих этимологического анализа, позволяющую восстановить исходный (первичный) смысл слова, который, как правило, скрыт от носителей языка толщей времени и не представлен в синхронной речевой практике.

В одном из своих докладов, сделанном более 30 лет назад, О. Н. Трубачев отметил, что «реконструкция лексических значений <разрядка автора цитаты> решительно отстаёт в своей методике. Её роль пассивна и вспомогательна, о ней вспоминают, когда “что-то не так”» [Трубачев, т. 1, с. 109]. За последние десятилетия в этой области был накоплен существенный новый опыт, но кардинальный сдвиг, по всей видимости, не произошёл. Сетования ученых продолжаются — и признание семантической реконструкции самой

слабой стороной этимологического анализа стало, по мнению Ж. Ж. Варбот, уже традицией [Варбот, с. 69].

Одна из причин такого положения в том, что история значений слов с трудом поддается систематизации вследствие слиянности судеб слов и вещей (точнее, их ментальных репрезентаций), а также яркой индивидуальности семантического пути слова — гораздо более выраженной, нежели путь фонетический или словообразовательный. При семантической реконструкции важную роль играет способность этимолога «переступить пределы очевидного и высоко вероятного в области лексических соответствий и работать в рискованной сфере гипотетического» [Malkiel, 1962, p. 200]. Здесь чаще всего проявляются существующие вне схем и алгоритмов, неформализуемые черты этимологического поиска, которые остроумно описал Я. Малкель: «творческая, артистическая составляющая», особая роль «озарения, внезапного понимания, “Einfall”» — мгновенного и непредсказуемого, и даже «приступы полностью безрассудного импрессионизма, беспорядочно играющего теми элементами рационализма, которые до сих пор придавали этимологии научно-респектабельный вид» [Ibid., p. 201, 202, 203].

Чтобы снизить риск непроверяемой гипотетичности и преодолеть «безрассудный импрессионизм», следует максимально систематизировать материал, подвергаемый семантической реконструкции. В свете этого исключительно важным признается создание семасиологического словаря (т. е. словаря семантических переходов) на материале широкого круга языков [Трубачев, т. 1, с. 316] (идею составления такого словаря одним из первых предложил И. Шрепфер на Лондонском лингвистическом конгрессе в 1952 г., см. [Schröphger]). Речь идет, как правило, о древних переходах вроде «рождать(ся) → знать (человека)», «таять → молчать», «поить, совершать возлияния → петь», «скот ↔ имущество» и др. [Трубачев, т. 1, с. 316–317]. О трудах славянских этимологов (Я. Розвадовского, О. Н. Трубачева, Э. Гавловой, Г. Поповской-Таборской, Х. Карликовой), обосновывающих необходимость создания такого словаря и разрабатывающих некоторые его принципы, см. в [Jakubowicz, s. 71–82; Толстая, 2012, с. 336–337]. Попытка создания фрагмента словаря (на материале славянских прилагательных, обозначающих физические и психические характеристики человека) представлена в [Jakubowicz]. Словарь призван сделать направленной и надежной одну из наиболее употребительных процедур семантического анализа в этимологии — «подбор семантических параллелей к предполагаемому развитию значений анализируемого слова» [Варбот, с. 69]. С его помощью можно было бы преодолеть «спорадичность» и «точечность» процедуры подбора параллелей: сегодня этимология обращается к ним «не систематически, а, так сказать, окказионально, по мере необходимости и в пределах решения конкретной этимологической задачи; сама же “грамматика” (закономерности, регулярности) семантических отношений не входит в ее задачи» [Толстая, 2003, с. 549].

В то же время опыт последних десятилетий «семантического бума» в лингвистике убеждает в том, что учет семантических переходов может играть далеко не только роль «лопаты этимолога». Их исследование значимо и в т и п о л о г и ч е с к о м п л а н е: семантическая типология «ставит своей целью изучение семантической структуры слова (словообразовательного или этимологического

гнезда <...>), возможных для них сочетаний смыслов, типов изменений смыслов (семантические переходы) в рамках данного слова или гнезда слов» [Толстая, 2013, с. 142]¹. Семантическая типология разрабатывается в пространстве как близкородственных языков, так и языков, связанных отношениями дальнего родства (ср., к примеру, работу Г. М. Яворской, где рассматриваются типологические параллели на материале английских и русских прилагательных со значением физических характеристик человека [Яворская, с. 47–95]), а также неродственных языков. В настоящее время готовится фундамент, позволяющий вести широкое семантико-типологическое исследование лексического материала разных языков мира, ср. проект «Типология семантических переходов в языках мира», в рамках которого создается «Каталог семантических переходов»².

Изучение закономерностей семантического развития слов должно способствовать объединению позиций разных областей семантики — синхронной vs диахронной, «монолингвальной» vs контрастивной vs типологической, призванных построить общую теорию смыслопорождения в лексической системе языка. О важности сближения подходов к диахронной и синхронной интерпретации слов писал В. Н. Топоров: «Нас интересует этимология слова, возникшего, положим, в третьем тысячелетии до новой эры, и мы довольно категорично предлагаем свое решение. Но ведь если мысленно представить, что некая “машина времени” перенесет нас в ту отдаленную эпоху и ее язык станет нашим родным языком, мы все-таки не сможем выяснить многие этимологические вопросы, связанные с данным словом, поскольку у нас нет пока средств анализа этимологии в синхронном плане. <...> Поэтому хотелось бы прежде всего подчеркнуть первостепенную важность синхронического подхода к этимологии, предполагающего выяснение мотивированности данного слова внутри каждой из систем, пересечение которых и образует это слово <разрядка автора цитаты>» [Топоров, с. 30]. При таком сближении в сфере диахронной семантики должны применяться инструменты системно-структурного анализа, ср. формулировку задач семантической реконструкции применительно к многозначным словам праславянского происхождения, предложенную С. М. Толстой: «выявить логику развития праславянского слова, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов (метафорические и метонимические переносы, семантическая иррадиация, конкуренция и взаимодействие семантических моделей, внешнее влияние, калькирование и т. п.), структурировать набор значений и раскрыть (“объяснить”) его внутреннюю иерархию, наконец,

¹ Понимаемая таким образом семантическая типология разграничивается с лексической, предполагающей «изучение того, как средствами лексики “обеспечивается” и членится то или иное денотативное поле (область действительности и соответствующая понятийная область), какие свойства и отношения реальных объектов оказываются релевантными для их номинации» [Толстая, 2013, с. 142]. О лексической типологии см. также в [Бонч-Осмоловская, Рахилина, Резникова; AQUAMOTION; Brown; Koch; Koptjevskaja-Tamm, и др.]. Подходы семантической и лексической типологии могут быть совмещены в лексико-семантической типологии [см.: Дыбо; Толстой, 1963; 1966; Толстая, 2013].

² Проект разрабатывается сотрудниками Института языкознания РАН; см. публикации, в которых содержится обоснование и некоторые шаги в области его реализации: [Зализняк Анна А., 2006, с. 392–417; 2013, с. 387–430; Грунтов; Руссо, 2008; Zalizniak Anna A., Ganenkov; Zalizniak Anna A. et al; и др.].

отделить “ типовые ” сочетания значений, связанные с явлением регулярной (категориальной) многозначности, от “ индивидуальных ” случаев совмещения разных значений в рамках одной лексической единицы» [Толстая, 2008, с. 13–14]. Эти задачи могут быть решены с помощью специальных исследований, « которые опирались бы не на голый перечень значений, приводимых в этимологическом словаре и сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на по возможности подробный анализ к о н т е к с т о в (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей у п о т р е б л е н и я слова в каждом языке » [Там же, с. 14].

Анализ употреблений слов поможет уменьшить долю умозрительных построений в области диахронической семантики. Нехватка знаний о реальном развитии значения провоцирует специалистов на создание сугубо логических цепочек развития значений (с не засвидетельствованными в языковой практике промежуточными звеньями) или на логическое конструирование фрейма — структуры знаний, информации об определенном фрагменте человеческого опыта: « Дело, однако, в том, что объективное современное знание лексического значения и энциклопедическое, экстралингвистическое знание предмета, также часто включаемое в понятие фрейм, не обязательно соответствуют значению слова и пониманию предмета носителями языка в момент возникновения слова » [Варбот, с. 73]. Необходима верификация логических конструкторов, проверка их внутри языковой системы — и здесь как раз должны помочь семантические параллели, контекстные связи слова и пр.

Вышесказанное свидетельствует о том, что семантическая реконструкция становится, по сути, отдельной областью лингвистических исследований, в рамках которой решается задача восстановления всего комплекса факторов (собственно языковых, ментальных, культурно-прагматических), способствовавших формированию и развитию значения слова, ср. трактовку исторической реконструкции как « моделирования ситуации порождения и последующей жизни слова » [Там же]. Иначе говоря, при широком понимании семантической реконструкции она подразумевает « восстановление семантической структуры слова (или группы слов), его семантических связей с другими словами и его семантических изменений независимо от праязыковой перспективы, применительно к любому этапу его развития » [Толстая, 2013, с. 141].

Семантическая реконструкция иногда требуется и для тех смыслов, которые отдалены от нас не толщей веков, а двумя-тремя десятилетиями или еще более коротким временным интервалом. « Современный » пример: в 1980-е гг. имя « Романтик » мог получить, допустим, студенческий строительный отряд, который прокладывал дорогу в тайге; клуб для детей, занимавшихся изготовлением моделей парусников, и т. д. Среди « претендентов » на это имя никак не мог быть пляжный лежак, который, однако, получил его в первое десятилетие века нынешнего. Между этими номинациями смысловая пропасть, созданная тем ускоренным семантическим временем, в котором живет язык в эпоху общественных катаклизмов. Для того чтобы понять, как сложилась номинативная ситуация в том и в другом случае, необходимо изучить массу контекстных

употреблений слов *романтик, романтика, романтический*, принадлежащих к указанным временным срезам, определить особенности сочетаемости *романтики*, охарактеризовать ее «предметное поле» и т. п. Эти процедуры можно считать семантической реконструкцией (и если исследователи старшего возраста могут контролировать процесс восстановления значений слова «изнутри», потому что в обоих случаях находятся «в контексте», то для молодых ученых эта процедура мало чем отличается от задачи семантической реконструкции слов, относящихся к глубокой древности).

Если включать в задачи реконструкции прослеживание всей семантической жизни лексической единицы, то последняя может рассматриваться как звено в цепочке смыслопорождения, которое вбирает в себя мотивирующие смыслы от производящей основы — и вместе с тем передает свой мотивационный потенциал собственным дериватам, ср. положение С. М. Толстой о «правой» и «левой» мотивации как двух измерений слова: слово одновременно выступает как мотивированное («левая» мотивация) и как мотивирующее («правая» мотивация) [Толстая, 2008, с. 192]. В том случае, если левая или правая мотивация затемнены, для предполагаемой мотивирующей основы или дериватов подбираются параллели, что позволяет говорить о реализации двух встречных исследовательских программ — ономаσιологической (от смысла к слову) и семасиологической (от слова к смыслу).

Отсюда обособование термина *с е м а н т и к о - м о т и в а ц и о н н а я* *р е к о н -*
с т р у к ц и я: в нем акцентируется неразрывная связь семасиологической и оно-
масиологической сторон анализа, учет ситуации номинации, способствовавшей
возникновению лексической единицы и предопределяющей семантическое
развитие. Иными словами, введение в состав термина компонента *мотивацион-*
ный напоминает о значимости ономаσιолого-мотивологической составляющей
исследования. Внутри одной семантической модели могут
действовать разные мотивационные модели. Так, на базе эт-
нонимов нередко образуются наименования растений, в основу которых могут
быть положены различные мотивационные признаки — даже в том случае, когда
мы имеем дело с одним и тем же производящим словом. К примеру, растение та-
марикс, среди названий которого рус. *жидовник* и *жидовинник*, чеш. *židovin(n)ík*,
произрастает (в числе других мест) на Синае и в Аравии. По легенде, высохший
сладкий сок одного из видов тамарикса (*Tamarix mannifera*) представляет со-
бой манну, которой питались евреи во время скитаний по пустыне [Анненков,
с. 347–348; Machek, s. 70–71; Колосова, с. 113], ср. также другие названия та-
марикса — *божье дерево, калмыцкий ладан* [Анненков, с. 348]. Можно предполо-
жить, что в названиях *жидовник* и *židovin(n)ík* отражена указанная легенда. В то
же время от этнонима *жид* образуются и такие фитонимы, как костр. *жидовка*
'осот', влг. *жидовское кресло* 'бодяк болотный', которые реализуют широкую
модель номинации сорных колючих растений (чертополоха, репейника, осоки
и т. п.) с помощью этнонимов: рус. казан., нижегор., сарат. *мордовник*, симб. *бу-*
сурманская трава, серб. *турек*, болг. *черкезки тръни*, словац. *ruský trň* («русская
колючка»), англ. *Gipsy* («цыган»), *Russian thistle* («русский чертополох»), карел.
ruočšihein'ä («шведская (финская) трава»), фин. *lapinsara* («саамская осока»)

и т. п. (подробнее см. [Березович, 2008, с. 45]). Эти фитонимы не дают представления о месте произрастания трав, но воплощают оценочные признаки «дикий», «вредный», «неприятный». Таким образом, если бы игнорировалась мотивация, можно было бы построить для *жидовника* и *жидовки* ошибочный ряд параллелей.

Расстановка акцентов, о которых говорилось выше, предполагает учет мотивологической составляющей и в определении семантической параллели. Последней дается такая дефиниция: «Воспроизведение некоторого семантического перехода в другом слове называется семантической параллелью» [Зализняк Анна А., 2006, с. 399; 2013, с. 393]. При этом «под “семантическим переходом” понимается факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [Зализняк Анна А., 2009, с. 107]. Эти определения могут быть приняты только при условии, что под «фактом совмещения значений» подразумевается и логика связи между ними, а «воспроизведение перехода» есть в то же самое время воспроизведение этой логики. Разумеется, мотивация (явление, в значительной мере определяемое факторами «надъязыковыми» — ментальными и культурными) далеко не всегда может быть восстановлена (и нередко такое восстановление носит сугубо гипотетический или же ошибочный характер). Реконструкция мотивации может быть проведена после того, как переходы и параллели обнаружены «статично» — как пары словесных «точек», между которыми когда-то проходили (или проходят сейчас — возможно, по новой траектории) смысловые линии. Необходимо попытаться прорисовать эти линии, отсюда понимание семантических (семантико-мотивационных) параллелей как лексических рядов, демонстрирующих сходные модели смыслового развития слов, в рамках которых воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация.

Как говорилось выше, семантико-мотивационная реконструкция является частью процесса этимологизации слов, но вместе с тем может быть отдельной областью лингвистических исследований. В настоящее время формируются наши представления о предметном поле семантико-мотивационной реконструкции, ее категориальном аппарате, объектах анализа, для которых такая реконструкция наиболее результативна; ее процедура «обкатывается» применительно к различным лексическим группам. Судя по складывающемуся положению дел, семантико-мотивационная реконструкция избирается как самостоятельная область анализа чаще всего в тех случаях, когда изучаются лексические единицы, представляющие собой результат вторичной номинации или ее источник (но могут быть и тем, и другим — и, соответственно, имеют семантическую мотивированность или сообщают ее другим словам). Такой материал может не ставить перед исследователем сугубо этимологические проблемы, предполагающие собственно корневую идентификацию, учет фонетико-словообразовательных закономерностей и пр. Проблемы состоят главным образом в реконструкции мотивировки и обнаружении историко-культурного контекста, стоящего за словами. Подобная реконструкция, как правило, невозможна для отдельного, рассматриваемого вне системных связей, изолированного слова; его необходимо поместить в мотивационный ряд, восстановить

звенья сети, которая соединяет изучаемое слово с другими, обнаружить структуру этой сети. Так будет прояснена мотивация слова, через которое мы «вошли» в сеть, а также других связанных с ним лексических единиц.

Остановимся подробнее на описании тех лексико-семантических объектов, которые подвергаются семантико-мотивационной реконструкции.

Изучая мотивационный потенциал какого-либо слова, следует возможно более полно собрать комплекс лексических и фразеологических единиц, для которых данная лексема является мотивирующей. Полученное объединение слов можно условно назвать семантико-деривационным комплексом (или деривационно-фразеологическим гнездом). В этот комплекс входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической деривации (понимаемой как порождение одного лексического значения от другого) и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова, а также фразеологизмы с его участием. Например, при реконструкции семантики рус. *ад* выявляются его смысловые «восприемники», среди которых семантические дериваты вроде диал. *ад* ‘глотка, рот’, семантико-словообразовательные — *адать* ‘много и с жадностью есть’, устойчивые сочетания — *ад живоглотный (бездённый, змеиный), как ад (жрать)* ‘о том, кто много ест’ и пр.; в них проявлен мотив пожирания, имеющий особую значимость в картине «русского ада» [см.: Березович, 2010]. Семантические дериваты воплощают в себе ту часть выраженного в вербальной форме знания о явлениях действительности, которая наиболее устойчива, верифицирована системой языка и даже в известной мере создана ею — в процессах разного рода внутриязыковых притяжений и сближений. В семантических дериватах часто высвечиваются смысловые компоненты, незаметные в исходном значении слова (так, упомянутый выше мотив пожирания в образе ада не учитывается в словарной дефиниции соответствующей лексемы), но тем не менее значимые для говорящего, который использует их в ходе интеллектуального «скачка», сопровождающего рождение вторичных значений. Это объясняет целесообразность обращения к деривационной семантике слова — комплексу значений его семантических и семантико-словообразовательных дериватов³.

Важная информация кроется и во фразеологической семантике слова, проявляющейся в тех смысловых связях, которые устанавливаются у слова в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр. Фразеологические конструкции — чуткий барометр семантических сдвигов. При включении слова в состав фразеологизма его смысловой состав приходит в движение, одни смыслы укрупняются и акцентируются, другие отходят на второй план. К примеру, выражения вроде рус. яросл. *кожу морщить* ‘капризничать’, волгоград. *шкура*

³Посути, деривационная семантика в этом понимании может быть названа ассоциативно-деривационной. Ср. положение Д. Н. Шмелева о том, что в результате семантической деривации значения слов, обладающих полисемией, нередко объединяются на базе ассоциативных признаков, которые могут не проявляться эксплицитно в первичном значении слова. Такие лексические единицы связаны ассоциативно-деривационными отношениями со своими основами [Шмелев, с. 335]. Понятие ассоциативно-деривационной семантики использовано в кандидатской диссертации А. В. Тихомировой [Тихомирова].

свербит у кого ‘о сильном желании, нетерпении’, блр. *кожа лопаецца, трэскаецца* ‘о несдерживаемом самовольстве’ свидетельствуют о том, что в семантике слов *шкура* и *кожа* скрыто присутствует и может актуализироваться представление о коже как «проводнике» сильных желаний, эмоций. «Барьерная» символика кожи, находящейся между внутренним миром человека и окружающей действительностью, здесь не отражена. Такая символика проявлена в болг. *топя се в кожата си* («таять / топиться в своей коже») ‘страдать, мучиться, сердиться молча, не показывая своих чувств’, рус. костр. *топить в коже* ‘скрывать чувства’ и др. [подробнее см.: Березович, Седакова].

Пути развития значений изучаемого слова иногда легко прочитываются и просчитываются, а иногда переход бывает необычным, не т р и в и а л ь н ы м. Среди нетривиальных переходов чаще всего встречаются м е т а ф о р и ч е с к и е или же совмещающие метафору с другими способами развития значений (преимущественно с метонимией). Чем менее тривиален переход, тем менее предсказуема та зона, где может быть найдена параллель, и тем более масштабный поиск параллелей должен быть проведен (даже если в круг задач исследователя входит работа только с одним словом). Так, польская исследовательница А. Тырпа обнаружила следующее красивое, но странное лексическое соответствие: «Измывает повторение языковых моделей и сходных языковых фактов в отдаленных странах. Например, в болгарском языке выражение *ewrejski westnik* (“еврейская газета”) означает косточки тыквы, а в польском говоре Спиша оборот *czytać żydowską gazetę* (“читать еврейскую газету”) значит ‘вынимать и есть семечки подсолнечника’. Откуда это совпадение? Как фразеологизм исколесил несколько стран и в каких направлениях? Быть может, существует общий источник для обоих вариантов? Почему косточки тыквы и семечки подсолнечника ассоциировались с еврейской газетой?» [Тырпа, с. 56]. Здесь чувствуется необходимость в дополнительном языковом материале. Интересен такой факт: в просторечии Екатеринбурга, жители которого закономерно интересуются сокровищами родного «Каменного пояса», бытует обозначение письменного гранита, с детства известное автору этой статьи, — *еврейская газета* (есть и раритетный вариант *китайская грамота*). Это вариации более распространенного названия, попадающего даже на страницы различных энциклопедических словарей и энциклопедий, — *еврейский камень* ‘разновидность пегматита, в котором полевой шпат и кварц, прорастая один в другом, образуют структуру, напоминающую древние письмена’⁴. Прозрачный «каменный» образ проливает свет на образы «растительные»: семечки и косточки своим цветом, многочисленностью и расположением (особенно у подсолнечника, когда его едят, оставляя просветы на темном фоне семян) могут напоминать затейливую и непонятную буквенную вязь.

Для нахождения таких «неожиданных» параллелей, играющих решающую роль в семантической реконструкции этнонимических наименований, нужно «опережающее» систематическое изучение закономерностей деривации на

⁴ К образу пегматита апеллирует, например, А. М. Городницкий в стихотворении «Камни»: «Потому ли, что Бог, о идущих к нему вспоминая, / Эти камни горячие сыпал со склона Синая, / Где над желтой рудой, в голубой белизне пегматита / Прорастали слюдой непонятные буквы иврита?».

основе этнонимов. В этом и подобных случаях целесообразна групповая семантико-мотивационная реконструкция, предполагающая изучение семантико-деривационных комплексов, вершинные слова которых объединены различными системными отношениями — синонимическими, гипогиперонимическими, антонимическими и др.

Семантико-деривационные комплексы раскрывают семантическую перспективу вершинного слова. Но у лексической единицы, как говорилось выше, есть не только «перспективное» правое мотивационное измерение, но и «ретроспективное» левое (в рамках которого устанавливается связь с мотивирующим словом). По отношению к левой мотивации тоже могут быть подобраны семантико-мотивационные параллели, причем их учет особенно значим, поскольку здесь обычно требуется более глубокий уровень реконструкции.

Если взять какое-либо лексико-семантическое поле и раздвинуть его границы, учитывая мотивационное «прошлое» и «будущее» его элементов, то мы получим новое лексическое объединение, которое можно было бы условно назвать семантико-мотивационным полем. Иначе говоря, в семантико-мотивационное поле входят единицы определенного лексико-семантического поля, выделенного на синхронных основаниях, а также те лексемы и фраземы, которые связаны с ними отношениями семантической мотивации — как «правой», так и «левой». К примеру, в состав лексико-семантического поля, объединяющего слова со значением некровного и «аномального» (нарушенного) родства, входят обозначения мачехи, пасынка, вдовы, сироты и др. Если расширить это поле до семантико-мотивационного, то следует учесть способность его слов выступать и донорами, источниками мотивационных отношений, и реципиентами, поскольку они принимают мотивационные импульсы от других лексических единиц. Донорами они будут для карел. *вдовица* 'рыба черного цвета', печор. *мачехина береста* 'березовая кора, вновь выросшая на ободранном месте ствола', амур. *сироты плачут, заплачут* 'о дожде при солнце, затяжном дожде' и т. п. Реципиентные отношения связывают перм. *старый подовинник* 'старый холостяк' со словом *подовинник*, обозначающим большое и толстое бревно для растопки овина (ср. болг. *огорел, опален пѣн* 'о холостых и бездетных') или же арх. *пукиша* 'вдова, к которой по ночам является умерший муж' с *пукиша* 'сова' [подробнее см.: Березович, 2013а]. Мотивационные признаки или образы, проявившиеся «слева», легшие в основу одних слов исходного (синхронно выделенного) лексического поля, могут повторяться и «справа», т. е. реализовываться в дериватах на основе других слов этого же поля. Это одно из проявлений единства семантико-мотивационного поля. Например, членов семьи, потерявших своих родственников (сирот, пасынков, вдов), сравнивают с битой посудой или черепками от нее — тем самым выражается идея нецелостности семьи, распавшейся на осколки. В основу слов, называющих этих «неполноценных» родственников, могут быть положены обозначения разбитой посуды: рус. костр. *острепѣток* 'сирота', влг. *оскрепетина* 'вдова' (ср. влг., костр. *оск(т)репѣток* 'черепок посуды'), олон. *битый горшок* 'о вдове'; и наоборот — от слов, обозначающих родственников, образуются наименования черепков: костр. *сиротки*, ср.-урал. *пасынки* 'черепки разбитой посуды' [Там же].

В ходе семантико-мотивационной реконструкции могут быть применены различные вспомогательные приемы и установки анализа. Назовем некоторые из них.

- Поиск семантико-мотивационных параллелей, как уже говорилось, должен быть направленным, для чего следует провести анализ отношений в лексической системе, который учитывает первичные значения изучаемых слов и вместе с тем «проектирует» их вторичные значения. В отношении точного и полного параллелизма обычно вступают номинативные дублиеты или синонимы. К примеру, *шуба* в русских говорах имеет (среди прочих) значение 'шерстяной покров животных и изготовленный из него материал' и тем самым является синонимом слова *шерсть*. Соответственно, диалектные фраземы *шубный язык* и *шерстяной язык*, которые обозначают разные виды неполноценной и ненормативной речи, служат самыми точными параллелями друг для друга, совпадающими практически во всем смысловом спектре. Можно ожидать, что параллели (более или менее точные) есть и среди других лексических единиц, которые характеризуют речь и образованы от наименований различных материалов и тканей. И действительно, такие параллели обнаруживаются, при этом более точные совпадения значений из речевой сферы фиксируются у тех лексических единиц, в основе которых лежат названия тканей, близких шерсти (ср. *суконный язык* литер. 'невыразительный, бледный, шаблонный язык', диал. 'картавый, шепелявый язык' и др., *байковый язык* 'арго «мазуриков»'), в то время как обозначения тканей и материалов с иной фактурой (*бархат*, *плюш*, *велюр*, *вата* и др.) порождают неточные параллели (сочетания *бархатный* или *ватный голос* служат для характеристики скорее внешней стороны речи, нежели ее содержания). «Антонимом» же *шерстяному языку* становится *шелковый язык* (диал. 'плавная, гладкая речь') [подробнее см.: Березович, Казакова].

Задача «проектирования» вторичных значений у предполагаемых параллелей поначалу видится достаточно простой: чем больше признаков объединяет первичную семантику слов, тем более полным должно быть сходство вторичных значений, поэтому подбор параллелей представляется как прорисовка своеобразных концентрических кругов — сначала самые близкие лексемы, чьи первичные значения отстоят на наименьшее расстояние, затем все более отдаленные. Но за кажущейся простотой кроется существенная трудность, поскольку вторичная семантика нередко основывается на тех признаках, которые не формулируются явно в составе первоначального значения.

Поиск параллелей должен базироваться на ономаσιологическом фундаменте: важно выделить свойства названной словом реалии (точнее, составляющие наивного понятия о реалии), концептуализированные в языке (проявляющиеся во внутренней форме слова, в деривационно-фразеологических связях и пр.), затем подбирать другие реалии, имеющие сходные свойства (вызывающие сходное восприятие), и искать называющие их лексические единицы, которые могут исходно принадлежать как к одному, так и к различным лексико-семантическим полям, ср. параллелизм семантического развития обозначений инородцев // «неполноценных» родственников // животных (например, влг. *цыганская зима* [КСГРС] // литер. *сиротская зима* 'теплая малоснежная

зима»; ср.-приоб. *китайское мыло // мыло татарское // остяцкое мыло // цыганское мыло // собачье мыло // медвежье мыло* 'растение горицвет' [Арьянова, т. 1, с. 62] и т. п.

• Семантико-мотивационная реконструкция, как говорилось выше, нередко имеет типологический ракурс, при этом может быть реализован как семантико-типологический подход, так и лексико-типологический. В рамках первого подхода выявляется семантическая структура деривационно-фразеологических гнезд. Второй предполагает изучение лексических репрезентантов и способов репрезентации определенного смысла, т. е. экспликацию «номинационной решетки», под которой понимается «способ расчленения явлений действительности лексическими средствами языка» [Дыбо, с. 7].

• Избрав для анализа определенный семантико-деривационный комплекс, необходимо «прощупать» лексическое пространство вокруг вершинного слова для того, чтобы найти те единицы, которые близки ему по форме и значению — и могут стать участниками различных вторичных взаимодействий — паронимической аттракции, контаминации, включения в рифмованные формулы и пр. Эти взаимодействия давно перестали считаться спорадической неожиданностью: «Существование контаминации между семьями, сходными по форме и значению, является скорее правилом, чем исключением; диффузия (в пространстве) и устаревание (во времени) вызывает нестабильность, ускоряющую темп контаминации» [Malkiel, 1954, p. 274]; о закономерном характере процессов вторичных притяжений см. также в [Варбот, с. 130–136]. В ходе таких взаимодействий первичная «семантическая программа» слова может быть пополнена новыми мотивами или вообще пересоздана. Особо пристального внимания заслуживают аттракционные процессы в тех случаях, когда изучаемые слова имеют краткую, «неуникальную» или богатую в плане фоносимволики звуковую оболочку.

• При восстановлении мотивационно-номинативной ситуации, в которой родилось изучаемое слово, важно учитывать прагматический контекст, особенности взаимодействия субъекта номинации и реалии, характер использования реалии, точку зрения говорящего. Например, в русских и чешских говорах есть названия одной и той же пары растений, в которых фигурируют производные от этнонимов. Растение борщевик рассеченный пригодно в пищу, — соответственно, русские и чехи считают его «своим», используя в составе названия автоэтнонимы: сиб. *русская пучка* [СРГС, т. 4, с. 195], чеш. *anjelička česká* [Dial-Brno]. Дягиль низбегающий является диким, «неокультуренным», в пищу не идет — отсюда его названия: сиб. *нерусская пучка* [Арьянова, т. 3, с. 141, 161], чеш. *anjelička ruská* [Dial-Brno]. Таким образом, сходные по внешнему виду растения с компонентом «русский» имеют разную мотивацию — в зависимости от точки зрения народа-номинатора.

• Кроме учета факторов лингвопрагматики, большое значение имеет восстановление культурного контекста, в котором родилось или живет изучаемая лексическая единица. Так, материал народной языковой традиции целесообразно рассматривать на фоне фольклорных текстов, верований, ритуалов, бытовых практик и пр. Например, выражение *садиться не в свои сани* 'не соответствовать общественному положению; браться не за свое дело' может

получить мотивационную интерпретацию, если иметь в виду функцию саней как знака символического языка культуры. Учитывая роль, которую играют сани на всех этапах свадебного обряда, присутствие их образа в свадебном фольклоре, можно подтвердить и развить предположение о том, что в изучаемом фразеологизме отражена ситуация несвоевременного выхода замуж или женитьбы (невеста опережает старшую сестру, жених — старшего брата) [подробнее см.: Березович, 2013б].

Есть и многие другие факторы и приемы анализа (например, использование лингвостатистики, контекстного, дистрибутивного анализа и пр.), перечислять которые здесь нецелесообразно.

Семантико-мотивационная реконструкция нередко становится не только инструментом для прояснения мотивации какого-то слова или группы слов, но и основанием для выводов этнолингвистического плана, наблюдений над спецификой народной символической картины мира, ср. положение О. Н. Трубачева о том, что семантическая реконструкция должна быть признана одним из «общекультурно важных направлений» [Трубачев, т. 1, с. 144–145]. Показательно, что термин *с е м а н т и ч е с к а я р е к о н с т р у к ц и я* используется в метаязыке «широкой» этнолингвистики, оперирующей как языковыми единицами, так и данными других кодов культуры — фольклора, обряда, верований и др.: под ним понимается именно процедура восстановления ситуации, в которой появились элементы символического языка культуры и которая оказалась отраженной в объединяющих их мотивах (ср., в частности, название одной из работ А. В. Гуры — «К семантической реконструкции славянской свадьбы: основные мотивы» [Гура]).

Рассуждая о роли семантико-мотивационных штудий в реконструкции традиционной языковой картины мира, подчеркнем следующее. Более двух десятилетий назад, когда исследования по языковой картине мира захлестнули отечественное языкознание (и многие другие мировые лингвистические школы), отчетливо проявлялась тенденция к «делингвизации» лингвистики: языковой картине мира зачастую навязывались те якобы формирующие ее идеи, которые «вынимались» из трудов философов, социологов, политологов и др., ср.: «Мы выбираем некоторые слова, подбираем для них некоторые удачные контексты и затем радуемся, когда полученные результаты подтверждают известные стереотипы» [Шайкевич, с. 14]. Уровень этих исследований, ставших очень популярными и практически массовыми, иногда оказывался низким — и это немудрено при размывании предметного поля науки, нехватке собственно лингвистического инструментария и пр. Неудовлетворенность таким положением привела к тому, что в настоящее время темпы роста количества работ о языковой картине мира существенно снизились, они стали реже попадать на страницы центральных лингвистических журналов — и довольно отчетливо стали звучать голоса противников «лобового» извлечения этнокультурной информации из языковых данных [см., например: Павлова] или же тех, кто предлагал «объявить мораторий на термины *я з ы к о в а я к а р т и н а м и р а* и *к а р т и н а м и р а* до лучших времен, а пока заняться неспешной работой на материале разных языков» [Шайкевич, с. 19].

Продуктивный выход из этой ситуации видится в том, чтобы трактовать языковую картину мира не столько на внеязыковой основе (особенно если этой основой объявляются такие чрезвычайно субъективные материи, как национальный характер), сколько искать для нее внутрисистемные координаты. С этих позиций предлагается понимать языковую картину мира как структуру лексико-семантических полей и значений слов и шире — считать, что этот термин объединяет «не только типологическое изучение лексико-семантических полей, но и прочие компоненты: типы мотиваций, структуры полисемии отдельных слов, метафорическую сочетаемость, грамматическую категоризацию» [Руссо, 2012, с. 162]. Соглашаясь в целом с этим подходом, отметим все же, что языковая картина мира не может равняться структуре всех компонентов плана содержания языка, а скорее, она является интерпретацией этой структуры. По крайней мере, исследователь может представить ее именно в виде какого-либо интерпретационного конструкта — например, когнитивной дефиниции, ономаσιологического или этнолингвистического портрета и др. Нет смысла походя рассматривать здесь такой важный и глобальный вопрос — но стоит заключить: семантико-мотивационная реконструкция, выявляющая все то, что перечислено М. М. Руссо, по сути, и есть наиболее продуктивный и последовательный путь к экспликации народной языковой картины мира.

Анненков Н. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878. 646 с. [Annenkov N. Botanicheskij slovar': Spravochnaja kniga dlja botanikov, sel'skih hozjaev, sadovodov, lesovodov, farmacevtov, vrachej, drogistov, putshestvennikov po Rossii i voobshhe sel'skih zhitelej. SPb., 1878. 646 s.]

Аръянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья: в 3 т. Томск, 2006–2008. [Ar'janova V. G. Slovar' fitonimov Srednego Priob'ja: v 3 t. Tomsk, 2006–2008.]

Березович Е. Л. Славянская ксенонимия и типология мотивационных параллелей // Славянское языкознание. XIV Междунар. съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.): докл. рос. делегации. М., 2008. С. 44–68. [Berezovich E. L. Slavjanskaja ksenonimija i tipologija motivacionnyh paralelej // Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Mezhdunar. s'ezd slavistov (Ohrid, 10–16 sentjabrja 2008 g.): dokl. ros. delegacii. M., 2008. S. 44–68.]

Березович Е. Л. Русский АД на иноязычном фоне: к сопоставительному изучению деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов // Вопр. языкознания. 2010. № 6. С. 37–57. [Berezovich E. L. Russkij AD na inojazychnom fone: k сопоставitel'nomu izucheniju derivacionnoj semantiki mezh"jazykovyh leksicheskikh jekvivalentov // Vopr. jazykoznanija. 2010. № 6. S. 37–57.]

Березович Е. Л. К семантической реконструкции метафоры родства в славянских языках // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г.: докл. рос. делегации. М., 2013а. С. 163–185. [Berezovich E. L. K semanticheskoij rekonstrukcii metafory rodstva v slavjanskix jazykah // Slavjanskoe jazykoznanie. XV Mezhdunar. s'ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g.: dokl. ros. delegacii. M., 2013. S. 163–185.]

Березович Е. Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой. М., 2013б. С. 169–178. [Berezovich E. L. Sadit'sja ne v svoi sani: jetnolingvisticheskij kommentarij k frazeologizmu // Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: K jubileju S. M. Tolstoj. M., 2013. S. 169–178.]

Березович Е. Л., Казакова Е. Д., Шерстяной язык: об одной метафоре речевой деятельности // Studia Etymologica Brunensia — 6. Praha, 2009. S. 11–25. [Berezovich E. L.,

Kazakova E. D. Sherstjanoj jazyk: ob odnoj metafore rechevoj dejatel'nosti // *Studia Etymologica Brunensia* — 6. Praha, 2009. S. 11–25.]

Березович Е. Л., Седакова И. А. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2012. Т. 71. № 6. С. 12–24. [Berezovich E. L., Sedakova I. A. Slavjanskije somatizmy «kozha» i «shkura» i ih vtorichnye znachenija // *Izv. RAN. Ser. lit. i jaz.* 2012. T. 71. № 6. S. 12–24.]

Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении.* Київ, 2009. С. 8–27. [Bonch-Osmolovskaja A. A., Rahilina E. V., Reznikova T. I. Glagoly boli: leksicheskaja tipologija i mehanizmy semanticheskoy derivacii // *Koncept BOL" v tipologicheskom osveshhenii.* Київ, 2009. С. 8–27.]

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012. [Varbot Zh. Zh. Issledovanija po russkoj i slavjanskoj jetimologii. М.; SPb., 2012.]

Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // *Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии: материалы конф. М., 2007. С. 157–161.* [Gruntov I. A. «Katalog semanticheskikh perehodov» — baza dannyh po tipologii semanticheskikh izmenenij // *Dialog 2007. Komp'juternaja lingvistika i informacionnye tehnologii: materialy konf. М., 2007. S. 157–161.*]

Гура А. В. К семантической реконструкции славянской свадьбы: основные мотивы // *Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов.* Любляна, 2003 г.: докл. рос. делегации. М., 2003. С. 107–118. [Gura A. V. K semanticheskoy rekonstrukcii slavjanskoj svad'by: osnovnye motivy // *Slavjanskoe jazykoznanie. XIII Mezhdunar. s"ezd slavistov.* Ljubljana, 2003 g.: dokl. ros. delegacii. М., 2003. S. 107–118.]

Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. [Dybo A. V. Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj jetimologii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. М., 1991.]

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. 672 с. [Zaliznjak Anna A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija. М., 2006. 672 s.]

Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107–111.* [Zaliznjak Anna A. O ponjatii semanticheskogo perehoda // *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunar. konf. «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 maja 2009 g.). Vyp. 8 (15). М., 2009. S. 107–111.*]

Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013. 635 с. [Zaliznjak Anna A. Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive. М., 2013. 635 s.]

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М., 2009. 352 с. [Kolosova V. B. Leksika i simvolika slavjanskoj narodnoj botaniki: Jetnolingvisticheskij aspekt. М., 2009. 352 s.]

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург). [Kartoteka Slovarja govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo jazyka i obshhego jazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).]

Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? [Электронный ресурс] // *Антропологический форум.* 2012. № 16 Online. С. 3–60. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>. [Pavlova A. V. Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym ego jazyka? [Electronic resource] // *Antropologicheskij forum.* 2012. № 16 Online. S. 3–60. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.]

Руссо М. М. Типология семантических переходов в области «наивной биологии» // *Вопр. филологии.* 2008. № 3. С. 92–100. [Russo M. M. Tipologija semanticheskikh perehodov v oblasti «naivnoj biologii» // *Vopr. filologii.* 2008. № 3. S. 92–100.]

Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» [Электронный ресурс] // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков.* М., 2012.

Вып. 4. С. 148–176. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf. [Russo M. M. Neogumbol'dtianskaja lingvistika i ramki «jazykovoj kartiny mira» [Electronic resource] // Lingvistika i metodika prepodavanja inostrannyh jazykov. M., 2012. Вып. 4. С. 148–176. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf.]

СРПС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006. [Slovar' russkikh govorov Sibiri : v 5 t. Novosibirsk, 1999–2006.]

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с. [Tihomirova A. V. Associativno-derivacionnaja i frazeologičeskaja semantika naimenovanij odevzdy v russkoj jazykovoj tradicii : dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2013. 350 s.]

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Люблина, 2003 г. : докл. рос. делегации. М., 2003. С. 549–563. [Tolstaja S. M. Semantičeskaja rekonstrukcija i problema sinonimii v praslavjanskoj leksike // Slavjanskoje jazykoznanie. XIII Mezhdunar. s'ezd slavistov. Ljubljana, 2003 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2003. S. 549–563.]

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с. [Tolstaja S. M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive. M., 2008. 528 s.]

Толстая С. М. [Рец. на кн.:] *M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny.* Warszawa, 2010. 375 s. // Этимология. 2009–2011. М., 2012. С. 335–346. [Tolstaja S. M. [Review of the book:] *M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny.* Warszawa, 2010. 375 s. // Jetimologija. 2009–2011. M., 2012. S. 335–346.]

Толстая С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. : докл. рос. делегации. М., 2013. С. 141–163. [Tolstaja S. M. Semantičeskaja rekonstrukcija i leksicheskaja tipologija // Slavjanskoje jazykoznanie. XV Mezhdunar. s'ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. : dokl. ros. delegacii. M., 2013. S. 141–163.]

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава [I] // Вопр. языкознания. 1963. № 1. С. 29–45. [Tolstoj N. I. Iz opytov tipologičeskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava [I] // Vopr. jazykoznanija. 1963. № 1. S. 29–45.]

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава [II] // Вопр. языкознания. 1966. № 5. С. 16–36. [Tolstoj N. I. Iz opytov tipologičeskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava [II] // Vopr. jazykoznanija. 1966. № 5. S. 16–36.]

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. [Toporov V. N. Issledovanija po jetimologii i semantike. M., 2004. T. 1 : Teorija i nekotorye chastnyje ee prilozhenija.]

Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово — История — Культура : в 2 т. М., 2004. [Trubachev O. N. Trudy po jetimologii: Slovo — Istorija — Kul'tura : v 2 t. M., 2004.]

Турпа А. Этнические стереотипы в разных языках: национальные? международные? универсальные? // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Международ. науч. конф. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 56–57. [Turpa A. Jetnicheskie stereotipy v raznyh jazykah: nacional'nye? mezhdunarodnye? universal'nye? // Jetnolingvistika. Onomastika. Jetimologija : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 8–10 sentjabrja 2012 g. Ekaterinburg, 2012. Ch. 1. S. 56–57.]

Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Моск. лингв. журн. 2005. № 8/2. С. 5–21. [Shajkevich A. Ja. Russkaja jazykovaja kartina mira v rjadu drugih kartinok // Mosk. lingv. zhurn. 2005. № 8/2. S. 5–21.]

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М., 1977. 334 с. [Shmelev D. N. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika : ucheb. posobie dlja stud. ped. in-tov po spec. «Рус. jaz. i lit.». M., 1977. 334 s.]

Яворская Г. М. Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. Киев, 1992. 111 с. [Javorskaja G. M. Leksiko-semanticheskaja tipologija v sinhronii i diahronii. Kiev, 1992. 111 s.]

AQUAMOTION. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007. 752 с. [AQUAMOTION. Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya / red. T. A. Majsak, E. V. Rahilina. M., 2007. 752 s.]

Brown C. Lexical Typology from an Anthropological Point of View // Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. Vol. 2. P. 1178–1189.

Dial-Brno — Archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, Brno (архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики, Брно).

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odiedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s.

Koch P. Lexical Typology from a Cognitive and Linguistic Point of View // Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. Vol. 2. P. 1143–1175.

Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical Typology // From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam ; Philadelphia, 2008. P. 3–52.

Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954. 366 p.

Malkiel J. Etymology and Structure of Word Families // Word: Linguistics Today: Published on the Occasion of the Columbia University Bicentennial. 1954. Vol. 10. № 2–3. P. 265–274.

Malkiel J. Etymology and General Linguistics // Word: Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists. 1962. Vol. 1–2. P. 198–219.

Schröpper J. Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? // Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists (London, 1952). London, 1956. P. 366–371.

Zalizniak Anna A., Ganenkov D. S. A Catalogue of Semantic Shifts in the Languages of the World: A Contribution to Slavic Cognitive Linguistics // Cognitive and Functional Perspectives on Dynamic Tendencies in Languages. Tartu, 2008. P. 189–191.

Zalizniak Anna A. et al — Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. № 3. P. 633–669.

Статья поступила в редакцию 11.07.2014 г.

УДК 811.111'37 + 81'367.624

Д. В. Спиридонов
П. Ю. Фофанова**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКОГО НАРЕЧИЯ *FINALLY***

В статье рассматриваются семантические особенности английского наречия *finally*, делается вывод о его многозначности, полифункциональности и словообразовательной специфике. Анализ показывает способность *finally* сближаться с различными функционально-семантическими классами наречий, что существенно для описания его синтаксических особенностей. Авторы также приходят к выводу о том, что построению синтаксических теорий наречия должно предшествовать всестороннее изучение семантики и функционирования отдельных адвербиальных лексем.

Ключевые слова: синтаксис и семантика наречия; типология наречий; адвербиалия; адьюнкт; *finally*.

В исследованиях, посвященных семантико-синтаксическим параметрам наречий, принято исходить из определенной семантической классификации наречий, предполагая, что хотя бы частично синтаксическая позиция наречия может быть выведена из его семантики (например, [Laenzlinger, p. 40–46; Ernst, 2000, 2002]). При этом зачастую, во-первых, игнорируется тот факт, что одно и то же наречие в разных контекстах может выполнять разные функции (и, следовательно, относиться к разным семантическим классам), во-вторых, не учитывается специфика адьюнктов (обстоятельственных компонентов фразы), для которых, в силу их морфологических свойств и синтаксического статуса, не всегда легко установить систему синтаксических зависимостей и, следовательно, увязать положение в предложении с конкретным значением, особенно в языках с относительно свободным порядком слов (ср. обзор подходов в [Kiss, p. 26–29; Shu, p. 7–13]). На этом фоне представляется рациональным фокусироваться не на общей теории синтаксиса наречия, а на семантико-синтаксических свойствах отдельных лексем. В данной работе речь пойдет об английском наречии *finally* 'наконец(-то)', которое представляет во многих отношениях особый случай и по странному стечению обстоятельств не рассматривается авторами большинства известных нам семантических типологий наречий.

Специфичность *finally* хороша видна уже при попытке применить к нему классический дистрибутивный анализ. Так, согласно Р. Джекендоффу [Jackendoff, p. 49–51], английские наречия на *-ly* могут встречаться в трех возможных позициях во фразе: в начальной позиции, т. е. перед подлежащим; в финальной позиции (без паузы), т. е. после глагола в личной форме; и во «вспомогательной» (auxiliary), т. е. между подлежащим и глаголом. Все наречия могут быть разделены на шесть классов: 1) наречия, которые могут быть употреблены во всех позициях, однако при этом меняется их значение (типа *cleverly, carelessly, frankly, happily*); 2) наречия, которые также могут занимать любую из трех позиций, но без изменения значения (типа *quickly, slowly, immediately*); 3) наречия, которые употребляются

только в начальной и «вспомогательной» позиции (типа *probably, certainly, naturally*); 4) наречия, употребляемые только во вспомогательной или финальной позиции (типа *easily, completely*); 5) наречия, употребляемые только в финальной позиции (типа *terribly, early*); 6) наречия, употребляемые только во «вспомогательной» позиции (типа *merely, truly, simply*). Они различаются по своим синтаксическим и семантическим свойствам. Наречие *finally*, очевидно, относится к третьему классу, ср.:

- (1) Finally John dropped his cup of coffee.
- (2) John finally dropped his cup of coffee.
- (3) *John dropped his cup of coffee finally.

Большинство наречий этого класса являются модальными, в том смысле, что они характеризуют действие с точки зрения наблюдателя, занимающего внешнюю позицию по отношению к ситуации. По Джекендоффу, в этот класс также попадают наречия, потенциально имеющие двойную интерпретацию: в разных контекстах одно и то же наречие может быть как модальным в указанном выше смысле, так и наречием образа действия (при этом меняется их значение). Ср.:

- (4) Happily(,) John won the game.

Предложение (4) может интерпретироваться двумя способами: *John won the game in a happy manner* (наречие образа действия; ср. рус. *счастливо* в этом же значении) или *It was happy for John to win the game* (модальное наречие). В этом контексте *finally* является семантически не типичным для этого класса наречий, поскольку не может иметь подобного модального значения.

Finally также обнаруживает существенную специфичность с точки зрения структуры семантических трансформаций. Так, для наречий, занимающих «вспомогательную» позицию, Джекендоффом постулируется возможность преобразования прилагательного в наречие непосредственно в поверхностной структуре предложения, например: *He is a mere worker at a factory* → *He merely works at a factory*. Такие предложения являются синонимичными и их трансформационное правило легко поддается генерализации (см. [Jackendoff, p. 60], аналогичный анализ на современном этапе см. в [Shu, p. 183]). Понятно, что для *finally* такое трансформационное правило не работает. Скажем, предложение:

- (5) John finally made his choice,

аналогичное по структуре предложению (2), нельзя вывести из гипотетического предложения **John was the final maker of his choice*. Его вообще невозможно вывести из парафраз с адъективным компонентом, на чем в значительной степени основан трансформационный анализ Джекендоффа, в том числе и наречий в других позициях (заметим, что в этом отношении трансформационная семантика описывает не что иное, как семантические трансформации при словообразовании, а также синтаксические импликации такой деривации; очевидно, что семантические отношения *final* и *finally* сложнее, чем те, которые в принципе учитывает такой анализ, например, для пары *certain — certainly*).

Данная работа не претендует на исчерпывающий анализ, однако нам представляется необходимым обратить внимание на некоторые особенности *finally*, которые должны быть учтены в дальнейшем. Эти наблюдения касаются атрибуции *finally* тому или иному семантическому классу, а также чисто синтаксических следствий такой атрибуции.

1. Будучи наречием времени, *finally* специфично по своему значению: оно определяет действие не с точки зрения характера его протекания (частотность, длительность) или его локализации во времени, а с точки зрения его порядка в цепочке действий. В указанном значении *finally* может свободно употребляться как в начальной, так и во «вспомогательной» позиции без видимого различия в семантике. Это, в свою очередь, указывает на отличие *finally*, например, от наречий типа *merely*, употребляемых только во «вспомогательной» позиции и легко выводимых из соответствующих прилагательных. В соответствии со сделанным выше замечанием, синтаксическая свобода наречия указывает на глубину его семантических отличий от прилагательного, существенных для трансформационной семантики: минимальная глубина семантических трансформаций «фиксирует» наречие в приглагольной позиции, как в случае с *merely* (*he is a mere worker* → *he merely works*), бóльшая идиоматичность наречия-деривата, вероятно, определяет и его бóльшую синтаксическую свободу.

Однако *finally* и *merely* имеют и общие черты. По Т. Эрнсту [Ernst, 2000, p. 80], *merely* относится к наречиям-фокализаторам (*focusing adverbs: only, even, just* и др.), что фиксирует его слева от глагола в тех случаях, когда фокализируемым оказывается называемое глаголом действие или состояние. Следует обратить внимание, что наречие *finally* в определенной степени сближается с этим классом наречий. Например, в предложении: *John looked up, yawned, and finally got up* — наречие *finally* выполняет сходную функцию фокализации, выделяя последний глагол в серии, указывая на его особый статус: в перечислительных конструкциях стоящий за *finally* глагол называет в некотором смысле «главное» действие в описываемой ситуации, то действие, по отношению к которому предыдущие действия носят лишь подготовительный характер, при этом «главное» действие мыслится как финальное, фиксирующее результат всей ситуации. В предложениях типа (5), где нет перечисления, *finally*, тем не менее, также может выполнять сходную функцию, выделяя называемое действие по отношению к действиям, либо названным в предложениях, расположенных в дискурсивной цепочке слева от данного предложения, либо подразумеваемым.

Это наблюдение позволяет предположить, что для объяснения синтаксических особенностей *finally* необходимо исходить из двух параметров:

а) семантических свойств наречия: семантика фокализации закрепляет наречие слева от глагола (для *finally* — в начальной или вспомогательной позиции, но не в финальной — считается, что определенную чувствительность к положению фокализата проявляют многие наречия, см. об этом [König; Engels; Krifka и др.]);

б) словообразовательных отношений: если трансформация значения наречия по сравнению с производящим прилагательным носит стандартный для таких словообразовательных процессов характер (типа *mere* → *merely*), то возможно

предполагать более строгую фиксацию такого наречия во вспомогательной позиции (непосредственно перед глаголом), чем в случае наречий, значение которых более идиоматично, что объяснило бы возможность для *finally* занимать не только вспомогательную, но и начальную позицию, т. е. проявлять большую автономию по отношению к глаголу, от которого оно синтаксически зависит.

2. Употребление *finally* налагает определенные ограничения на грамматические параметры характеризуемого глагола: в указанном выше значении наречие *finally* может относиться только к глаголу с результивной (перфективной) семантикой. В тех случаях, когда оно относится к неперфективному глаголу, оно также влияет на интерпретацию его аспектуальности, сообщая ему инхоативное значение. Ср.:

(6.1) John finally was at the mountain top [= John had finally started being at the mountain top].

(6.2) John finally was able to do it [= John had finally started being able to do it].

(6.3) John is finally sleeping [= John has finally started sleeping].

Контексты (6.1–3) убеждают в том, что *finally* аспектуально не нейтрально и в определенных контекстах может относиться к аспектуальным наречиям по типологии Эрнста. Верификаторами могут служить предложения с глагольным перечислением:

(6.4) John climbed all the day, he never stopped and finally was at the mountain top.

В этом случае в предложениях с глагольным перечислением *finally* занимает позицию перед глаголом. В сложном сказуемом оно также может занимать позицию перед именной частью:

(6.5) Rex dove, climbed, and twisted, and was finally free.

В предложениях с одним глаголом в таких же случаях *finally* может занимать позицию в начале фразы, ср.:

(6.6) Finally John was at the mountain top.

3. Наречие *finally*, даже когда мы рассматриваем его только в указанных выше контекстах, является модально не нейтральным. Выделяя какое-либо действие, оно придает ему статус ожидаемого, долгожданного или целевого в контексте описываемой ситуации.

В англоязычной лингвистике обычно выделяют несколько классов наречий в зависимости от их ориентации на тех или иных участников ситуации:

а) глагольно-ориентированные (verb-oriented), являющиеся атрибутом имени действия (*He wrote this word correctly* = the writing of this word was correct);

б) объект-ориентированные (object-oriented), являющиеся атрибутом имени объекта действия (*He entirely rewrote the text* = he rewrote the entire text);

в) субъект-ориентированные (subject-oriented), которые подразделяются на наречия ментального отношения (mental attitude), характеризующие субъект-экспериментер (*He gladly wrote her a letter of recommendation* = He was glad to write

her a letter), и агентивно-ориентированные (agent-oriented), являющиеся атрибутом агенса действия (*He stupidly wrote her a letter* = He was stupid when he wrote her a letter);

г) прагматические или ориентированные на говорящего / слушающего (pragmatic adverbs, speaker-hearer oriented, speech-act adverb), характеризующие не участников ситуации, а участников коммуникации (*Frankly, he wrote her a letter* = I am frank when I say that he wrote her a letter).

Эта классификация в объеме классов (а, б, в) закрепляет наречие за тем или иным классом в зависимости от того, какой компонент ситуации оно характеризует на семантическом уровне. Обратный семантический параметр — участник, чья оценка ситуации фиксируется наречием — в этой классификации не отражен. Лишь класс (г) фиксирует внешнюю оценку ситуации, при этом подразумевается, что субъектом этой оценки может быть только говорящий, но не субъект или объект действия (ср. другие наречия этого же класса: *probably, perhaps, fortunately, luckily* и т. д.). Между тем, очевидно, что среди глагольно-ориентированных наречий много таких, которые выражают не объективную характеристику действия, а оценку действия, при этом субъектом этой оценки может быть один из участников ситуации. Ср.:

(7.1) I painstakingly worked to improve this technology.

(7.2) John painstakingly worked to improve this technology.

В случае (7.1) говорящий совпадает с агенсом действия, т. е. является участником ситуации, и наречие *painstakingly* ‘усердно’ выражает оценку говорящего-агенса. Однако в (7.2), где агенс и говорящий — разные субъекты, оценка действия как «усердного» совсем не обязательно принадлежит говорящему, она может принадлежать и Джону. Таким образом, среди глагольно-ориентированных наречий существует класс оценочных (модальных) наречий с немаркированным субъектом оценки. Наречие *finally* в (7.3) можно отнести к этому же подклассу. Оно маркирует действие как ожидаемое, финальное или целевое с точки зрения говорящего или участника ситуации. Ср.:

(7.3) John finally improved this technology.

Это высказывание может интерпретироваться так: Джон прилагал большие усилия, тратил много времени на улучшение этой технологии, до сих пор ему это не удавалось, теперь же ему удалось это сделать, он давно хотел этого. Либо: я (говорящий) давно хотел, чтобы Джон улучшил эту технологию, он не делал этого, теперь же он это сделал. В обоих случаях действие, вводимое *finally*, выделяется как ожидаемое, целевое, а само *finally* при этом воспринимается как модальный маркер.

4. Кроме того, *finally* может быть и классическим наречием класса (г) — прагматическим наречием. В более традиционной терминологии речь идет о *finally*-вводном слове. Ср. (1), (2), (5) с (8.1):

(8.1) Finally, John has already made his choice [= And now I must say that John has already made his choice].

Маркированное паузой, *finally* выполняет функцию шифтера, связывая содержание высказывания с моментом речи. В этой функции *finally* указывает не на последовательность действий и не на характер действия относительно ожиданий говорящего или субъекта действия, а исключительно на последовательность перечисления действий в речи говорящего.

Во многих случаях определение функции *finally* (по крайней мере, в рамках отдельного высказывания) вызывает затруднения. Это связано в первую очередь с тем, что *finally*-наречие и *finally*-шифтер могут занимать одну и ту же позицию в высказывании и никак формально не различаться. Ср.:

(8.2) He read all the books in his home, cleaned it up and(,) finally(,) disposed of rubbish.

В (8.2) *finally* может пониматься либо как шифтер, относящийся к последовательности упоминания действий в высказывании, либо как наречие («он давно должен был выбросить мусор и наконец сделал это»).

В отдельных случаях роль *finally* в высказывании распознается сразу и воспринимается однозначно. Так, например, наличие в предложении темпорального обстоятельства указывает на глагольную ориентированность *finally*. Ср.:

(8.3) After about a fifteen minute walk we were finally there.

(8.4) After 10 years of losing pregnancies, I finally found a doctor who cared enough to figure out why.

Прямое указание на временной период, предшествовавший выполнению действия, позволяет воспринимать *finally* как наречие класса (а): в данном случае оно характеризует действие как ожидаемое, как акт, совершению которого предшествовал длительный промежуток времени. Однако маркером может являться отнюдь не любое обстоятельство времени, ср.:

(8.5) Finally, in 1961, he decided to join with Jack Nichols to establish a D.C. version of the homophile group Mattachine Society.

В (8.5) *finally* может прочитываться и как глагольное наречие, и как вводное слово, шифтер. Для адвербиальной интерпретации критично, чтобы обстоятельство указывало на промежуток времени, а не на отдельную точку на временной оси.

Определенную проблему представляют и предложения с перечислениями:

(8.6) He grew from a wild amateur into an erratic semiprofessional and finally into a professional translator.

(8.7) He draws, sings and, finally, dances.

В предложении (8.6) *finally* интерпретируется скорее как глагольное наречие, а в (8.7) — как шифтер. Адвербиальная интерпретация в предложениях с перечислением возможна тогда, когда перечисляются действия, причем перечисляются в последовательности их выполнения. В именных перечислениях, а также при перечислении глаголов, называющих одновременно выполняемые действия,

finally интерпретируется как шифтер. В первом случае действие может повторно не называться, как в (8.6), структуру которого можно записать так: *He grew from X to Y and (than) finally (he grew) from Y to Z*. Во втором случае глаголы, если они называют одновременные действия или какие-либо постоянные качества, являются глагольными проекциями соответствующих номинализованных имен, как, например, в (8.7), которое легко трансформируется в: *He is a drawer, a singer and, finally, a dancer*.

Помимо подобных вышеуказанному тривиальных верификаторов, с известной осторожностью можно говорить о существовании неочевидных маркеров различия *finally*-наречия и *finally*-шифтера. В частности, была замечена взаимосвязь между утратой перформативности высказываниями, содержащими композитные перформативы¹, и наличием в них *finally* в функции шифтера. Ср.:

- (9.1) I finally agreed with him.
- (9.2) Finally I agreed with him.
- (9.3) Finally, I agree with you in...
- (9.4) I must finally agree with you in...
- (9.5) Finally, I must agree with you in...

В высказываниях типа (9.1) и (9.2) *finally* воспринимается как наречие образа действия, т. е. как зависимый от глагола член предложения. Ту же функцию *finally* имеет в (9.4), причем предикат здесь перформативен. Предложения типа (9.3) и (9.5) допускают два толкования. Но если высказывание (9.3) даже при трактовке *finally* как шифтера не утрачивает перформативности «Наконец, я соглашаюсь с вами в том, что...», то в (9.5), если мы прочитываем *finally* как шифтер, предикат неперформативен: шифтер нарушает семантическое единство композитного предиката и обособляет модальный глагол от перформативного; семантически такое высказывание интерпретируется как сообщение о существовании неких обстоятельств, вынуждающих говорящего согласиться со слушающим: «Наконец, я должен согласиться с вами в том, что...» = «Наконец, существуют обстоятельства, вынуждающие меня согласиться...»².

Различие между шифтерной и адвербиальной функцией сближает *finally* с наречиями типа *frankly* или *happily*, которые Джекендофф относит к первому классу наречий, но которые отличаются от прочих наречий этого класса тем, что также обладают способностью выступать как в роли наречия, так и в роли шифтера. Ср.:

- (10.1) Frankly(,) John said it.
- (10.2) John(,) frankly(,) said it.
- (10.3) John said it(,) frankly.

¹ Английские композитные перформативы в канонической форме представляют собой конструкции типа «I + модальный глагол + перформативный глагол» [подробнее об этих конструкциях см. в: Fraser; Романова; и др.].

² Способность некоторых вводных слов превращать эксплицитно-перформативные высказывания в констативы отмечается в работе [Баранов, Кобозева], где также предложена оригинальная методика анализа синтактико-семантических свойств вводных слов, учитывающая и эту их способность.

Все три примера здесь неоднозначны с точки зрения интерпретации. Будучи интерпретировано как наречие, *frankly* характеризует действие или субъекта (здесь — Джона), в этом случае высказывание (10.1) двусмысленно и может быть интерпретировано либо в смысле (10.2), которое синонимично предложению: *It was frank of John to say it* (agent-oriented adverb), либо в смысле (10.3), которое синонимично предложению: *John said it in a frank way* (verb-oriented adverb) (ср. [Jackendoff, p. 49]). Будучи интерпретировано как шифтер, *frankly* характеризует говорящего, в этом случае все три высказывания (10.1–3) синонимичны предложению: *I am frank when I say that John said it*. Точно так же можно понимать и предложение (4), в котором *happily* можно интерпретировать как шифтер, в этом случае оно синонимично предложению: *I am happy to say that John won the game*. Ср. высказывание (10.4) и его интерпретации:

(10.4) Finally(,) John said it.

(а) Джон совершил серию неназванных действий, последним из которых было действие, выражаемое глаголом *say* (глагольное наречие).

(б) Джон совершил действие, выражаемое глаголом *say*, Джон давно хотел его совершить, но по каким-то причинам не мог, из-за чего это действие теперь воспринимается как долгожданное, ожидаемое, обладающее большим значением (модальное наречие).

(с) В дополнение к вышесказанному я также должен сообщить, что Джон совершил действие, выражаемое глаголом *say* (шифтер, прагматическое наречие).

Итак, *finally* многозначно. В разных контекстах оно может выступать как: а) глагольное наречие с функцией фокализации действия; б) аспектуальное наречие; в) модальное наречие; г) вводное слово (шифтер) или, в английской терминологии, прагматическое наречие.

В силу своей семантики *finally* встречается в двух типах контекстов: а) с одним глаголом; б) с несколькими глаголами (или номинализованными именами действий и состояний). Второй тип контекстов проще в интерпретации: в этом случае *finally* почти наверняка является глагольным наречием и занимает позицию перед последним членом перечисления. Первый тип контекстов разнообразнее и семантически, и синтаксически. При этом учет многозначности наречия существенен для описания его синтаксических свойств.

Семантико-синтаксические типологии наречий, например, та, что представлена в [Cinque, p. 106] и производные от нее, как правило, «привязывают» тот или иной тип наречия к определенному классу составляющих в синтаксической иерархии, предполагая, что на наречия этого типа распространяются соответствующие этой позиции синтаксические ограничения. Большинство наречий семантически относительно специализированы, в то же время случай *finally* убеждает в необходимости более гибкого подхода к описанию синтаксиса наречий, учитывающему их потенциальную многозначность и полифункциональность.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на малоизвестное исследование [Mizuno], где с опорой на сформулированное Н. Хомским «правило непроницаемости фазы» (Phase-Impenetrability Condition, PIC) предложено объяснение относительной синтаксической свободы наречий в пределах фазы при условии

их локального подчинения доминирующей составляющей. У нас нет возможности подробно обсуждать здесь синтаксис наречий, однако предложенный Э. Мидзуно анализ позволяет объяснить некоторые эффекты *finally*. Ср., например, контексты:

- (11.1) Finally, he agreed with me.
 (11.2) He finally agreed with me.
 (11.3) He has finally agreed with me.
 (11.4) Finally, has he agreed with you?

В контекстах (11.1–2) *finally* может быть как глагольным наречием, так и шифтером, тогда как контексты (11.3–4) уже не допускают двусмысленности: в (11.3) *finally* может быть только наречием, а в (11.4) — только шифтером.

По мысли Мидзуно, распределение наречий разных классов зависит от того, к какой вершине и, следовательно, к какой фазе они относятся. Общая схема выглядит так [Mizuno, p. 6, 11]:

$$[_{\text{MoodP}} \text{Mood}_{\text{speechact}} [_{\text{CP}} \text{C} [_{\text{ModP}} \text{Mod}_{\text{epistemic}} [_{\text{TP}} \text{T} [_{\text{vP}} \text{v} [_{\text{VP}} \text{V} [_{\text{CP}} \text{C} [_{\text{TP}} \text{T...}]]]]]]]]]]]$$

Шифтеры, попадающие в класс так называемых «speech-act adverbs», управляются составляющей Mood, тогда как глагольные наречия зависят от v^3 . Применение принципа PIC означает, например, что шифтерное наречие может свободно смещаться в пределах составляющих от Mood до T (т. е. может занимать начальную или «вспомогательную» (в терминах Джекендоффа) позицию, но не может находиться внутри v или подчиненной клаузы CP). Так, в (11.1–2) *finally* будет интерпретироваться по-разному в зависимости от того, на какую «глубину» мы «уносим» подлежащее. Высказывание (11.1) может корректно интерпретироваться следующим образом (незаполненные позиции в схеме опускаются):

- (a) [... [_{\text{CP}} *finally* [_{\text{TP}} *he* [_{\text{vP}} *agreed with me*]]]]] (шифтер)
 (b) [... [_{\text{vP}} [_{\text{AP}} *finally* [_{\text{VP}} [_{\text{DP}} *he* [_{\text{v}'} (*finally*) [_{\text{v}} *agreed with me*]]]]]]]]] (наречие)

Для высказывания (11.2) возможны следующие интерпретации:

- (a) [... [_{\text{TP}} *he* [_{\text{T}'} *finally* [_{\text{vP}} *agreed with me*]]]]] (шифтер)
 (b) [... [_{\text{vP}} [_{\text{DP}} *he* [_{\text{v}'} *finally* [_{\text{v}} *agreed with me*]]]]]]] (наречие)

В высказываниях (11.3–4) положение *finally* по отношению к вспомогательному глаголу указывает на его положение внутри или вне узла vP , частью которого является *has* — в контекстах со вспомогательным глаголом этот критерий позволяет более или менее однозначно интерпретировать высказывание. Из схемы Мидзуно следует также, что шифтер невозможен в придаточном предложении. Ср. (12), где *finally* может занимать, как минимум, три разные позиции внутри подчиненного CP, но нигде оно не может интерпретироваться как шифтер:

- (12) She says that (finally) he (finally) has (finally) agreed with me.

³ В действительности, Мидзуно исследует только «speech-act adverbs» (типа *frankly*) и «epistemic adverbs» (типа *probably*), однако высказывает предположение о том, что глагольные наречия зависят от v .

Впрочем, за пределами такого анализа остаются случаи использования наречия в чисто фокализационной функции при перечислении, а также использование *finally* в качестве аспектуального модификатора. Синтаксис наречий остается одним из наиболее сложных разделов синтаксической теории, однако кажется бесспорным, что построение синтаксической теории наречий невозможно без детального изучения семантики отдельных лексем.

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Синтаксические структуры. Системный анализ единиц русского языка : межвуз. сб. Красноярск, 1984. С. 83–93. [Baranov A. N., Kobozeva I. M. Vvodnye slova v semanticheskoy strukture predlozhenija // Sintaksicheskie struktury. Sistemnyj analiz edinic russkogo jazyka : mezhvuz. sb. Krasnojarsk, 1984. S. 83–93.]

Романова Л. А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2010. [Romanova L. A. Kompozitnye performativy v funkcional'noj paradigme jazyka: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty : avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. Velikij Novgorod, 2010.]

Cinque G. Adverbs and functional heads: a cross-linguistic perspective. New York, 1999. VI + 275 p.

Engels E. Adverb placement: an Optimality Theoretic approach: PhD dissertation. Potsdam, 2004. 300 p.

Ernst T. Semantic features and distribution of adverbs // ZAS Papers in linguistics. 2000. №17. P. 79–97.

Ernst T. The Syntax of adjuncts. Cambridge, 2002. 569 p.

Fraser B. Hedged performatives // Syntax and semantics. Vol. 3. New York, 1975. P. 187–210.

Jackendoff R. S. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge ; London, 1972. 400 p.

Kiss K. E. Syntactic, semantic, and prosodic factors determining the position of adverbial adjuncts // Adverbs and adverbial adjuncts at the interfaces. Berlin ; New York, 2009. P. 21–38.

Krifka M. Focus and presupposition in dynamic interpretation // Journal of semantics. Vol. 10. 1993. P. 269–300.

König E. The meaning of focus particles: a comparative perspective. London, 1991. 218 p.

Laenzlinger Ch. Comparative studies in word order variation: adverbs, pronouns, and clause structure in Romance and Germanic. Amsterdam ; Philadelphia, 1998. 371 p.

Mizuno E. A Phase-based analysis of adverb licensing // Gengo Kenkyu. 2010. №137. P. 1–16.

Shu S. Sentence adverbs in the kingdom of agree: PhD dissertation. Stony Brook, 2011. X + 253 p.

Статья поступила в редакцию 22.06.2014 г.

УДК 769.2 + 75.056 + 7.071.1

Е. В. Южакова

**«В НЕМ ЖИЛИ, СЕБЯ НЕ НАШЕДШИЕ:
ВРУБЕЛЬ, САРЬЯН ИЛИ ВОДКИН»:
В. В. ВЛАДИМИРОВ В КОНТЕКСТЕ
РУССКОГО ИСКУССТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.**

Статья посвящена малоизвестному русскому художнику первой четверти XX в. Василию Васильевичу Владимирову. Факты творческой биографии художника, установленные другими исследователями, подтверждаются и дополняются новым, до сих пор не опубликованным материалом. Фигура В. Владимирову вписана в общий контекст развития русского искусства его времени.

Ключевые слова: символизм; книжная иллюстрация; Василий Владимиров; русское искусство рубежа XIX–XX вв.; советское искусство 1920-х гг.

Имя художника Василия Васильевича Владимирову (1880–1931) (ил. 1) неизвестно широкой публике, и тем интереснее обнаружить многочисленные упоминания о нем в мемуарах Андрея Белого. Владимиров знал поэта еще со времен учебы обоих в гимназии Л. И. Поливанова и позже в Московском университете, когда начал складываться состав объединения московских символистов «Аргонавты». Его члены инициировали издание первой книги Александра Блока «Стихи о прекрасной даме», вышедшей в Московском издательстве «Гриф» в 1904 г., а Владимиров оформил ее обложку.

Как художника первой книги Блока представила Владимирову в своей статье 1999 г. Ю. Б. Демиденко, собрав воедино разрозненные факты его биографии, включая и позднее творчество [см.: Демиденко]. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. сын художника передал Русскому музею двадцать гравюр, датируемых 1906–1911 гг. А в 1975 г. два эскиза обложек детских книг, выполненных им в 1925 г. для издательства «Радуга», были приобретены музеем у С. В. Поляковой — дочери

Ил. 1. Автопортрет. Офорт. Ок. 1920 г.
Вологодская областная картинная галерея

нику и коллекционеру Ивану Чемакину. Коллекция состоит из работ разных лет, а также нескольких фотографий и документов, иллюстрирует и дополняет периодизацию творчества и жизни художника, сделанную Ю. Б. Демиденко. Представляется важным включить ранее не описанные работы в общий контекст творчества Владимирова, восстановленный вышеназванными авторами, а также подробнее раскрыть факты его биографии.

После смерти художника в 1931 г. его имя было почти забыто, часть работ пропала во время войны. В 1969 г. его сын, тоже художник и тоже Василий Васильевич Владимиров¹, преподававший на художественно-графическом факультете ЛГПИ им А. И. Герцена, организовал там выставку «В. Владимиров (1880–1931). Художник, исследователь, теоретик и популяризатор». В 1996 г. акватинты Владимирова были представлены на выставке «Символизм в России» в Русском музее [см.: Символизм в России]. В июне 2013 г. на основе коллекции

журналиста Полякова, помощника основателя издательства «Радуга» Льва Клячко. В 1981 и 1989 г. жена сына Владимирова Тамара Герасимовна Чистякова передала коллекцию рисунков и акварелей 1900-х гг., а также альбом зарисовок 1901 г. и два офорта в собрание Вологодской областной картинной галереи. Но самым ранним поступлением работ художника в музейный фонд можно считать двадцать пять гравюр, переданных в Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина самим художником в 1920-е гг. [ОР ГМИИ, ф. 5, оп. XII, ед. хр. 8, л. 98]. Работы художника есть в собрании Третьяковской галереи и в коллекции русского искусства музея современного искусства г. Роверетто.

В 2005 г. журнал «Антикварное обозрение» опубликовал статью о Владимирове Л. Н. Вострецовой, что было связано, по словам автора, с появлением на антикварном рынке части архива художника [см.: Вострецова]. В 2012 г. внук Владимирова передал оставшуюся часть работ из семейного архива худож-

¹ Второй сын Василия Владимирова — Сергей Васильевич Владимиров (1921–1972) — был достаточно известным петербургским литературоведом и театроведом.

Чемакина мной была организована выставка на факультете искусствоведения и культурологии Уральского федерального университета [см.: Василий Владимиров. Книжная графика], на которой были представлены эскизы иллюстраций Владимирова к книгам 1920-х гг., которые в сочетании с изданными книгами дали представление о процессе работы над книжной иллюстрацией.

Наследие Владимирова мало изучено из-за своей разрозненности, но несомненно представляет научный интерес. В его творчестве можно выделить три периода, стилистическая направленность каждого из которых обусловлена интересами и обстоятельствами жизни художника: московский ранний (1899–1905), московский после учебы в Мюнхене (1907–1917) и ленинградский (1920-е гг.). Цель данной статьи — дополнить факты творческой биографии художника новым, до этого не опубликованным материалом, а также стилистическим анализом работ; все это даст возможность обозначить место Владимирова в художественном контексте своего времени.

Главный ключ к биографии Владимирова начала 1900-х гг. — мемуары Андрея Белого, с которым они жили по соседству («оба жили мы на Арбате: я — около Денежного; он — около Никольского» [Белый, 1934, с. 71]), были дружны со времен учебы обоих в гимназии и поддерживали связь до конца 1910-х гг. А. Белый пишет:

Соединяла нас память об отсиживании в одном классе уроков Павликовского. Гнусливый крик латиниста-тирана:

— «Бугаев, Владимиров, — я вас попрошу вон... <...>»

Соединяла память о подносящих нас к романтизму Жуковского рыканиях Л. И. Поливанова; соединяли стояния перед полотнами Нестерова в «Третьяковке», когда мы, воспользовавшись пустым часом в гимназии, драли с Пречистенки в Лаврушинский переулок, чтобы поделиться мыслями о «чахлых» нестеровских березках. Соединяли прогулки по Кремлю, разглядывание башенок [Белый, 1990, с. 28–29].

Позже Белый напишет, что Владимиров учил его «видеть: Серова, Коровина, Врубеля, Нестерова» [Белый, 1934, с. 114].

В 1899 г. оба поступили на естественный факультет Императорского Московского университета. К периоду учебы в университете относятся зарисовки пейзажей и национальных костюмов, которые Владимиров сделал во время путешествий по Русскому Северу. Историю интереса художника (а также и своего) к этнографии описывает Белый:

Я явился с нему [Анучину, руководителю по этнографии. — Е. Ю.] с тайной целью: специализироваться по этнографии, облюбовав свой уголок: орнамент; тогдашнее «иде фикс»: формальный метод в трансформе культур <...>; мечтали с Владимировым, как бок о бок усядемся: он — за костюм, а я — за орнамент. <...> А Владимиров имел стойкое мужество выдержать мрачность Анучина, тоже пускавшего перед ним тихо плакать морщинами: о русском-де костюме писать невозможно; источников нет-де; и прецедентов таких не бывало. Владимиров, муж упорный, талантливый художник, выслушав это, решил, что покажет Анучину, как сочиненья такие возможны; летом он удрал на Мурман, обошел его, плавал по северу, усердно зарисовывая костюмы, богатый альбом с приложением своих соображений он представил как кандидатское

сочиненье; Анучин был в восторге, забравши в музей редкий альбом зарисовок; к сожалению, я был помягче [Белый, 1989, с. 423, 425].

В коллекции И. Чемакина есть блокнот с подробными зарисовками деревянных обетных и поминальных крестов в Повенце (Карелия), относящийся к этому периоду (датирован 1901 г.). Изображения напоминают декоративный стиль И. Я. Билибина — это рисунки тушью, подсвеченные акварелью. В коллекции есть также тетрадь с акварельными изображениями заснеженного ночного староверческого кладбища с деревянной церковью характерной для Карелии постройки, относящаяся, однако, к более позднему периоду: на нахзаце стоит штамп магазина художественных принадлежностей Lina Ruland, Munchen (в Мюнхен художник поедет позже)².

Увлечение Владимировна национальным костюмом связано с характерным для этого периода интересом к древнерусской тематике и сюжетам из русских сказок. Об этом отчетливо свидетельствуют, например, альбом зарисовок и акварели 1900–1901 гг. из собрания Вологодской галереи с изображениями сцен допетровской истории («Похороны княгини Ольги», «Кончина Дмитрия Донского» [см.: Русский рисунок и акварель..., с. 25; Петербургская графика начала XX века...]) и «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. В эскизах к иллюстрациям Пушкина Владимировна работает со шрифтом: подписи к иллюстрациям в характерной древнерусской стилистике с красными и/или золотыми заглавными буквами располагаются либо в белом прямоугольнике, расположенном в поле изображения, сбоку («Море вздуется бурливо», «Есть там белка, что при всех золотой грызет орех»), либо на полях («Ветер по морю гуляет»). В такой же стилистике выполнен эскиз иллюстрации «Стиха о Борисе и Глебе» и акварель с подписью «Иван-царевич у Бабы-Яги. В. В. 1898 г. 25 мая» из коллекции Чемакина.

Примечательно, что сразу несколько художников выполнили иллюстрации к «Сказке о царе Салтане» с разницей в несколько лет и в очень схожей стилистике: в 1898 г. в издательстве Мамонтова была опубликована «Сказка» с иллюстрациями Сергея Малютина (1859–1937), эскизы Владимировна из ВОКГ относятся к 1901 г., а в 1905 г. Экспедиция заготовления государственных бумаг опубликовала «Сказку» с иллюстрациями Ивана Билибина³. Интересно сравнить их стилистические особенности. В то время как Малютин и Билибин пользуются преимущественно горизонтальным форматом для своих иллюстраций, все три эскиза Владимировна сильно вытянуты по вертикали. На двух эскизах Владимировна делает врезки из прямоугольников со стилизованным текстом прямо в поле изображения сбоку по низу; Малютин осторожно располагает текст либо под изображением, либо рядом сбоку; у Билибина же почти нет изображений, дополненных стилизованным текстом (за исключением заглавных иллюстраций, которые носят декоративный характер и не несут повествовательной нагрузки).

² Помимо этих изображений в тетради — европейские городские пейзажи тушью, наброски древнерусских, европейских и даже японских сцен из сказок, сделанные тушью и карандашом. Возможно, изображения кладбища в этой тетради были сделаны по памяти: в пользу этого говорит тот факт, что деревянная церковь изображена с разными архитектурными деталями на каждом из трех рисунков.

³ Об иллюстрациях Малютина и Билибина см. в частности: [С. Малютин; Голынец, Голынец].

Что касается колорита, гамма Владимирова находится как бы посередине между холодным спектром Билибина и обилием золота у Малютина.

Стоит подробнее остановиться на очень частном, но примечательном сюжете — изображении моря. Море Билибина в стилистике Кацусики Хокусая можно сразу оставить в стороне; сравним море Владимирова (лист «Ветер по морю гуляет», ВОКГ) с морем Малютина («По равнинам океяна едет флот царя Салтана»). У последнего изображение моря и кораблей максимально упрощено и стилизовано: все состоит из крупных деталей, отделенных черным контуром; морские волны обозначены с помощью сплошных тонких черных горизонтальных линий, сгущающихся ближе к горизонту. По такому же принципу выполнены изображения облаков: это ряд одинаковых овальных форм, стоящих друг за другом с постепенным уменьшением размера от ближнего к дальнему. Эффект объема достигается с помощью двух цветов — синего и белого, обозначающих тень и полутень, а также черного для самых темных участков и золотисто-бежевого для рефлексов. Изображения моря у Малютина — абсолютно в духе модерна; это одно из редких для него изображений с отсутствием декоративного орнамента, однако само изображение стилизованных уплощенных волн и облаков является своего рода орнаментом. Владимиров, напротив, допускает гораздо больше мелких деталей в своей иллюстрации, не уплощает ее. Иллюстрация гораздо более красочна, чем четырехтоновое море у Малютина: разноцветные точки создают ощущение большого количества людей внутри кораблика; в городе на острове можно разглядеть и белую стену кремля с зелеными башенками, и золотые купола церквей, разные оттенки зеленого ландшафта. Само море выглядит не столь реалистично — оно выполнено с помощью лишь двух цветов: серовато-синего, обозначающего массу воды, и белого, обозначающего гребни волн. Однако форма белых штрихов — сводчатая линия с заострением посередине — настолько точно передает форму гребня волны, что зритель моментально считывает то самое энергичное движение, подгоняющее кораблик.

В целом, творческий путь Владимирова в этот период очень схож с биографиями многих известных художников рубежа веков. Не только Владимиров путешествовал по России в поисках национальных костюмов и орнаментов: Иван Билибин также ездил по северным губерниям, командированный этнографическим отделом Русского музея в 1900-е гг., а еще в 1880–1890-е Елена Поленова ездила по деревням, собирая образцы народной живописи и деревянной скульптуры для музея в Абрамцево. Этнографический интерес к народному и древнерусскому искусству, зародившийся в художественной среде в конце XIX в., привел многих художников, в их числе и Владимирова, к поиску нового художественного языка, а бурное развитие детской книжной иллюстрации этого периода предоставило благодатную почву для его применения.

Художественный язык Владимирова в начале 1900-х гг. схож с манерой многих его современников. Согласно воспоминаниям Андрея Белого, художник был поклонником Васнецова, Нестерова, Коровина и Врубеля [см.: Белый А. Материал к биографии. РГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 8–8 об., цит. по: Лавров, с. 31]. Но вряд ли можно говорить о прямом влиянии того или иного художника на стиль Владимирова, скорее — о воздействии общих художественных тенденций

времени. Так, «Восточная танцовщица» Владимирова (1910-е гг., ВОКГ) напоминает исполнение орнамента и складок ткани в костюмных эскизах Льва Бакста, однако, в отличие от извивающихся фигур у Бакста, танцовщица Владимирова неподвижна и подобна статуе. В то же время стилистика и манера исполнения «Похорон княгини Ольги» и «Кончины Дмитрия Донского» (оба — ВОКГ) близки иллюстрациям Виктора Васнецова к «Песни о вещем Олеге» (1900–1901). Некоторые пейзажные наброски заставляют вспомнить творчество Михаила Нестерова. Таким образом, нельзя говорить о прямом заимствовании Владимировым стиля того или иного художника. А учитывая, что в начале 1900-х гг. Владимиров только начал свою художественную карьеру (с 1900 по 1903 г. он обучался в студии Василия Никитича Мешкова; см. об этом далее), нельзя не признать, что его стиль укладывался в русло наиболее актуальных тенденций времени.

Начало 1900-х гг., судя по сохранившимся работам, было очень плодотворным периодом творческой жизни Василия Владимирова. Белый виртуозно описывает облик художника за разговором и одновременно в процессе творческой работы:

В. В. — уютный, добрый, сложный в переживаниях, простой в жизни; посиды с ним — отдых: не разговор, — переброс шуток; не сидение, — привал на диване, на подоконнике; думалось вслух; он, перепачканный красками, внимая мне, пересыпал слова шаржем каламбура, после которого мы, схватясь за бока, заливались хохотом; и тут же кисть его бросала в альбом свои пятна; я с удивлением разглядывал, как броски слагали сюжетные авантюры; зовут к чаю; разговор — не окончен, а эскиз вылез из пятен: леший, боярин или Заратустра (талантливая импровизация к Ницше), просто закатная лужа, играющая отсверками; альбом этюдов вызвал восторг. Кончит, моет руки, перепачканные краскою, поворачивая румяное, бородатое, доброе лицо [Белый, 1990, с. 38–39].

Квартира Владимировых была центром притяжения для творческой молодежи, Андрей Белый называет ее «эмбрионом салона» [Там же, с. 26], а сами «посиды» характеризует как «питающий жизненный сок» [Там же, с. 39]. Эти собрания, по его словам, характеризовала атмосфера «бурного веселья»: «гогот» Владимирова, исполнение романсов его сестрой, беседы и споры друзей, знакомых и просто случайных посетителей, являли «комедию “Дель артэ”», в которую Владимиров вносил «умный уют» и «строгое благодушие» [Там же, с. 31, 38, 39]. Подобные собрания — не редкость для творческой молодежи рубежа веков: можно вспомнить множество примеров домашних салонов и кружков по интересам, вылившихся затем в создание литературных и художественных объединений.

В 1900 г. Владимиров начал посещать частную студию Мешкова, обучение в которой закончил в 1903 г. В 1902 г. Мешковым была организована IX выставка Московского товарищества художников, на которой были представлены две работы Владимирова. Как пишет А. Белый, «в первый же день они были проданы; успех его молодил» [Там же, с. 38]. В это же время состоялся и дебют самого Белого — вышла «Симфония (2-я драматическая)»; по его словам, «оба полные сил, мы с В. В. были гармоничною парой» [Там же].

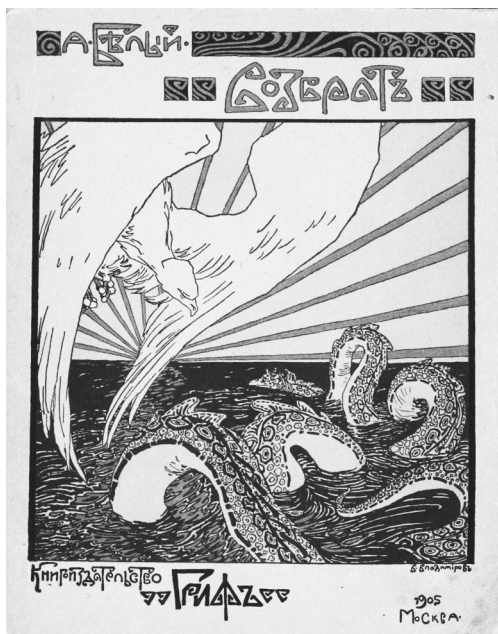
Как пишет Белый, еще в 1901 г. подбирается «кружок около Владимирова, меня и Петровского, в скором времени вливающийся в кружок “Аргонавтов”»

[Белый, 1989, с. 453]. Как было упомянуто выше, этому кружку обязаны: Блок — своей первой книгой, а Владимиров — работой по ее оформлению. Как отмечает Ю. Демиденко, Блок отверг варианты двух других, более известных на тот момент художников, в пользу работы Владимира. На обложке — декоративный ковер из лилий, перемежающийся с текстом в стиле модерн. При всей тягучести переплетений растительного орнамента, оформление строго выверено и будто выстроено по кирпичикам: сверху — большой орнаментальный блок, ниже — блок с текстом и тонкими орнаментальными полосами, уравновешивающими достаточно длинный для заголовка текст, под ним — еще одна полоса орнамента, меньше верхнего блока почти наполовину. Эта обложка — очень элегантный образец графики в стилистике модерна, парадоксально минималистичный по исполнению.

В этом же году Владимиров оформил и обложку книги своего друга Белого — «Возврат» (ил. 2). На этот раз это не просто декоративный мотив, а изображение по мотивам иллюстрируемого произведения. На обложке изображена белая птица («белокрылый орел»), низко парящая над морем, из которого поднимаются огромные щупальца; на заднем плане — расходящиеся во все стороны золотые лучи солнца («небесная глубина, истыканная звучащим золотом» или «узкие перста из расплавленного золота»). Последние выполнены в стилистике, напоминающей японские изображения солнца. В этом подход Владимира перекликается с упомянутым заимствованием стилистики Хокуса Билибиным. В целом, эта обложка обладает главной чертой, характерной для последующей манеры работы Владимира в книжной графике, а именно — подчинением стилистики рисунка содержанию литературного произведения. Владимиров, в отличие от того же Билибина, исследует предмет и подбирает подходящую манеру, а не просто применяет свой «фирменный стиль» к любому предложенному для работы тексту.

Коллекция Чемакина позволила сделать небольшое открытие, касающееся биографии Владимира этого периода. Ни в одной публикации не упоминается поездка Владимира в Швейцарию, которая состоялась летом 1903 г. Это следует из подписей к наброскам в другом блокноте художника из коллекции Чемакина. Весь небольшой блокнот заполнен видами Швейцарии⁴, на каждом из которых подписаны место и дата. Среди

Ил. 2. Обложка книги А. Белого «Возврат». 1905 г.

⁴ Автор благодарит И. А. Доронченкова за это указание.

изображенных мест — Женева, Сион, Веве и Шильонский замок; на одном из листов, судя по подписи, немецкий город Мюнстер (дата отсутствует). 1903 г. фигурирует в биографии художника только как год окончания учебы в студии Мешкова: закончив учебу, Владимиров вполне мог отправиться в летнее путешествие.

Через некоторое время после учебы в студии Мешкова Владимиров продолжил свое обучение за границей. Согласно биобиблиографическому словарю «Художники народов СССР», в 1904–1906 гг. Владимиров жил в Мюнхене [см.: Художники народов СССР, с. 297]. Ю. Демиденко сдвигает датировку его мюнхенского пребывания на 1905–1907 гг., поясняя, что «лето 1905 года он провел в Павшино под Москвой, куда к нему приезжал А. Белый; кроме того, работы Владимирова экспонировались на выставках 1904–1905 годов, а в 1906–1907 его имя исчезло из каталогов» [Демиденко, с. 258].

После упоминания своего посещения Павшина летом 1905 г., Андрей Белый пишет о своем участии в студенческих протестных выступлениях в сентябре: «...ежедневно торчала моя голова из моря тужурок, чтобы потом штурмом атаковать двери квартир: и внедрять в сознание обывателей речи ораторов; я встречал сочувствие у Владимировых» [Белый, 1934, с. 35]. Через месяц, во время октябрьской забастовки в Москве, Василий Владимиров приехал в Петербург, где находился в это время Белый:

Была объявлена всеобщая забастовка; она сорвалась. Ответ — гром восстания: из Москвы, куда — путь был отрезан; пришлось выжидать, питаюсь смутными слухами. <...> Первый свидетель московских событий, Владимиров, кое-как выбравшийся из Москвы, нашел меня в красной гостиной; поняв тон обсуждения событий, он сразу же переменялся в лице; и вывел меня <...> Угол блещущий: Палкин: сюда! <...> Владимиров схватился рукою за лоб:

— Нет: слишком! В эту минуту сжигаются баррикады, через которые только лазали мы <...>. Он рассказывал: между нашими домами в Москве <...> выросло до семи баррикад; Арбат в один миг оцетинился ими [Там же, с. 70–71].

С достоверностью можно сказать, что Владимиров оказался в Мюнхене после московских событий, в ноябре 1905 г.: в коллекции Чемакина есть три записные книжки с наклейкой «Adrian Brugger. Munchen», одна из которых подписана на форзаце рукой художника «Munchen 8/XI 1905». Эти записные книжки содержат карандашные наброски фигур натурщиков и художников, их зарисовывающих, а также посетителей кафе с кружками пива, в баварских шляпах с пером, и являются прекрасной иллюстрацией повседневной жизни Владимирова в Мюнхене. Как пишет Белый, приехавший навестить художника осенью 1906 г., Владимирову были не по карману дорогие кафе, потому он посещал столовую и пивные для рабочих.

В Мюнхене Владимиров учился технике гравюры в местной Академии у Гуго фон Габермана — представителя немецкого модерна. Под его влиянием Владимиров изучает труды о перспективе и форме, в частности Адольфа фон Гильденбрандта, увлекается творчеством Дюрера. В Русском музее хранится гравюра Владимирова «Автопортрет Дюрера», существует и карандашный эскиз к ней

в коллекции Чемакина. Увлечение Дюрером не случайно: в это время в Мюнхене преподает швейцарский искусствовед, уже знаменитый к этому времени Генрих Вельфлин, и за два года до приезда Владимирова в Мюнхен, в 1905 г., публикуется его книга «Искусство Альбрехта Дюрера». Стоит отметить, что и сам Вельфлин вдохновлялся идеями Гильденбрандта, а книгу последнего «Проблема формы в изобразительном искусстве» в 1914 г. перевел на русский язык художник Владимир Фаворский. Все эти многочисленные пересечения свидетельствуют о том, что Владимиров всегда был в эпицентре художественной мысли и двигался в одном потоке с современниками — именно поэтому его творческая биография является яркой иллюстрацией развития художественного процесса этого времени в целом.

Андрей Белый отмечает двойное воздействие Габермана на Владимирова: «...он в Мюнхене вырос в философа; жалко лишь то, что — к ущербу художника, доселе сильного в нем, “герр” Габерман его точно сломал; он хотел одолеть перспективу, поставивши невыполнимые цели, убив колорит свой и отяжелив свой рисунок» [Белый, 1934, с. 114]. Действительно, характерная особенность творчества Владимирова во время пребывания в Мюнхене и после возвращения в Москву — уход от цвета. Она связана, прежде всего, с переходом от акварельного рисунка (наиболее характерной для него техники до 1906 г.) к гравюре. Меняется и выбор тематики: место мотивов древнерусской истории и русских сказок занимают характерные европейские сюжеты (серии гравюр «Средневековье» и «Маскарад», 1908–1911 гг., ГМИИ). Что касается утяжеленного, по словам Белого, рисунка, это опять-таки обусловлено особенностью задачи передать свет и тень в черно-белой гравюре, а также спецификой новых сюжетов.

В тексте А. Белого о Мюнхене есть эпизод, раскрывающий основы художественной философии Владимирова. Это прогулка по Мюнхенской Пинакотеке, во время которой художник объяснял, как правильно *видеть* живопись старых мастеров. На примере одного сюжета он пояснил, как по-разному действуют на зрителя принципы композиции итальянцев и немцев:

— Вы посмотрите, — показывал он, — «Воскресенье», писанное итальянцем; что делает он? Он бросает нам образ: оттуда — в сюда: композиция — успокоительна; но между нами и образами все ж остается ограда... Как выписана! Мы за ней, созерцаем, как сон, воскресенье и ангелов; эта гармония форм высекает маячащий свет; он — не греет; теперь мы пойдем, — вел к старинному немцу. — Все — то же: Христос и два ангела; как все убого, наивно! Детали — уродливы; где тут гармония? Но тепловую струю ощущаете вы из теней; и она согревает уродство, которое даже милей красоты; итальянец слепит, но не греет; он ставит ограду меж чудом и нами; а где здесь ограда? Вы — взяты в нее, а она за спиною у вас; вы, включась в композицию, перебегаете к гробу; тень — теплая; греет деталь: эту маленькую нежно вырисованную собачку вы любите; вляпана в чудо, чтоб в чудо вобрать обиход вашей жизни; и этим вас с чудом связать; итальянец — прекрасно покажет; а немец — введет вас! [Там же].

Эти рассуждения Владимирова напоминают теории двух крупнейших теоретиков времени — уже упомянутого Вельфлина и французского историка и философа Ипполита Тэна. В своих лекциях о живописи Италии и Нидерландов (которые на русском языке впервые были изданы в 1889 г.) Тэн пишет

о характерном для голландского художника колорите и его воздействии на зрителя: «с помощью пачкотни, где грязновато-желтые тона, мутные, как осадок вина, темно-серые и расплывчатые, испещрены там и сям яркими пятнами, ему удастся затронуть самые интимные струны нашей души» [Тэн, с. 100]. Однако Тэн пишет только о колорите, в то время как Владимиров рассуждает о композиции в целом и об особенностях перспективы в частности. Поэтому более близким здесь окажется сопоставление с идеями Вельфлина, которые были оформлены в книгу «Италия и немецкое чувство формы» только в 1931 г.⁵: «Итальянский рисунок всюду исходит из объективной нормы. Немецкий же рисунок не боится выходить за ее пределы. <...> Данный ракурс может быть неверным для итальянца, но если он выразителен, то тем самым оправдан» [Вельфлин, с. 359].

Белый несколько раз подчеркивает важность для Владимирова умения видеть, при этом проводя параллели с Петровым-Водкиным: «умение видеть, науку разглядывать, он проповедует еще до Водкина» [Белый, 1934, с. 111]. Сравнение с Водкиным в данном случае демонстрирует новизну подхода к теории композиции; безотносительно Владимирова Белый пишет в одной из других глав: «у Кузнецова, Сарьяна и Водкина мы ощущали усилие к новому зрению» [Там же, с. 231]. Таким образом, Белый констатирует принадлежность своего друга группе видящих по-новому художников, но одновременно с горечью замечает, что в случае Владимирова эта его способность не привела к выдающимся результатам или выработке нового неповторимого стиля: «в нем жили себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин» [Там же, с. 114]. Можно не согласиться с Белым в данном случае: Владимиров, хоть и умел остро чувствовать новые художественные тенденции, лишь не стал гением-новатором, опередившим свое время, но в наличии индивидуальной манеры и особого дарования ему сложно отказать.

После возвращения из Европы Владимиров работал для различных издательств и много выставлялся, будучи членом и экспонентом Московского товарищества до 1919 г., а в 1909–1911 гг. служил его секретарем. В 1908 г., предположительно, преподавал технику офорта в Строгановском училище. Имя Владимирова достаточно известно в 1910-е гг., о чем свидетельствует заметка о его учителе Мешкове в газете «Русские ведомости» (№ 243) за 1916 г.: «...из его [Мешкова. — Е. Ю.] школы вышли известные художники — Ульянов, Керзин (скульптор, подающий большие надежды), Д. Д. Варапаев, В. В. Владимиров, П. В. Сивков, А. Ф. Дмитриев».

В 1905 и 1910 гг. Владимиров создавал монументальные композиции для церкви в усадьбе Знаменское-Губайлово под Москвой. Усадьба Знаменское-Губайлово⁶ — и есть имение Поляковых, в котором, по свидетельству Белого, Владимиров в 1905 г. расписывал церковь [см.: Белый, 1934, с. 31]. По всей видимости, Владимиров в 1910 г. вновь туда вернулся. Так, в Знаменской церкви сохранились росписи Владимирова, датированные 1910 г. [см.: Красногорский историко-художественный музей]. Около 1910 г. рядом с церковью архитектором

⁵ Разумеется, идеи, опубликованные Вельфлином в издании 1931 г., уже основывались на его предыдущих работах — в частности, той же книге 1905 г. о Дюрере.

⁶ Ныне села Павшино, Чернево и усадьба Губайлово-Знаменское входят в состав города Красногорска Московской области.

И. Е. Бондаренко при участии Владимирова была построена часовня-усыпальница купца 3-й гильдии Александра Яковлевича Полякова и его жены Анны Ивановны [см.: Знаменское-Губайлово]. К ней относится эскиз церковной утвари, декоративная подпись в котором гласит: «памяти А. Я. Полякова, скончавшегося 19 сент. 1907 г., сооружена сия лампада учащимися, слугами, рабочими и служащими». Сын А. Я. Полякова Сергей Александрович был меценатом, переводчиком романов Кнута Гамсуна, основателем издательства «Скорпион», выпускавшего альманах «Северные цветы» и журнал «Весы», при нем Губайлово регулярно посещали Андрей Белый и другие поэты и художники-символисты.

В 1914 г. Василий Владимиров женился на происходившей из состоятельной петербургской семьи Лидии Михайловне Горвиц, двоюродной сестре Иды Рубинштейн [см. примечание к письму С. Я. Маршака № (7)7. Ответ на письма от 18 мая 1903 г. и от 7 июня 1903 г. в кн.: Маршак, с. 25–27]. Лидия и ее мать Софья Адольфовна дружили со многими творческими людьми, в частности, с Самуилом Маршаком, который поддерживал Лидию на протяжении долгого времени⁷. В имении Горвиц на хуторе Городища в Полтавской губернии Владимиров занимался росписью церкви. А в 1921 г. переехал в Петроград, где у его жены была квартира, для службы экспертом и заведующим складом при Отделе художественных ценностей Северо-Западного управления Наркомата внешней торговли. В это же время он работал над сочинением «Перспектива для художников»⁸.

С 1924 по 1925 г. Владимиров сотрудничал с детским журналом «Воробей» (впоследствии «Новый Робинзон»), московскими и ленинградскими издательствами («Радуга» и «Государственное издательство»), где он иллюстрировал произведения Б. Житкова, Д. Четверикова, Е. Васильевой и других авторов. Благодаря разнообразию тематики иллюстраций талант Владимирова-рисовальщика и стилизатора позволил ему с одинаковым умением передать разнообразные мотивы — от китайских пагод и костюмов в книге «Четыре ветра» А. Лебеденко до светящихся в ночи небоскребов и разношерстной американской толпы в «Без языка» В. Короленко. Большое разнообразие стилистических особенностей книжной графики Владимирова на протяжении 1920-х гг. требует отдельного подробного исследования, здесь стоит обозначить лишь некоторые из отдельных приемов и направлений: это шаржевость и искажение пропорций («Электрофикация» П. Литвинова), работа с конструктивистским шрифтом в оформлении обложек книг 1929–1930 гг. («Восстание на Св. Анне» А. Лебеденко, «Без языка» В. Короленко), тональная иллюстрация («Восстание на Св. Анне» и «Четыре ветра»), производственная иллюстрация («Паровоз» Б. Житкова, 1927).

Отдельно стоит упомянуть иллюстрации к книге Е. Васильевой «Человек с луны» о Н. Н. Миклухо-Маклае (ГИЗ, 1926) (ил. 3). Визуальными источниками для создания иллюстраций Владимирову могли служить либо коллекция Музея антропологии и этнографии (а Владимиров в это время как раз жил

⁷ Об этом свидетельствуют письмо С. Я. Маршака № 138 Л. М. Владимировой от 12 февраля 1943 г. и корешок почтового перевода из коллекции Чемакина.

⁸ Не был опубликован; четыре из пяти тетрадей с рукописью утрачены.

Ил. 3. Папуас. Эскиз иллюстрации из книги Е. Васильевой «Человек с луны». 1925 г.

в Ленинграде и мог легко посещать музей для изучения артефактов), либо рисунки самого Миклухо-Маклая. Подготовкой первой публикации сочинений Миклухо-Маклая, которые были изданы в 1923 г., занимался не кто иной, как научный руководитель Владимира по этнографии Анучин. Иллюстрации к «Человеку с луны» выполнены черной тушью; они плоскостны: это почти силуэтные изображения. Можно сопоставить эти иллюстрации с рисунками Н. Лапшина для книги Н. Беюла «Письма из Африки» (ГИЗ, 1928): у последнего фигуры также даны черными силуэтами, уплощены, но нарисованы они без мелких подробностей, с вытянутыми пропорциями. В сравнении с ними фигуры Владимирова создают ощущение иллюстрации специализированного научного издания.

В 1920-е гг., помимо сотрудничества с издательствами, художник возглавлял мастерскую для изготовления игрушек при производственном бюро Академии художеств. На протяжении 1920-х гг. оформил несколько кукольных спектаклей (макеты декораций к некоторым сохранились). С 1926 г. Владимирова сотрудничал с Ленинградским музеем связи, для которого выполнил несколько макетов и акварелей.

Обладая индивидуальной художественной манерой, Василий Владимиров как художник и теоретик развивается в русле стилистического разнообразия начала XX в. Брошенную

Белым фразу «в нем жили себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин» можно прочесть как упрек художнику или сочувствие его не в полной мере раскрывшемуся таланту, а можно — как признание его в одном ряду с выдающимися именами. Владимиров не был новатором, однако то самое «усилие к новому зрению», как у Водкина и Сарьяна, которое признал за ним Белый, определило и его постоянные творческие и теоретические поиски, и его уникальную манеру, одновременно характерную для своего времени и абсолютно индивидуальную. Творчество Владимирова не менее интересно, чем работы «звезд» художественной сцены его времени, и во многом — гораздо более показательны. По истории искусств как «истории шедевров» трудно составить цельное представление о развитии художественного процесса, ведь шедевры — это чаще всего работы, опережающие свое время. Пример Владимирова, напротив, отчетливо показывает, в каких направлениях развивалась книжная графика в 1900–1920-е гг.

В свой ранний московский период Владимиров находился в «мейнстриме» неорусского стиля, но постоянные поиски своей собственной манеры привели его к экспериментам в области гравюры и европейской тематики. Тем не менее, русская стилистика не была заброшена художником — она оказалась востребована при монументальной работе над убранством церкви в Губайлово и в Городищах. Его стиль в книжной иллюстрации 1920-х гг. также находится где-то посередине между актуальными тенденциями: он далек от конструктивистской манеры Владимира Лебедева так же, как был далек от стилизации и уплощения искусства модерна; Владимиров всегда базируется на реалистической картинке, стилизуя попутно — и никогда сверх меры. При этом его можно назвать в хорошем смысле художником-хамелеоном: он подчиняет свою манеру тем художественным задачам, которые ставит перед ним литературный текст. Но ни в коем случае нельзя расценивать такую тактику как следствие отсутствия собственной индивидуальной манеры: она хорошо прослеживается при рассмотрении работ каждого из трех периодов в комплексе. Скорее здесь сказывается подход Владимирова в качестве исследователя и аналитика, заложенный, во-первых, университетским образованием, во-вторых, обучением академическому рисунку. По сохранившимся наброскам видно, что работу над каждой отдельной книгой Владимиров воспринимал как отдельный проект: сначала он изучал предмет, делал множество предварительных набросков, затем делал эскизы в нескольких вариантах, порой отличавшиеся друг от друга лишь мельчайшими деталями, и лишь затем приступал к окончательным вариантам.

Творчество Василия Владимирова дает ряд направлений для дальнейшего изучения. В биографии художника остается много белых пятен, в первую очередь, в период 1910-х гг. Стоит обратиться к архивам Московского товарищества художников и издательств, с которыми работал художник, для поиска упоминаний его участия в выставках и подробных анкетных данных. Не все музейные коллекции были исследованы автором; судьба церкви в бывшем поместье Горвиц в Городищах также пока не известна. Дальнейшее исследование его творчества имеет потенциал дополнить историю художественной жизни России первой трети XX в.

Белый А. Между двух революций. Издательство Писателей в Ленинграде. Л., 1934. 503 с. [Belyj A. Mezhdvu dvuh revoljucij. Izdatel'stvo Pisatelej v Leningrade. L., 1934. 503 s.]

Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. 813 с. (Серия литературных мемуаров). [Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij. M., 1989. 813 s. (Serija literaturnyh memuarov).]

Белый А. Начало века. М., 1990. 687 с. (Серия литературных мемуаров). [Belyj A. Nachalo veka. M., 1990. 687 s. (Serija literaturnyh memuarov).]

Василий Владимиров. Книжная графика // Факультет искусствоведения и культурологии УрФУ [Электронный ресурс]. URL: <http://art.igni.urfu.ru/index.php/vystavki-tssk/vasilij-vladimirov.html> (дата обращения: 15.04.2014). [Vasilij Vladimirov. Knizhnaja grafika // Fakul'tet iskusstvovedenija i kul'turologii UrFU [Electronic resource]. URL: <http://art.igni.urfu.ru/index.php/vystavki-tssk/vasilij-vladimirov.html> (mode of access: 15.04.2014).]

Вельфлин Г. Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса. М., 1934. 392 с. [Velflin G. Iskusstvo Italii i Germanii jepohi Renessansa. M., 1934. 392 s.]

Вострецова Л. Н. Василий Васильевич Владимиров (1880–1931) // Антикварное обозрение. 2005. № 1 (14). С. 54–57. [Vostrecova L. N. Vasilij Vasil'evich Vladimirov (1880–1931) // Antikvarnoe obozrenie. 2005. № 1 (14). S. 54–57.]

Гольнец Г. В., Гольнец С. В. Иван Яковлевич Билибин. М., 1972. 244 с. [Golynec G. V., Golynec S. V. Ivan Jakovlevich Bilibin. M., 1972. 244 s.]

[Дар В. Владимирова]. Вх. № 67. 22.IV.25 г. // ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. XII. Ед. хр. 8. Л. 98. [[Dar V. Vladimirova]. Vh. № 67. 22.IV.25 g. // OR GMII. F. 5. Op. XII. Ed. hr. 8. L. 98.]

Демиденко Ю. Б. В. В. Владимиров — художник первой книги Блока // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1999. Вып. IV (Музей-квартира А. Блока : материалы научных конференций). С. 253–265. [Demidenko Ju. B. V. V. Vladimirov — hudozhnik pervoj knigi Bloka // Trudy Gosudarstvennogo muzeja istorii Sankt-Peterburga. SPb., 1999. Vyp. IV (Muzej-kvartira A. Bloka : materialy nauchnyh konferencij). S. 253–265.]

Знаменское-Губайлово [Электронный ресурс]. URL: http://proselki.ru/topics/znamenskoe_gubajlovo/znamenskoe_gubajlovo.topic.htm (дата обращения: 15.04.2014). [Znamenskoe-Gubajlovo [Electronic resource]. URL: http://proselki.ru/topics/znamenskoe_gubajlovo/znamenskoe_gubajlovo.topic.htm (mode of access: 15.04.2014).]

Красногорский историко-художественный музей. Портреты. Имена в истории. Василий Васильевич Владимиров [Электронный ресурс]. URL: kikhm.spb.ru/portraits/names/index.php?action=show&razdel=14&pageid=12 (дата обращения: 15.04.2014). [Krasnogorskiy istoriko-hudozhestvennyj muzej. Portrety. Imena v istorii. Vasilij Vasil'evich Vladimirov [Electronic resource]. URL: kikhm.spb.ru/portraits/names/index.php?action=show&razdel=14&pageid=12 (mode of access: 15.04.2014).]

Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. 336 с. [Lavrov A. V. Andrej Belyj v 1900-e gody. Zhizn' i literaturnaja dejatel'nost'. M., 1995. 336 s.]

Маршак С. Я. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1972. 607 с. [Marshak S. Ja. Sobr. soch. : v 8 t. T. 8. M., 1972. 607 s.]

Петербургская графика начала XX века из собрания Вологодской областной картинной галереи : каталог / авт. вступ. ст. В. В. Воропанов. М., 2000. 48 с. [Peterburgskaja grafika nachala XX veka iz sobranija Vologodskoj oblastnoj kartinnoj galerei : katalog / avt. vstup. st. V. V. Voropanov. M., 2000. 48 s.]

Русский рисунок и акварель из собрания Вологодской областной картинной галереи : каталог / авт.-сост. Л. Г. Соснина. Вологда, 1986. [Russkij risunok i akvarel' iz sobranija Vologodskoj oblastnoj kartinnoj galerei : katalog / avt.-sost. L. G. Sosnina. Vologda, 1986.]

Символизм в России. ГРМ : каталог выставки / вступ. ст. В. Круглова, Е. Петиновой и Е. Карповой. СПб., 1996. 456 с. [Simvolizm v Rossii. GRM : katalog vystavki / vstup. st. V. Kruglova, E. Petinovej i E. Karpovoj. SPb., 1996. 456 s.]

С. Малютин. Избранные произведения / сост. и авт. вступ. ст. Г. В. Гольнец. М., 1987. 144 с., 52 л. ил. [S. Maljutin. Izbrannye proizvedenija / sost. i avt. vstup. st. G. V. Golynec. M., 1987. 144 s., 52 l. Il.]

Тэн И. Философия искусства. Живопись Италии и Нидерландов. Лекции, читанные в Школе изящных искусств в Париже. М., 1995. 160 с. [Tjen I. Filosofija iskusstva. Zhivopis' Italii i Niderlandov. Lekcii, chitannye v Shkole izjashhnyh iskusstv v Parizhe. M., 1995. 160 s.]

Художники народов СССР : библиографический словарь. М., 1972. Т. 2. 439 с. [Hudozhniki narodov SSSR : bibliograficheskij slovar'. M., 1972. T. 2. 439 s.]

Статья поступила в редакцию 15.05.2014 г.

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЧТЕНИИ

Рассматривается проблема многообразия форм художественного общения в современном опыте чтения. В культурологической методологии устанавливаются взаимосвязи между различными способами самоопределения личности читателя и формами художественного общения, существующими в модернистской, массовой и сетевой литературе. Делается вывод, что современный читатель волен выбирать форму художественного диалога в зависимости от стоящих перед ним задач самоопределения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественное общение; чтение-общение; чтение-наставничество; чтение-ученичество; приобщение к социальной группе; самоопределение читателя.

Современное чтение — это сложное социокультурное явление, в котором одновременно существуют не только разные тексты, авторы, цели, техники и читательские идентичности, формируемые в процессе чтения, но и разные формы художественного общения, становящиеся в процессе непосредственного взаимодействия читателя с классическим, модернистским или современным мультимедийным текстом. Рассмотрим последовательно, как накапливались в истории чтения различные формы художественного общения, сосуществующие в современной культуре, и как происходили изменения в форме художественного общения в зависимости от потребностей читателя в самоопределении.

Классическое книжное чтение — одна из наиболее важных примет старого мира классической культуры. Этот мир был «миром авторитетов: лидеров, знающих все лучше остальных, и учителей, указывающих вам, как лучше делать то, что вы делаете» [Бауман, с. 71]. В классической литературе авторитет принадлежал автору-писателю. Наставничество и учительство писателя и одновременно ученичество читателя осуществлялись в классической форме художественного общения — интересубъективного ментального взаимодействия посредством художественного текста. В текстах классической литературы авторы-писатели сообщали о том, как надо жить. Читатели классической литературы вычитывали из книг наставления и поучения. Книга в классическом чтении и художественном общении воспринималась как учебник жизни. Все это укладывалось в просветительскую парадигму существования литературы и чтения.

Классическая литература отличалась наставительно-монологическим характером повествования, и первый, кто рискнул разрушить эту традицию в русской литературе — основоположник идеологического, полифонического, экзистенциального романа Ф. М. Достоевский — оказывается основоположником и русской модернистской литературы, и одним из немногих писателей XIX в., «современным» и читаемым в наши дни.

Перечисляя отличительные черты современности, З. Бауман отмечает, что «современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [Бауман, с. 39]. Одним из первых литераторов, воплотивших эту социальную коллизию, был Ф. М. Достоевский, а героями, которые попробовали осуществить самоопределение хотя бы и в рамках заданного социального положения, были и князь Мышкин, и студент Раскольников, и Соня Мармеладова, и Иван Карамазов. Несмотря на то, что необходимость самоопределения вместо занятия определенного социального положения «разделяет соседние поколения людей так же, как различные категории личностей в течение одного исторического периода» [Бауман, с. 40], между тем интерес к чтению, пере-чтению и современным формам визуализации чтения — экранизациям романов Ф. М. Достоевского — сохраняется. Очевидно, что первый опыт социального самоопределения предшественников является для наших современников сохранившим важность и содержательность духовной стороны проблемы.

Актуальность произведений Ф. М. Достоевского для современного репертуара чтения подчеркивает, что если в монологической книжной культуре писатель авторитетно повествовал о том, как протекает жизнь и какие способы самоопределения и самоидентификации возможны, то с определенного момента в истории литературы и чтения читатели стали отдавать предпочтение чтению не монолога авторитета о том, как нужно жить, а чтению-пониманию и чтению-проживанию полифонического многообразия проявлений жизни в одной и той же жизненной ситуации, рассматривать, визуально воспринимать примеры решения жизненных проблем в «текущем» мире, анализировать допущенные ошибки и отмечать положительные и полезные примеры и действия.

Такой интерес к полифоническому, свободному повествованию, по мнению З. Баумана, определяется характером стоящих перед современным человеком жизненных проблем — «природа их такова, что они могут быть решены только самим человеком, вопрошающие нуждаются (или думают, что нуждаются) в примере, как другие люди решают подобные проблемы» [Бауман, с. 73] и они хотят, чтобы этот пример был наглядным. Нужно отметить, что эти идеи З. Баумана очень близки объяснительным идеям М. М. Бахтина, который связывал полифоническую форму романов Ф. М. Достоевского с «динамическим» характером социальной реальности конца XIX в. [Бахтин, с. 5].

Процессы преодоления устоявшихся форм существования старого мира классической культуры глубинным образом затронули не только способы существования авторитетов (полифонический взамен монологического), но и формы художественного общения. Классическое художественное чтение — это квазиобщение, которое расширяет мир квазиперсонажей [Каган, с. 238]. Преимущество художественного чтения перед чтением других источников информации состоит в том, что это художественное общение, т. е. «взаимное отражение, смотрящихся друг в друга, как в зеркала, субъектов» [Каган, с. 241]. Художественное общение устанавливает долговременные диалогические отношения, формирует устойчивые литературные интересы и вкус. Одновременно художественное чтение не способствует постоянному обновлению мимолетных, но разнообразных социальных знакомств и отношений, как того требует «текущая» и «легкая» современность.

Более динамичной и открытой социальным проблемам актуальной современности формой художественного общения является чтение массовой литературы. Сюжеты, язык и форма произведений массовой литературы постоянно трансформируются, удерживая внимание читающей публики. Массовая литература повествует в жанровой прозе о жизни «наших современников», «наших соседей» [Липовецкий, с. 358]. Она дает образцы поведения в различных жизненных ситуациях. Массовая литература вырабатывает поведенческие модели, которым можно следовать, а можно ими пренебрегать или над ними можно посмеяться. Поведенческие модели массовой литературы обладают силой примера, а не авторитета.

Большое количество современных авторитетных литературоведов пишут, что родоначальником и ярким примером нового типа художественного диалога в массовой русской литературе XX в. может быть назван С. Довлатов и его «новая автобиографическая проза» [Липовецкий, с. 24]. Идея рассматривать С. Довлатова в качестве автора массовой литературы, читаемого и любимого широкой публикой как в России, так и за рубежом, принадлежит А. Генису. Эта идея касается не только социологии чтения рассказов и повестей С. Довлатова, но прежде всего эстетики и поэтики его текстов, позволяющих отнести его произведения к массовой литературе, а характер внутритекстового диалога — к новому типу диалога, отличающего массовую литературу от классической.

Отличает прозу С. Довлатова удивительная художественная интонация. Это интонация доверительного рассказа, отшлифованного многими повторениями текста сначала в устной форме, а затем закреплением его в форме письменной. Особенность такой работы над формой отмечали многие современники и соучастники довлатовской творческой кухни.

К примеру, И. Бродский считал, что рассказы С. Довлатова написаны как стихотворения, сгущая реальность и заставляя ее жить по законам, отменяющим пространство и время, структуру и иерархию [Генис], по законам поэтического ритма.

Интонация мягкого юмора, выявляющего и констатирующего ситуацию абсурдности бытия в довлатовской прозе, выстраивалась благодаря «взрывному сопряжению абсолютной убедительности и самодостаточности присутствия смысла и неизменной и неизбежной иллюзорности, фиктивности и абсурдности его реализации» [Липовецкий, с. 277]. Прежде всего, он смеялся над собой — героем рассказов и повестей, — над тем, в какие ситуации попадал как герой и как «псевдогероически» находил из них выход.

Интонация Довлатова — и в этом сходятся многие литературоведы — это интонация как раз лишенная претензии, «сословной спеси» и нравучительности классического автора, она воплощала ситуацию самобичевания, намеренного поиска и выявления парадокса в собственном жизненном опыте. Растворение автора в доверительном и демократичном по форме обращении к читателю тексте было сознательно искомой авторской позицией писателя по отношению к своему читателю. Как пишет А. Генис, «Сергей любил жить среди своих героев, чтобы смотреть на них не сверху, а прямо, желательно — в лицо. Камерность нравилась Довлатову, ибо она позволяла автору смешаться с персонажами... Сергей

тщательно следил за тем, чтобы не стать выше читателя. Как никто другой, он понимал выигрышность такой позиции» [Генис]. М. Липовецкий также развивает мысль о том, что диалог читателя и героя как добрых соседей был творческой находкой С. Довлатова. Этот писатель тщательно выстраивает интонацию «своего парня», соседа, старого знакомого, для чего «использует собственную биографию в качестве материала для многовариантного литературного текста» [Липовецкий, с. 358]. Все это сделало Сергея Довлатова тем автором, о котором мы можем с уверенностью утверждать, что он показал пример новых взаимоотношений между автором и читателем и создал новую форму художественного диалога в чтении массовой литературы.

Вместе с тем, переход от наследования «социального положения» к «самоидентификации» и «социальному конструированию» требует от нашего современника вынужденного «присоединения» к тем социальным группам, в которых он намерен состоять, «и членство должно постоянно возобновляться, подтверждаться и проверяться в повседневном поведении» [Бауман, с. 40]. Поэтому чтение становится особенно востребованной практикой для социальных групп, занятых самоопределением, и в тех формах и сферах, где можно получить информацию об актуально существующих авторитетных социальных группах и их характеристиках. В этом случае чтение оказывается востребованным не только в художественном, книжном, пусть даже и «массовом» варианте, а в его мобильном варианте, когда предметом чтения становятся не художественные тексты, а тексты, размещаемые в социальных сетях, сетевые дневники — блоги, дискуссионные интернет-форумы.

В качестве репрезентативного примера одной из самых интересных для исследования форм современного художественного общения мы приведем блог известного уральского писателя, драматурга, режиссера и педагога Н. Коляды.

Блог Н. Коляды — это сложно организованный гипертекст, который сочетает лирические записки — мечты и воспоминания, размышления, благодарности, соболезнования с фотоотчетами о гастрольных или фестивальных поездках Н. Коляды и его театра, выдержки из рецензий критиков, видеозаписи фрагментов спектаклей, активные гиперссылки на публикации о театре Н. Коляды и анонсы его спектаклей в различных городах России и Европы, и мн. др.

В своем блоге Н. Коляда общается со своими читателями таким образом, что блог интересен и любителю творчества Н. Коляды, и специалисту-искусствоведу. Материалы блога Н. Коляды обновляются неоднократно в течение дня и позволяют каждому читателю почувствовать живую жизнь творческой лаборатории большого художника, испытать ощущение совместного проживания судьбы тех проектов, реализацией которых занят Н. Коляда и переживание за судьбу которых художник делает общим со своими читателями. Вовлекая читателей блога в переживание замысла, значимости и сложностей реализации проектов, Н. Коляда вводит читателей в орбиту жизни своего театра, позволяет им идентифицироваться как знатокам творчества Н. Коляды и добрым друзьям его театра.

На примере блога Н. Коляды мы видим, что мобильное чтение — это новый не-классический исторический тип чтения, это чтение — присутствие в социальных сетях, постоянное сиюминутное интернет-общение с реальными людьми,

поддержка и разделение их мнений и забот, постоянное обращение к жизненным примерам: куда пойти развлечься, где отдохнуть, куда пойти на совместное мероприятие со своей социальной группой, что можно посетить по сети, с кем обменяться своим мнением — все это создает для виртуального участника группы иллюзию реальной включенности в многообразные и эффективные социальные связи и отношения.

Постоянно находясь в раздвоенном состоянии одновременного бытия в социальном и виртуальном мире, современный человек, по мнению З. Баумана, предпочитает закрывать глаза на специфические сложности окружающей его реальности и сохранять всеми силами свою безмятежность. Понимание ситуации раздвоенности современного бытия является травматичным, в то время как неведение является успокоительным. Отсюда главная поведенческая установка «текущей» современности — «не беспокоить» [Бауман, с. 50] и не беспокоиться. Современные читатели отказываются от тех процедур художественного общения, которые приводили бы к осознанию усложнившейся картины бытия. Современные читатели отказываются от традиционных в классической культуре процедур художественного общения, когда воображаемое общение с героем произведения оказывается диалогическим актом самопознания — сосредоточенного и уединенного классического чтения «про себя». Современные читатели предпочитают новые практики чтения — виртуального общения, из которых уходит самопознание как самопроблематизация и самовопрошание, но утверждают чтение «про других» и виртуальная социальная общность с «другими».

Следовательно, классическое чтение мы можем назвать «чтением для себя», «чтением про себя», и «общением через текст с самим собой», а современное мобильное чтение в социальных сетях мы называем «чтением для других», «чтением про других», и «общением через текст с другими».

Мобильное чтение интернет-текстов из социальных сетей, виртуальных сетевых дневников — блогов, переписки и полемики на форумах — это виртуальное общение с виртуальными собеседниками, которые принципиально остаются анонимными, закрытыми «никами» и «аватарами», но индексирующими социальные общности, идентификация с которыми для интернет-читателя является социально значимой и необходимой [Иванов]. Идентифицируясь именно с ними, интернет-читатель получает причастность к определенной социальной группе, защищенность и пищу для ума. Он познает в этом общении других и формирует свое социальное «я», которое репрезентирует посредством «ника», «аватара» и «комментария» о Другом.

В результате проделанной работы мы видим, что современный читатель волен выбирать произведение для чтения в зависимости от формы художественного общения и от желаемого типа творческого поведения читателя. Каждая форма художественного общения задает особый тип поведения читателя: читатель-ученик в художественном общении при чтении классической литературы, читатель-сосед при чтении массовой литературы, читатель-друг при чтении сетевой литературы. Читатель выбирает произведение классической литературы, если желает чтения-наставления и чтения-ученичества. Чтение массовой литературы выбирается в том случае, если читатель настроен на чтение — общение с соседями

и друзьями. Чтение — приобщение к своей социальной группе вынуждает читателя находиться в постоянном сетевом взаимодействии с друзьями из своей социальной группы. Таким образом, приступая к процессу чтения, читатель выбирает то или иное произведение, ориентируясь на форму художественного общения в зависимости от задач самоопределения, стоящих перед личностью читателя в современной культуре.

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с. [Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. SPb., 2008. 240 s.]

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 2007. 608 с. [Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. M., 2007. 608 s.]

Генис А. Довлатов и его окрестности [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/genis_aleksandr/dovlatov_i_okrestnosti-read-10.html (дата обращения: 15.07.2014). [Genis A. Dovlatov i ego okrestnosti [Electronic resource]. URL: http://thelib.ru/books/genis_aleksandr/dovlatov_i_okrestnosti-read-10.html (mode of access: 15.07.2014).]

Иванов В. Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2. С. 52–56. [Ivanov V. E. Internet v formirovanii dialogicheskogo prostranstva v sociokul'turnoj srede // Mir psihologii. 2000. № 2. S. 52–56.]

Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. 319 с. [Kagan M. S. Mir obshhenija: Problema mezhsob'ektnyh otnoshenij. M., 1988. 319 s.]

Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. 848 с. [Lipoveckij M. Paralologii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov. M., 2008. 848 s.]

Статья поступила в редакцию 28.07.2014 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 277.4(09)(470.57) + 274/278(09)

Е. М. Главацкая, Н. Ю. Попова

ПОД ЗВУКИ ДУХОВНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Рец. на кн.: Александров А. П. Долиною смертной тени. Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. / А. П. Александров. — Бирск : Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2014. — 216 с.

В статье дается рецензия на новую монографию, посвященную истории развития и формам существования сообществ баптистов на территории Башкирии в 1918–1943 гг. Авторы анализируют источниковую базу исследования, проблематику, поднятую в монографическом исследовании, степень его встроенности в сложившийся научный дискурс, аргументированность сделанных выводов. В статье отмечается уникальность введенного в научный оборот источникового материала, в том числе из фондов УФСБ, позволяющего проследить эволюцию взглядов государства на баптистов и самих верующих на свое место в условиях государственного преследования, реконструировать повседневную жизнь протестантских общин Башкирии, дать «крупный план» провинциального российского баптизма на примере Башкирии. Вместе с тем, отмечается, что необходимо было поставить исследование в более широкий исторический и географический контекст, что позволило бы выявить специфику ситуации в Башкирии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евангельские христиане и баптистские сообщества Башкирии; протестантские церкви СССР; Советская религиозная политика.

История протестантских церквей и деноминаций в советское время достаточно долго оставалась за пределами классического набора тем отечественной историографии. Этим можно объяснить своеобразный бум, происходящий в этой области в последнее время. Без скрупулезного изучения всех аспектов политики в отношении различных религиозных течений, сложившихся на территории страны, невозможно понять причины появления феномена религиозного разнообразия и его еще большего расширения в последние годы. Поэтому выход

в свет новой монографии является важным событием с точки зрения изучения политической истории России и эволюции ее религиозного ландшафта в первой половине XX в., осмысления особенностей протекания социальных процессов в тоталитарном обществе. Исследование А. П. Александрова проливает свет и на феномен появления у граждан России различных форм религиозной идентичности, защиты этой идентичности даже ценой собственной жизни, а также появления религиозной нетерпимости и ксенофобии.

Монографическое исследование А. П. Александрова опирается на широкую источниковую базу. В нем использованы документы и материалы из фондов государственных и ведомственных архивов Республики Башкортостан, в том числе УФСБ. Автору удалось обнаружить и, вероятно, впервые в отечественной историографии проанализировать уникальный комплекс уголовно-следственных материалов, который позволил представить не только методы и фразеологию сталинского репрессивного аппарата, обрушившегося на евангельских христиан и баптистов, но и отчасти их собственные взгляды на режим, государство, общество, на жизнь, на себя самих, в том числе и уникальные образцы поэтического творчества евангельских христиан и баптистов, изъятые при арестах. Текст этих произведений свидетельствует о том, что их авторы и читатели совершенно не призывали к борьбе с государством. Наоборот, они включали себя в евангельскую традицию раннего христианства и принимали все невзгоды с положенным им христианским терпением. Один из гимнов — «Духовный интернационал» — вообще исполнялся на музыку Интернационала. Автор публикует уникальные фотографии евангельских христиан Волыно-Киевской и Уфимской общин, осужденных в 1936 г., выявленные им в архиве УФСБ.

В монографии рассмотрена история появления движения евангельских христиан и баптистов на территории страны с середины XIX в., в чем и лежит ключ к пониманию судьбы этих деноминаций в России, и в Башкирии в частности. Значительная часть представителей этого варианта христианства — немцы и латыши, переселенцы, зачастую — вынужденные переселенцы из западных районов империи, перешедшие из лютеранства в баптизм. Их социализация на территории Башкирии в условиях иного культурного, этнического и религиозного окружения была затруднена, а особая религиозность как раз и стала основой формирования самоопределения и своеобразной социальной сети. Этот вывод автора подтверждается и тем, что в условиях голода 1932–1933 гг. баптисты и евангельские христиане обращались за помощью не к соседям или государству, а к единоверцам в Германии. Кстати, не только этнические немцы, но и русские баптисты, как это следует из материалов следственных дел 1935 г.

В монографии также подробно рассмотрена эволюция взглядов представителей властей на присутствие в России баптистов и евангельских христиан с конца XIX в. до 1943 г., выявлены правовые основы деятельности этих деноминаций в стране; освещена политика в отношении верующих, их судьбы в условиях государственного преследования (с. 111–121). Автору удалось представить яркую, хорошо документированную реконструкцию ситуации, сложившейся вокруг небольшой по численности сплоченной группы верующих, которые вынуждены были противостоять всей мощи государственной машины. В том, как

это противостояние закончится, не было сомнения ни у той, ни у другой стороны. Представители власти, пользуясь безнаказанностью, сочиняли нелепые обвинения и на их основании разрушали жизнь людей, которые, в свою очередь, несмотря ни на что, продолжали верить, верить в высшую справедливость и добро, которое должно в конце концов восторжествовать.

Автор глубоко проанализировал период так называемого «золотого десятилетия» баптизма 1918–1928 гг. В отечественной историографии, как конфессиональной, так и светской, сложился стереотип о том, что «золотое десятилетие» было временем процветания и безоблачной жизни протестантских общин. А. П. Александров показал противоречивость этого периода: несмотря на активную деятельность общин и конфессиональные съезды, религиозная политика государства продолжала оставаться репрессивной: все пресвитеры и большинство членов церковных советов по конституции 1918 г. были лишены избирательных прав как служители культа; дома, использовавшиеся для моления, национализировались. Таким образом, автор показывает несостоятельность тезиса о «золотом десятилетии» в традиционном его понимании (с. 109–110).

В монографии детально рассмотрена структура каждой из общин баптистов и евангельских христиан региона, половозрастной и социальный состав их членов, проанализированы церковные уставы, выделены их особенности. Также автор сделал важный вывод о том, что до начала антирелигиозной кампании 1930-х гг. на территории Башкирии преобладали общины евангельских христиан: в работе охарактеризованы их взаимоотношения с баптистскими церквями на пути к образованию единой деноминации. На фоне этих явлений достаточно ярко прорисован образ верующего и повседневность протестантских общин 1920-х гг.

В историографической части исследования автором сделан вывод о том, что оценки российского протестантизма профессиональными историками досоветского и советского периода мало отличались. К сожалению, А. П. Александров не включил в историографический раздел анализ работ Т. К. Никольской [2009], И. П. Корнилова [2003] и Н. Н. Ярыгина [2004], посвященных истории баптизма и евангельского христианства в других регионах, что позволило бы выявить общие черты и увидеть специфику Башкирии.

В целом автору удалось на основе уникальной источниковой базы раскрыть детали реализации советской политики в отношении евангельских христиан и баптистов Башкирии в 1918–1943 гг., проследить судьбы конкретных людей, дать «крупный план» провинциального российского баптизма на примере Башкирии. Именно поэтому книга будет интересна не только историкам и религиоведам, но и широкому кругу читателей. Она, безусловно, будет способствовать формированию толерантного отношения читателя к представителям различных конфессий.

Корнилов И. П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. — 80-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 16 с. [Kornilov I. P. Protestantizm v Tatarstane: osnovnye jetapy i osobennosti razvitija (XVIII v. — 80-e gg. XX v.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 16 s.]

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. 356 с. [Nicol'skaja T. K. Russkij protestantizm i gosudarstvennaja vlast' v 1905–1991 godah. SPb., 2009. 356 s.]

Ярыгин Н. Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М., 2004. 224 с. [Jarygin N. N. Evangel'skoe dvizhenie v Volgo-Vjatskom regione. M., 2004. 224 s.]

Рецензия поступила в редакцию 18.09.2014 г.

УДК 27-282.5-055.2(470.)

Хартмут Рюсс

О ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рец. на кн.: *Schmäling A.* Hort der Frömmigkeit – Ort der Verwahrung. Russische Frauenklöster im 16.–18. Jahrhundert (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas, Bd. 75) / A. Schmäling. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009. – 212 S., 2 Ktn., 2 Graph., 12 Tab.

Автор рецензии считает удачной попытку немецкой исследовательницы А. Шмэлинг проанализировать социальную историю православных женских монастырей России XVI–XVIII вв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: A. Schmäling; Россия XVI–XVIII вв.; православные женские монастыри.

Труд Игоря Смолича, единственная обобщающая работа о русском монашестве, вышедшая в 1953 г., уделила женским монастырям лишь незначительное внимание. В Советском Союзе в центре интересов стоял стереотип об эксплуататорском монашеском сословии, — причем, конечно, умалчивалось (как справедливо замечает Ангелика Шмэлинг, автор рецензируемой книги и защищенной в Кельне диссертации), что крупные монастыри, со своими огромными земельными владениями, составляли исключение. В новейших российских исследованиях явно оживилось обсуждение монастырской тематики — причем в менее идеологически выраженном направлении. Правда, по своему содержанию они почти не вышли за пределы анализа известного законодательства и монастырских уставов и до сих пор еще в достаточной мере не использовали шанс «плотно заполнить исследовательские лакуны данными источников». Это Шмэлинг и делает в своей достойной всяческого внимания работе о русских женских монастырях в период между «золотым веком монахов-отцов» (XIV–XVI вв.) и XIX столетием, считающимся временем расцвета монастырской жизни. При этом она может опереться на хорошо сохранившуюся со второй половины XVII в. (и особенно после создания в 1721 г. Святейшего Синода) письменную традицию, в то время как состояние более ранних источников весьма неудовлетворительно из-за недостатка документации, касающейся монастырей, а также вследствие

пожаров и разрушений. Т. к. петровские реформаторские планы в форме Духовного регламента 1722 г. по своему содержанию образовали цезуру в отношении жизни монастырей, то тематически работа структурирована на допетровском и синодальном времени, что то и дело ведет к неизбежным повторам.

Исходя из данных более ранних исследований, автор сообщает о 76 существовавших до 1500 г. женских монастырях, число которых (267) достигло пика в период между 1700 и 1749 гг. Семь самых богатых женских монастырей в 1719 г. владели от 1000 до 5000 или же свыше 5000 «душ» (79,2 % крепостных всех женских монастырей), в то время как половина женских монастырей вообще крепостных не имела. Зажиточным женским монастырем был московский Новодевичий монастырь с более чем 13 000 «душ», который в 1719 г. занимал по этому показателю шестое место среди всех монастырей. Кроме того, этот монастырь получал дары от различных членов царской семьи в виде чрезвычайно обильных денежных вкладов и икон — в подобном ключе вообще можно наблюдать бросающееся в глаза сродство высшей знати с определенными женскими монастырями, прежде всего в Москве и Суздале и около них, где женщины из высших кругов часто проводили свои последние годы. Представительство здесь знатных монахинь составляло большинство по отношению к числу всего монастырского люда. Во владение землями и правами пользования монастыри вступали в первую очередь благодаря пожертвованиям и вкладам, за которые они были обязаны памятовать души дарителей и их присных.

Предпринимавшиеся со времен Ивана IV (1533–1584) попытки уменьшить или же совсем ликвидировать земельную собственность крупных монастырей обрели свой финал лишь во всеобъемлющей секуляризации при Екатерине II, которая в 1764 г. всю монастырскую землю без исключения подчинила контролю Коллегии экономии. С Петра Великого, чьи реформы, однако, проводились в жизнь непоследовательно, секуляризация должна была идти в ногу с государственным бюджетом, из которого монастырям платилось содержание в соответствии с их рангом и значимостью. К тем, которые попали в первый разряд по содержанию, принадлежали при Екатерине II и четыре женских монастыря. Производимые в деньгах или натурой выплаты по мере надобности приходились только на определенное число сестер какого-либо монастыря — и ранжировались в соответствии с их статусом, в котором учитывалось как их нынешнее положение, так и происхождение.

В целом государственные финансовые отчисления монахиням явно были меньше тех, что производились братии мужских монастырей. Особенно резко отличались выплаты мужским и женским монастырским верхам. В качестве монахинь сестры давали обеты бедности, целомудрия и послушания. Первый упомянутый зарок привилегированные сестры из знати в богатых крупных монастырях обходили особенно часто, так что, несмотря на киновитское требование общежитийного обеспечения и совместной собственности, пропасть между бедными и богатыми монастырями сохранялась точно так же, как и различия среди самих сестер, которым в бедных монастырях приходилось самим заботиться о своем содержании.

То, что в одном монастыре порой проживало свыше сотни женщин, а среди них — множество сестер, не являющихся монахинями, кажется, не было

необычным даже до 1700 г. По наблюдениям автора, женские монастыри вообще были заселены гораздо плотнее, нежели монастыри мужские. Среди монахинь, за исключением, конечно, сестер из высших кругов, была распространена неграмотность. Принципиально приниженный в христианстве религиозный статус женщины, естественно, находил отражение и в русских женских монастырях: монахини всегда причислялись к группе богомольцев, но не к сословию священства, и потому не могли осуществлять никаких церковных служб.

Средний возраст в женских монастырях был относительно высок, — так, согласно дополнению к Духовному регламенту, женщины могли давать обет только с 50 лет, а среди тех, которые хотели постричься в 18 лет, чуть более 70 % составляли вдовы.

Пути в монастырь были весьма разнообразны, социальные мотивы (бедность, болезнь, возраст, бегство от крепостного состояния и т. д.) играли существенную роль наряду с персонально-семейными (жестокое мужья, удобный способ развестись), политическими (царская немилость, ссылка) и религиозными причинами (обретение спасения души).

В качестве критерия приема в сословие монахинь и связанного с этим получения какого-либо натурального содержания особенно в XVIII в. имел значение военный или гражданский служебный ранг умершего супруга. Более ранние исследования по отдельным монастырям показали, что это не было каким-то организованным обеспечением бедняков и больных и также не соответствовало православному представлению о любви к ближнему, которая была направлена на осуществляемое отдельными лицами вспомоществование и милостыню, а не на систематически организуемую помощь. Примером являлась *vita angelica*, в которой благочестие выражалось в обетах, службе Господу и постоянной молитве — и в меньшей степени в деятельной любви к ближнему. Как показывает автор на примере московских женских монастырей, потому и оказался в значительной степени без последствий радикальный поворот Петра Великого, потребовавшего выполнения масштабных каритативных задач.

Если учитывать, что церковь по византийской традиции с самого начала вела себя подчеркнуто в «симфонии» с деятельностью правителей и в значительной мере идентифицировала свои собственные интересы с интересами светской власти, то на этом фоне можно легче понять то смущающее автора обстоятельство, что монастыри использовались в качестве тюрем и мест ссылки для арестантов и арестанток, осужденных светским законодательством. Кстати говоря, подобное имело место и в римско-католическом мире. Надзор над правонарушительницами в крупных женских монастырях возлагался на пребывающих там и содержащихся на монастырские средства ветеранов; в иных случаях над преступницами должны были надзирать сами монахини, что не являлось вызовом моральной интеграции всей сестринской общины.

Ангелика Шмэлинг представила первоклассное исследование социальной истории российских женских монастырей. На сюжеты латинского мира подобно-го фундированного обобщающего труда пока еще не написано. Работа Шмэлинг, вследствие своей многогранности, критической хватки и удивительного уровня рефлексии, может считаться важной вехой в исследовании женских монастырей

России. Возможно, автору не стоило почти полностью воздерживаться от сравнений с западными женскими монастырями. Ее книга дает для этого весьма весомые основания — книга, которая представляет удачный анализ монастырской жизни женщин в поле напряженности между монашеским идеалом и реальностью (зачастую более прозаичной) и одновременно демонстрирует высокую степень увлекательности.

Рецензия поступила в редакцию 17.09.2014 г.

УДК 94(47+57)“17” + 94(477) + 34(47+57)

М. А. Киселев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ АЗОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ (1775–1784)*

Рец. на кн.: Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія (1775–1784): історія установи та її документації / А. Г. Олененко. — Київ : [б. и.], 2013. — 304 с.

Рассматривается монография А. Г. Олененко, посвященная истории Азовской губернской канцелярии (1775–1784). Делается акцент на том, что монография представляет особый интерес для исследователей государственного управления имперскими окраинами в XVIII в.

Ключевые слова: история Российской империи XVIII в.; история Украины; Азовская губернская канцелярия.

В 2013 г. в Киеве была издана монография А. Г. Олененко «Азовская губернская канцелярия (1775–1784): история учреждения и его документации». Основной целью для автора было «проведение комплексного исследования документации Азовской губернской канцелярии» (далее — АГК), государственного учреждения, функционировавшего в 1775–1784 гг. (с. 6). Таким образом, исследование затрагивает весьма интересную проблему — организацию управления имперских окраин в период подготовки и проведения второй губернской реформы.

Первая глава монографии посвящена административно-территориальному устройству Азовской губернии. В 1764 г. Екатериной II была образована Новороссийская губерния. В 1775 г., вскоре после завершения русско-турецкой войны, российским правительством на землях Южной Украины (в терминологии А. Г. Олененко) было создано уже две губернии — Новороссийская и Азовская. В состав последней вошли присоединенные по Кучук-Кайнарджийскому миру территории, а также часть земель Новороссийской губернии и Запорожской Сечи.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Государственное управление в России во второй половине XVIII в.: теоретические и концептуальные подходы и их практическое воплощение (региональный аспект)», проект № 13-31-01003.

Собственно, одной из основных целей создания Азовской губернии, по мнению автора, была «унификация управления в регионе и формирование структуры государственных органов, аналогичной общероссийской. Вместо местных учреждений полувоенного характера предыдущей Новороссийской губернии 1764–1775 гг. в Азовской и Новороссийской губерниях вводится общероссийская административная система губернских, провинциальных и уездных учреждений, характерная для Российской империи до времени внедрения “Учреждений для управления губерний Всероссийской империи” 1775 г.» (с. 8–9). При этом, как отмечает автор, «важным звеном регионального управления на Южной Украине стал генерал-губернатор, пост которого занял Г. Потемкин, назначенный специально императрицей Екатериной II для подготовки к полному включению региона... в тело Российской империи» (с. 9). Именно Потемкину как генерал-губернатору подчинялись две данные губернии. В связи с этим следует отметить, что такое положение было как раз характерно для второй губернской реформы, когда «объединение двух, трех, а иногда и четырех губерний под властью одного наместника стало явлением постоянным» [Желудков, с. 201].

Азовская губерния была разделена на две провинции, которые в свою очередь делились на уезды. Первоначально этими административными единицами не всегда управляли воеводские канцелярии. Так, Павловской провинцией первоначально вместо провинциальной канцелярии во главе с воеводой управляло земское комиссарское правление во главе с земским комиссаром. В 1775–1776 гг. в четырех из семи уездов вместо воеводских канцелярий функционировали земские комиссарские правления. Определенную роль в управлении играли и комендантские канцелярии, находившиеся в приграничных крепостях. Лишь к началу 1780-х гг. такое правление осталось в одном из восьми уездов, что, по справедливому мнению автора, «свидетельствует о постепенном и эффективном пути изменений местного управления» (с. 13). Кроме того, формально в Азовскую губернию входили земли Войска Донского, однако оно подчинялось только генерал-губернатору Потемкину. Автор приходит к логичному выводу, что «управление в Азовской губернии можно считать переходной моделью между военным управлением предшествующей Новороссийской губернии 1764–1775 гг. и общероссийским Екатеринославского наместничества. Создание Азовской губернии и ее административных институций было полностью подчинено имперскому курсу на унификацию и интеграцию южноукраинского региона в Российскую империю» (с. 16).

Вторую главу автор посвятила структуре, функциям и персональному составу служащих Азовской губернской канцелярии. Как и другие губернские канцелярии до реформы 1775 г., «структурно АГК разделялась на две части: присутствие и непосредственно канцелярию; кроме того, при учреждении создавались экспедиции и комиссии» (с. 19). Присутствием руководил губернатор, а канцелярией — губернский секретарь. При этом автор указывает на факт существования особой походной канцелярии азовского губернатора, которая сопровождала его при выездах из губернского центра. Со ссылкой на работу А. А. Лукашевича, А. Г. Олененко пишет, что по российскому законодательству XVIII в. «иметь при себе специальные канцелярии могло только военное командование». Исходя

из такой посылки, она делает вывод, что существование походной канцелярии при азовском губернаторе В. А. Черткове было возможно благодаря тому, что он совмещал гражданскую и военную должности: «В. Чертков одновременно занимал должность губернатора Азовской губернии и шефа Луганского пикинерного полка и других военных формирований» (с. 20).

Однако, по нашему мнению, не обязательно искать основания для всех управленческих практик XVIII в. в законодательстве. Например, архивные документы фиксируют существование в 40–60-е гг. XVIII в. походной канцелярии при оренбургских губернаторах И. И. Неплюеве и А. Р. Давыдове. При этом Неплюев мог отправить указ в Оренбургскую губернскую канцелярию из походной канцелярии не только во время передвижений по губернии, а и находясь по служебным делам в Петербурге [ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 12]. Как показывает сохранившийся журнал неплюевской походной канцелярии за декабрь 1744 — февраль 1745 гг., в ней рассматривались и решались разные губернские дела, а не только касавшиеся военного управления [ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 7]. Скорее всего, феномен таких походных канцелярий был вызван к жизни необходимостью частых перемещений губернаторов по осваиваемой территории, а не совмещением военной и гражданской должностей.

Как показывает А. Г. Олененко, приграничное положение Азовской губернии оказало влияние и на перечень экспедиций, которые были созданы при АГК по отраслевому принципу: комиссариатская (казначейство), провиантмейстерская, экспедиция для разбора пограничных споров, таможенная, военная и межевая. Также при АГК могли функционировать комиссии, создававшиеся для решения вопросов, «которые не относились к компетенции ни одной экспедиции» (с. 23). Автор приводит сведения о деятельности трех таких комиссий: о расселении бывших запорожских казаков, о поселении выведенных из Крыма христиан и о Новой Днепровской линии. При этом она отмечает, что последняя комиссия не подчинялась АГК, а находилась в непосредственном ведении азовского губернатора.

В отношении функций АГК автор отмечает, что, с одной стороны, они во многом были схожими с функциями губернских канцелярий центральноросийских губерний, с другой — у нее было несколько дополнительных функций, связанных с ее окраинным положением. При этом автор, приводя в пример Оренбургскую, Сибирскую и Новороссийскую губернские канцелярии, отмечает, что «каждая из губернских канцелярий приграничных губерний Российской империи имела свою специфику работы» (с. 26).

Переходя к характеристике персонального состава АГК, историк приводит сведения о карьере и деятельности губернатора В. А. Черткова, бывшего главою присутствия АГК, и товарища губернатора. Сведения о других служителях АГК более скудны и нередко ограничиваются только именем и должностью. При этом А. Г. Олененко пишет, что «реконструированный личный состав служащих АГК и их обязанностей позволяет говорить про их особенность» (с. 40). Однако, к сожалению, в чем конкретно заключалась особенность служащих АГК по сравнению, например, со служащими других губерний, не совсем понятно. Более того, в работе почти не приведено данных о социальных характеристиках служащих АГК.

Третья глава монографии посвящена специфике делопроизводственных взаимоотношений АГК с другими учреждениями. Основное место в главе отведено внешнему документообороту АГК. Однако автор также останавливается и на внутреннем документообороте АГК, к которому она относит и обмен документами АГК с ее экспедициями и комиссиями.

Четвертая — самая объемистая — глава посвящена видовой структуре документации АГК. В качестве главного принципа для разделения источников на группы автор берет функциональное назначение документов [ср.: Каштанов, с. 60–62]. В итоге историк дает характеристику семи группам документов, связанных с деятельностью АГК — распорядительным (указы, ордера, инструкции), докладным (рапорты, донесения, челобитные), справочно-информационным (экстракты, мнения), удостоверяющим (паспорта, аттестаты, абшиды, патенты), договорным (договоры, контракты), учетно-статистическим (табели, ведомости, реестры, описания) и проектно-плановым (проекты)¹. Автор также приводит свои подсчеты о процентном соотношении разных групп источников (с. 95–96). Однако, принимая во внимание специфику сохранности документов АГК, встает вопрос о репрезентативности таких подсчетов. Именно проблеме сохранности документов АГК посвящена последняя глава монографии. Как показывает автор, во время Великой Отечественной войны значительная часть архива АГК погибла, и от него сохранились лишь отдельные коллекции документов. В результате, историк сталкивается с тем, что вынужден реконструировать деятельность государственного учреждения по исходящим документам, отложившимся в российских центральных архивах, что, конечно же, не может не наложить определенных ограничений при проведении исследований по истории АГК.

Также в книге помещено приложение, превосходящее по своему объему текст исследования и представляющее собой указатель исходящих документов АГК, сохранившихся в XVI разряде Российского государственного архива древних актов.

Таким образом, можно констатировать, что монография А. Г. Олененко вносит определенный вклад в изучение губернских учреждений Российской империи XVIII в. и их документации. При этом ее наблюдения могут представлять особый интерес для исследователей государственного управления имперскими окраинами в XVIII в.

Азовське намісництво: нереалізований проєкт / упор. О. С. Панкєєв, А. Г. Оленєнко. Запоріжжя, 2011. 98 с. [Azovs'ke namisnyctvo: nerealizovannyj proekt / upor. O. S. Pankeev, A. G. Olenenko. Zaporizhzhja, 2011. 98 s.]

ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7, 30. [GAOO. F. 3. Op. 1. D. 7, 30.]

Желудков В. Ф. Введение губернской реформы 1775 года // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 229. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. Л., 1962. С. 197–226. [Zheludkov V. F. Vvedenie gubernskoj reformy 1775 goda // Uch. zap. Leningr. gos. ped. in-ta im. A. I. Gercena. T. 229. Ocherki

---

¹ Следует упомянуть, что один из документов данного вида, представляющий собой нереализованный план создания Азовского наместничества на основе норм «Учреждений для управления губерний» 1775 г., был издан в 2011 г. А. Г. Олененко совместно с О. С. Панкеевым [Азовське намісництво].

iz istorii klassovoj bor'by i obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii v tret'ej chetverti XVIII veka. L., 1962. S. 197–226.]

Каштанов С. М. К изучению летописного лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 57–79. [Kashtanov S. M. K izucheniju letopisnogo licevogo svoda Ivana Groznogo // Arheograficheskij ezhegodnik za 2011 god. M., 2014. S. 57–79.]

Рецензия поступила в редакцию 04.09.2014 г.

УДК 811.161.1'374 + 81'33 + 81-119

М. Ю. Мухин

БАЗЫ ДАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РУССКИЙ ГЛАГОЛ»: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В статье рассматриваются статистические параметры идеографических баз данных лексикографической группы «Русский глагол» и Уральской семантической школы (руководитель — проф. Л. Г. Бабенко). Обсуждается история создания и развития словарных баз данных. Приводятся примеры лингвистической интерпретации количественного соотношения денотативных сфер и особенностей распределения стилистически маркированной лексики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексикография; база данных; идеографический словарь; тезаурус; Уральская семантическая школа; статистика; семантический класс.

Лексикографическим базам данных межвузовской проблемной группы «Русский глагол» и Уральской семантической школы недавно исполнилось 20 лет. Первая база на основе СУБД FoxPro была создана на кафедре современного русского языка в 1993 г. для работы с идеографическим «Толковым словарем русских глаголов» [1999] (2-е издание вышло под названием «Большой толковый словарь русских глаголов» [2007]). В среде, работавшей под DOS, были созданы процедуры, обеспечивающие удобный на тот момент ввод данных. Согласно требованиям идеографической организации, данные были размещены в связанных друг с другом таблицах, отражающих уровни семантической иерархии [Мухин]. После заполнения контентом словаря глаголов в базе середины 1990-х гг. было

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»), РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты») и при поддержке средств, полученных из Программы повышения конкурентноспособности (номер соглашения 02.А03.21.0006).

около 6,5 тыс. записей. Отдельную проблему в то время составлял экспорт информации в текстовые процессоры и издательские системы в силу разницы в форматах, а также технические сложности с рядом внешне совпадающих латинских и кириллических символов.

База данных словаря глаголов в своем развитии прошла ряд этапов в связи с совершенствованием инструментальных возможностей, а также с изменением самого контента: появлением дополнительных типов информации и выделением отдельных записей для членов видовых пар — глаголов совершенного вида, которые привязаны в словаре к вокабулам (глаголам несовершенного вида). Впоследствии по модели глагольного словаря была спланирована архитектура данных для ряда идеографических словарей: «Большого толкового словаря русских существительных» [2005], «Словаря-тезауруса русских прилагательных» [2011], а также для «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [2007] и «Большого толкового словаря синонимов русской речи» [2008]. Эти базы были сделаны уже на основе СУБД MS Access в силу ее доступности для непрофессиональных пользователей и интегрированности в пакет MS Office, обеспечивающей элементарный обмен данных между основными интересующими нас приложениями: Access — Word — Excel.

В 2012–2013 гг. в рамках работы над проектом Универсального идеографического словаря, который в будущем должен содержать описание слов всех частей речи, включая служебные, было проведено слияние данных разных словарей в одну базу и разработка удобной формы для работы с тезаурусом. Таким образом, новая база данных объединила идеографические структуры и словники четырех словарей: 1) «Большого толкового словаря русских глаголов»; 2) «Большого толкового словаря русских существительных»; 3) «Словаря-тезауруса русских прилагательных»; 4) «Словаря-тезауруса синонимов русской речи». Для более точного и полного формирования словника из соответствующих словарных статей были выделены объекты описания, не являющиеся заголовочными словами (вокабулами). Это фонетические, словообразовательные, морфологические варианты слов (*планер — планёр, отличие — отличие, жирафа — жираф*), глаголы совершенного вида, имеющие пары несовершенного вида, и производные существительные, обозначающие лиц женского пола (*закройщица ← закройщик, дошкольница ← дошкольник*). Каждая подобная лексема получила отдельную запись и соотнесена в базе данных с основной вокабулой, организующей словарную статью.

Кроме того, сопоставление с электронными версиями существующих толковых и частотных словарей выявило частотные лексемы, для которых в Новом частотном словаре русской лексики под ред. О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [Новый частотный словарь...] установлен показатель *ipr* не менее 3 и которые не были ранее семантизированы в идеографических словарях группы «Русский глагол». Эти лексемы включены в новый словник. В него вошли также частотные неоднословные лексические единицы с семантикой наречий, вводных слов, предложений, союзов и частиц. В итоге стартовый вариант базы данных, рассчитанный на создание Универсального словаря и разработку других проектов, включает 96 966 записей — лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов разных частей речи. Из них от словаря глаголов унаследовано 10 443 записи, от словаря

существительных — 14 898, от словаря прилагательных — 23 048, от тезауруса синонимов — 42 693. К этому количеству в базу добавлено 5 884 записи новых ЛСВ. Специфика разных словарей стала причиной количественной асимметричности слов разных частей речи (особенно в плане ЛСВ имен прилагательных) и совпадения ряда значений в тезаурусе синонимов и других словарях. Эти проблемы должны быть преодолены в процессе окончательной выборки материала для Универсального словаря.

Под руководством проф. Л. Г. Бабенко значительно изменена и дополнена синоптическая схема сводного тезауруса. Выявлены различия между структурами разных словарей, соотнесены рубрикации, произведена переиндексация основной части тезаурусов. Приняты решения по соединению и, наоборот, разделению ряда словарных групп, а также по устранению логико-понятийных нестыковок. На сегодняшний день эта структура объединяет в базе 962 записи — наименования денотативных сфер, подсфер и реальных лексических групп. Схема имеет 6 уровней и проявляет наибольшую дробность в сфере «3. Живая природа» (например, группа «3.2.2.3.2.3. Грызуны»).

Кроме новых лексикографических задач, которые позволяет решить сегодняшняя структура данных, у нее есть базовые статистические возможности, обусловленные самим контентом: семантической классификацией и полями, которые в основном соотносятся со словарными зонами словарей. Приведем из этих возможностей только наиболее очевидные:

- количественное соотношение денотативных сфер и групп: выявление специфики языковой картины мира на лексикографическом материале;
- стилистическое распределение внутри тезауруса (пометы): выявление функционально-стилистических, эмоциональных, оценочных приоритетов в разных денотативных классах, а также у слов, вступающих в синонимические отношения;
- распределение прямых и переносных значений: выявление образно-метафорических приоритетов;
- соотношение описываемых слов и идентификаторов, употребляемых в толкованиях: автоматизированное выявление гипо-гиперонимических отношений в лексике;
- частеречное соотношение и распределение грамматических категорий (например, глагольного вида, рода и числа существительных и т. д.): выявление грамматических особенностей денотативных классов.

Чтобы показать, что отмеченные направления вовсе не декларативны, рассмотрим здесь первые два из них на примерах конкретных сфер, групп и слов.

Общеязыковое количественное соотношение денотативных сфер корректно оценить на суммированном материале записей словарей глаголов, существительных, прилагательных, а также нового материала — значений слов других частей речи, добавленных в базу данных будущего Универсального идеографического словаря. По количеству представленных ЛСВ в базе данных сферы распределяются следующим образом: «11. Общественно-государственная сфера» (27,4 % всего материала), «8. Человек и его внутренний мир» (15,3 %), «12. Конкретная

физическая деятельность» (11,1 %). Замыкает перечень сфера «7. Родственные и семейные отношения» (0,4 %) (см. рис. 1). Всего элементов 1-го уровня классификации в новой структуре 15.

Рис. 1. Количественное соотношение денотативных сфер

Посмотрим, как внутри основных денотативных сфер соотносятся классы 2-го уровня. В лидирующей по количеству записей «Общественно-государственной сфере» выделено 20 подсфер. Среди них количественно наиболее выражены: «Искусство» (11 %), «Экономика» (7,9 %), «Медицина» (7,5 %), «Техника» (7,3 %), «Военная служба» (6,9 %) (см. рис. 2).

Рис. 2. Количественное соотношение внутри «Общественно-государственной сферы»

В денотативной сфере «Человек и его внутренний мир» преобладает класс «Эмоции» (58,5 %) (см. рис. 3). Таким образом, лексика эмоций составляет почти 9 % от анализируемого объема. Еще более показательные сведения дает анализ синонимического материала. Среди слов, вступающих в синонимические отношения (по данным тезауруса русских синонимов), доля эмотивов составляет около 20 %, т. е. 1/5 часть русского синонимического лексикона.

Рис. 3. Количественное соотношение внутри сферы «Человек и его внутренний мир»

В структуре денотативной сферы «Конкретная физическая деятельность» очевидно преобладание слов со значением физического воздействия на объект (30,7 %). Этот класс формирует лексика нанесения удара, давления, прикосновения, повреждения объекта и др. (всего 14 денотативных групп).

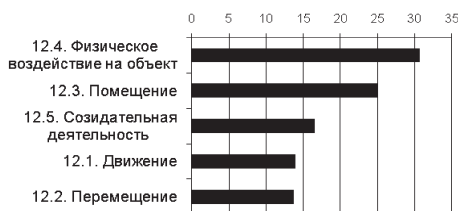

Рис. 4. Количественное соотношение внутри сферы «Конкретная физическая деятельность»

Очевидно, что, несмотря на лексико-грамматические различия разных словарей, формирующих базу данных, отмеченные соотношения классов отражают представления о мире, закрепленные в языке. Об этом говорит само покрытие лексической номинацией разных фрагментов действительности. К слову, статистику реального употребления лексики различных денотативных и семантических классов можно было бы проследить по текстовым корпусам, но на сегодняшний день о качестве семантической разметки даже в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] говорить пока рано.

Обсудим теперь некоторые особенности распределения по конкретным денотативным группам стилистически маркированной лексики. Для этого показательнее привлечь данные одного словаря — тезауруса русских синонимов: в нем изначально представлены слова разных частей речи, а употребление помет выдержано в одном ключе.

Стилистическая дифференциация классов показывает следующее. Книжная лексика (помета *книжн.*) преобладает в группах сфер «Язык и речь» — «Речевое

сообщение», «Особенности изложения...», «Речевое воздействие» (*вещать, изрекать, инсинуация, порицать, менторский* и многие другие слова) и «Интеллект» (*диагностировать, интерпретация, дефиниция*). Слова с пометой *высок.* в первую очередь обнаруживаем в группах «Награждение, признание заслуг или лишение чего-либо, наказание» (*лепта, стяжать, кара*), «Управление, власть, принуждение» (*властелин, повелевать*), «Создание объекта» (*вершить, творить, созидать*).

По разговорной лексике далеко впереди всех прочих группа «Звуки, их разновидности и источник»: *ахнуть, бабахнуть, бахнуть, бацнуть, бұхнуть, громыхнуть, грохнуть, тарарахнуть, ухнуть* (примеры только из одного синонимического ряда). Разговорно-сниженную и жаргонную лексику, что совсем не удивительно, встречаем в первую очередь в группах «Физиологические действия, состояния и процессы, их признаки», «Внутренние и внешние части тела», «Повреждение тела», «Процесс питья и приведения в состояние опьянения», «Характеристика человека по отношению к еде и питью», «Общая оценка».

Распределение эмоциональных помет не менее любопытно. Например, по помете *груб.* лидирует физиологическая лексика. Ирония (пометы *ирон., шутил.*) чаще всего сопровождает обозначение частей тела (*брюшко, телеса, кумпол*), состояния опьянения (*вздрогнуть, лечиться* и др. — о принятии спиртного), особенностей изложения, текста (*сладкоречивый, вития, золотоуст*).

Неодобрение, пренебрежительное и презрительное отношение преимущественно связано с употреблением слов, относящихся к группам «Серьезное и несерьезное поведение человека» (*вертихвостка, кривляка*), «Человек определенного возраста» (*молокосос, сопляк*), «Речевое сообщение» (*треп, брехня*), «Характеристика человека по отношению к еде и питью» (*пьянчуга, нажраться*), «Человек по его отношению к труду» (*лоботряс, туеядец*). А вот помету *ласк.* (*уменьш.-ласк.*) встречаем чаще всего в группах «Животные» (*киса, зверюшка, зайушка*), «Человек определенного возраста» (*бабуля, парнишка, девчушка*), «Предмет одежды» (*платочек, свитерок, штанишки*), «Семья и ее члены» (*мамочка, папочка*).

Эти и многие другие подобные наблюдения еще ждут своей системной лингвистической интерпретации. Разработка тезаурусов русского языка — как традиционных бумажных, так и электронных — продолжается. Надежных, проверенных временем данных о количественных аспектах семантических классов русских слов в словаре и дискурсе сегодня еще нет. Как видно, разработка даже чисто статистических аспектов баз данных Уральской семантической школы имеет сегодня большой научный потенциал, что, конечно, отразится в новых исследованиях на лексикографическом материале.

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 576 с. (Сер. «Фундаментальные словари») [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Anglijskie jekvivalenty / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 2007. 576 s. (Ser. «Fundamental'nye slovari»)]

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с. [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushhestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 2005. 864 s.]

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 784 с. [Bol'shoj tolkovyj slovar' sinonimov russkoj rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 2008. 784 s.]

Мухин М. Ю. Структура базы данных Толково-идеографического словаря // Слово и словарь = Vocabulum et Vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии. Гродно, 2002. С. 177–179. [Muhin M. Ju. Struktura bazy dannyh Tolkovo-ideograficheskogo slovarja // Slovo i slovar' = Vocabulum et Vocabularium : sb. nauch. tr. po leksikografii. Grodno, 2002. S. 177–179.]

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]

Новый частотный словарь русской лексики / под ред. О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> [Novyj chastotnyj slovar' russkoj leksiki / pod red. O. N. Ljashevskoj i S. A. Sharova [Electronic resource]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>]

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011. 232 с. [Slovar'-tezaurus russkih prilagatel'nyh, raspredelennyh po tematicheskim grupпам / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 2011. 232 s.]

Словарь-тезаурус синонимов русской речи. М., 2007. 512 с. [Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi. M., 2007. 512 s.]

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание; Английские эквиваленты; Синонимы; Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 704 с. [Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie; Anglijskie jekvivalenty; Sinonimy; Antonimy / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 1999. 704 s.]

Статья поступила в редакцию 29.09.2014 г.

УДК 81-119 + 811.161.1:378.4 + 811.161.1'374

Ю. В. Казарин

ИДЕОГРАФИЯ — ЗЕРКАЛО ЯЗЫКА И МИРА К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики

Исследуются и подводятся итоги деятельности Уральской семантической школы (основатели — Э. В. Кузнецова и Л. Г. Бабенко), научным центром которой является кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики УрФУ, а также словарная группа (зав. кафедрой и руководитель группы — Л. Г. Бабенко). Анализируется и прослеживается поэтапное становление новой теории и методологии лексико-семантических исследований, теории и практики идеографической лексикографии и производства словарей нового типа — словарей XXI века. Комментируются достижения кафедры и научной школы и определяются перспективы дальнейших научных исследований и лексикографической работы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Уральская семантическая школа; кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики УрФУ; Л. Г. Бабенко; идеография; толково-идеографические словари глаголов, существительных, прилагательных и синонимов; словарь концептов; Универсальный идеографический словарь.

Традиция изучения языковой, речевой и текстовой семантики на Урале объективно и коренным образом связана с научной деятельностью Уральской

семантической школы [Энциклопедия когнитивной лингвистики, с. 14–28; Уральская семантическая школа], основой и ядром которой является кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики ИГНИ Уральского федерального университета (до 2014 г. кафедра современного русского языка сначала Уральского государственного университета, затем — УрФУ). Комплексное исследование — коллективное прежде всего и персональное — лексической, синтаксической и текстовой семантики в пространственном измерении — имеет целью выявление, описание и классификацию единиц языка, параметризующих мир. Многолетнее изучение денотативного, семантического и концептуального пространства русского языка Уральской семантической школой (далее — УСШ), — а значит, кафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики, — привело к формированию приоритетного направления коллективной научной работы, соединившего в себе несколько основных научно-процессуальных потоков исследований теоретического, методологического и прикладного характера. Синтез теории лексической семантики, идеографического метода классификации русской лексики и собственно лексикографической работы давал и дает ощутимые результаты, главным из которых стало выявление, определение и анализ с последующим синтезированием механизмов категоризации и концептуализации мира на различном языковом, речевом и текстовом материале ведущих и наиболее значимых частей речи — русских глаголов, существительных и прилагательных, а также синонимов, фразеологии, паремиологии и текста. Такое идеографическое направление, несомненно, имеет фундаментальный характер, т. к. позволяет выявлять универсальное и специфическое в русской языковой картине мира и описывать культурно-значимые концептуально-идеографические поля в ее ценностной системе и структурах. Практическая значимость таких исследований несомненна: коллектив ученых-лексикографов кафедры и УСШ создал ряд идеографических словарей нового активного типа и внес весомый вклад в развитие теории и практики идеографической лексикографии.

Кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики была образована ровно 40 лет назад в сентябре 1974 г. (§ 10 Приказа № 370 от 9 сентября гласит: «Кузнецову Э. В., доцента кафедры русского языка и общего языкознания назначить заведующей кафедрой современного русского языка...» Эра Васильевна Кузнецова (1927–1988) — ученый, создавший кафедру и впервые в отечественной русистике обратившийся к исследованию глагольной семантики, разработавший оригинальную методику компонентного анализа лексического значения слова, применивший на практике метод ступенчатой идентификации семантики слова и положивший начало идеографической классификации лексики на материале русских глаголов. Э. В. Кузнецова рано ушла из жизни, не успев увидеть вышедший в свет ее учебный словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988), но воспитав ряд учеников, среди которых был выдающийся ученый-лингвист и лексикограф профессор Людмила Григорьевна Бабенко, впоследствии возглавившая осиротевшую кафедру и создавшая Уральскую семантическую школу.

Л. Г. Бабенко — не только талантливый исследователь языка, речи и текста, генератор теоретических, практических и лексикографических идей, выдающийся

ученый, обладающий огромным авторитетом в современной науке о языке, блестящий теоретик и лексикограф, но и замечательный организатор коллективной научной работы и коллективного лексикографического труда. Сегодня коллектив кафедры — это группа ученых, развивающих УСШ. На кафедре работают талантливые ученые: к. ф. н., доц. Т. М. Воронина; к. ф. н., инженер Г. Е. Гуляева; к. ф. н., доц. М. В. Дудорова; д. ф. н., проф. Ю. В. Казарин; д. ф. н., доц. М. Ю. Мухин; к. ф. н., доц. И. К. Мухина; д. ф. н., доц. А. М. Плотникова; к. ф. н., доц. М. В. Слаутина.

Еженедельно члены кафедры обсуждают словарные материалы очередного словаря. В заседаниях УСШ и кафедры принимают участие студенты, магистранты, аспиранты, а также ученые из других вузов, среди которых наиболее активной является д. ф. н., проф. М. Л. Кусова, зав. кафедрой методики преподавания русского языка в начальной школе УрГПУ. Признанием и высокой оценкой работы кафедры и научной школы является тот факт, что кафедра на протяжении многих лет активно участвует в разработке академической лексикографической программы общенационального значения «Словари XXI века», инициаторами и кураторами которой являются Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и издательство «АСТ-ПРЕСС КНИГА». Основная цель программы — создание и издание фундаментальных словарей. Значительное место среди академических лексикографических изданий занимают идеографические словари, созданные членами кафедры и УСШ под руководством проф. Л. Г. Бабенко:

Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Англ. эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с. (Фундаментальные словари).

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005; 2008. 864 с. (Фундаментальные словари).

Большой толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. 784 с. (Фундаментальные словари).

Информационно-поисковая система: «Семантические модели русских глагольных предложений»; создана на базе Экспериментального синтаксического словаря: Семантические модели русских глагольных предложений [Электронный словарь] / под ред. Л. Г. Бабенко. URL: <http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2814>

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.

Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ : Астрель, 2011. 688 с.

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Проспект, 2011. 232 с.

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 864 с.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 512 с.

Современный словарь русского языка. Синонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ : Астрель, 2011. 832 с.

Экспериментальный синтаксический словарь: Русские глагольные предложения / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Флинта-Наука, 2002. 464 с.

В течение 40 лет на кафедре было защищено более 50 кандидатских и 12 докторских диссертаций. За последние 25 лет представителями научной школы и кафедры было защищено 9 докторских и 25 кандидатских диссертаций под руководством Л. Г. Бабенко. К наиболее значимым можно отнести докторские диссертации Л. Г. Бабенко, М. Л. Кусовой, Ю. В. Казарина, А. М. Плотниковой и М. Ю. Мухина.

Особую, ведущую, конститутивную и структурообразующую роль в организации сложнейшего процесса создания словарей играет проф. Л. Г. Бабенко. Именно Л. Г. Бабенко определяет направления работы кафедры и научной школы, разрабатывая все основные принципы и подходы научной и лексикографической деятельности кафедры. Неиссякаемая творческая энергия, высокая научная эвристичность личности Л. Г. Бабенко способствовали созданию глобальной, новой и глубоко научной теории, концепции и методологии осмысления семасиологических, семантических, когнитивных и концептологических феноменов в лексике как в зеркале языка и мира. Вот основные направления, темы и проекты, разрабатываемые на кафедре:

- «Семантическое пространство русской лексики в антропоцентрическом аспекте». Основная цель проекта — теоретическое осмысление системной организации лексико-семантического пространства русского языка в русле антропологической лингвистики с последующим выявлением закономерностей и механизмов формирования русской языковой картины мира. Проект предусматривает представление результатов исследования в словарях нового типа — толково-идеографических. Двадцать лет кафедра, следуя концепции Л. Г. Бабенко, занималась созданием толково-идеографических словарей. В 1994–1999 гг. (начальный этап) задача создания комплексного толково-идеографического словаря начала реализовываться в рамках проекта «Русская глагольная лексика в свете концепции языковой картины мира». Итогом этих исследований явилась работа над «Экспериментальным синтаксическим словарем: русские глагольные предложения» (2002). Позже совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН была создана электронная информационно-поисковая система «Семантические модели русских глагольных предложений». На основе осуществленного глобального идеографического описания основных знаменательных частей речи был создан синопсис — свод идеографических классификаций русской лексики, выявлены суперкатегории, базовые, частные категории, формирующие русскую языковую картину мира. Далее кафедра осуществила системное идеографическое описание русских прилагательных. Результаты исследований опубликованы в двух изданных словарях (15 сфер, 278 групп, 358 подгрупп; рассмотрено 15 000 значений).

- XXI в. кафедра встретила началом работы над новым проектом. Л. Г. Бабенко разрабатывает новую теорию комплексной идеографии, которая становится основой проекта «Семантика тождества в пространственном измерении: толковый идеографический словарь русских синонимов». Работа над новым словарем включала три этапа:

1. Выявление русских синонимов в максимально полном объеме с учетом стилистически маркированной лексики. Л. Г. Бабенко создает принципиально новую структуру «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [2007].

2. Л. Г. Бабенко работает над созданием новой модели лексикографического описания синонимического ряда. Так появляется оригинальная, уникальная, комплексная и многоаспектная словарная статья, обобщающая результаты лексикографического анализа и синтеза синонимического ряда. Был создан «Большой толковый словарь синонимов русской речи» [2008], который содержал в себе 2 000 синонимических рядов (в настоящее время завершается создание полной версии такого словаря, включающего в себя 5000 словарных статей).

3. Создание словарей синонимов русской речи, рассчитанных на широкого пользователя. Большой толковый словарь синонимов — явление в современной лексикографии революционное: во-первых, он отображает основные фрагменты русской языковой картины мира; во-вторых, лексикографическое описание синонимических рядов основывается на расширенном методе идеографии с учетом семантических, прагматических, денотативно-понятийных характеристик русских синонимов. В словарной статье синтезируются различные типы идеографической иерархии как по горизонтали, так и по вертикали. Впервые исследуется и описывается категория прототипа (устойчивое ментальное представление семантической идеи синонимического ряда; типовой мысленный образ обобщенного денотата синонимического ряда). Именно это открытие Л. Г. Бабенко позволило начать разработку чрезвычайно важной и актуальной проблемы концептуального пространства языка. Так теория и практика идеографического описания лексики вывела исследовательскую мысль на новый уровень — уровень метаидеографического представления словарного материала в статусе концептов. Создается концепция уникального словаря, в котором осуществляется попытка моделирования полной и цельной концептосферы языка, а также — частной концептосферы (ментальной сущности отдельного концепта) с выявлением в этой сложнейшей структуре когнитивных признаков различной природы и статуса. Л. Г. Бабенко разрабатывает концепцию макроструктуры словаря и структуры словарной статьи отдельного концепта. В 2010 г. был издан Проспект такого словаря. Сегодня продолжается работа над полной версией Словаря ключевых концептов (около 400 единиц).

• В 2010 г. кафедра приступает к разработке проекта, целью которого является создание У н и в е р с а л ь н о г о и д е о г р а ф и ч е с к о г о с л о в а р я. Данный словарь есть логическое завершение («вершина») всех ранее осуществленных и осуществляемых ныне проектов. Предметом лексикографического описания станут классы слов различной категориально-грамматической природы, а также семантика отдельного слова: такой сложнейший предмет рассматривается с учетом комплекса лексикографических параметров семантического (включая синонимию и антонимию), грамматического и функционально-речевого характера.

Коллектив кафедры и научной школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко, таким образом, разработал и осуществил на практике новые принципы методологии лингвистических, идеографических и лексикографических

исследований. Эти принципы абсолютно новы и революционны: в процессе разработки общей концепции толковых идеографических словарей различных по лексико-грамматической природе семантических классов слов созданы новые способы толкования типовой семантики лексических множеств за счет оригинального моделирования дефиниций, семантических идей, прототипов и структуры концептов. Кроме того, были разработаны новые принципы и способы выделения лексических множеств в составе именных частей речи, где доминирует денотативно-идеографический принцип. Также разработана уникальная модель описания ключевых концептов. Создана структура словарной статьи межчастеречной денотативно-идеографической группы слов (макроструктурного характера) и микроструктура словарной статьи отдельного слова в составе данной группы.

Таким образом, в последние 25 лет лексикографическая концепция кафедры и УСШ под руководством Л. Г. Бабенко наполнилась сложным комплексным, «многоэтажным» и логически последовательным содержанием, когда в свете учения Л. Г. Бабенко о типах лексических парадигм метод идеографического описания лексики и лексических разнородных множеств обретает характер лексикографического описания концептов. Метод комплексной идеографии, открытый Л. Г. Бабенко, способствует осуществлению более объективной и адекватной лексикографической параметризации языка, речи и мира.

Лексикографическая деятельность кафедры, имеющая впечатляющие результаты, не была бы столь эффективной без серьезной, глубокой и постоянной научно-теоретической работы, ведущейся в трех основных направлениях: теория семантики, теория лексикографии и идеографии и теория и анализ текста. Научный талант Л. Г. Бабенко, ее неистощимая энергия исследователя-открывателя нового, ее огромные организаторские способности также реализуются, во-первых, в умении инициировать и стимулировать научную деятельность коллег (кафедра выпустила в свет десятки монографий, учебников и учебных пособий, сотни статей); а во-вторых, в организации и проведении на высоком профессиональном уровне научных конференций и теоретических семинаров различного уровня и статуса.

По инициативе Л. Г. Бабенко возглавляемая ею кафедра современного русского языка совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН провели ряд международных конференций: «Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики» (1995); «Актуальные проблемы русистики» (1997); совместно с Институтом языкознания РАН — «Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке» (2005). Регулярно в течение последних 20 лет проводятся Кузнецовские чтения, последние из которых: «Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст» (XIV Кузнецовские чтения, посвященные 30-летию кафедры современного русского языка УрГУ; 2004); «Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков» (XVI Кузнецовские чтения, посвященные 80-летию Э. В. Кузнецовой, 2007); «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ» (2011).

Большое значение для подготовки молодых ученых-лексикографов имела проведенная коллективом кафедры современного русского языка УрГУ в 2000 г. Международная летняя лингвистическая школа «Новые типы словарей и их роль в изучении и сохранении национального языка и культуры», в работе которой приняли участие крупнейшие лексикографы России и известные зарубежные ученые.

Научно-исследовательская работы кафедры поддерживалась более чем 20 грантами от различных научных фондов и организаций, в числе которых Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), фонд «Русский мир», Институт «Открытое общество», Международный фонд «Культурная инициатива», различные научные программы Министерства образования и науки: Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки»; научные программы «Университеты России»; «Развитие научного потенциала высшей школы»; гранты Президента РФ молодым ученым — кандидатам наук.

Научная деятельность Л. Г. Бабенко и руководимого ею коллектива ученых была отмечена следующими наградами: Премиями Ученого совета университета за лучшую научную работу в 1999, 2009 и 2012 гг.; за лучшую методическую работу в 2004 г. В 2005 г. «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» награжден Почетной грамотой оргкомитета XVIII Международной книжной выставки-ярмарки и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации в рамках ежегодного национального конкурса «Книга года», а учебный комплекс Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина «Филологический анализ текста» (М. : Академический проект, 2004) — Почетной грамотой конкурса «Книга года» в номинации «Учебник».

Кроме того, на кафедре разрабатывается тема, связанная с исследованиями теории и анализа текста. Так, учебник и практикум Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина «Лингвистический анализ художественного текста» (М. : Флинта : Наука, 2003), выдержал 6 изданий, а учебный комплекс тех же авторов «Филологический анализ текста» (авт. Л. Г. Бабенко), «Филологический анализ поэтического текста» (авт. Ю. В. Казарин) и «Филологический анализ текста: Практикум» (Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин) (М. : Академический проект, 2004) остается общепризнанно наиболее полным и одним из самых востребованных научно-методических пособий по теории и анализу текста. Кроме того, Ю. В. Казарин создал ряд монографий и учебников, посвященных исследованию проблем поэтики, поэтологии, текстоведения и текстотворчества.

Свое 40-летие кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики встречает с очевидно выдающимися успехами и достижениями в области теории и практики языковой, речевой и текстовой семантики, идеографии, лексикографии, когнитивной лингвистики и концептологии. Правда, есть одна проблема: кафедре и Уральской семантической школе нужна лаборатория, которая могла бы готовить и обрабатывать огромное количество лексических и лексикографических материалов, необходимых для создания словарей.

Ни кафедра, ни научная школа не могли бы существовать и эффективно работать без своего научного, методического и эмпирического руководителя — Людмилы Григорьевны Бабенко, доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки и высшей школы, Почетного работника высшего профессионального образования; известного в России и за ее пределами ученого-лингвиста и лексикографа, автора более 200 научных публикаций, 4 монографий, 5 учебников и длинного ряда словарей — словарей нового типа, словарей XXI века. Кроме того, профессор Л. Г. Бабенко ведет большую научно-организаторскую деятельность вне стен Уральского университета. Она член Президиума Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, член экспертного совета РГНФ и эксперт РФФИ, член редколлегии журнала «Русистика», издаваемого Украинской ассоциацией русистов (Киевский государственный университет), член редакционной коллегии серии «Лингвистика» Южно-Уральского государственного университета (Челябинск); член редколлегии журнала «Acta Polono-Ruthenica» (Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego).

Много времени Л. Г. Бабенко уделяет воспитанию научно-педагогических кадров: руководит аспирантурой и докторантурой, является председателем спецсовета по защите докторских диссертаций по специальностям 10.02.19 «Теория языка» и 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» при Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, членом спецсовета по защите докторских диссертаций по специальностям 10.02.01 «Русский язык» и 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Уральском государственном педагогическом университете.

Сегодня коллектив кафедры работает над созданием одновременно трех словарей: завершается работа над «Большим словарем синонимов», продолжается составление «Словаря концептов» и уже начата работа над «Универсальным словарем» — словарем уникальным и пока единственным в мире.

Уральская семантическая школа: история, люди, события / [авт.-сост. Ю. В. Казарин]. Екатеринбург, 2011. 348 с. [Ural'skaja semantičeskaja škola: istorija, ljudi, sobytija / [avt.-sost. Ju. V. Kazarin]. Ekaterinburg, 2011. 348 s.]

Энциклопедия когнитивной лингвистики — 2013. Тамбов, 2013. 252 с. [Jenciklopedija kognitivnoj lingvistiki — 2013. Tambov, 2013. 252 s.]

Статья поступила в редакцию 20.09.2014 г.

УДК 821.161.1:378.4(470.5)

Л. П. Быков

ПОЛСТОЛЕТИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ К юбилею кафедры русской литературы XX и XXI веков

Исследуются и подводятся итоги деятельности кафедры русской литературы XX и XXI веков Уральского федерального университета, показано ее становление и развитие. Комментируются достижения кафедры и определяются перспективы дальнейших научных исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кафедра русской литературы XX и XXI веков; УрГУ; научная и педагогическая деятельность.

Было время, когда эта кафедра была самой молодой на филфаке УрГУ. А потом она обрела статус самой на факультете маститой. Впрочем, для этого «потом» потребовалось не одно десятилетие.

Кафедра русской литературы XX и XXI веков ведет отсчет своих лет с 1964 г. В ту пору на волне «оттепельных» упований акции отечественной литературы нового времени резко пошли вверх. Словесность послеоктябрьской поры успешно соперничала с национальной классикой не только по читательскому, но и по научному к ней интересу. Так что открытие в университете кафедры советской литературы (так она первоначально именовалась) было закономерным. Тем более, что кадры, необходимые для создаваемого подразделения, на филфаке имелись.

Первым ее заведующим стал доцент М. А. Батин (1910–1982). Его литературоведческие интересы были направлены на осмысление творчества Бажова. В своих книгах о создателе «Малахитовой шкатулки», выходящих как в Свердловске (издания 1953, 1959, 1983 гг.), так и в Москве (1963, 1976), ученый, отстаивавший литературную природу бажовского сказа, убедительно выявил творческую уникальность своего героя, рассматривая его сочинения в широком контексте литературного развития 1930–1940-х гг. При этом в натуре самого Михаила Адриановича нельзя было не заметить черт, отчасти напоминавших личность Павла Петровича. Неторопливость высказываний, взвешенность решений, душевная невозмутимость — эти особенности эрудированного руководителя во многом предопределили атмосферу возникшего коллектива, располагавшую к плодотворной учебной и научной деятельности.

Об успешном сочетании этих аспектов свидетельствовали уже первые методические пособия, подготовленные кафедрой. В книге доцента Л. А. Кищинской (1927–1967), по сути, впервые был предложен аналитический обзор литературной критики послеоктябрьского десятилетия (1967). Получившая высокую оценку в научных кругах, данная работа обещала быть начальной главой истории отечественной критики советского периода. К сожалению, ранняя смерть не позволила осуществиться замыслам этого чрезвычайно одаренного педагога.

Доц. Л. М. Слобожанинова написала очерк истории украинской литературы советских лет (1968). В дальнейшем в сферу научных предпочтений Лидии Михайловны вошла литература уральского края, и две ее книги о Бажове (1998,

2000) продолжили исследование творчества нашего знаменитого земляка, начатое первым руководителем кафедры. Также она подготовила к изданию ряд сборников поздней прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Участница Великой Отечественной войны доц. И. И. Щербакова, занимавшаяся литературным наследием А. Н. Толстого, стала составителем и комментатором начального тома в собрании сочинений этого прозаика (1982).

Среди основателей кафедры был и А. С. Субботин (1923–1991). К серьезным занятиям филологией он обратился, имея в трудовой книжке записи, обозначающие немалый рабочий, а затем и учительский стаж. Выпускник УрГУ, по возвращении в университет уже в качестве преподавателя он прошел путь от ассистента до профессора. С 1973 по 1990 гг. Александр Сергеевич руководил кафедрой. Его научные приоритеты, связанные с исторической поэтикой, конкретизированы названием одной из его книг, изданной в Москве, — «Маяковский сквозь призму жанра» (1986). Кроме того, пристальное внимание в статьях ученого, составивших другие его книги — «О поэзии и поэтике» (1979) и «Горизонты поэзии» (1984), — уделено поэзии Урала, интерпретируемой в прямой соотнесенности с развитием всей отечественной поэзии. Размышляя о состоятельности стихов и поэм, принадлежащих землякам и современникам, ученый, обнаруживая дар критика, сохраняет в отношении их строк тот уровень эстетической взыскательности, что обусловлен изучением поэтической классики.

Владевший искусством вести речь о сложных эстетических вопросах без какого бы то ни было упрощения и вместе с тем ясно и доходчиво, А. С. Субботин в своих трудах исходил из завета Тимирязева: ученый должен работать для науки, а писать для народа. И своими публикациями он убеждал, что наука о литературе при всех «цеховых» тонкостях и специализациях — одна из самых демократичных областей знания. Тщательно взвешивая формулировки, он писал и говорил логично и убедительно. Точность фактической основы, доказательность аргументации, внятность слога позволяли ученому увлекать напряжением мысли всех, кто слушал его лекции и читал его страницы.

Не только по роду занятий, но и по складу души Александр Сергеевич был Учителем. У него можно было и хотелось учиться. Учиться отношению к профессии и отношению к тому историческому времени, которое отпущено каждому по жизни. И закономерно, что среди тех, кто ныне работает на кафедре, многие были его дипломниками или аспирантами.

Самый продолжительный стаж работы в университете — 50 лет! — у заслуженного деятеля науки РФ профессора В. В. Эйдиновой. Ее многочисленные публикации — среди которых такие монографии, как «Стиль писателя и литературная критика» (1983), «Стиль художника» (1991), «Энергия стиля: О русской литературе XX века» (2009) — основываются на авторской концепции художественного стиля как структурно-пластического закона, определяющего текстообразование на всех его уровнях. Эти идеи нашли отражение в цикле подготовленных кафедрой коллективных монографий «XX век. Литература. Стиль» (5 выпусков, 1994–2004). По инициативе Виолы Викторовны в 1998 г. была организована Международная летняя филологическая школа, ставшая заметным событием как для маститых литературоведов ряда стран, так и для молодых ученых России, Украины, Латвии и Эстонии.

После двух десятилетий, отданных средней школе, пришла на кафедру и быстро стала одним из самых любимых преподавателей проф. В. В. Химич (1937–2012). Вера Васильевна памятна каждому, кто слушал ее курсы «Введение в литературоведение» и «Русская литература конца XIX — начала XX веков». Защитившая в 1995 г. докторскую диссертацию «“Странный реализм” М. Булгакова» и посвятившая осмыслению «мироздания по Булгакову» две монографии (1995, 2003) и учебное пособие (1996), она в своей работе неизменно дорожила «бродительным ферментом» филологии, стимулирующим остроту эстетического восприятия искусства слова.

Фигурирующего на кафедре с 1975 г. проф. И. Е. Васильева привлекают малоизученные аспекты развития русской поэзии нового времени, связанные прежде всего с нетрадиционной поэтикой, что нашло отражение в исследовании «Русский поэтический авангард XX века» (1999), ставшем основой его докторской диссертации.

С 1974 по 1995 г. работал на кафедре проф. Ю. А. Мешков (1939–2010), в 1989 г. защитивший докторскую диссертацию по творчеству Асеева, чему предшествовала монография «Николай Асеев: Творческая индивидуальность и идейно-художественное развитие». Вышедшая в 1994 г. его книга «Александр Солженицын: Личность. Творчество. Время» была первой посвященной писателю книгой, изданной на родине.

Научные и учебные пристрастия проф. Т. А. Снигиревой сосредоточены на исследовании художественного мира крупнейших русских поэтов XX столетия — А. Твардовского (он стал героем ее диссертаций и монографии «А. Т. Твардовский и его эпоха» (1997)), А. Ахматовой, О. Мандельштама, И. Бродского и др. В круг творческих поисков ученого входят также проблемы, предполагающие тесный контакт филологии с журналистикой, культурологией, геопэтикой, философией. О результативности научной, педагогической и организаторской деятельности Татьяны Александровны свидетельствует признание ее в 2011 г. «Профессором года» (по разделу гуманитарных наук).

Три десятилетия — кафедральный стаж проф. М. А. Литовской. Ее кандидатская диссертация освещает проблемы художественного историзма, а докторская диссертация «Социокультурный феномен В. П. Катаева» (1999) содержит оригинальный подход к изучению творчества этого мастера с позиций анализа социокультурных основ его творчества. О диапазоне интересов ученого говорят спецкурсы «Социология литературы», «Советские шестидесятники», «Проблемы художественного историзма», «Детская литература и культура детства в России», которые Мария Аркадьевна читала в родном вузе и в университетах Бельгии, Финляндии, Тайбея. Она стала одним из авторов дважды изданного в столице учебного пособия «Массовая литература сегодня» (2008, 2009). Только что вышел вузовский учебник «Русская литература 1930-х — начала 1950-х годов», написанный группой литературоведов, где М. А. Литовская выступила автором и соредактором. Она же была русским координатором известной научной серии «US-slavistic». За «определяющий вклад» в создание «Бажовской энциклопедии» (2007) она удостоена премии имени этого сказителя.

Научные предпочтения доцента Ю. В. Матвеевой, пришедшей на кафедру в 1991 г., связаны с изучением и осмыслением литературного наследия

русского зарубежья. Тому подтверждением — ее кандидатская и докторская диссертации, две монографии: «“Превращение в любимое”: Художественное мышление Гайто Газданова» (2001), «Самосознание поколения в творчестве писателей-младэмигрантов» (2008).

Человек, запечатленный в категориях поэтики, находится в центре внимания доц. В. А. Гудова. Доц. Е. С. Зашихин в своей деятельности являет пример весьма успешного сочетания теории и практики. Защитивший в 1983 г. кандидатскую диссертацию о литературной критике тех лет, он регулярно выступает со статьями и рецензиями, где взискательно анализируется художественная жизнь наших дней. Среди вопросов, занимающих доц. И. В. Козлова, — история отечественной фантастики и юмористики.

Может показаться, что разброс интересов кафедрального коллектива слишком широк — особенно на фоне тех университетских подразделений, работники которых поглощены единой научной темой. Но именно проблемная многовариантность, отвечающая «центробежным» тенденциям литературного процесса нового времени, и позволяет членам кафедры самореализоваться и самосовершенствоваться. Единомыслию здесь предпочитают «единоатмосферие». Эту линию на свободу профессионального самоосуществления старается поддерживать проф. Л. П. Быков, возглавляющий кафедру с 1991 г. А о том, что внутрикафедральная демократия оказывается действенной и результативной, свидетельствуют университетские премии за лучшую научную работу, каковых удостоивались М. А. Батин (1961), Л. А. Кищинская (1968), А. С. Субботин (1981), В. В. Эйденова (1988), И. Е. Васильев (2002), В. В. Химич (2005), М. А. Литовская (2007).

Отсюда высокая степень востребованности работников кафедры в масштабах вуза, города, региона. Деканами филологического факультета в разные годы были А. С. Субботин (1967–1974), Ю. А. Мешков (1977–1983), В. А. Гудов (с 2004 г.). Кроме того, Валерий Александрович ряд лет возглавлял Межрегиональный институт общественных наук (МИОН). В работу по созданию академической «Истории литературы Урала» в сотрудничестве с Институтом истории и археологии УрО РАН вовлечены проф. И. Е. Васильев, М. А. Литовская, Т. А. Снигирева, доц. И. В. Козлов. Признание среди коллег подтверждено и приглашениями на роль председателя ГАК в университеты Уральского региона (в Тюмень, Челябинск, Сургут — Л. П. Быков, Ижевск — Т. А. Снигирева, Курган — И. Е. Васильев). Об авторитете кафедры свидетельствует и предоставляемое ей уже много лет право выдвижения от имени университета кандидатов на соискание Букеровской и Нобелевской премий.

В юбилейную пору принято говорить прежде всего о заслугах юбиляра. Что, само собой, не означает, что пройденный путь напоминает тротуар Невского проспекта. Посему уместно в данной связи вспомнить строки любимого А. С. Субботиным поэта: «...юбилей — / как ремонт в пути, / постоял — / и дальше гуди». И символично, что один из последних коллективных трудов, в создании которого приняли участие члены кафедры русской литературы XX и XXI веков, называется «Феномен незавершенного» (2014).

Статья поступила в редакцию 18.09.2014 г.

ИНФОРМАЦИЯ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.15 И Д 212.285.22 В 2013 г.

Диссертационный совет Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», созданный приказом Минобрнауки России № 717/нк от 09.11.2012 г., принимает к защите диссертации по филологическим наукам по специальности 10.02.01 «Русский язык» и по специальности 10.01.01 «Русская литература».

Работы по специальности 10.02.01 «Русский язык»

По специальности «Русский язык» в 2013 г. прошли защиты 5 кандидатских работ. Все защищенные работы были подготовлены аспирантами Уральского федерального университета, представляют собой результаты исследований Уральской ономастической школы, а также кафедры риторики и стилистики УрФУ.

- В кандидатской диссертации **Ольги Игоревны Асташовой «Речевой портрет политика как динамический феномен»** на репрезентативном текстовом материале, отражающем эволюцию речевой практики действующего политика, выступающего в различных статусно-социальных ролях, разработана эвристическая модель, включающая лингвоидеологический, коммуникативно-прагматический и индивидуально-речевой аспекты процедуры лингвопортретирования; предложена оригинальная научная гипотеза лингвопортретного варьирования; доказано, что проявления динамики языковой личности обнаруживаются в лингвопортретных вариантах, обусловленных экстралингвистическими факторами; введен в научный оборот систематизированный корпус высказываний и разножанровых текстов действующего политика Н. Ю. Белых. Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в учебный процесс с целью обновления вузовских курсов «Риторика», «Лингвокультурология», «Культура речи» и разработки спецкурсов по проблемам политической лингвистики для будущих филологов, журналистов, политологов; предложенная автором модель лингвистического портретирования окажется полезной при создании учебных пособий, ориентированных на специалистов по политической коммуникации, менеджменту и связям с общественностью.

- В кандидатской диссертации **Ольги Валерьевны Атрошенко «Русская народная хрономимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты»**

на аутентичном материале, извлеченном из диалектных, этнографических и частично фольклорных источников, значительная часть которого собрана в полевых условиях (около 30 000 единиц), разработаны принципы системно-функционального анализа народных календарных наименований и составления этнолингвистического словаря русской народной хрономии; предложена семантическая модель хрононима, представлен ряд классификаций хрононимов, учитывающих их системные связи и функции, а также семантико-мотивационные реконструкции отдельных наименований; доказана результативность применения семантического моделирования и лексикографического описания для выявления системно-функциональных закономерностей в хрономии; введен в научный оборот корпус русских народных хрононимов, в том числе узколокальных хрононимов Русского Севера. Разработанная автором методика внедрена в лексикографическую практику («Словарь русских народных календарных наименований»: толковая (Р–Я) и идеографическая части). Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах по диалектологии, истории русского языка, а также в спецкурсах по проблемам этнолингвистики, ономастики и хрономии.

• В кандидатской диссертации *Илоны Анатольевны Истоминой* «**Современная православная проповедь: стилистическая и прагматическая специфика**» на репрезентативном текстовом материале, отражающем эволюцию религиозного стиля вообще и жанра проповеди в частности, разработаны эвристическая модель, включающая тематический, стилистический и прагматический аспекты анализа текстов проповеди, а также методика категориально-тематического анализа текста с учетом специфики конструктивного принципа стиля (принцип «двоемирия»); предложена оригинальная научная гипотеза о взаимообусловленности и взаимосвязи текстовой категории темы, отбора и комбинации стилистически маркированных и прагматически значимых языковых средств в проповедническом тексте; доказана идея о том, что тематическое развертывание проповеднического текста соотносится с функционально-отмеченными единицами религиозного стиля, эмоционально-экспрессивно окрашенными единицами и прагматически ориентированными вербальными и невербальными знаками; введен в научный оборот отражающий духовно-религиозную жизнь современного общества корпус оригинальных текстов православных проповедников, в их числе 53 текста уральских проповедников, записанные автором диссертации в храмах Екатеринбурга и Свердловской области, позволяющие выявить региональные особенности православных проповедей. Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в учебный процесс с целью обновления вузовских курсов стилистики русского языка, риторики, а также разработки спецкурсов по проблемам функциональной стилистики, прагматики, гомиетики.

• В кандидатской диссертации *Анны Андреевны Макаровой* «**Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект**» на достоверном полевом материале (12 700 единиц хранения) разработаны принципы комплексной лексикографической интерпретации региональной топонимии, реализованные диссертантом в «Словаре озерной гидронимии Белозерья», представленном в приложении к диссертации; предложены фонетические, структурно-словообразовательные и семантические критерии дистрибуции этноязыковых пластов в топонимии Белозерья; доказана эффективность предложенных и апробированных автором методик системно-функционального исследования, расширяющего сложившиеся научные представления о языковой ситуации в Белозерье; введен в научный оборот корпус озерной гидронимии Белозерья; предложены новые этимологические трактовки ряда русских и финно-угорских по происхождению топонимов Белозерья. В диссертации определены перспективы использования лексикографических принципов описания гидронимов, отраженных в представленном

в виде рукописи «Словаре озерной гидронимии Белозерья», а также в практике создания макрорегиональных топонимических словарей, электронных топонимических ресурсов; создана модель комплексного лексикографического представления региональной топонимии; представлены предложения по разработке геоинформационных систем, основанных на топонимических данных. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в преподавании курсов русской диалектологии и истории русского языка, а также для обновления системы спецкурсов по проблемам топонимии.

• В кандидатской диссертации *Александрны Васильевны Тихомировой* «**Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции**» на репрезентативном языковом материале, охватывающем факты русского литературного языка и народных говоров, разработаны принципы изучения лексико-семантической группы «Одежда» в ономазиологическом, семантико-мотивационном и этнолингвистическом аспектах; предложены алгоритмы ономазиологического портретирования реалий традиционной культуры, а также анализа отношений лексической системности в сфере вторичной семантики; доказана результативность исследования ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики для характеристики концептуального кода одежды, аккумулирующего социально, исторически и культурно значимые смыслы; введен в научный оборот новый лексический материал, собранный в полевых условиях на территории Русского Севера и Поволжья, и архивный материал, содержащийся в неопубликованных источниках. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке этнодиалектных словарей, внедрены в учебный процесс с целью обновления вузовских курсов современного русского языка (лексикология), русской диалектологии, этнолингвистики, спецкурсов по проблемам семантики, этимологии, школьных учебных занятий по лингвокраеведению, а также в работу учреждений социально-культурной сферы.

Работы по специальности 10.01.01 «Русская литература»

По специальности «Русская литература» прошли защиты 10 кандидатских работ. Защищенные работы были подготовлены аспирантами и соискателями Уральского федерального университета, Магнитогорского государственного университета, Национального исследовательского Томского политехнического университета, Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Удмуртского государственного университета, Челябинского государственного университета, Башкирского государственного педагогического университета. Среди защитившихся в совете аспирантов гражданин Исламской Республики Иран Абдолмаджид Ахмади.

• В кандидатской диссертации *Абдолмаджида Ахмади* «**Традиции комедии дель арте в русской литературе 1900-х–1930-х годов**» на материале русской литературы 1900–1930-х гг. разработана концепция, связанная с освоением традиций комедии дель арте русскими писателями, которая восполняет существующую в современном литературоведении лауну; в научный оборот введен корпус русских литературно-художественных произведений, соответствующих канонам комедии дель арте, в том числе неизвестные архивные текстовые источники; проанализированы основные направления трансформации типов персонажей и сюжетной модели комедии дель арте в произведениях русских писателей; выявлены эстетические, психологические и социальные факторы, влияющие на развитие художественной позиции авторов; на основе канонов комедии дель арте и с учетом художественного своеобразия творчества русских писателей, принадлежащих к различным литературным направлениям, разработана вероятностная схема взаимовлияний, доказано национальное своеобразие произведений русских писателей, творчески продолжающих традиции комедии дель арте. Материалы и выводы диссертации

подготавливают основы для обновления вузовского курса «История русской литературы XX века» и разработки спецкурса «Традиции комедии дель арте в русской литературе»; наблюдения и выводы автора могут быть использованы в театральной практике.

• В кандидатской диссертации *Айгуль Наилевны Батталовой* «**Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского “Идиот”**: проблема реально-исторических прототипов» разработана научная идея, обогащающая общую научную концепцию построения художественного образа, основанная на методах тщательного исследования контекста классического произведения и заключающаяся в принципах совмещения текстологического и биографического подходов к «материи образа»; предложены оригинальные суждения по теме синтеза «христоводобной» и «жизнеподобной» концепций образа князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского; нетрадиционный подход как к автобиографическому компоненту романа, так и к его поэтике; доказана зависимость убедительности и жизненности художественного образа от способности автора основываться на многокомпонентном преломлении действительности; введены новые представления о синтетической природе образа «положительно прекрасного человека» в творчестве Достоевского. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в вузовском курсе по истории русской литературы XIX в., а также при разработке спецкурсов по творчеству Ф. М. Достоевского.

• В кандидатской диссертации *Татьяны Викторовны Гусейновой* «**Малая проза С. Т. Аксакова: атрибуты стиля**» на основании выполненных соискателем исследований разработана характеристика индивидуального стиля малой прозы С. Т. Аксакова, обогащающая научные представления о его творчестве; предложена продуктивная методика стилового анализа художественного текста. В диссертации определены особенности стиля малой прозы С. Т. Аксакова; обозначены перспективы изучения стиля писателя; изложены аргументы, позволяющие обосновать в качестве ведущего принцип ритмического анализа; раскрыты ритмико-интонационные, композиционные и предметно-образительные особенности стиля малой прозы С. Т. Аксакова. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в вузовском курсе по истории русской литературы XIX в., а также при разработке спецкурсов по творчеству С. Т. Аксакова.

• В кандидатской диссертации *Елены Николаевны Коледич* «**Православная традиция в поэтике дидактического сочинения Тихона Задонского “Сокровище духовное”**» на репрезентативном текстовом материале выявлены особенности русской православной традиции в поэтике сочинения Тихона Задонского «Сокровище духовное», обогащающие сложившуюся в отечественном литературоведении научную концепцию церковной литературы XVIII в. как части литературного процесса; предложены оригинальные суждения о творческой манере Тихона Задонского с учетом особенностей духовной литературы XVIII в.; определены направления исследования ведущих поэтических приемов «Сокровища духовного»; доказана результативность координации культурно-исторического, типологического, герменевтического, текстологического методов исследования; в исследовательское поле введен текстовый литературный материал нравственно-дидактической направленности — «Сокровище духовное, от мира собираемое», предназначенный для христианского чтения. В диссертации определены перспективы дальнейшего научного изучения текстов нравоучительного содержания, предназначенных для христианского чтения; создана модель комплексного изучения особенностей поэтики нравственно-дидактических текстов православного содержания; представлены и систематизированы идеи и методические установки, способствующие дальнейшему совершенствованию изучения поэтики произведений духовной литературы; проведенная соискателем работа позволяет осуществить издание комментированного текста «Сокровища духовного» как текста, ориентированного на массового читателя. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в преподавании вузовского

курса истории русской литературы (XVIII в.), а также при разработке спецкурсов по проблемам гомилетики и исторической поэтики.

• В кандидатской диссертации *Елены Александровны Кучиной* «**Категория молитвы и ее художественное воплощение в поэзии А. С. Пушкина**» с привлечением корпуса пушкинских текстов, включающих в себя молитву: лирических произведений, романа в стихах, сказок, а также черновых вариантов, набросков, графики — и с опорой на установки русской православной культуры показана роль молитвы в системе категорий «соборности», «преображения», «умиления», «литургичности»; введен в научный оборот корпус поэтических текстов А. С. Пушкина, включающих молитву и молитвенные формулы; разработана классификация стихотворных молитв в поэзии А. С. Пушкина, представлено описание молитв — покаянной, просительной, благодарственной, благословляющей; доказаны сюжетообразующая и композиционнообразующая функции молитвы; охарактеризована роль молитвы в создании композиции текста и формировании образов лирического героя и лирической героини. Соискателем применен комплексный подход, который может быть использован при исследовании текстов русской классической поэзии в их связях и отношениях с русской православной традицией. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении вузовского учебного курса истории русской литературы, а также при разработке спецкурсов по вопросам духовно-религиозной проблематики литературной классики и творчеству А. С. Пушкина.

• В кандидатской диссертации *Вячеслава Сергеевича Малых* «**Духовная эволюция как тема в творчестве Н. С. Гумилева**» на репрезентативном текстовом материале, включающем ранее не исследованные, в том числе рукописные, источники разработан герменевтический подход к текстам Гумилева с учетом внутренних особенностей его художественной системы; предложена периодизация творчества Н. С. Гумилева, основанная на принципах воплощения энтелехии текста и способах репрезентации темы духовной эволюции поэта на каждом этапе; доказана эвристичность герменевтического подхода к текстам поэта; введены отдельные терминологические уточнения, связанные с интерпретацией понятий «энтелехия текста», «литургическое время-пространство», «внутрисистемный горизонт понимания»; в исследовательское поле введены малоизученные тексты, черновики, письма, стихотворные экспромты Гумилева. Материалы и выводы диссертации могут найти применение в вузовских курсах истории русской литературы XX в. и теории литературы.

• В кандидатской диссертации *Валентины Александровны Мельничук* «**Киевская великокняжеская летопись XII века: образно-повествовательная структура свода игумена Моисея**» с использованием обширного корпуса источников (Киевский свод XII в. в составе Ипатьевской летописи, повествовательные статьи XII в. в Лаврентьевской, новгородских летописных сводах, сводах более поздней традиции (Московские своды, Тверской сборник, Густынская летопись)) разработана методика анализа летописного текста, основанная на интерпретации образно-повествовательной структуры, в границах которой формируются княжеские характеры и связанные с ними способы транслирования исторической событийности в авторской редакции памятника; предложена и доказана оригинальная научная гипотеза существования летописания старшей линии рода черниговских князей Ольговичей, текстологически восстановлены границы летописания; доказано существование в летописной традиции авторских сводов; введены уточнения к принципам изображения человека в летописях, сделаны выводы о роли автора в формировании специфики летописи как литературного жанра. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при историко-литературном изучении и специальном комментировании летописных сводов различной традиции; могут служить основой для учебных пособий по истории русской литературы и культуры и использоваться для дополнения и обновления вузовского курса «История русской литературы XI–XVII вв.».

• В кандидатской диссертации *Светланы Николаевны Пузанковой* «**Жанр надписи в творчестве М. В. Ломоносова: поэтика экфрасиса**» на репрезентативном текстовом материале разработаны теоретические основы интерпретации экфрасиса; предложены типология ломоносовских надписей и комплексное определение экфрасиса; доказана эффективность использования определения экфрасиса при анализе жанра надписи в творчестве Ломоносова (экфрастичность в надписях Ломоносова выступает как жанрообразующий признак); введен блок терминов: «иллюминационный» и «неиллюминационный» экфрасис; «словесный иллюминационный текст», «экфрастический зритель», «экфрастическая палитра», «формула надписи». Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в преподавании вузовского курса «История русской литературы» (XVIII в.), при разработке спецкурсов по творчеству Ломоносова и проблемам жанра, а также при подготовке полного академического собрания сочинений М. В. Ломоносова.

• В кандидатской диссертации *Анастасии Викторовны Сверчковой* «**Своеобразие и эволюция стиля В. Набокова (на материале сборников “Возвращение Чорба”, “Соглядатай”, “Весна в Фиальте”)**» с привлечением достаточного по объему текстового материала, включающего художественную, мемуарную и литературно-критическую прозу писателя 1920–1930-х гг., раскрыта эволюция индивидуального стиля и художественного мышления писателя; предложена оригинальная интерпретация стиля малой прозы В. Набокова; доказана единая для романов и рассказов В. Набокова 1920–1930-х гг. направленность стилевых стратегий; выявлены в качестве основных стилевых тенденций, определивших художественное своеобразие малой прозы В. Набокова, тенденции «углубления» и «собирания» художественного мира. Представленная интерпретация стиля рассказов В. Набокова, базирующаяся на применении комплексного, разноаспектного анализа их поэтики, восполняет лауну, существующую в современном набоковедении; апробированная методика намечает перспективы более детального изучения творчества писателя и более глубокого осмысления стратегий, определяющих стилевое развитие русской литературы первой трети XX в. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в вузовском курсе по истории русской литературы, а также при разработке спецкурсов по творчеству В. Набокова.

• В кандидатской диссертации *Инны Александровны Шиловой* «**Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога (конец XIV – начало XVII в.)**» с привлечением обширного корпуса источников (76 рукописей Пролога конца XIV – начала XVII в., 21 рукопись различных четьих сборников XIII – первой половины XVII в.) разработана концепция динамического развития древнерусского сборника Пролог, в рукописной традиции которого списки с устойчивыми признаками существуют наряду со списками, представляющими собой индивидуальные варианты; предложена оригинальная научная гипотеза, в соответствии с которой сдвиги в функционировании Пролога обуславливают трансформацию сборника в тип четьей книги; доказано наличие шести групп списков пространной редакции Пролога мартовского полугодия, а также существование многочисленных индивидуальных обработок Пролога краткой и пространной редакций, часть из которых представляет собой авторские модификации сборника; введено понятие «индивидуального варианта» Пролога, необходимое для обозначения и описания творческих модификаций исследуемого сборника. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в археографической работе по описанию рукописей Пролога с вариациями в составе, а также в вузовской практике при чтении учебного курса истории отечественной литературы и для обновления учебного курса археографии книжных памятников.

Е. Е. Приказчикова,
ученый секретарь диссертационного совета

Диссертационный совет по филологическим наукам Д 212.285.22 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» принимает к защите диссертации по специальностям 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)» и 10.02.19 «Теория языка».

В 2013 г. на заседаниях совета были рассмотрены одна докторская диссертация по специальности 10.02.19 «Теория языка» и семь кандидатских диссертаций: из них две по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» и пять — по «Теории языка».

Работы по специальности 10.02.19 «Теория языка»

• В докторской диссертации **Светланы Николаевны Глазковой «Национально-культурная специфика русского директива»** разработана научная концепция директивности, позволившая выявить качественно новые закономерности русского директива; создана модель функционально-прагматического поля директива, выявляющая типы директивного поведения, характерные для русского коммуниканта; предложен эффективный инструмент анализа этнокультурной коммуникации; классификация директивов в рамках интен-анализа; доказана взаимосвязь русского директива, безличных конструкций и языкового сознания; установлена деагентивность, тяготение к бессубъектности русского директива. Подчеркнуто концептуальное своеобразие системы русских синтаксем при выражении директива; доказана полярность коммуникативных средств выражения директивности в русском языке, лингвистическая всеобщность действия закона коммуникативного равновесия; выявлены этноспецифичные директивные синтаксем в русской коммуникативной культуре и охарактеризовано их языковое и речевое содержание на фоне некоторых европейских культур. Обнаружена тенденция к снижению употребительности синтаксем со значением необходимости, долженствования и повышению употребительности *можно*-конструкций.

Также в работе теоретически доказан и на практическом материале подтвержден закон коммуникативного равновесия, выявлен дуализм русской коммуникативной личности, предложена оригинальная научная гипотеза двухъядерности директивного поля, обогатившая концепцию структурно-семантического подхода к пространству директива. Раскрыта национальная специфика выражения волеизъявления в русском языке, аргументирована бинарность русской директивности, доказана неоднородность модальной языковой картины мира русских.

Кроме того, в диссертации определена этноспецифика слов категории состояния для носителей русского языка. Доказано, что русские коммуниканты ориентированы на морально-этические ценности. Представлены факты, которые позволяют глубже осознать происходящее в настоящее время изменение русской ментальности и могут быть использованы в ходе обучения русскому языку как иностранному, неродному, в теории и практике межкультурной коммуникации.

• В кандидатской диссертации **Екатерины Сергеевны Баландиной «Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур»** разработана схема анализа ассоциативных полей, позволяющая проанализировать тенденции динамики образов языкового сознания. Автором определены пределы и перспективы практического использования психолингвистических методов при изучении динамики образов языкового сознания; создана эффективная схема практического анализа этнокультурной специфики образов языкового сознания; предложена оригинальная методика анализа образа семьи, а также выдвинуто положение об основных изменениях в языковом сознании носителей разных культур, доказана перспективность использования методики

психолингвистического анализа при изучении динамических процессов, происходящих с образами, сложившимися в языковом сознании.

В тексте диссертационного исследования результативно использованы свободный ассоциативный эксперимент, метод незаконченных предложений, метод свободных дефиниций; представлен глубокий анализ динамики образов семьи в целом и отдельных ее членов в языковом сознании носителей русской, английской и американской культур; раскрыты основные тенденции изменений анализируемых образов; изучены основные положения деятельностного подхода к изучению сознания; концепция о его структуре; труды ученых по теории языкового сознания, образа мира; работы по исследованию семьи как лингвистического и социолингвистического объекта исследования; произведен анализ различных трактовок основных понятий (сознание, языковое сознание, образ мира, ассоциативное поле) и аспектов их исследования в современной науке, выделены дискуссионные вопросы в рамках разработки понятия языкового сознания и алгоритма психолингвистического анализа этнокультурной специфики образов на основе исследования динамики образа семьи.

Значение полученных Е. С. Баландиной результатов для практики подтверждается тем, что они могут быть использованы для уточнения толкования слов, представленных в современных словарях; в курсах и спецкурсах по психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации; в дальнейших психолингвистических исследованиях и при составлении современных ассоциативных словарей.

• В кандидатской диссертации *Ульяны Сергеевны Кутяевой «Феномен прецедентности в драматургии Н. В. Коляды в социокультурном и функциональном аспектах»* предложен оригинальный подход к изучению явления прецедентности в художественном дискурсе; разработана модель анализа феномена прецедентности в творчестве современного уральского драматурга Н. В. Коляды, соединяющая социокультурный и функциональный аспекты анализа; подчеркнута перспективность анализа и интерпретации феномена прецедентности в художественном тексте на стыке антропоцентрического и текстоцентрического подходов.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что в нем доказана результативность сочетания функционального и социокультурного аспектов изучения явления прецедентности в художественном дискурсе; применительно к проблематике диссертации результативно использован комплекс методов интертекстуального, контекстологического, стилистического и лингвокультурологического анализа, а также методы социологического опроса; представлен перспективный путь анализа и интерпретации явления прецедентного феномена в художественном тексте в тесной взаимосвязи антропоцентрического и текстоцентрического подходов; раскрыты механизмы функционирования прецедентных феноменов в социокультурном пространстве; изучена история развития идей межтекстового взаимодействия, становления современной теории интертекстуальности и тесно связанной с ней теории прецедентности, произведен анализ различных трактовок этих понятий и аспектов их исследования в современной науке, выделены дискуссионные вопросы в рамках разных направлений разработки понятия прецедентности и связанных с ним проблем.

Результаты научной работы У. С. Кутяевой могут быть использованы в практике преподавания ряда вузовских учебных курсов лингвистического и литературоведческого циклов, связанных с изучением интертекстуальности, прецедентности, языковой личности, языка художественной литературы, создана модель анализа феномена прецедентности в дискурсе художественного произведения с учетом социокультурного и функционального аспектов.

• Одним из важнейших результатов кандидатской диссертации *Екатерины Викторовны Поповой «Когнитивная интерпретация семантико-мотивационных отношений*

(на примере анализа “территориальных” значений этимологических гнезд *-границы -меж(о)-* в русском языке)» стало обоснование «когнитивной реконструкции» как когнитивной интерпретации результатов исследования эволюции представлений, зафиксированных в семантических изменениях внутри этимологических гнезд. В работе на основе сравнительно-исторической реконструкции, дополненной ареально-исторической и историко-культурной составляющими, предложена научная гипотеза о возможности разработки модели реконструкции глубинной семантики, воссоздающей исходные ментальные представления, стоящие за исследуемым языковым материалом с «территориальным» значением. Доказана социокультурная обусловленность когнитивной перестройки в семантике лексем этимологического гнезда, а также подтверждена результативность методики реконструкции глубинной семантики, опирающейся на системную, внутреннюю и внешнюю реконструкцию.

Применительно к проблематике диссертации результативно использован комплекс существующих базовых методик этимологического и исторического анализа под углом зрения когнитивной лингвистики; изложены перспективные идеи исторического и этимологического анализа, принципы реконструкции семантики, элементы когнитивного моделирования; вскрыты механизмы процесса семиотизации границ; изучены первичные представления о топологических схемах границы / границы и межи, выявлены две когнитивно разнородные модели осваемого / присваемого пространства, с архаических времен свойственные сознанию славян; проведена модернизация представлений о пространственных моделях, когнитивных основаниях их формирования и исторических изменениях в них.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что они могут быть использованы в преподавании курсов по общему языкознанию, истории языка, семиотике, этимологии, лексикографии, диалектологии, а также для создания лексикографических портретов слов *граница* и *межа*; автором определены перспективы использования созданной модели описания для изучения других этимологических гнезд.

• В кандидатской диссертации *Маргариты Павловны Сухих «Роль неологизмов в формировании поэтической картины мира русского авангарда (на материале поэтических текстов В. Хлебникова и Д. Ревякина)»* представлена новая методика анализа индивидуально-авторских неологизмов, позволяющая выявить качественно новые закономерности формирования авторских неологических систем, а также дающая возможность категоризации авторских картин мира; предложен нетрадиционный подход к исследованию индивидуально-авторских лексических единиц, основанный на идеографическом анализе неологизмов, позволивший с высокой точностью произвести реконструкцию индивидуально-авторской картины мира; обозначена перспективность идеографического анализа применительно к индивидуально-авторской неологии, определены возможности применения собственно семантических методов к исследованию неологизмов и границы допустимости применения таких методов; уточнено понятие индивидуально-авторского неологизма в аспекте соотношения его с такими явлениями, как «окационализм» и «потенциальное слово», определены границы этой лексической категории.

Одним из ведущих методов, использованных в работе, можно считать структурно-семантический метод исследования индивидуально-авторских неологизмов, включающий в себя словообразовательный, морфологический, идеографический анализ. Также в тексте диссертации выявлена тенденция развития неологических систем поэтов авангарда в исторической перспективе, раскрыты существенные проявления теории неологизации поэтического текста как динамического процесса, репрезентирующего авторскую картину мира, изучено явление неологизации на фоне общезыковых и лингвокультурных явлений

и процессов, проведена модернизация методики анализа индивидуально-авторских неологизмов с помощью приращения к традиционной методике словообразовательного анализа собственно семантических методов.

М. П. Сухих разработаны принципы составления и составлен идеографический словарь индивидуально-авторских неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина, разработана модель исследования индивидуально-авторских неологизмов в поэтическом тексте, которая может быть использована для исследования неологизмов в других типах текстов (прозаических, публицистических); данные, полученные в результате исследования, могут быть применены в преподавании историко-литературных курсов, посвященных русскому поэтическому авангарду; созданный идеографический словарь индивидуально-авторских неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина может быть использован при комментированном издании указанных поэтов.

• В кандидатской диссертации *Нины Валерьевны Царегородцевой «Антонимические корреляции в идеографическом аспекте (на материале английских паремий)»* использован идеографический подход к антонимии, который, на материале оппозитивных паремий английского языка, дает возможность комплексного изучения антонимов в ономасиологическом и семасиологическом аспектах и позволяет лучше охарактеризовать систему логико-понятийных связей в составе лексических объединений. Диссертанткой предложены новые ракурсы в изучении антонимии, подчеркивающие коррелятивные связи языка и стереотипов в национальной картине мира. В работе также подчеркивается, что соотношение, взаимосвязи в антонимических оппозициях могут проявляться по-разному: наряду с симметрией между членами антонимической оппозиции часто наблюдается асимметрия — грамматическая, семантическая, определяющая семантический и эпидигматический диапазон антонимичности. В работе доказано, что антонимические корреляции определяются как неязыковыми, так и собственно языковыми факторами, в том числе связью антонимии и гипонимии.

В работе также доказана перспективность комплексного идеографического подхода к антонимии, который вносит вклад в расширение представлений об изучаемом явлении и способствует определению места антонимических корреляций в лексической системе; исследование является убедительной иллюстрацией потенциала системного представления языковых единиц и развивает идеи семасиологии в плане представления корреляции единиц, связанных определенными парадигматическими отношениями; для определения коэффициента семантической соотносительности антонимов в диссертации использован комплекс методов и приемов лингвистического анализа, а также статистических методов; изложены исторически сложившиеся и современные подходы к пониманию логических явлений противоположности, отрицания и языковой антонимии, охарактеризованы методы разработки антонимической типологии; раскрыты вопросы соотношения грамматического и лексического компонентов семантики антонимов, выявлены новые модели межчастеречной антонимии; изучены пересечения антонимических корреляций с другими типами лексических парадигм, что углубляет понимание синергических свойств лексической системы.

Кроме того, в диссертации представлена классификация антонимических корреляций, которая является примером полномасштабной идеографической систематизации выбранного языкового материала — антонимов — в составе английских пословиц и поговорок, выделенных по материалам словарей английского языка.

Анализ английских паремий, предпринятый в работе, позволяет наблюдать широкий диапазон явления антонимии, превосходящий зафиксированные в лингвистических словарях типовые антонимические корреляции. Рассмотрение окказиональных речевых антонимов наряду с устоявшимися языковыми антонимами способствует уточнению

и обогащению данных лексикографических источников. Материалы диссертационного сочинения могут быть успешно применены для создания двуязычного словаря оппозитивных паремий. Модель анализа антонимических корреляций может быть использована в курсах по лексикологии, стилистике английского языка, курсах, связанных со сравнительной типологией.

Работы по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»

• В кандидатской диссертации **Анны Александровны Косаревой** «Традиции комедии дель арте в английской литературе рубежа XIX–XX веков» представлена модель анализа художественных текстов в системе координат комедии дель арте по отношению к произведениям классической и массовой литературы. Оригинальный взгляд на своеобразие английской прозы и драматургии рубежа XIX–XX вв. позволяет молодому ученому выявить характер функционирования инокультурных традиций в литературе указанного периода и включить анализируемые произведения в эстетический контекст эпохи. В работе введен в научный оборот целый ряд авторов и пьес, ранее не известных русскоязычному читателю, — Э. Доусон («Пьеро на час»), Л. Хаусман и Х. Г. Баркер («Прунелла, или любовь в голландском саду»), О. Даун («Создатель грёз»), Дж. Дринквотер («Главная легенда: пьеса о Красном Пьеро»), Г. Чэпин («Замужество Коломбины»), Х. Г. Баркер и Д. Кэлтроп («Арлекинад: экскурсия»), М. Бэринг («Синий Арлекин»). В качестве материала исследования были также использованы прозаические произведения таких английских писателей с мировым именем, как Г. К. Честертон (роман «Жив-человек», рассказы «Летучие звёзды» и «Понд-Панталоне»), А. Кристи (цикл рассказов «Таинственный мистер Кин»), Д. Сэйерс («Смерть по объявлению»), К. Маккензи («Карнавал»).

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что в нем доказана результативность применения методики анализа художественных текстов в системе координат комедии дель арте, расширяющей и углубляющей наше представление как о генезисе литературного произведения (диахронический аспект), так и о его зависимости от ближайшего историко-культурного контекста (аспект синхронический). Применительно к проблематике диссертации результативно использованы сравнительно-исторический, историко-культурный, поэтологический, биографический и интертекстуальный методы; изложены значимые для характеристики эпохи выводы и гипотезы (в частности, о взаимовлиянии английских писателей-детективщиков); раскрыты механизмы функционирования традиции комедий дель арте в английской литературе XIX–XX вв.; представлен перспективный путь анализа и интерпретации художественных текстов XX–XXI вв.; изучены взаимосвязи между традицией французского декаданса и английской драматургией XIX–XX вв., между комедией дель арте и английской пантомимой.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что они были использованы при чтении спецкурса «Традиции комедии дель арте в английской литературе XVIII–XX веков», а также могут найти применение в общем курсе зарубежной литературы.

• В кандидатской диссертации **Анатолия Алексеевича Нелюбина** «Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: игра в детектив и пародирование жанра» разработана концепция пародирования детективных жанров в творчестве известнейшего современного британского писателя Дж. Барнса (использование схемы классического детектива, типа героя и проблематики «крутого» триллера, создание двойной структуры). Данное диссертационное сочинение отличает продуктивный подход к анализу исторического развития детективных и криминальных жанров, соотношения массовой и элитарной литературы, который найдет применение при рассмотрении творчества целого ряда европейских

и американских писателей второй половины XX в. Диссертантом доказательно подтверждена значимость маргинальных жанров для развития магистрального литературного процесса современной Великобритании; показано, что обращение к псевдониму, характерное для детективного жанра и созвучное английской традиции мистификации, позволяет Барнсу создать новые отношения между автором, повествователем и героем, отделенными друг от друга и связанными системой зеркальных отражений. В практику анализа современного литературного процесса введен комплексный подход к анализу массовых и элитарных произведений в творчестве одного автора, к типологии детективных (криминальных) жанров (соединение нормативного и исторического подходов).

Теоретические основы работы базируются на достижениях отечественной науки в области исследования исторической поэтики жанра (Ю. Тынянов, М. Бахтин и др.), находящих подтверждение в современном зарубежном литературоведении (К. Ясперс, Ц. Тодоров, А. Фаулер и др.). В тексте диссертации плодотворно использованы идеи М. Бахтина о постоянном пародировании устоявшихся разновидностей романа; изложена методика анализа отношений «автор — повествователь — герой» в произведениях, написанных под псевдонимом; раскрыта актуальность детективного жанра для игровой поэтики постмодернистской литературы. Главная идея работы базируется на анализе четырех детективных романов Барнса-Каваны в контексте всего корпуса его произведений (романы, новеллы, эссе, интервью и т. д.) с привлечением произведений других английских, американских и европейских писателей.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что представленный материал может быть использован в лекционных курсах по культурологии и литературоведению, по истории английской литературы и культуры рубежа XX–XXI вв., в спецкурсах и спецсеминарах.

*Л. А. Назарова,
ученый секретарь диссертационного совета*

MEMORIA

ПАМЯТИ ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА КИРЬЯКОВА – УЧИТЕЛЯ, КОЛЛЕГИ, ДРУГА

26 октября 2014 г. ушел из жизни кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета Юрий Сергеевич Кирьяков (1946–2014). Ю. С. Кирьякова по праву можно назвать одним из наиболее талантливых учеников основателя уральской школы балканистики Ивана Никаноровича Чемпалова (1913–2008).

Уже в студенческие годы в Уральском государственном университете (1965–1969) Ю. С. Кирьяков проявил свои организаторские способности и новаторский нестандартный подход ко многим общественно-политическим проблемам современности. Он стал одним из основателей студенческих политбоев, ставших своеобразной и в течение многих лет популярной формой политико-идеологического просвещения студентов. Практика политбоев позволяла их участникам преодолевать неизбежные в то время узкие рамки официальных подходов.

Под руководством И. Н. Чемпалова, который щедро поделился со своими учениками обширной коллекцией неопубликованных архивных материалов, собранной во время научной стажировки в Болгарии, состоялось знакомство

Юрия Сергеевича с проблематикой международных отношений на Балканах накануне и в период Второй мировой войны. Защищенная в 1974 г. кандидатская диссертация Ю. С. Кирьякова была посвящена слабо исследованным в отечественной историографии на тот момент аспектам болгаро-германских отношений накануне Второй мировой войны. В ней, а также в опубликованных в тот период научных статьях Ю. С. Кирьякова нашел отражение вывод о том, что хотя малые страны Центральной и Юго-Восточной Европы и служили разменной монетой в политических играх великих держав, они все же стремились проводить собственную внешнюю политику и часто выступали немаловажным самостоятельным фактором международных отношений в предвоенный период и на начальном этапе Второй мировой войны [см.: Кирьяков, 1974; 1986 и др.].

Поворотным пунктом научной и педагогической деятельности Юрия Сергеевича стала его командировка в Югославию, продлившаяся с января по декабрь 1983 г. Именно тогда ему удалось завязать тесные научные, деловые и просто дружеские связи со многими сербскими историками и общественными деятелями. Наблюдаемые им воочию дезинтеграционные процессы в разных республиках и краях этой посттитовской социалистической федерации окончательно утвердили в нем убеждение, что именно проблемы межэтнических отношений и ренессанс национальной идентичности станут определяющими в развитии Западно-Балканского региона в ближайшие десятилетия. Последовавший в скором времени распад Югославии и начало кровавой межэтнической войны на ее осколках подтвердили выводы Ю. С. Кирьякова. Не будет преувеличением сказать, что драма народов Югославии, и, прежде всего, сербского народа, с которым Юрий Сергеевич к тому времени связал свои научные интересы и творческую судьбу, переживалась им глубоко лично. В ряде своих публикаций он пытался разглядеть как общие закономерности, так и особенности дезинтеграционных процессов в Югославии и СССР [см.: Кирьяков, Волкова, 2007].

Одновременно бурный период демократизации страны и общества в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. вовлек в политический водоворот и Юрия Сергеевича. Весной 1987 г. он стал одним из инициаторов создания в Свердловске городской дискуссионной трибуны. Ее деятельность стала крупнейшим событием общественной жизни тех лет, и во многом на ее основе сформировалась областная фракция «Демократической платформы» КПСС.

В конце 1980-х гг. возникло еще одно направление в деятельности Юрия Сергеевича. В 1988–1996 гг. он возглавлял Свердловское отделение Советского (с 1991 г. — Российского) фонда культуры. Его большая заслуга заключалась в том, что именно в Свердловской области впервые в стране были зарегистрированы под эгидой фонда культуры национальные культурные общества, что во многом сняло напряженность в этнокультурных отношениях и устранило опасность обострения межнациональных отношений в регионе. Другим важным направлением деятельности Свердловского фонда культуры стала реализация комплекса законов и постановлений федеральной и местной власти по сохранению историко-культурного наследия Российской Федерации и Урало-Западно-сибирского региона, по возвращению культовых зданий в собственность Русской православной церкви в г. Екатеринбурге и области.

Последние два десятилетия стали временем потрясающей организаторской активности Юрия Сергеевича и в научно-педагогической сфере. В 1997 г. он работал по программе ТАСИС в Университете Саунтгемптона в Великобритании, выступал на международных конгрессах и семинарах в Дели в 1994 г., Будапеште в 1996 г. и Белграде в 2007 г. В этот период расширились и укрепились его связи как с коллегами из Сербии, так и с ведущими сотрудниками Института славяноведения РАН и основанного на его базе центра по изучению современного балканского кризиса. Значительно расширился спектр научных тем, которые он предлагал своим ученикам. Они теперь охватывали проблемы взаимоотношений народов Югославии в XIX–XX вв., национального возрождения и формирования национальной государственности на Балканах в XIX — начале XX вв., идеологии и практики балканского этнонационализма и ирредентизма в XX в. Отдельное внимание он продолжал уделять истокам и факторам кризиса и распада Югославской федерации на рубеже 80–90-х гг. XX в., а также современным евроинтеграционным процессам в Юго-Восточной Европе [см.: Кирьяков, 1999; Кирьяков, Волкова, 2004; Волкова, Кирьяков].

В 2000-е гг. уральская школа балканистики под руководством Ю. С. Кирьякова приобрела реальные очертания — успешно защитили кандидатские диссертации, а затем и опубликовали свои первые монографии вышедшие из-под его крыла молодые исследователи: В. С. Глушко, С. С. Беляков, Ю. В. Запарий, Д. О. Лабаури, Е. Г. Волкова, А. А. Михайлова. В результате освещение получили ранее не исследованные в отечественной историографии проблемы миротворчества ООН в бывшей Югославии в 1990-е гг., идеология усташского движения как историческая форма хорватского этнического национализма в 1929–1945 гг., идеология и практика болгарского национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX — начале XX в., взаимоотношения ЕС и Сербии в 2000-е гг., проблемы модернизации Сербии в последней трети XIX — начале XX в. и многие другие проблемы, связанные с историей южнославянских народов и государств в новый и новейший период.

В октябре 2006 г. по инициативе Ю. С. Кирьякова был подписан договор между Уральским государственным университетом (УрГУ) и Философским факультетом Белградского университета, а в декабре 2008 г. — договор о сотрудничестве между УрГУ и Белградским университетом. С 2007 г. ему удалось организовать регулярное прохождение производственной практики студентами и аспирантами исторического факультета УрГУ в Сербии, а в 2008 г. — студентами Белградского университета в России. Также благодаря усилиям Юрия Сергеевича за последние пять лет Екатеринбург для участия в научных конференциях и выступлениях с курсом лекций перед студентами УрГУ (УрФУ) смогли посетить ряд ведущих историков Сербии (директор Института современной истории в Белграде М. Павлович, профессор Белградского университета Л. Димич) и Болгарии (ведущий сотрудник Института балканистики БАН проф. С. Елдаров).

В ноябре 2012 г. Ю. С. Кирьяков успешно выступил в роли одного из организаторов прошедшей в Уральском университете международной научной конференции «Славянские диалоги», которая имеет шансы стать регулярной. Незадолго до смерти Юрий Сергеевич закончил непростую работу научного редактора (а по совместительству и переводчика) монографии сербского историка

Д. Батаковича «Косово и Метохия: история и методология», опубликованной издательством Уральского федерального университета.

Накопленный Ю. С. Кирьяковым в 1990-е гг. обширный материал позволил ему подготовить ряд специальных курсов: «Балканский кризис: этнополитические и международные аспекты (середина XIX — конец XX в.)», «Распад Югославии: этнополитические и геостратегические аспекты», «Процесс европейской интеграции и расширение Европейского Союза в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е гг. XX в. — начало XXI в.)». С 2001 г. в курс всеобщей истории был достаточно органично включен читавшийся им курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, который синхронизирован с курсами истории Средних веков и курсами новой и новейшей истории.

Следует отметить, что Юрий Сергеевич больше запомнился именно как научный руководитель, педагог и организатор, вложивший душу во множество проектов, как научно-образовательных, так и общественно-политических. Во многом именно ради них он вынужден был принести в жертву себя как исследователя. Этим объясняется сравнительно небольшое количество (чуть более сорока) научных работ, вышедших из-под его пера. Незаконченной осталась его монография, посвященная распаду Югославии (вероятно, главный труд его жизни), над которой он с вынужденными перерывами работал в течение последних лет. Незавершенная рукопись будет опубликована при содействии его учеников и коллег.

Юрий Сергеевич останется в нашей памяти не только как талантливый преподаватель и организатор, глубокий и чуткий исследователь, но и как человек широкой души, доброжелательный и простой в общении. Эти его качества ярко проявились в его отношениях с однокурсниками, студентами разных поколений и особенно в отношениях с друзьями и коллегами на кафедре, с которой он был связан более сорока лет и которая понесла невосполнимую потерю. Юрий Сергеевич заслужил искреннюю любовь и преданность всех, кому довелось с ним общаться и работать.

Волкова Е. Г., Кирьяков Ю. С. Геостратегические интересы России на Балканах: станет ли Сербия «энергетическим узлом Балкан»? // Новая Россия в мировом политическом процессе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 апреля 2011 г. Екатеринбург, 2011. С. 36–41.

Кирьяков Ю. С. Планы «нейтрального блока» на Балканах и болгаро-германские отношения весной 1939 г. // Балканы и Ближний Восток в Новейшее время : сб. ст. Вып. 3. Свердловск, 1974.

Кирьяков Ю. С. Современная югославская историография о фашистской агрессии против Югославии накануне и в начальный период Второй мировой войны // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1986.

Кирьяков Ю. С. Распад Югославии, боснийский кризис и их интерпретация в западной историографии 1990-х гг. // Европа на рубеже тысячелетий: исследование и преподавание европейской истории XX века. Екатеринбург, 1999. С. 33–37.

Кирьяков Ю. С., Волкова Е. Г. Балканы — Европейский Союз. В лабиринте интеграции // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур : науч. докл. конф. Севастополь, 6–10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 373–377.

Кирьяков Ю. С., Волкова Е. Г. Факторы распада СФРЮ и СССР: сравнительно-типологический анализ // Судьба России: вектор перемен : материалы Междунар. науч. конф. Т. 1 / под ред. Р. Г. Пихои. Екатеринбург ; М., 2007. С. 466–486.

Список сокращений

ВОКГ	Вологодская областная картинная галерея
ГАОО	Государственный архив Оренбургской области
КСГРС	картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург)
ОР ГМИИ	Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	Российский государственный исторический архив
Dial-Brno	Archiv lidového jazyka dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, Brno (архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики, Брно)

Сведения об авторах

Алексеева, Мария Александровна (ms.aleksmaria@mail.ru). Кандидат филологических наук, зам. директора Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, зав. кафедрой филологии СУНЦ УрФУ (620137, Екатеринбург, ул. Даниила Зверева, 30; (343) 341-24-78). Сфера научных интересов — классическая и современная поэзия, современная литература для подростков, методика преподавания литературы, психология восприятия художественной литературы.

Березович, Елена Львовна (berezovich@yandex.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-97). Сфера научных интересов — славянская этнолингвистика, этимология, семантико-мотивационная реконструкция, ономастика, лексикография.

Быков, Леонид Петрович (ruslitXX@yandex.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-94). Сфера научных интересов — русская литература XX в., современная литература, литературная критика.

Васильева, Мария Анатольевна (maijavasil@mail.ru). Кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2; (495) 915-10-47; vasilieva@bfrz.ru). Сфера научных интересов — литература русского зарубежья.

Высокова, Вероника Витальевна (vyssokova@mail.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 350-75-32). Сфера научных интересов — история исторической науки, история Британии.

Ганиев, Рустам Талгатович (rusthist@yandex.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, ул. Тургенева, 4; (343) 350-27-08). Сфера научных интересов — история кочевых народов Центральной Азии, восточных тюрков, Тюркских каганатов, политики России в отношении Центральной Азии.

Главацкая, Елена Михайловна (elena.glavatskaya@urfu.ru). Доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 350-74-11). Сфера научных интересов — история, религиоведение, антропология.

Горемыкина, Мария Викторовна (mbpw@rambler.ru). Аспирант Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина (390000, Рязань, ул. Свободы, 46; (4912) 25-62-99). Сфера научных интересов — история и теория литературы, русская литература начала XIX в., творчество В. К. Кюхельбекера, антиутопия, утопия.

Гудова, Маргарита Юрьевна (MargGoodova@gmail.com). Кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры Уральского федерального

университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-73-70). Сфера научных интересов — теория современной культуры, в том числе теория чтения как культурной практики.

Гуревич, Ольга Александровна (oa.gurevic@gmail.com). Старший преподаватель Российско-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета (125267, Москва, ул. Чайнова, 15; (499) 250-69-42; tawrik@mail.ru). Сфера научных интересов — итальянистика, филология, история, культурология.

Ермоленко, Светлана Ивановна (ermolenko-1@mail.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета (620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343) 235-76-66; safruszarlit@yandex.ru). Сфера научных интересов — русская лирика, исторические судьбы, поэтика и динамика жанров, М. Ю. Лермонтов, забытый русский роман, литературные связи и взаимодействия.

Зиятдинова, Диана Дамировна (diana-ziyatdinova@yandex.ru). Соискатель кафедры русской литературы и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, Казань, ул. Татарстана, 2; (843) 221-33-32). Сфера научных интересов — проблемы нациодекодирования в современной литературе.

Зырянов, Олег Васильевич (philologusu@rambler.ru). Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-92). Сфера научных интересов — жанровая поэтика русской лирики, духовно-религиозные аспекты отечественной словесности, проблемы литературной регионалистики.

Казарин, Юрий Викторович (said55@yandex.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-92). Сфера научных интересов — лингвистика текста, семантика.

Киселев, Михаил Александрович (mihail.a.kiselev@gmail.com). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620000, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; istor@uran.ru); научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургнева, 4; (343) 358-99-78). Сфера научных интересов — государственное регулирование промышленной деятельности в России XVII–XVIII вв., история российских политических и социальных понятий.

Лебедева, Галина Евгеньевна (mittelalter@mail.ru). Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5). Сфера научных интересов — социальная структура и динамика ранневизантийского общества, переход от античности к феодализму в Византии, проблемы ранневизантийского законодательства, медиевистика в Ленинградском университете (1930–1950-е гг.), византийское каноническое право в освещении русской до-революционной византистики.

Леонтьева, Татьяна Валерьевна (leotany@mail.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11). Сфера научных интересов — этнолингвистика, русские народные говоры, семантика, мотивационный анализ лексики.

Медведев, Александр Александрович (amedv1@yandex.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Тюменского государственного университета (625003, Тюмень, ул. Республики, 9; (3452) 46-20-87; russlit@utmn.ru). Сфера научных интересов — религиозная проблематика в русской литературе XIX–XX вв. (Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, А. И. Цветаева и др.).

Мехамадиев, Евгений Александрович (mehamadiev@gmail.com). Кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5). Сфера научных интересов — позднеримская-ранневизантийская армия, политическая теория Византии VI в.

Мохов, Антон Сергеевич (rkb2004@yandex.ru). Доктор исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 350-75-38). Сфера научных интересов — история Византии, история поздней Римской империи, история военного искусства, сфрагистика, просопография.

Мухин, Михаил Юрьевич (mfly@sky.ru). Доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-92). Сфера научных интересов — лингвистика текста, прикладная лингвистика, лексикология, текстология.

Мувчинников, Андрей Германович (andr.owchinnickow@yandex.ru). Старший преподаватель кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (620137, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30). Сфера научных интересов — сравнительный анализ художественных миров, общность философского мироощущения ряда писателей (Кьеркегор и Достоевский, Кьеркегор и Лермонтов).

Первалова, Ольга Андреевна (olgaperevalova@yandex.ru). Учитель русского языка и литературы гимназии № 47 (620000, Екатеринбург, ул. Советская, 24а), ассистент и аспирант кафедры русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-92). Сфера научных интересов — проблемы поэтики и эволюции жанров русской лирики.

Попова, Надежда Юрьевна (nadia.russia@mail.ru). Магистрант кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 350-74-11).

Разувалова, Анна Ивановна (gai-2004@yandex.ru). Кандидат филологических наук, докторант Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4). Сфера научных интересов — литература «долгих 1970-х», национально-консервативная идеология в позднесоветских прозе и публицистике, локальные тексты.

Рюсс, Хартмут (guessbockhorst@t-online.de). Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Восточной Европы Университета в Мюнстере (Schlossplatz 2, 48149 Münster, Deutschland). Сфера научных интересов — история Киевской Руси, Московского государства, российского дворянства (до XVII в.); немецкие военные преступления на территории СССР, немецкий военный плен в СССР.

Савинков, Сергей Владимирович (svspoint@yandex.ru). Доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета и Воронежского государственного педагогического университета (394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86). Сфера научных интересов — история русской литературы XIX — начала XX в., семиотика литературы, литературная характерология, логика литературного процесса.

Соколова, Екатерина Васильевна (k.falk@mail.ru). Старший преподаватель Воронежского государственного педагогического университета (394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86). Сфера научных интересов — история русской литературы XIX в., поэтика русской прозы.

Спирidonov, Дмитрий Владимирович (dspiridonov@mail.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;

(343) 350-75-98). Сфера научных интересов — теория и социология литературы, нарратология, лексическая семантика, историческая лексикология французского языка.

Тимофеев, Дмитрий Владимирович (dmitrtim@yandex.ru). Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620090, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; (343) 374-53-43); старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 358-99-78). Сфера научных интересов — отечественная история.

Фофанова, Полина Юрьевна. Магистрант кафедры романского языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-75-98). Сфера научных интересов — синтаксис и семантика английских перформативов.

Южакова, Елизавета Викторовна (liziska@gmail.com). Аспирант кафедры истории искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-73-64). Сфера научных интересов — русское искусство рубежа XIX–XX вв., советское искусство 1920-х гг.

Summary

LERMONTOV OF OUR TIME. THE WRITER'S 200TH BIRTH ANNIVERSARY

Zyryanov O. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
philologusu@rambler.ru

On the Problem of Personality and the Nature of Subject and Dialogic Relationships in M. Yu. Lermontov's Creative Work

Referring to Lermontov's creative work (lyrical poetry, and *A Hero of Our Time*), the author studies the logic of the subject and dialogic relationships which enables him to explain a phenomenon that is of major importance to historical poetics, i. e. the acquisition of a true *dimension* of a personality's being or of *convergent You-consciousness* (acc. to V. I. Tyupa) that substitutes for the *secluded* consciousness of orthodox romanticists. Following the philosophic concept of S. L. Frank, the author reveals the dialogic intentions of *Lermontov's man's* consciousness, actualized through the transcending into the *outside* (*I – you* relationships) and *inside* (involvement in real spiritual reality) as the ontological basis of one's self.

K e y w o r d s: M. Yu. Lermontov; problem of personality; *humanization* (acc. to V. G. Belinsky); dialogue; transcending; subject organization of lyrical poetry; post-Romanticism; convergent *you-consciousness* (acc. to V. I. Tyupa).

Yermolenko S. I.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg
ermolenko-1@mail.ru

M. Yu. Lermontov's *Wills*: on the Writer's Artistic Evolution

The author studies M. Yu. Lermontov's poems *To a Tree*, *The Testament (There is a place)*, *The Testament (Brother, I'd like to be alone with you)* along with his *My Will* that are all rooted in the genre of the will. The article studies the influence folk poetic tradition of giving orders (coachmen's and soldiers' songs) had on Lermontov which allows the author to acquire a deeper understanding of the peculiarities of the poet's folklore background and the directions of his artistic evolution.

K e y w o r d s: M. Yu. Lermontov; lyrical poetry; genre tradition; testament; folklorism; artistic evolution.

Perevalova O. A.

Ural Federal University, Yekaterinburg
olgaperevalova@yandex.ru

Genre Variations of Lermontov's *Prayers*

The author analyzes some of Lermontov's poetic prayers and gives a detailed characteristic description of such innovative genre variations as *my prayer*, and the *meta-prayer*. The author focuses on the category of reflexivity in the poet's creative work pointing out the interdependence of Lermontov's prayers genre evolution and the tendencies of his spiritual and artistic development.

K e y w o r d s: M. Yu. Lermontov; poetic prayer; genre variation; prayer discourse; *my prayer*; *meta-prayer*; genre reflection.

Savinkov S. V.

Voronezh State Pedagogical University
svspoint@yandex.ru

Sokolova E. V.

Voronezh State Pedagogical University
k.falk@mail.ru

M. Yu. Lermontov's *Taman'*: The Conflict of Interpretations

The article studies three interpretations of Lermontov's *Taman'*. These interpretations are focused on the motif of *wrong reading* but the understanding of its role and meaning are directly dependent of the contexts one relies on during the interpretation process. What is emphasized largely depends on the context chosen for interpretation, i. e. romantic, mythological or Lermontovian proper. The authors concentrate on whether it is at all possible to consider such interpretations conflicting if within their own frame, each of them is reliable.

Key words: context; romantic stereotypes; miscommunication; mythological model; motif of reading; book; blind boy; mystery of being.

Ovchinnikov A. G.

Specialized Educational Scientific Centre of Ural Federal University, Yekaterinburg
andr.ovchinnickow@yandex.ru

The Experience of Aesthetic Self-Knowledge in Works of S. Kierkegaard and M. Lermontov (*The Seducer's Diary* and *A Hero of Our Time*)

The article explores the common features of Kierkegaard's and Lermontov's seducers that are regarded through their spiritual and aesthetic experience of self-knowledge. The author reveals Kierkegaard's and Lermontov's romantic meta-plot that substantiates the unity of such characters; apart from analyzing the structure of the storyline, the author also focuses on the strategy of how the characters create their own image and model of behaviour (their masks), and their reflection of the women they seduce, as well as studies the motivation of these spiritual experiments. In the article, the strategy of mask is explained both as a play on literary clichés of romanticism and as a means to create these characters' individualization during their negation of the mask.

Key words: Lermontov; Kierkegaard; hero seducer; self-knowledge; spiritual and aesthetic experience; storyline; mask; motivation; romantic meta-plot.

Medvedev A. A.

Tyumen State University
amedv1@yandex.ru

The Phenomenon of Lermontov in V. V. Rozanov's Essays

The article studies V. V. Rozanov's perception of Lermontov and Rozanov's modernist concept of Russian literature *as of Lermontov* and its principles. Rozanov describes the mystic character of Lermontov's lyrical poetry, focusing on the context of the Eastern Christian tradition. The universal archetypical and ontological character of Lermontov's images is revealed by Rozanov in their relation to the culture of Ancient Egypt and Israel. Rozanov's interpretation of Lermontov's poetry through the prism of Christian humanism (pantheism) is proved by the reconstruction of Lermontov's and V. Odoyevsky's religious polemics.

Key words: Lermontov; Rozanov; Christian tradition; Christian concepts; ontological character; Christian humanism.

Alexeyeva M. A.

Specialized Educational Scientific Centre of Ural Federal University, Yekaterinburg
ms.aleksmaria@mail.ru

On the Pre-Anniversary Biographies of M. Yu. Lermontov

The article reviews a number of M. Yu. Lermontov's biographies published on the eve of the poet's upcoming birthday anniversary. The author focuses on the interpretations of the key events of the classic's artistic journey and life. The author characterizes the biographers' individual manner and style emphasizing the absence of a scholarly biography of M. Yu. Lermontov.

Key words: biography; context; interpretation; scholarly character.

HISTORY

Ganiyev R. T.

Ural Federal University, Yekaterinburg
rusthist@yandex.ru

Emperor Taizong of Tang and Eastern Turks between 627 and 649

In the history of the Eastern Turkic Khaganate, the events that took place between 630 and 679 played a significant role as, according to many researchers, during the period in question the Turkic state did not exist. Scholars claim there is an interruption in its history which is divided into the First (545–630) and Second Eastern Turkic (679–745) Khaganates. The main reason for the Turks' defeat is considered to be Emperor Taizong's campaign of 630 and his following policy that was meant to strengthen China's position between 630 and 649 which led to a decrease in the Turks' military and political power until their uprising in 679. The author analyzes the political process of the period between 627 and 649 in the history of the Chinese state and the Eastern Turkic Khaganate through the prism of the latest climatic research and the data of Chinese written sources which enables him to reconsider a number of long-established stereotypes in the Turkic-Chinese relationships of the time, which has never been done previously. The article also analyzes the natural and climatic events that took place between 627 and 630 which led to a decline in the social and economic as well as military and political state of the Turks along with the policy of Emperor Taizong aiming to create a unified Chinese-Turkic state involving Eastern Turks. Largely owing to the unity between the Turks and the Chinese, Emperor Taizong managed to achieve success on the international and national arena for the unified state alike and turn it into the great Tang Empire.

Key words: Xieli qaghan; Emperor Taizong; Tang dynasty; Eastern Turks; Turkic Khaganate; nomads.

Lebedeva G. E.

Saint Petersburg State University
mittelalter@mail.ru

Mekhamadiev E. A.

Saint Petersburg State University
mehamadiev@gmail.com

Deacon Agapetus and *Dialogus de Scientia Politica*: Two Concepts of the Byzantine Basileus in the 6th Century

The concept of Basileus chosen by god and holding unlimited power on Earth is the main point of all the Byzantine political thought but there is a reasonable question concerning the emergence of this idea as a political theory, as a teaching of a state's mechanism and functions. Referring to comparative analysis of three political treatises (Admonitions of a Duty of a Prince of Deacon Agapetus, Dialogue on Political Science and on Strategy), written between the 6th – the first third of the 7th century AD, the authors trace the changes in the meaning of the notion of Basileus-autocrat that is endowed with unlimited power by God, and this is similar to God. Perceiving political thought as a teaching of the essence and forms of a state, the authors conclude that during the reign of Justinian, contrary to the previous scholars' views, there was only one clearly shaped political theory that consisted in the limitation of the Emperor's power by means of old Roman magistrates, such as Senate or lawful public acclamation. In this sense, all Agapetus's statements about the divine nature of Justinian's autocratic power seem mere rhetorical compilation, a collection of literary clichés, and do not claim to be called precise scholarly study. Only at the turn of the 7th century AD these rhetorical calls took shape, and appropriate reasoning, and, as a result, transformed into an elaborate and unified political theory.

Key words: political theory; rhetoric; Deacon Agapetus; Dialogue on Political Science; Basileus chosen by god; Justinian; senators; Christianity; Greek philosophy.

Mokhov A. S.

Ural Federal University, Yekaterinburg
rkb2004@yandex.ru

Aristocratic Clans of Asia Minor between 976 and 1025: Andronikos Doukas Lydos and His Sons

The article describes the *cursus honorum* of Bardas Doukas, a Byzantine commander of the late 10th – early 11th century. He descended from a provincial military aristocratic family of the Thracian Theme. In 976, his father patricius Andronikos Doukas Lydos joined the rebellion of Bardas Skleros. After the defeat of the rebellion,

Andronikos' sons, Christophorus and Bardas, captured the fortress of Plateia Petra in the Thracasian Theme. In 980, Basil II granted them pardon, and Bardas Doukas continued his service in the imperial army. There are data about his seals of the Protospapharius and Turmarchus of Veroia; an anthipatus and patricius. The last record of Bardas Doukas dates back to 1016–1017 when he took part in the suppression of the uprising of Georgius Tzul, an Archon of Khazaria. Out of all written sources, Bardas Doukas is only mentioned in the *Synopsis Historiarum* of John Skylitzes. According to the author, when compiling his chronicles, John Skylitzes used a text of which no surviving copy is known to exist and which originated from the Thracasian Theme (probably, a work of John the Monk of Lydia).

Key words: Byzantium; Doukas family; provincial military nobility; prosopography; sigillography.

Vysokova V. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg

vyssokova@mail.ru

Quarrel of the Ancients and the Moderns and the Development of Historicism in 18th Century British Historiography

The article considers the development and the confrontation of the two tendencies characteristic of the British scholarly knowledge of the late 17th – early 18th centuries. The first tendency was represented by W. Temple, J. Swift and A. Pope, and was based on the *neo-Roman* standard of writing history. The other tendency was rooted in the development of the antique discourse of natural sciences and was supported by W. Wotton and R. Bentley. The author comes to the conclusion that the famous *Battle of the Books* resulted in the victory of *the Ancients*. This led to a slackened development of historicism in the British historical tradition of the Enlightenment. The research is based on the approaches employed by intellectual history.

Key words: English Enlightenment; history of historical studies; W. Temple; R. Bentley; J. Hicks; historicism.

Timofeyev D. V.

Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS, Yekaterinburg

dmitrtim@yandex.ru

The History of Concepts as a Theoretical and Methodological Framework of Studies on Russian Modernization History of the 1st Fourth of the 19th Century

The article considers the possibility of using the methods of modern history of concepts in concrete historical works on the history of Russia. The author puts forward research principles and methods for a number of aspects of the Russian modernization of the first fourth of the 19th century, combining a number of the basic propositions of the German and Anglo-Saxon schools of the history of concepts.

Key words: history of concepts; methodology of history; history of social thought; R. Koselleck; Q. Skinner; history of Russia.

PHILOLOGY

Goremykina M. V.

Ryazan State University

mbpw@rambler.ru

M. M. Shcherbatov's Journey to the Land of Ophyr and Küchelbecker's European Letters in the Context of the Russian Enlightenment Utopia

The article analyzes M. M. Shcherbatov's *Journey to the Land of Ophyr* and Küchelbecker's *European Letters* revealing their common features and tracing the signs of their continuation of the Enlightenment traditions. Additionally, the author focuses on the peculiarities of the writer's developing utopian consciousness.

Key words: M. M. Shcherbatov; W. K. Küchelbecker; Russian utopia; Enlightenment; image of Russia; Russian literature of the 18th century; Western European utopia; tradition; succession; author's consciousness.

Gurevich O. A.

Russian State University for the Humanities, Moscow
oa.gurevic@gmail.com

Political and Moral Values in Giovannino Guareschi's Creative Work

Giovannino Guareschi, a writer and journalist, played an important role in the cultural and political processes in mid-20th century Italy. His creative journey started during the fascist regime and flourished during the establishment of a postwar state, the Italian Republic. For decades he was considered the main politically committed Italian reactionary author. However, a closer look at his work enables the author to reveal a different ethical basis for his political statements. The article is devoted to a consequent consideration of the political and the ethical in Guareschi's creative work and how political motives determined the perception of his creative work in Italy.

K e y w o r d s: politics; journalism; fiction; humour; literature of prisoners.

Vasilyeva M. A.

A. I. Solzhenitsyn House of Russian Emigration, Moscow
maijavasil@mail.ru

Between the Earth and the Sky: On a Christmas Poem of Boris Poplavsky

The article studies the attitude of the main ideologists of the *first wave* of the Russian abroad, namely of Georgy Adamovich and Vladislav Khodasevich to the poetry of Boris Poplavsky. The author analyzes how the ideas of acmeism and symbolism influenced the Paris Note and the artistic system of Boris Poplavsky. Additionally, the author explores the metre, semantic and image structure of Poplavsky's poem "*Christmas blooms. The river floods the suburbs...*" and its place in the gospel text of Russian literature.

K e y w o r d s: Russian émigré poetry; Paris Note; symbolism; acmeism; semantic space of Boris Poplavsky's poetry; gospel motifs in Russian poetry; apocatastasis.

Razuvalova A. I.

Centre for Literary Theory and Interdisciplinary Research,
Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg
rai-2004@yandex.ru

The *Thaw* in Siberia: The Transformation of the Territorial Myth in the Soviet Prose of the Late 1950s (with Reference to V. Osipov's and A. Kuznetsov's works)

The artistic representation of Siberia in the prose and political essays of the Thaw are analyzed within the context of the socialism renovation ideology. The article explores the process in which the idea of the region's industrial development actualizes colonial discourse-related meanings and generates new specific romantic poetics.

K e y w o r d s: Thaw; Siberian myth; ideology of modernization; colonial discourse.

Ziyatdinova D. D.

Kazan Federal University
diana-ziyatdinova@yandex.ru

The Jacobean Code as a Means of a Cultural Model Representation of Jewish National Identity in D. Rubina's Trilogy *People of the Air*

The article is devoted to the analysis of the cultural model of the Jewish national identity reproduced by D. Rubina in her latest Israeli creative work (novels *Style of Leonardo*, *White Pigeon of Cordova*, *Petrushka's Syndrome*). Refusing the traditional ethnic and religious dominants, the writer turns to another register and forms an alternative idea of Jewishness which is mainly represented through the Jacobean code.

K e y w o r d s: D. Rubina; Jewish national identity; Jacobean code; *man of the air*; cultural stereotype.

Leontyeva T. V.

Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg
leotany@mail.ru

The Normative and Regulatory Motifs in the Russian Denominations of Custom

The author carries out a motivational analysis of the denominations of custom in the Russian popular subdialects and in the national language. The lexemes in question are subdivided into groups according to the productive stems which are then grouped according to certain motifs. The author gives a description of the normative and regulatory motifs in the nominations meaning *custom*. Additionally, the article explores words whose inner form reflects the idea of custom as a tool to organize one's life and household. According to the author, the results of the lexical material analysis prove that custom plays a regulatory role which is reflected in social and philosophic research works.

K e y w o r d s: semantics; Russian popular subdialects; custom; tradition; rite.

Berezovich E. L.

Ural Federal University, Yekaterinburg
berezovich@yandex.ru

On the Semantic and Motivational Reconstruction of Lexis

In modern linguistics, semantic and motivational reconstruction of words is not only part of the etymologization process but is also becoming a separate area of linguistic study and is closely connected to lexicosemantic typology, the study of linguistic worldview, etc. In the article, the author substantiates the wide understanding of semantic and motivational reconstruction, determines its goals and studies its framework of concepts (such as the semantic and motivational model, semantic and derivational complex, derivational and phraseological nest, semantic and motivational field, etc.) and describes a number of methods of the semantic and motivational analysis.

K e y w o r d s: semantic and motivational reconstruction; etymology; lexical semantics; semantic transfer; semantic parallel; semantic typology; ethnolinguistics.

Spiridonov D. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
dspiridonov@mail.ru

Fofanova P. Yu.

Ural Federal University, Yekaterinburg

The Functional and Semantic Peculiarities of the English Adverb *Finally*

The authors examine the semantic peculiarities of the English adverb *finally*, and draw a number of conclusions about its polysemantic nature, its multi-functionality, and its derivational characteristics. The analysis demonstrates that *finally* is capable of becoming similar to a variety of functional-semantic groups of adverbs which is significant for its syntactic functions description. The authors also conclude that before drawing any syntactical theories of the adverb, it is essential to conduct a comprehensive study of the semantics and functioning of adverbial lexemes.

K e y w o r d s: syntax and semantics of adverb; typology of adverbs; adverbial; adjunct; *finally*.

ART AND CULTURE STUDIES

Yuzhakova E. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
liziska@gmail.com

V. V. Vladimirov in the Context of the Russian Art of the 1st Third of the 20th Century

The article is devoted to the little-known Russian artist of the first fourth of the 20th century Vasily Vasilyevich Vladimirov. The author adds new and previously unpublished data to the facts of the artist's creative biography found by other researchers as well as connects V. V. Vladimirov to the general context of the development of Russian art during the period in question.

K e y w o r d s: symbolism; book illustration; Vasily Vladimirov; Russian art of the turn of the 20th century; 1920s Soviet art.

Gudova M. Yu.

Ural Federal University, Yekaterinburg
MargGoodova@gmail.com

The Multitude of Artistic Communication Forms in Modern Reading

The author examines the problem of the variety of artistic communication forms in contemporary reading. Using methods of culture studies, the author draws connections between various forms of self-determination of the reader as a personality and the forms of artistic communication existing in modernist, mass and Internet literature. The author concludes that the contemporary reader is free to choose a form of artistic dialogue depending on their tasks of self-determination.

Key words: artistic communication; reading as communication; reading as guidance; reading as apprenticeship; introduction to a social group; self-determination of the reader.

REVIEWS

Glavatskaya E. M.

Ural Federal University, Yekaterinburg
elena.glavatskaya@urfu.ru

Popova N. Yu.

Ural Federal University, Yekaterinburg
nadia.russia@mail.ru

To the Sounds of the Spiritual Internationale

This is a review of a new monograph on the history and forms of Baptist communities in Bashkiria between 1918 and 1943. The authors analyze the source base of the research, the issues it discusses and the degree of its integration into the established academic discourse as well as the substantiation of the conclusions drawn by the author of the book. The review emphasizes the uniqueness of the sources that are introduced in the monograph including the Federal Security Service Directorate funds which enable the author to trace the evolution of the state's view upon Baptists and that of the latter themselves upon their place in the situation of oppression, as well as reconstruct the everyday life of Protestant communities of Bashkiria, and give a *close-up* of Russia's provincial Baptism with reference to Bashkiria. At the same time, the authors insist that it is essential to provide a wider historical and geographical context for the research which would reveal the peculiarities of the issues in question in Bashkiria.

Key words: Evangelical Christians and Baptist communities in Bashkiria; protestant churches in the USSR; Soviet religious policy.

Russ H.

University of Münster, Germany
ruessbockhorst@t-online.de

On Russian Convents during the Early Modern Period

The author of the article considers that A. Schmäling, the author of the reviewed book, succeeded in analyzing the social history of the Orthodox Christians of the Russian convents of the 16th–18th centuries.

Key words: A. Schmäling; Russia in the 16th–18th centuries; Orthodox convents.

Kiselyov M. A.

Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS, Yekaterinburg
Ural Federal University, Yekaterinburg
mihail.a.kiselev@gmail.com

Studies in the History of the Azov Province Office (1775–1784)

The author reviews the monograph by A. G. Olenenko devoted to the history of the Azov Province Office (1775–1784). He emphasizes the fact that the book is of particular interest to the scholars of state management of imperial outlying districts of the 18th century.

Key words: history of the 18th century Russian Empire; history of Ukraine; Azov province office.

ACADEMIC CURRICULUM

Mukhin M. Yu.

Ural Federal University, Yekaterinburg
mfly@sky.ru

Databases of the *Russian Verb* Lexicographic Group: Statistic Parameters and Ways of Their Linguistic Interpretation

The author considers the statistic parameters of the ideographic databases of the lexicographic group “Russian verb” and the Ural semantic school (headed by Professor L.G. Babenko). The article explores the history of creation and development of dictionary databases and gives examples of linguistic interpretations of the proportion of denotative spheres and the peculiarities of stylistically marked vocabulary distribution.

Key words: lexicography; database; ideographic dictionary; thesaurus; Ural semantic school; statistics; semantic class.

Kazarin Yu. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
said55@yandex.ru

Ideography as a Mirror of Language and the World. For the 40th Anniversary of the Chair of the Modern Russian Language and Applied Linguistics

The author studies and draws some conclusions of the work of the Ural Semantic School (founded by E. V. Kuznetsova and L. G. Babenko) whose research centre is based in the Chair of the Modern Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University as well as the lexicographic group (head of the Chair and the leader of the group is L. G. Babenko). The article analyzes and considers the gradual development of the new theory and methods of lexico-semantic research, the theory and practice of ideographic lexicography and the compilation of dictionaries of new types, dictionaries of the 21st century. The author comments on the achievements of the Chair and the School of knowledge and determines its objectives for further research and lexicographic work.

Key words: Ural Semantic School; Chair of the Modern Russian Language and Applied Linguistics of Ural Federal University; L. G. Babenko; ideography; explanatory and ideographic dictionaries of verbs, nouns, adjectives and synonyms; dictionary of concepts; Universal ideographic dictionary.

Bykov L. P.

Ural Federal University, Yekaterinburg
ruslitXX@yandex.ru

Half a Century of Creative Search. For the Anniversary of the Chair of the Russian Literature of the 20th–21st centuries

The author draws a number of conclusions of the work of the Chair of the Russian Literature of the 20th–21st Centuries of Ural Federal University and describes the history of its establishment and development commenting on its achievements and further objectives of its academic research.

Key words: Chair of the Russian Literature of the 20th–21st Centuries; Ural State University; academic and teaching activity.

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2014 г.

ИСТОРИЯ

Бондарь В. А. Проблемы классификации терминов в сфере документоведения и архивоведения в РФ (№ 1)

Возчиков Д. В. Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в. (№ 2)

Высокова В. В. «Спор о древних и новых» и становление историзма в британской историографии XVIII в. (№ 4)

Ганиев Р. Т. Танский император Тай-цзун и восточные тюрки в 627–649 гг. (№ 8)

Городецкая Н. Б. «Белая книга» 1984 г. как свидетельство углубления системного кризиса в Югославии (№ 1)

Збоев А. В. Активизация политики США на Балканах в начале 1941 г.: визит полковника У. Донована в Софию (№ 2)

Келлер А. В. Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге XVIII – начала XX в. (№ 3)

Комлева Ю. Е. Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии (№ 1)

Крих С. Б., Метель О. В. Формирование марксистского подхода к изучению религиозных феноменов в советской научной традиции (1920-е – начало 1930-х гг.) (№ 3)

Курьшиева М. А. Автограф Александрийского патриарха Паисия (1657–1678) (№ 1)

Куц Т. В. Сочинения Димитрия Кидониса как источник по истории зилотского движения в Фессалонике (№ 3)

Лебедева Г. Е., Мехамадиев Е. А. Диакон Агапит и *Dialogus de scientia politica*: два концепта власти византийского василевса в VI в. (часть 1) (№ 3)

Лебедева Г. Е., Мехамадиев Е. А. Диакон Агапит и *Dialogus de scientia politica*: два концепта власти византийского василевса в VI в. (часть 2) (№ 4)

Мазур Л. Н. Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX – начале XX в. (№ 2)

Мангилева А. В. Белое приходское духовенство Российской империи: от сословия к профессии (№ 3)

Манькова И. Л. Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска (№ 3)

Михайлова А. А. Роль иностранного и отечественного факторов в промышленной модернизации Сербии в XIX в. (№ 1)

- Морозан В. В.* Составление бессарабской дворянской родословной книги (№ 2)
- Мохов А. С.* Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андроник Дука Лид и его сыновья (№ 4)
- Нефедов С. А.* История Урала в контексте трехфакторной модели исторического процесса (№ 2)
- Русина Ю. А.* Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие (№ 1)
- Савченко Д. А.* Литовский статут об «оскорблении величия» (№ 1)
- Семенов О. В.* Туринский ям в конце XVI — первой трети XVII в.: возникновение и функционирование (№ 2)
- Слядзь А. Н.* Святослав II — союзник Михаила VII? К вопросу о достоверности одного эпизода «Истории Российской» В. Н. Татищева (№ 2)
- Соколова Е. С.* О допустимых пределах экстраполяции частных методов исторического исследования в правоведческих дисциплинах (№ 1)
- Тимофеев Д. В.* «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. (№ 4)
- Титаренко А. С.* Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX — начало XX в.) (№ 2)
- Хоруженко О. И.* Печати князей Оболенских XIII–XVII вв. в публикации Ф. А. Бюлера (№ 3)
- Черноухов Э. А.* Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. (№ 3)
- Язовская О. В.* Трансформация мифологического наследия Японии в системе японской государственности (№ 3)

ФИЛОЛОГИЯ

- Авраменко И. А.* Нарративные модели в романе-воспоминании Г. Грина «Пойманные» (№ 1)
- Агеева Ю. П.* Заголовочно-финальный комплекс как формообразующий элемент в поэтике прозаических микроциклов (№ 1)
- Балашова Ю. Б.* Тема судьбы и случая в творческой эволюции М. Зоценко (№ 1)
- Березович Е. Л.* О семантико-мотивационной реконструкции лексики (№ 4)
- Боброва М. В.* Фразеологизмы в диалектных словарях Пермского края (№ 2)
- Борисова Е. О.* Специфика воплощения наивных представлений о скорости в лексике русского языка (№ 2)
- Валитова В. А.* Мифологическая реконструкция истории в творчестве М. Семенович (№ 1)
- Васильева М. А.* Между небом и землей: об одном рождественском стихотворении Бориса Поплавского (№ 4)
- Горемыкина М. В.* «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кюхельбекера в контексте русской просветительской утопии (№ 4)
- Гуревич О. А.* Ценности политические и нравственные в творчестве писателя Джованнино Гуарески (№ 4)
- Дубовцев А. Н.* Эсхатологический миф в прозе Н. С. Гумилева (на материале рассказа «Девкалион») (№ 2)
- Зиятдинова Д. Д.* «Иаковский код» как способ репрезентации культурной модели еврейской национальной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» (№ 4)

Ковтун Н. В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка» (№ 1)

Комаров К. М. Текстуализация телесности в поэме В. Маяковского «Про это» (№ 2)

Леонтьева Т. В. Нормативно-регулятивные мотивы в русских обозначениях обычая (№ 4)

Петкаю А. Ю. Концепт «здоровье» как культурный феномен. На материале русского паремиологического фонда (№ 1)

Разувалова А. И. «Оттепель» в Сибири: трансформации территориального мифа в советской прозе конца 1950-х гг. (на материале произведений В. Осипова и А. Кузнецова) (№ 4)

Сатовская С. Н. Автобиографический аспект романов «данцигской трилогии» Г. Грасса (№ 2)

Спирidonов Д. В., Фoфанова П. Ю. Функционально-семантические особенности английского наречия *finally* (№ 4)

Турьшьева О. Н. Грета или Грегор? О субъекте речи в одном фрагменте «Превращения» Ф. Кафки (№ 2)

Филиппенко М. В. Истоки возникновения жанра «кондукт» в западной литургии XII–XIV вв. (№ 1)

Филиппова И. А., Годовова Е. В. «Мало ночи спал, хищны шайки все искал...»: походная жизнь оренбургского казачества по рукописи наивного автора (№ 1)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Борщ Е. В. Коллекция французских книг XVIII в. Из собрания ЦНБ УрО РАН (№ 1)

Будрина Л. А. Забытые имена уральских камнерезов: Иван Сергеевич Стебаков (№ 2)

Гудова М. Ю. Многообразие форм художественного общения в современном чтении (№ 4)

Девятова О. Л. Особенности творческого процесса композитора (№ 1)

Капкан М. В. Современная кухня России как репрезентант национальной культуры (№ 1)

Макарова А. Л. Миф о Жанне Д'Арк как культурный контекст оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дева» (№ 2)

Мережников А. Н. «Аутентичная копия» в творчестве В. Фаворского и В. Эльконина (№ 1)

Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в древнем Риме (№ 1)

Хасанова Э. В. Нестеровские портреты в контексте современного восприятия (№ 1)

Южакова Е. В. «В нем жили, себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин»: В. В. Владимиров в контексте русского искусства первой трети XX в. (№ 4)

П. П. БАЖОВ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Быков Л. П. Бажов и Шергин (№ 2)

Васильев И. Е. Пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина (№ 2)

Григорьев Г. А. Исторические взгляды П. П. Бажова (на материале эпистолярного наследия) (№ 2)

Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова (№ 2)

ТЕМА НАРОДА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX ВВ.

Житкова Л. Н. Народность как эстетическая категория в русской литературной критике XIX в. (№ 2)

Накарякова А. А. К вопросу о национальной идентичности героев В. Набокова: «русские» среди «призрачных иностранцев» (№ 2)

Пращерук Н. В. «Онегины в лаптях и зипунах» и «подпольные» люди в рассказах И. А. Бунина 1909–1913 гг. (№ 2)

Слобожанинова Л. М. Образ народа в творчестве писателей демократического направления второй половины XIX в. (№ 2)

Снигирева Т. А., Снигирев А. В. Доказательство «от противного»: Россия, русский язык и характер в романах Б. Акунина (№ 2)

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ И ТЕКСТОЛОГИИ
ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Владькина Т. Г., Глухова Г. А. Локальные фольклорные архивы и учебный процесс (№ 2)

Власкина Н. А. «Казачий бренд» поселений Ростовской области: вопросы идентичности и культуростроительства (№ 2)

Грамотчикова Н. Б. Фольклорный архив УрФУ: методика проведения студенческой практики и перспективы репрезентации архивных материалов (№ 2)

Ушаков Н. В. Система учета и описания современных цифровых полевых этнографических материалов (№ 2)

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кантор Ю. З. М. Н. Тухачевский и Ш. де Голль в лагере Ингольштадт в годы Первой мировой войны. Неизвестные страницы биографий (№ 3)

Объедков И. В. Пропагандисты русского военного ведомства в США (1915–1917) (№ 3)

Павленко А. П. Конфликты офицеров с нижними чинами на Черноморском флоте (март 1917 – март 1918 гг.) (№ 3)

Поршнева О. С. «Вторая Отечественная»: общественные настроения в уральских губерниях в начальный период Первой мировой войны (№ 3)

Симян Т. С. Кайзеровская псевдохристианская милитаристская риторика 1910-х гг. в зеркале дадаистской и экспрессионистской критики (№ 3)

КРЫМ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

Барковская Н. В. «Околотока античного мира»: образ Крыма в стихах Майи Никулиной (№ 3)

Баруткина М. О. Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия (№ 3)

Борщ Е. В. Крымский вояж Анатолия Демидова 1837 г.: от текста к иллюстрациям (№ 3)

Вепрева И. Т., Кутина Н. А. «Крымские» санкции: культурный сценарий и его развороты (№ 3)

Матвеева Ю. В. Крымская «нога» Русского Зарубежья: на материале творчества писателей младшего поколения первой русской эмиграции (№ 3)

Приказчикова Е. Е. Мифологические проекции путешествия Екатерины II в Тавриду 1787 г. в контексте государственного утопизма XVIII столетия (на материале мемуарно-эпистолярных источников) (№ 3)

Сидорова О. Г. Изображение Крымской войны в английской литературе (№ 3)

Федякин С. Р. «Уходящий берег Крыма» в произведениях Н. Туроверова, Б. Поплавского, Г. Газданова и В. Набокова (№ 3)

Харитонов Д. В. Самый актуальный писатель последнего времени, или Несколько соображений о романе-предсказании (№ 3)

Храпунов Н. И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII — начала XIX в. (№ 3)

Шаманаев А. В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья (№ 3)

ЛЕРМОНТОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Алексеева М. А. Размышления по поводу «предъюбилейных» биографий М. Ю. Лермонтова (№ 4)

Ермоленко С. И. «Завещания» М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции (№ 4)

Зырянов О. В. Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лермонтова (№ 4)

Медведев А. А. Феномен Лермонтова в эссеистике В. В. Розанова (№ 4)

Овчинников А. Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») (№ 4)

Перевалова О. А. Жанровые разновидности лермонтовских «молитв» (№ 4)

Савинков С. В., Соколова Е. В. «Тамань» М. Ю. Лермонтова: конфликт интерпретаций (№ 4)

РЕЦЕНЗИИ

Главацкая Е. М., Попова Н. Ю. Под звуки Духовного интернационала (№ 4)

Дергачева-Скоп Е. И. Современное исследование творчества и литературной культуры старообрядцев (№ 3)

Журавель О. Д. История и культура купечества востока России: лица и судьбы (№ 1)

Киселев М. А. Исследование по истории Азовской губернской канцелярии (1775–1784) (№ 4)

Козлов А. С. Рец. на кн.: Марцеллин Комит. Хроника / пер. и коммент. Н. Н. Болгова. Белгород : БелГУ, 2010 (№ 2)

Кравченко О. А. «Тень и сущность, вещество и свет»: Э. По в зеркале русского символизма (№ 3)

Кулбахтин С. Н., Черноухов Э. А. Настольные монографии по истории горнозаводской промышленности Урала (№ 3)

Рюсс Х. Киевская Русь и Европа (№ 1)

Рюсс Х. О женских монастырях России раннего Нового времени (№ 4)

Сидорова О. Г. Жизнь как роман — или как пьеса? (№ 2)

Спиридонов Д. В. Русская лексика в зеркале романских языков (№ 1)

Шаманаев А. В. Русский Афон архиепископа Иннокентия: два взгляда на историю проекта (№ 1)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Быков Л. П. Полстолетия в творческом поиске. К юбилею кафедры русской литературы XX и XXI веков (№ 4)

Казарин Ю. В. Идеография — зеркало языка и мира. К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики (№ 4)

Мухин М. Ю. Базы данных лексикографической группы «Русский глагол»: статистические параметры и возможности их лингвистической интерпретации (№ 4)

Конференции

II Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр. Международная научно-практическая конференция (*Л. А. Назарова*) (№ 2)

Третий семинар по феноменологии творчества (*Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов*) (№ 3)

Информация

Новые публикации по искусствоведению и культурологии (№ 1)

Новые публикации по филологии (№ 2)

Новые книги преподавателей и сотрудников исторического факультета (№ 3)

О работе диссертационного совета по историческим наукам Д 212.285.16 в 2013 году (№ 3)

О работе диссертационных советов по филологическим наукам Д 212.285.15 и Д 212.285.22 в 2013 г. (*Е. Е. Приказчикова, Л. А. Назарова*) (№ 4)

ЮБИЛЕИ

К 90-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга (*Б. Б. Овчинникова*) (№ 3)

«Правду говорить легко и приятно». К юбилею профессора Т. В. Матвеевой (№ 1)

MEMORIA

Памяти Юрия Сергеевича Кирьякова — учителя, коллеги, друга (*Н. Н. Баранов, Д. О. Лабаури*) (№ 4)

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2014. № 4 (133)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 24.12.2014. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 26,55. Усл. печ. л. 25,35. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1724.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (4 номера в год). Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 43143. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранному сообществом экспертов проблемам). Редакция журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, резюме на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, не более 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес):

Сведения об авторе

ФИО	
Организация	
Адрес места работы	
Рабочий телефон	
Научная степень, звание, должность	
Код научной специальности	
Сфера научных интересов	
Контактный телефон	
E-mail	

- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- К статье прилагаются таблицы со сведениями об авторе и сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, деканат исторического факультета, главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета».

Сведения о статье

ФИО автора	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail	
Наименование статьи	
Аннотация	
Ключевые слова	

Author	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	

- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Анонимное рецензирование статей осуществляется ведущими российскими и зарубежными учеными.
- Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редакцией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 14).
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- **Межсловный пробел** – один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 30-х годов*. **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг., с. 8–61*.

- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — говорил Маршак¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 285]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Электронный адрес: izvestia.2@yandex.ru